

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1973

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

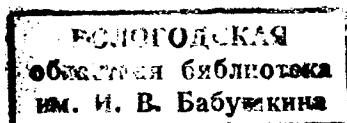
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

К IX МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Кардинальные проблемы, стоящие перед современной наукой, не могут решаться усилиями ученых той или иной отдельной страны без сотрудничества и связи с коллегами из других стран мира. Поэтому трудно переоценить то значение, которое имеют для развития науки международные встречи ученых: они предоставляют незаменимые возможности для обмена научными достижениями, для обогащения методики научных исследований, для установления личных контактов, безусловно способствующих плодотворному сотрудничеству ученых разных стран. Особо важное значение имеют происходящие в рамках таких встреч дискуссии по научным проблемам — как общетеоретическим, так и более частным, но в достаточной мере существенным. Споры и обсуждения, в основе которых лежит стремление найти возможно более точное и истинное решение вопроса, могут и должны оказывать стимулирующее воздействие на ход научного прогресса.

Сказанное в полной мере относится и к происходящим регулярно Международным конгрессам антропологических и этнографических наук, в частности, к предстоящему в сентябре 1973 года очередному, девятому конгрессу, заседания которого будут происходить в Чикаго (США).

Международные конгрессы этнографов и антропологов имеют уже давнюю историю. В 1866 г. в Швейцарии был создан первый Международный конгресс по доисторической археологии и антропологии. Международные конгрессы антропологических наук проходили в Париже в 1877 г., в Москве в 1879 г., в Амстердаме в 1927 г. Русские и советские ученые неоднократно принимали участие в этих международных форумах. Основатели русской антропологии А. П. Богданов и Д. Н. Анучин, участвуя в Парижском антропологическом конгрессе 1877 г., организовали на выставке конгресса русский отдел. Советские антропологи принимали участие и в работе Амстердамского антропологического конгресса.

В 1933 г. на совещании в Базеле было решено «для содействия международным связям и обмену информацией в области изучения физической антропологии, этнологии и родственных им дисциплин» каждые четыре года созывать ставшие теперь уже традиционными международные конгрессы.

В уставе конгресса разъясняется, что «под названием антропологических и этнологических наук понимаются все дисциплины, которые ставят своей задачей изучение человека, а именно: изучение рас, народов и цивилизаций». Такая широкая трактовка «науки о человеке» созвучна современным взглядам, характеризующимся тенденцией к установлению взаимосвязей между пограничными и смежными областями знаний и взаимопроникновению их. Антропологи и этнографы работают теперь в тесном творческом контакте не только между собой, но и со специалистами в области других дисциплин: биологии, географии, лингвистики, а также химии и даже физико-математических наук.

Первый международный конгресс антропологических и этнографических наук состоялся в 1934 г. в Лондоне, второй — в 1938 г. в Копенгагене, третий был создан в 1948 г. в Брюсселе, четвертый — в 1952 г. в Вене, пя-

тый — в 1956 г. в Филадельфии, шестой — в 1960 г. в Париже, седьмой — в 1964 г. в Москве, восьмой — в 1968 г. в Токио.

В первых четырех конгрессах ученые Советского Союза не принимали участия. В 1956 г. Академия наук СССР направила на V Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Филадельфию делегацию в составе трех человек: И. И. Потехин (руководитель делегации), Г. Ф. Дебев и Д. А. Ольдерогге. Советские делегаты выступили с докладами на пленарных заседаниях и в секциях.

В работе VI Международного конгресса антропологов и этнографов (Париж 1960 г.) участвовало уже 18 советских делегатов. Во время конгресса состоялись заседания его Постоянного комитета, в состав которого от СССР вошли С. П. Толстов, Г. Ф. Дебев, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, Л. П. Потапов и В. П. Якимов. С. П. Толстов был избран также заместителем председателя Международного союза антропологов и этнографов при ЮНЕСКО. Доклады и выступления советских делегатов на конгрессе вызвали у его участников большой интерес как новизной и значительностью представленного ими материала, так и широтой теоретических обобщений, четкостью методологических установок.

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 1964 г.) был наиболее представительным в сравнении с предшествовавшими ему, — как по числу участников, так и по количеству представленных докладов. В конгрессе участвовали практически все крупные антропологи, этнографы и фольклористы мира. Гораздо шире, чем на предыдущих конгрессах, были представлены ученые социалистических стран и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Делегаты из СССР и других социалистических стран в своих выступлениях подвергли принципиальной критике с позиций марксистско-ленинской методологии различного рода реакционные концепции в области антропологии и этнографии, в особенности расистские и националистические теории.

В центре внимания участников конгресса было изучение изменений, происходящих в жизни народов в наши дни, и выяснение возможностей и методов использования этнографических исследований для решения практических задач экономического и культурного развития народов как в СССР, так и за рубежом. Большое теоретическое и практическое значение имела группа докладов, посвященных изучению быта современного городского населения. Значительное место в работе конгресса заняло обсуждение проблем национального развития современных народов. Всеобщее внимание привлекло обсуждение философско-социологических проблем этнографии и связанных с ними вопросов истории общественного строя, в особенности проблем первобытной истории, происхождения отдельных социальных институтов и их дальнейшего развития.

Оживленная дискуссия развернулась на симпозиуме «Учение Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии». Дискуссия не привела к единой точке зрения на периодизацию древнейшей истории человечества, но, безусловно, была полезна, так как позволила более четко, чем это было до сих пор, выявить в свете современных конкретных научных данных содержание философско-исторических взглядов представителей двух основных мировоззренческих направлений.

Значительный интерес у делегатов VII МКАЭН вызвало обсуждение проблем происхождения древних и современных народов. Очень оживленной была дискуссия между сторонниками двух основных теорий происхождения населения Океании — «американской» и «азиатской». Обсуждение проблем этногенеза и этнической истории показало, что разработанная советскими учеными методика комплексного изучения получает все более широкое распространение среди зарубежных коллег. На конгрессе были широко представлены доклады по всем видам народ-

ного искусства. Среди антропологических докладов, обсуждавшихся на конгрессе, одно из центральных мест занял комплекс вопросов, связанных с происхождением человека и формированием рас.

В целом Московский конгресс явился большим событием в истории антропологии и этнографии. Работа конгресса проходила под знаком творческого сотрудничества ученых различных стран, объединенных общим стремлением использовать достижения наук о человеке в борьбе за экономический, социальный и культурный прогресс всех народов мира¹.

VIII конгресс, состоявшийся в Токио, внес существенный вклад в дальнейшее развитие международного сотрудничества этнографов, антропологов и ученых смежных специальностей. Советская наука была представлена на нем 46 делегатами, выступившими с рядом докладов по принципиальным вопросам науки. Как и предыдущие конгрессы, в которых участвовали делегаты СССР, он способствовал поднятию престижа советской антропологической и этнографической науки в глазах мировой общественности и распространению марксистско-ленинских идей среди зарубежных ученых. Конгрессом были избраны в состав Исполкома Международного союза антропологов и этнографов советские ученые Г. Ф. Дебец (вице-президент) и Ю. В. Бромлей (генеральный секретарь). После смерти Г. Ф. Дебца вице-президентом был избран В. П. Якимов. В состав Постоянного совета была также вновь включена группа советских ученых: почетным членом Совета — С. П. Толстов, членами — Ю. В. Бромлей, Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, секретарями — С. А. Арутюнов и К. Г. Гуслистый. Было принято решение проводить последующие международные конгрессы с пятилетней периодичностью вместо прежней четырехлетней. Местом проведения следующего конгресса был избран Чикаго.

Советские этнографы и антропологи развернули большую работу по подготовке к предстоящему международному форуму ученых. Руководит ею созданный Академией наук СССР Оргкомитет под председательством члена-корреспондента АН СССР Ю. В. Бромлея; в состав Оргкомитета вошли представители ряда научно-исследовательских институтов и учреждений Советского Союза. Об интересе, проявленном советскими учеными к работе предстоящего конгресса, свидетельствует большое количество заявок на доклады, поступивших от ученых почти всех союзных республик. Советский Оргкомитет проделал большую работу по отбору заявок и обсуждению докладов, переводу их на иностранные языки и отправке в Чикаго.

Программа конгресса представляет широкие возможности для выбора проблематики докладов и сообщений. В практике проведения предыдущих конгрессов возникали некоторые трудности с группировкой докладов в соответствии с их тематикой по секциям и симпозиумам. В ряде случаев доклады по родственной тематике оказывались в повестке дня разных секций и, наоборот, в одной секции заслушивались и обсуждались доклады, тематически мало связанные между собой. Поэтому при подготовке IX МКАЭН предварительная программа работы конгресса была составлена на основе уже поступивших к 24 апреля 1972 г. заявок на 850 докладов и 115 поисковых тем. В итоге наметилась следующая схема работы конгресса:

I. Природа и развитие человека

A. Тело и поведение

1. Человек и приматы.
2. Палеоантропология: плейстоцен.
3. Дифференциация человечества: генетические факторы и факторы среды.

¹ Завершена публикация материалов конгресса, см.: «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 1—11, М., 1968—1971.

Б. *Интеллект и культура*

4. Язык и мышление.
5. Наука, технология и изобретения.
6. Социальные инновации и изменения.
7. Искусство: пластическое и графическое.

В. *Самовыражение человека*

8. Исполнительское искусство: музыка, танец и театр.
9. Фольклор: устная и письменная литература.
10. Обряды, культы и шаманизм.

II. Взгляд на мир в аспекте географии

Г. *Циркумполярные области*

11. Общая этнография и антропология.
12. Адаптация человека к новым и сложным условиям (включая заселение Америки).

Д. *Тихоокеанская дуга*

13. Общая этнография и антропология.
14. Этнография приморских народов и связь человека с морем.
15. Связи вдоль Кордильер, а также с равнинами и с морем.

Е. *Азиатские и африканские жаркие и холодные пустыни и степи*

16. Общая этнография и антропология.
17. Связь между кочевым и оседлым образами жизни в условиях модернизации.

Ж. *Районы Индийского океана*

18. Общая этнография и антропология.
19. Сравнительное изучение освободившихся от колониальной зависимости «новых наций».

З. *Китай и острова Тихого океана*

20. Общая этнография и антропология.
21. Противопоставление Китая как «материнской» культуры островным культурам как историческим реципиентам на примере Филиппин и Новой Гвинеи.

И. *Европа*

22. Общая этнография и антропология.
23. Урбанизация как основной исторический процесс.

К. *Атлантика*

24. Афро-европейская литтораль.
25. Южноамериканская, Центральноамериканская и Североамериканская литторали.
26. Европейское население Америки и Европы и развитие международной плантационной системы.

III. Антропологическая и этнографическая науки: профессиональные проблемы

Л. *Теоретические перспективы*

27. Альтернативные теоретические ориентации, необходимые для анализа различий в экономическом и социально-политическом развитии, включая обсуждение эволюционных и революционных изменений в прошлом и настоящем.
28. Этнография сложных классовых обществ: понятия и методы, необходимые в изучении «макрообществ» во всей сложности их культуры; связь между «большими» традициями и между «большими» и «малыми» традициями.
29. Современные теории, методы и приемы исследования в антропологии, этнографии, археологии и лингвистике.

М. *Хранение и поиск данных*

30. Библиографические ресурсы, музееведение, картография, применение киноаппаратуры и звукозаписи в антропологии и этнографии.

Н. *Прошлое и будущее наук о человеке*

31. Пути преодоления центробежных тенденций, связанных с увеличением специализации знаний.
32. Трудности взаимосвязи дисциплин и трудности коммуникации, обусловленные языковыми, культурными и государственными границами.

IV. Антропологическая и этнографическая науки: социальные аспекты

О. *Проблемы человеческого рода*

33. Рост народонаселения и технологический прогресс на нашей планете.
34. Колониализм, злоупотребление силой и войной.
35. Системы несправедливости и дискриминации.

П. *Судьбы туземных и малых народов с точки зрения историков, этнографов и самих представителей этих народов*

36. Возможности и перспективы культурного плюрализма в индустриальный век.
- Р. *Аспекты общественной жизни*
37. Психическое и физическое здоровье.
38. Питание.
39. Поведение в раннем детстве.
40. Образование.
41. Городская жизнь.
- С. *Будущее человеческого рода*
42. Будущее, как оно представляется в свете прошлого.

Для рассмотрения перечисленных проблем, или, вернее, направлений научных исследований на конгрессе будут созданы коллективы различного масштаба — пленум, 17 секций (42 подсекции), отдельные тематические симпозиумы. С 27 по 31 августа будут проходить предварительные («поисковые») сессии. 1 сентября начнут свою работу основные организационные структуры. Их работа продлится до 8 сентября.

Необходимо отметить актуальность и принципиальную важность ряда проблем, намеченных к обсуждению как на предварительных сессиях и конференциях, так и на самом конгрессе. Так, например, 28—30 августа в Блумингтоне состоится конференция на тему «Этнологический подход к фольклору в современном мире». Специальная международная рабочая группа готовит конференцию «Проблемы сравнительной истории туземных народов, сумевших дожить до настоящего времени». Готовятся также конференции: «Этническая принадлежность и миграция», «Роль этнических подгрупп в разных частях мира в борьбе за экономические ресурсы и политическую власть». Среди тем, которые подлежат разработке, следует отметить такую важную и ответственную, как «Марксизм и первобытное общество».

Организаторами IX МКАЭН учтено то обстоятельство, что в прошлом большая часть времени работы секций уходила на оглашение представленных докладов. На предстоящем конгрессе доклады зачитываться не будут. Таким образом, все заседания секций можно будет полностью посвятить обсуждению проблем, поставленных в докладах. Особенностью IX МКАЭН явится и то, что будут опубликованы все принятые доклады независимо от личного участия авторов в работе конгресса.

Ожидается, что предстоящий конгресс будет более многочисленным и представительным, чем Токийский, как по количеству докладов (их зарегистрировано уже более 1600), так, вероятно, и по числу участников. Гораздо шире и разнообразней выглядит и его тематика.

Советские ученые подготовили 122 доклада для большинства планируемых секций конгресса. Особое место среди них занимают доклады, отражающие современное состояние антропологии и этнографии в нашей стране.

Круг вопросов, исследуемых в антропологических докладах, весьма широк. Они посвящены палеоантропологии и антропогенезу, расоведению и этнической антропологии, популяционной антропогенетике и географии, морфологии и физиологической антропологии.

В этнографических докладах большое место занимают теоретические и методологические проблемы, проблемы первобытной истории и становления классового общества, проблемы этногенеза и этнической истории вопросы конкретного историко-этнографического изучения народов мира.

Несомненный интерес представляют доклады, затрагивающие проблемы типологии этнических общностей, этнического самосознания, национального характера, соотношения этноса и семьи.

Вопросам истории первобытного и становления классового общества посвящены доклады о генезисе эксплуатации, системах родства, социальной организации, патриимии, атаклычестве, данничестве.

Важное значение имеют доклады по проблемам этногенеза и этнической истории народов Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Ка-

захстана, Южной и Юго-Восточной Азии, а также доклады о культурных связях и контактах Северной Африки и греческого мира, Кавказа и Малой Азии, Азии и Америки и др.

Большое внимание уделено советскими учеными историко-этнографическому изучению культуры народов Северной Америки, Центральной и Южной Азии.

На конгрессе довольно широко и разносторонне будет представлена советская фольклористика. Проблематика докладов по фольклору весьма разнообразна: соотношение мифологии и фольклора, символика народной поэзии, поэтическая образность, картографирование фольклора, современное состояние фольклористики.

Несколько докладов посвящены проблемам кочевничества. Представлены также доклады по методике этнографических исследований и источниковедению.

Особое место занимают доклады по этнографическому изучению современности у народов СССР. В докладах на эту тему раскрываются грандиозные изменения, происшедшие за годы Советской власти у народов нашей страны.

Помимо представления собственных докладов, советские делегаты всесторонне готовятся к обсуждению докладов ученых других стран, к теоретическим дискуссиям. Большинство участников IX МКАЭН, по-видимому, составят американские ученые, и это возлагает на делегацию нашей страны серьезную ответственность. Как известно, в США на попрание гуманитарных наук наряду с прогрессивными исследователями подвизается немало «светологов» и «марксоведов». В связи с полувековым юбилеем Советского многонационального государства на Западе и особенно в США наблюдалась своего рода эскалация антисоветизма и антимарксизма. Нужно помнить, что этнографическая наука в капиталистических странах не стоит в стороне от остро политических направлений социологической мысли. На этнографию, как и на все гуманитарные науки, там оказывают определенное воздействие реакционные идейные течения. Поэтому советским участникам Чикагского конгресса предстоит вести принципиальную идеологическую борьбу с носителями антисоветских, антимарксистских взглядов, показывать несостоятельность их антинаучных «теорий», давать отпор клеветническим измышлениям по поводу социалистического строительства в СССР, развития национальных отношений в нашей стране.

В своем докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР, Л. И. Брежнев сказал: «Полувековая история Союза Советских Социалистических Республик — это история возникновения нерушимого единства и дружбы всех народов, объединившихся в рамках Советского социалистического государства... Это — история возмужания и подлинного расцвета — экономического, политического и культурного — всех сплотившихся под его знаменем республик, всех населяющих страну наций и народностей»².

Почетный долг советских делегатов на предстоящем конгрессе — не ограничиваясь опровержением антисоветских «теорий» и домыслов, показывать на ярких примерах развитие и сближение социалистических наций и народностей в СССР, торжество ленинской национальной политики.

Этнография и антропология исследуют комплексы проблем, тесно связанные с вопросами национализма и интернационализма, колониализма и антиколониализма, расизма и антирасизма. Нейтральных позиций в этих вопросах не существует, и те представители буржуазной науки, которые твердят о своей непричастности к политике, на самом деле отнюдь не стоят «над схваткой»: они либо сами заблуждаются, либо намеренно вводят в заблуждение своих читателей и слушателей. Одна из важнейших

² «Правда», 22 декабря 1972 г.

задач советских участников IX МКАЭН заключается в том, чтобы последовательно отстаивать подлинно научные взгляды, не оставляющие места расистским и националистическим предубеждениям.

Важное методологическое значение имеет теория первобытности. Как и на предыдущих конгрессах, советским ученым в Чикаго предстоит вести бескомпромиссную борьбу с концепциями, провозглашающими извечность частной собственности и других институтов классового общества.

На IX МКАЭН советские исследователи в своих выступлениях должны показать те величайшие возможности, которые марксистско-ленинское мировоззрение открывает перед любой отраслью науки, в том числе и перед представляемыми нами научными дисциплинами. Для зарубежных ученых представит несомненный интерес то единство теории и практики, которое воплощено в полувековой истории советского содружества народов, в его грандиозных успехах и свершениях, в имеющем всемирно-историческое значение опыте решения национального вопроса в нашей стране.

В работе конгресса вместе с нами будут участвовать ученые других социалистических стран, а также прогрессивные исследователи из капиталистических и развивающихся государств. Рука об руку с ними советские этнографы и антропологи будут выполнять свой научный и гражданский долг, отстаивая марксистско-ленинские методологические принципы, способствуя все более глубокому раскрытию истины в тех областях науки, которые составляют нашу специальность и развитие которых является жизненным делом каждого из нас.

П. М. Кожин, Б. А. Фролов

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ

Во всяком воспроизведении трехмерного пространства на плоскости заложены элементы перспективы. В своих наблюдениях над передачей пространственных соотношений в творчестве человека палеолита мы исходим из определений, предложенных художниками и учеными эпохи Возрождения¹. Краткое определение перспективы сформулировано Леонардо да Винчи: «Перспектива, поскольку она распространяется на живопись, делится на три главные части (в другом отрывке они названы «тремя перспективами». — П. К., Б. Ф.); первая из них — это уменьшение, которое претерпевают величины тел на различных расстояниях; вторая часть — это та, которая трактует об уменьшении цветов этих тел; третья — это та, которая уменьшает отчетливость фигур и границы этих тел на разных расстояниях». И далее: «Линейная перспектива распространяется на действие зрительных линий, чтобы при помощи измерений доказать, насколько второй предмет меньше первого и насколько третий меньше второго, и так постепенно вплоть до конца видимых предметов. Я нахожу из опыта, что второй предмет, если он настолько же удален от первого, насколько первый удален от твоего глаза, то хотя бы они и были равны друг другу по размерам, второй будет настолько же меньше первого...»². Леонардо да Винчи имеет в виду решение пространственных задач в рамках станковой картины или фрески в искусственном интерьере. Средства передачи перспективного видения пространства в палеолитическом искусстве³ менее определены, и большинство современных искусствоведческих терминов могут здесь применяться лишь в очень расширительном смысле.

В произведениях палеолитического искусства наиболее ясные формы объемной передачи объекта на двумерной поверхности представлены в изображениях отдельных фигур животных⁴. В них «перспектива» может быть выражена позой⁵, особенностями пропорций (Гр.—табл. 72а, е, 102b, 118а, b, 76а), размерами и способами размещения деталей (Гр.—табл. 51, 64а, b 122а, 264b, 292b, 88d), а также графикой (Гр.—табл. 19а,

¹ Пьеро делла Франческа, О живописной перспективе, «Мастера искусства об искусстве», т. I, М.—Л., 1937, стр. 97—106; Леонардо да Винчи, Избранные отрывки из литературного наследства, там же, стр. 129—132; Иохим Сандарт, Отрывки из книги «Немецкая Академия», там же, стр. 389.

² «Мастера искусства об искусстве», стр. 129; ср.: Lionardo da Vinci, Trattato della pittura; Roma, 1817, p. 50; О современном понимании художественной перспективы см.: Х. Теодореску, Перспектива, Бухарест, 1963; А. П. Барышников, Перспектива, М., 1955.

³ Ср. Д. Х. Флейвелл, Генетическая психология Жана Пиаже, М., 1967, стр. 425 и сл.; Н. Н. Волков, Восприятие предмета и рисунка, М., 1950.

⁴ M. Breuil, Quatre cents siècles d'art pariétal, Montignac, 1952, p. 37—40, 31; A. Laming, Lascaux, Dresden, 1959, p. 27, 31, 34, 92 ff.

⁵ H. Breuil, Указ. раб., стр. 501; ср.: P. Graziosi, L'arte dell'antica età della pietra, Firenze, 1956, tabl. 134, 145 c., 19 b. Книга Грациози — один из наиболее полных сводов по палеолитическому искусству. В дальнейшем в статье ссылки на эту работу будут даваться в тексте следующим образом: (Гр.—табл.).

22а, 30с, 67а, 134b, 138с), рельефом (Гр.—табл. 26b, 57e, 58) и окраской (Гр.—табл. 183, 196, 199, 209, 212, 233, 239 и др.).

В группах фигур, подчиненных единому композиционному решению, заметны порой различные способы отображения трехмерного пространства⁶. Изображения отдельных фигур животных свидетельствуют о способности первобытного человека оптически правильно передать в своих копиях оригинал⁷. Нет оснований сомневаться в том, что и в восприятии групп фигур улавливались точные пространственные соотношения. Именно недооценка уровня психического развития человека верхнего палеолита затрудняла выявление сцен и композиций в палеолитическом искусстве⁸. Хотя еще в 1928 г. сцена на цилиндрическом обломке оленьего рога из Лорте была трактована Д. В. Айналовым как единая композиция, а композиция Лоссельских рельефов была реконструирована и расшифрована С. Н. Замятниным в 1933 г.⁹, изучению композиций начали уделять больше внимания лишь после издания монографии М. Рафаэля¹⁰. Специальные работы 60-х годов установили определенные закономерности в построении многофигурных композиций, общие для памятников палеолитического искусства Западной Европы¹¹.

Под композицией мы понимаем компоновку фигур на изобразительных полях, объединенных сюжетом и временем действия. Содержание произведений искусства палеолита различными исследователями трактуется разноречиво, поэтому мы пользуемся лишь формальными признаками единства сюжета (взаимное расположение и направление движения фигур, повторяемость одинаковых или сходных групп на разных изобразительных полях, а также компактная группировка животных одного вида). В ряде композиций единство времени действия подтверждается одинаковым графическим решением движения фигур.

Можно выделить два основных вида изобразительных полей: 1) на изделиях из рога, кости, камня (*l'art mobilier* — мобильное искусство) и 2) в интерьерах пещер, преимущественно на сферических, а реже на вертикальных и горизонтальных поверхностях¹². Выбор изобразительного поля отчасти определялся значимостью сюжета и длительностью изображаемого в композиции действия.

Многофигурные композиции интерьеров, несмотря на их сюжетное единство, невозможно было увидеть целиком прежде всего из-за крайне слабых источников света, которыми располагал человек палеолита¹³. Впрочем, поскольку естественные интерьеры протяженны, извилисты и узки, и в настоящее время трудно одновременно увидеть различные изобразительные поля. Фактически осмотр монументальной интерьерной композиции не представляет собой единого временного акта, он совершается в ритме движения зрителя.

⁶ С. Н. Замятин, Очерки по палеолиту, Л., 1961, стр. 58.

⁷ Я. А. Пономарев, Знания, мышление и умственное развитие, М., 1967, стр. 17—24.

⁸ Colin-Simard, Découverte archéologique de la France, Paris, 1956, vol. I, p. 103; Б. А. Фролов, Зарубежная литература о содержании палеолитического искусства (1952—1964), «Сов. археология», 1966, № 1, стр. 304; его же, Открытие и признание наскальных изображений ледниковой эпохи, «Научное открытие и его восприятие», М., 1971, стр. 194—235.

⁹ Д. В. Айналов, Первоначальные шаги европейского искусства, «Сообщения Гос. академии истории материальной культуры» (далее СГАИМК), М.—Л., 1929; S. N. Zamiatnine, La station aurignacienne de Gagarino, М.—Л., 1934.

¹⁰ M. Raphael, Prehistoric cave paintings, Washington, 1946.

¹¹ A. Laming-Emperaire, La signification de l'art rupestre paléolithique, Paris, 1962; A. Leroi-Gourhan, Préhistoire de l'art occidentale, Paris, 1965; S. Giedeon, Ewige Gegenwart, Köln, 1964; P. J. Ucko et A. Rosenfeld, L'art paléolithique, Paris, 1966.

¹² Ср.: Н. И. Брунов, Очерки по истории архитектуры, т. 1, М.—Л., 1937, стр. 4.

¹³ S. Reinach, Répertoire de l'art quaternaire, Paris, 1913, p. 153, fig. 6; P. Ucko, A. Rosenfeldt, Указ. раб., стр. 105.

В организации изобразительного поля пещерных палеолитических композиций выявляется ряд особенностей:

1) изображения как бы опираются на какие-либо естественные выступы на стенах пещер¹⁴;

2) типична передача фигур в движении. В Ласко, Комбарель и других пещерах заметно единство направленности и ритмики движения для значительных частей интерьеров¹⁵;

3) изображения каждого интерьера представляют единую композицию, которая распадается на отдельные сцены, т. е. композиции низшего порядка. Каждая сцена видна целиком лишь из определенных пунктов интерьера¹⁶;

4) в сценах отсутствует искусственное обрамление изобразительного поля по бокам и сверху (ограничивали композицию особенности топографии и рельефа самого интерьера), искусственный фон (если только он не создается ранее нанесенными изображениями) и пейзаж¹⁷;

5) не выделяются центральные фигуры, организующие композицию, что подчеркивается изображениями больших компактных групп животных одного вида, а также особенностями интерьерных композиций, где одна сцена естественно и незаметно переходит в другую;

6) палеолитическим композициям не свойственна¹⁸ симметрия в пределах композиции на одном изобразительном поле. Симметрия же в структуре построения, в наборе фигур на противолежащих изобразительных полях — явление крайне характерное в сценах одного интерьера. Достаточно привести барельефные изображения женских фигур на противолежащих стенах близ входа в пещеру Ла-Мадлен. Аналогичны принципы размещения сцен в пещерах Фон-де-Гом, Ласко и др. (Гр.— табл. 174, 219)¹⁹;

7) фигуры и группы в пределах одной сцены или композиции могут располагаться на разных плоскостях стен и сводов;

8) композиции не всегда воспринимаются целиком с одной точки зрения. Точка зрения наблюдателя — художника редко строго фиксируется по отношению к определенной сцене. Это специфическая особенность первобытного искусства. Даже изображения на цилиндрической поверхности оленьего рога из Лорте требуют для их восприятия в целом (как сцены) полного оборота рога вокруг своей оси. Композиции интерьера, как справедливо отметил З. Гидеон, фактически воспроизводят на вогнутых сферических поверхностях принципиально ту же схему восприятия, что и рисунки на выпуклых поверхностях мобильных предметов²⁰. Развертка изображений на цилиндрических костяных изделиях может идти снизу вверх или сверху вниз. Восприятие сцены в интерьере осуществляется от одной стены через поверхность свода к другой, т. е. сцена в отличие от композиции обладает не горизонтальной протяженностью, а условно вертикальной разверткой (см. рис. 1).

Реальная перспектива, т. е. зрительное представление о размещении в трехмерном пространстве фигур, образующих композицию, передается с помощью разнообразных средств: изображением животных одного и

¹⁴ H. Kühn, *Felsbilder Europas*, Stuttgart, 1952, Taf. 16, 23 und andere.

¹⁵ A. Laming, Указ. раб., рис. 29, стр. 157.

¹⁶ A. Leroi-Gourhan, *Le symbolisme des grandes signes dans l'art pariétal paléolithique*, «Bulletin de la Société préhistorique de la France», 1958, vol. 55; его же, *Préhistoire de l'art occidentale*.

¹⁷ С. Н. Замятин, Указ. раб., стр. 58; R. Drössler, *Die Venus der Eiszeit*, Leipzig, 1967, Abb. 101, p. 232—233.

¹⁸ A. Laming, Указ. раб., табл. 41; A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, p. 289, fig. 146, p. 293, fig. 148, p. 254, fig. 125.

¹⁹ T. Maringer, *L'homme préhistorique et ses dieux*, Paris, 1958, tabl. 9.

²⁰ S. Gideon, Указ. раб., стр. 398.

того же вида в разном масштабе²¹, расположением фигур непосредственно одна за другой, а также мелких фигур ниже или выше крупных (Гр.—табл. 136с)²², выполнением фигур разного масштаба различными красками, особенностями размещения отдельных сцен композиции в пределах интерьера и вполне реалистической линейной перспективой.

Рис. 1. Сцена на цилиндрической поверхности оленьего рога (Грациози, табл. 64b)

Наиболее четко перспективное изображение групп животных представлено гравировкой на сланцевой плитке из Шаффо (деп. Вьенн, Франция) (Гр.—табл. 88b). На одной из широких плоскостей этой плитки (рис. 2) изображены два ряда (верхний и нижний) движущихся влево лошадей. Нижний ряд воспроизводит шеренгу лошадей, видимую с позиции наблюдателя, находящегося несколько сбоку и впереди от нее. Две лошади на переднем плане заметно выдвинулись из ряда вперед, причем первая, изображенная полностью, частично закрывает собой вторую. Далее идет ряд близко сдвинутых голов, надвигающихся одна на другую, чем и достигается эффект многоплановости. Фигуры животных не показаны. Ниже рядом вертикальных черт показаны ноги лошадей, опирающихся на несколько горизонтальных штрихов, пересекающих низ плитки и передающих почву. Ряд завершает слева поодаль фигура лошади, выполненная более схематично, чем передняя.

В тех случаях, когда одна фигура частично или полностью закрывает другую, видимо, воспроизводятся два разных плана. В палеолитических композициях часто намечаются 3—4 плана. Если к тому же принимать во внимание сопровождающие многоплановую композицию различия в

²¹ Первые шаги изобразительной деятельности требовали выработки размерных соотношений объекта и его копии. Это положение отчетливо выразил Леонардо да Винчи: «Первая картина состояла из одной единственной линии, которая окружала тень человека, отброшенную солнцем на стену» (Леонардо да Винчи, Избранное, М., 1952, стр. 81). Подтверждением его являются многочисленные отпечатки рук на стенах пещер. Воспроизведение их на крупах лошадей в Пеш-Мерле оценивается как опыт поиска наиболее точных масштабных соотношений в изображаемых объектах (A. Leroi-Gourhan, Préhistoire de l'art occidentale, fig. 64; M. Raphael, Указ. раб., стр. 32).

²² A. Laming, Указ. раб., стр. 13; M. Raphael, Указ. раб., рис. 17.

размерах фигур, можно говорить о значительно большем числе планов²³ (Гр.—табл. 64a, b; 65b; 66a, b, c; 70b, c; 71a; 72c; 78a, b; 79a, c; 87e; 75b; 85c; 90d; 118c; 126b; 128; 136; 144; 174; 190a; 227b; 231b; 278a, b).

В рассмотренной выше сцене эффект многоплановости изображения передается наложением ближайших к наблюдателю объектов на более удаленные, уменьшением размеров дальних животных, увеличением их схематичности и отчетливой фиксацией позиции наблюдателя по отношению к изображаемому табуну лошадей.

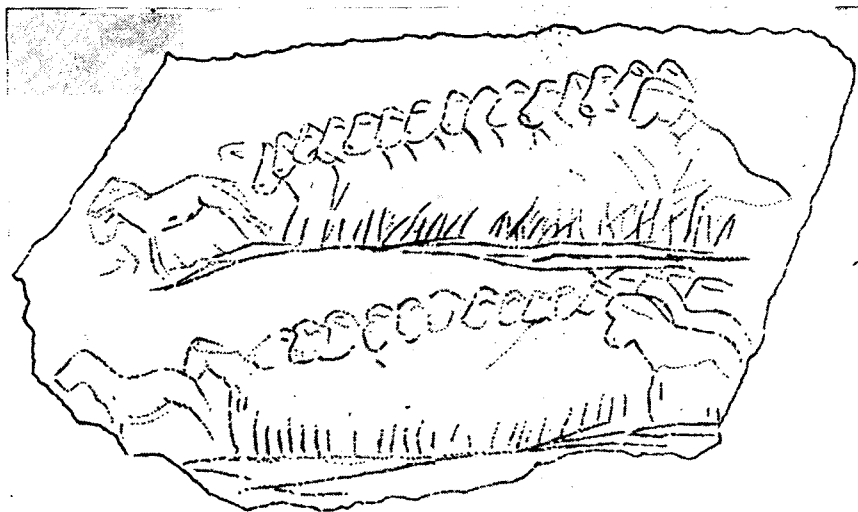

Рис. 2. Сцена на сланцевой плитке из Шаффо (Грациози, табл. 81b).

Наложение исполнено графически правильно, т. е. невидимая часть дальней фигуры не намечается штрихами на поверхности передней. Значительно чаще в произведениях палеолита контуры закрытых фигур проступают внутри фигур ближайшего плана, однако это лишь различные графические приемы, передающие одни и те же соотношения²⁴. «Ведь даже во времена Эвклида часть «пространства», заключенная внутри контура трехмерной фигуры, представлялась «телом» этой фигуры, и поэтому внутри нее не могла существовать другая самостоятельная фигура²⁵.

Верхний ряд лошадей представлен художником как будто с той же позиции, что и нижний. Однако горизонтальные черты, изображающие почву в верхнем ряду, поднимаются от правого края плитки к левому, особенно круто в левой части изображения. Правая верхняя часть плитки дефектна, поэтому неизвестно, начинается ли ряд с фигуры лошади, или с самого края видны лишь близко сдвинутые, заслоняющие одна другую морды. Ноги лошадей изображены многочисленными и пересекающимися нарезками. Уменьшение размеров голов соблюдено более последовательно, чем в нижнем ряду. Слева наверху изображена фигура галопирующей лошади меньших размеров, чем в левом конце нижней шеренги.

Оба ряда настолько похожи, что может возникнуть впечатление двух набросков одного и того же сюжета. Однако во множестве палеолитических набросков напластования различных изображений визуаль-но не си-

²³ «Всеобщая история искусства», т. 1, М.—Л., 1948, стр. 41.

²⁴ A. Laming-Empeaire, Указ. раб., стр. 282.

²⁵ «Начала Эвклида», М.—Л., 1950, кн. XI—XV, стр. 163—164, 166, 197.

стематизируются²⁶. Лишь отдельные фигуры или группы более отчетливо проступают в буйном хаосе черт. В рассматриваемой же композиции каждый ряд отличается законченностью, каждому отведена половина изобразительного поля, а «почва» верхнего ряда, начинаясь непосредственно над головами нижнего, равномерно и постепенно поднимаемая, удаляется от него. Естественно считать, что оба ряда являются частями единой композиции.

Поскольку фигуры верхнего ряда более схематичны, резко сокращена фронтальная линия движущегося табуна, подчеркнутая подъемом почвы вглубь влево, и менее определенно показаны ноги лошадей, можно думать, что изображены два одновременно увиденных табуна. Создается впечатление большой удаленности верхнего ряда лошадей. Вообще удаленные объекты палеолитических композиций довольно часто изображаются выше близких, хотя встречаются и иные соотношения²⁷.

Можно предположить также, что изображен один и тот же табун в различных фазах его движения. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в каждом ряду примерно одинаковое количество фигур лошадей, примерно одинаковое положение занимает выдвинутая вперед слева фигура лошади — «вожака».

Кроме того, у палеолитических художников существовала тенденция передавать в каждой сцене не узкий, «фотографический» момент восприятия одного сюжета, а то или иное количество временных фаз движения.

Четкие представления о ритмике, о согласованности движений в группах животных проявляются, например, в отдельных сценах из Ласко: все движущиеся в одном направлении фигуры выставляют вперед либо только правую, либо левую ногу²⁸.

Именно неясное мелькание фигур в верхнем ряду (рис. 2) подчеркивает, что здесь представлены несколько тактов движения, как и схематичное изображение оленьего стада, найденное в Тейжа. К сожалению, эта правюра выполнена на трубчатой кости очень плохой сохранности и всюду дается только по развертке А. Брейля. Мы лишены возможности представить эту композицию в соответствии с ее реальным размещением на поверхности предмета (Гр.— табл. 89с).

На этом рисунке (рис. 3) за крупной фигурой оленя слева направо идет ряд равномерно уменьшающихся оленьих рогов. Справа — три оленя меньшего размера. Весь ряд, так же как и на рисунке Шаффо, показан с позиции наблюдателя, стоящего сбоку от движущегося широким фронтом стада.

Обе рассмотренные выше композиции позволяют говорить о способности художников точно передавать различия в видимых размерах фигур и пользоваться разными масштабами изображений для построения линейной перспективы. В обеих композициях принцип линейно сокращающейся в глубину пространства проекции предстает в законченном виде. Мы не видим здесь каких-либо следов поисков решения перспективы. По-видимому, примененная система воспроизведения соотношений реальных объектов уже стала традиционной. Однако Дреслер считает, что композиции и Тейжа и Шаффо уникальны и не оказали влияния на развитие искусства ледниковой эпохи, хотя уже Г. Кюн приводит и другие примеры палеолитических композиций с применением перспективы²⁹.

²⁶ С. Н. Замiatин, Указ. раб., стр. 50.

²⁷ A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, fig. 72, 73, 95; А. А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М., 1966, стр. 33.

²⁸ А. П. Окладников, *Утро искусства*, Л., 1967, стр. 31, 32, 111, 133; L. Franz, *Alt-europäische Tanze*, «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd XLIII, 1933.

²⁹ M. Drössler, Указ. раб., стр. 235; Н. Кюн, Указ. раб., стр. 45—46.

Одним из основных элементов системы многоплановых композиционных построений является разномасштабность изображений.

Включение в одну и ту же композицию изображений взрослых особей животных одного и того же вида в разном масштабе, как подсказывают нам рассмотренные выше примеры, может указывать на реальное положение их в пространстве по отношению к наблюдателю (Гр.—табл. 31b, 66c, 72c, 190a, b)³⁰. То же можно сказать и по поводу несоответствия в масштабах между реально более крупными и более мелкими видами животных, что было неоднократно зафиксировано как в мобильных, так и в наскальных композициях.

Показательно, что на плафоне Альтамиры бизоны изображаются в четырех разных масштабах, кабаны и лани — в трех масштабах. Еще нагляднее несоответствие в размерах между изображениями бизонов и скрытых за ними мамонтов на фризах в Фон-де-Гом (рис. 4, 5). Тот же принцип характерен для Комбареля, Руффиньяка³¹.

Характерно, что животные разных размеров, но одного вида в Ласко различаются также окраской.

В Фон-де-Гом фигуры бизонов имели первоначально интенсивно черную окраску. Проступающие под ними мамонты — более светлые, коричневатые³². Это обстоятельство можно было бы отнести за счет случайного применения красок разного качества или большей степени разрушения красочного слоя внутреннего ряда изображений. Однако повторение этого приема в Ласко заставляет искать другое объяснение. В Ласко наиболее крупные фигуры лошадей, туров, оленей написаны черным контуром с подчеркнутыми деталями, тогда как более мелкие изображения животных тех же видов схематизированы, выполнены в более светлых тонах, коричневыми или синими красками³³. Совершенно очевидно, что художник пытался решить задачи перспективы с помощью градаций тона и цвета.

В сценах, как на мобильных изделиях, так и в интерьерах, разномасштабные фигуры могут располагаться по отношению друг к другу в различных позициях: 1) крупные изображения находятся выше или ниже мелких, 2) те и другие расположены на одном и том же уровне (наложение), 3) более мелкие изображения помещены правее или левее более крупных. Не исключено, что разнообразие вариантов взаимных положений фигур определялось особенностями реального ландшафта, который окружал древнего художника. Это предположение подтверждается, в частности, новой трактовкой так называемых плывущих оленей из Ласко. В сущности, они названы плывущими только потому, что над естественным массивным выступом скалы в интерьере одного из коридоров (Гр.—табл. 190a) видны лишь высоко поднятые шеи и настороженные головы пяти движущихся влево оленей³⁴ (этот фриз показывает некоторые специфические трудности, возникающие при фотографическом воспроизведении композиций в интерьерах пещер: карниз, над которым видны головы оленей, из-за особенностей подсветки кажется потолком ниши). Изображения оленей несколько уменьшаются к левому флангу. Наиболее крупная голова справа нарисована коричневой краской, остальные — черной. Изображения с такой же постановкой головы и шеи

³⁰ A. Laming, Указ. раб., стр. 58, 59, рис. 13.

³¹ A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, p. 271, fig. 133, 170, p. 294, fig. 527, 528, p. 291, fig. 147; p. 296, fig. 149; A. Breuil, Указ. раб., стр. 80, 81, рис. 39, 40.

³² Г. Обермайер, *Доисторический человек*, СПб., 1913, стр. 283; M. Raphael, Указ. раб., рис. 17, 18, стр. 69, 70.

³³ A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, fig. 72, 73.

³⁴ A. Laming, Указ. раб., табл. 21, 33, 42; A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, fig. 105; R. Drössler, Указ. раб., стр. 139, рис. 61.

Рис. 3. Развертка сцены из Тейжа (Грациози, табл. 89с)

Рис. 4. Изображения бизонов и мамонтов в интерьере грота Фон-де-Гом (Грациози, табл. 212 с)

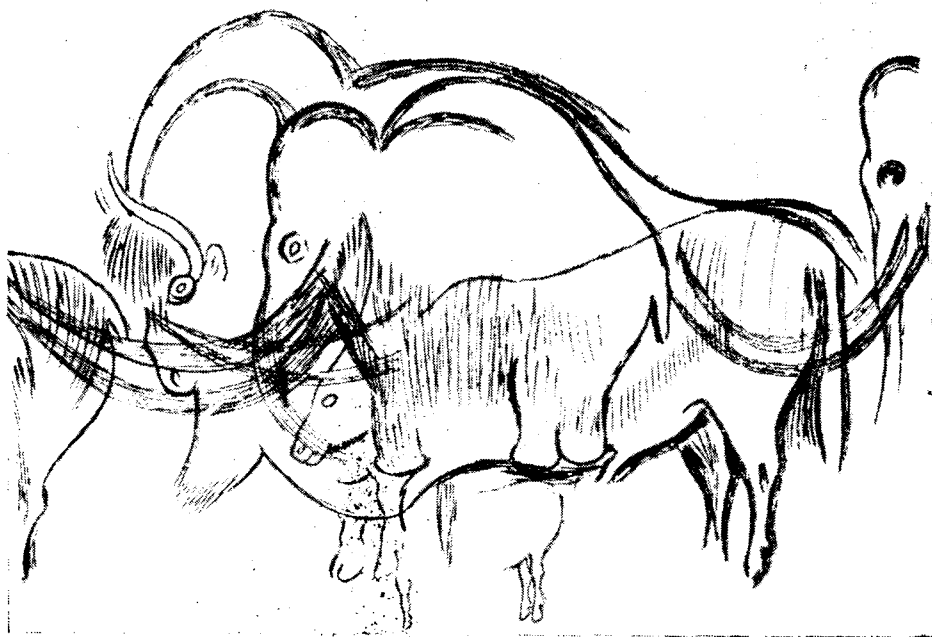

Рис. 5. Прорисовка одной из частей сцены в интерьере грота Фон-де-Гом (М. Раппаел, Указ. ргб., рис. 17)

мы можем найти в многочисленных рисунках стоящих или движущихся по земле оленей. Никаких специфических особенностей позы, характерных для плывущих животных, мы не находим. Головы горных козлов на одном из фриз Ласко, несмотря на сходную позицию, не произвели ни на кого из интерпретаторов впечатления «плывущего стада горных козлов»³⁵. Если олени движутся по земле, то изображением одних только голов художник показывает оленье стадо за острым гребнем скалы. Характерно, что и глиняные бизоны в Тюк д'Одубер стоят не на горизонтальном полу пещеры, а прикреплены к наклонному большому обломку упавшей с потолка скальной породы. Таким образом, и они как бы идут по склону горы³⁶. Если характерные особенности ландшафта незримо или полунамеками включались в композицию, то расположение разнотеленных фигур в различных позициях по отношению друг к другу приобретает естественный, вполне реалистический смысл. Например, сцена в Ласко³⁷ представляет лошадей, из которых передние, т. е. более крупные, скачут, поражаемые стрелами, тогда как более мелкие лошади (они изображены не так детально) спокойно пасутся. В типичной для Дордо-ни пересеченной местности, где узкие долины перемежаются длинными грядами холмов, такую сцену можно представить в действительности.

Интерьер пещер, где преобладают сферические поверхности и стены сложной конфигурации, облегчал первобытному художнику решение задач, связанных с передачей взаимного расположения фигур в пространстве.

Использование особенностей изобразительных полей для передачи реальных пространственных соотношений фигур было очень разнообразным. Например, в Ла Пасьега (Гр.—табл. 219) композиция из двух фигур располагается над небольшой нишей: непосредственно над козырьком ниши изображена в профиль лошадь, влево от нее на выступе скалы — также в профиль скачущий олень. Когда зритель видит прямо перед собой плоскость с изображением лошади, то олень на боковом выступе как бы скачет в сторону зрителя. Такое впечатление создается лишь, если смотреть со строго определенного места. В интерьерах пещер и гротов имеются композиции, образованные барельефами, как выполненными на скалах, так и на отдельных специально установленных плитах, которые могли восприниматься из нескольких пунктов (например, рельефы Лосселя)³⁸. Выбор оптимальных позиций для обозрения рельефов Лосселя был сравнительно невелик, если учесть общую строгую уравновешенность композиционного решения, требовавшего одновременного восприятия всей сцены. Существование же ряда стабильных точек для осмотра сцены определяло особенности пространственно-перспективного восприятия.

Для характеристики специфики пространственного восприятия и способов выражения пространственных соотношений в палеолитическом искусстве особый интерес представляют композиции на плафонах ряда пещер: Альтамиры, Ла Мут, Шабо, Ласко, Руфиньяк и др.³⁹. Пространственные соотношения изображений в композициях плафонов выражены иначе, чем в сценах на стенах пещер. Пожалуй, наиболее ясно принципы пространственных связей фигур в плафонных композициях вскрываются в сериях изображений, нанесенных на переходах от стен к потолкам. Например, в Зале Быков в Ласко рога изображенного крупного черного

³⁵ A. Laming, Указ. раб., табл. 26, 27, A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, p. 357, fig. 338.

³⁶ S. Giedeon, Указ. раб., стр. 71, рис. 16.

³⁷ A. Laming, Указ. раб., стр. 71, рис. 16; A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, p. 354, fig. 318.

³⁸ S. N. Zamiatnine, Указ. раб.; С. Н. Замятнин, Указ. раб., стр. 58.

³⁹ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 12, 16—17, 44—45, 52—53 (табл. I, III, V).

быка переходят на сводчатую поверхность плафона, где изображаются уже не в профиль, а фронтально, что очень удачно подчеркивает объемность изображения⁴⁰.

Ясно, что первобытный художник умел использовать качественные различия вертикальных и горизонтальных плоскостей. Если оценивать

Рис. 6. Рисунки на каменных плитках из Тейжа, скомпонованные по принципу плафонной композиции (Грациози, табл. 144 b, e)

изображения на плафонах как композиции, размещенные в условно-горизонтальной плоскости, то сложные взаимные положения бизонов в Альтамире, спиральное размещение зверей на плафоне Ла Мут⁴¹ приобретают реальный жизненный смысл: композиция отражает пространственные соотношения животных в плане (рис. 6). С. Гидеон говорит о том, что в представлениях первобытного человека существовала специфическая «пространственная концепция», отличная от пространствен-

⁴⁰ A. Laming, Указ. раб., табл. 1; K. Földes-Papp, Vom Felsbild zum Alphabet, Dresden, 1970, p. 15, Fig. 9.

⁴¹ S. Gideon, Указ. раб., рис. 203.

ных концепций последующих эпох. Основной ее особенностью он считает независимость избираемых для рисунков положений плоскостей (наклонная, вертикальная, горизонтальная) от реальных линий горизонта. Мы отвергаем эту точку зрения, поскольку существует прямая зависимость между положением плоскости и характером изображений, соответствующая реальным позициям объектов в пространстве. Однако задачи оптически точного выполнения сцен и композиций в плане были слишком сложны для первобытного художника. Ему трудно было найти достаточно характерные черты, отвечающие облику определенного животного, видимого в плане. Поэтому, выполняя композиции в плане, он чаще всего вынужден был пользоваться привычной профильной трактовкой отдельных фигур. Исключения немногочисленны. Это прежде всего лежащие или катающиеся по земле бизоны Альтамиры, а также сцена на костяной пластинке из Раймондена, где изображенная в профиль голова бизона покоится на его же передних ногах, которые даны в плане, как бы сверху, т. е. совмещены «вид сбоку» и «вид сверху»⁴².

Плафоны Альтамиры и других пещер фактически представляют сферическую вогнутую поверхность. Очевидно, поэтому на них распространяются те же принципы изображения разноудаленных фигур, которые намечаются для условно-вертикальных плоскостей.

В Альтамире, где самая высокая точка свода отстоит от пола пещеры всего на 1,5 м, отчетливо прослеживаются различия ближних и дальних планов композиции. Изображенные в самых низких частях по краю свода кабан и лань больше, чем другие изображения каждого из этих видов животных на данном плафоне⁴³. Сравнительно велики и фигуры лежащих бизонов. Остальные фигуры — меньших размеров и поэтому естественно отходят на задний план. Таким образом, трактуя композицию как отображение размещения животных в реальном ландшафте, можно представить, что звери на плафоне Альтамиры изображены в чашевидной горной долине, т. е. на типичном для Сантандера рельефе. В принципе аналогичная ситуация воспроизведена красками на плафоне Руфиньяка (рис. 7).

Особое место занимают композиции в Ласко. Они так велики и протяжены, что никакое схематическое воспроизведение не дает реального представления о них в целом. Реконструировать их можно лишь по тем фотографиям, где сделаны попытки передать сферичность изобразительных полей пещеры. Примечательно, что в истории изучения фресок Ласко значительную роль сыграли особенности их публикации, по которым можно проследить эволюцию пространственного восприятия этих изображений исследователями. Брейль дает плоскую графическую развертку композиций, которую Леруа-Гуран воспроизводит с помощью набора фотографий, а Грациози, Ламинг и другие стремятся уже передать особенности изобразительных плоскостей⁴⁴.

Композиции Ласко вводят нас в совершенно особую область палеолитического искусства, где нужно оперировать не отдельными панно, а воспринимать весь художественный интерьер как единый монумент. Последовательно просматривая сменяющие друг друга части композиции, мы можем заметить, что первобытный художник компоновал идущие друг за другом сцены в четком мерном порядке. Он располагал группы животных, согласуя их как в пределах одного изобразительного поля, так и нескольких.

⁴² В. Н. Замятнин, Указ. раб., стр. 57; З. А. Абрамова, Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии, М.—Л., 1966, табл. XXIII, 6.

⁴³ M. Raphaël, Указ. раб., рис. 27, стр. 76; S. Giedeon, Указ. раб., стр. 315, рис. 280; A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidentale*, fig. 110, p. 218, fig. 670, p. 402—403; R. Drössler, Указ. раб., стр. 155, рис. 63—64.

⁴⁴ Ср., например: A. Leroi-Gourhan, *Préhistoire de l'art occidental*, p. 116—117, fig. 72—73; A. Laming, Указ. раб., табл. 1, 21, 23, 26, 30, 41; R. Drössler, Указ. раб., стр. 154, рис. 62.

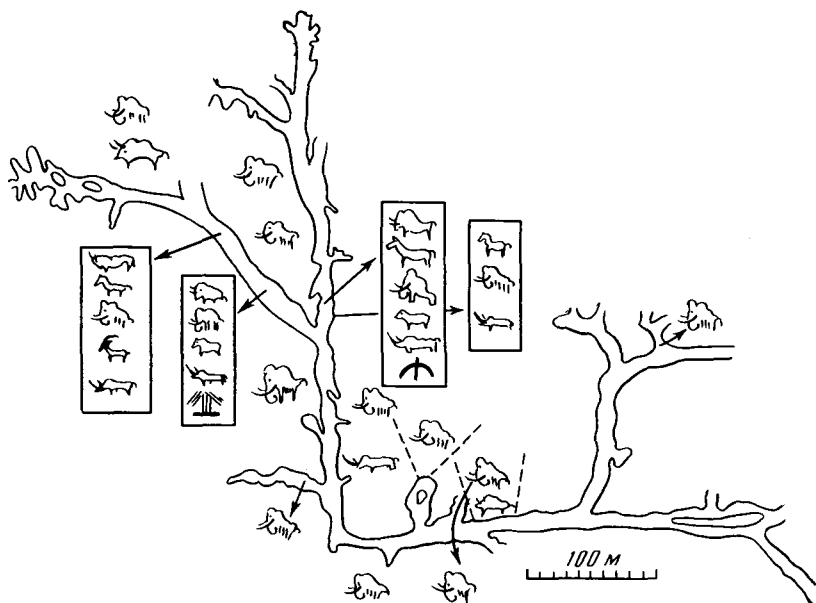

Рис. 7. Схема расположения изображений в пещере Руфиньяк (по Леруа-Гурану). Общий принцип размещения сцен в интерьере (вверху) и сцена на плафоне (внизу)

Например, у перекрестка, которым отмечено начало осевой «Галереи росписей», выходящей из «Зала Быков», художник расположил сложную сцену на двух взаимно перпендикулярных изобразительных полях: вдоль оси галереи по стенам размещены группы зверей, движущихся в глубь коридора, а поперек этого направления, по фризу над перекрестком, два тура пересекают зал над головой входящего в галерею зрителя⁴⁵ (Гр.— табл. 174).

⁴⁵ A. Laming, Указ. раб., стр. 79—80.

Конечно, безмолвно мчащиеся в глубине извилистых гулких коридоров лавины многоцветных зверей, хотя и выполненные в едином композиционном ключе, не могли в силу особенностей освещения и большого размера изобразительных полей, а также расположения в разных зрительно несовместимых плоскостях восприниматься одновременно. Сцены появляются перед зрителем одна за другой. Каждая следующая сцена — это более удаленный план общей композиции. Но сменяющие друг друга сцены-планы подчинены уже не столько пространственной, сколько временной последовательности развития сюжета. Однако подробная характеристика временных планов, «временной перспективы» в искусстве палеолита выходит за рамки данной статьи.

THE CONCEPT OF SPACE IN THE ART OF PALAEOLOGIC EUROPEAN POPULATIONS

Examination of the composition in Palaeolithic art specimens in cave interiors and upon artifacts destined for everyday use or for ritual purposes helps us to understand how primitive man reproduced the idea of three-dimensional space in his works of art. Spatial concepts were rendered by variations in the mutual positions of the figures, by linear perspective, by gradations of tone and colour, by the use of differently posed representation planes (horizontal, vertical, inclined) in drawing landscapes.

The study of cave compositions has shown that each of them may be broken up into separate sections (scenes) by the consecutive examination of which its extent not only in space but in time may be determined.

Л. С. Толстова

ДРЕВНИЕ МОТИВЫ В ФОЛЬКЛОРЕ УЗБЕКОВ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Население Хорезмского оазиса (узбеки, туркмены, каракалпаки) весьма сложно по своему этническому происхождению. Складываясь в течение многих столетий, оно впитало в себя (в различных пропорциях) самые разнообразные компоненты (от едва прослеживаемых элементов, тяготеющих к странам Переднего Востока в древности, через уже значительно более ощутимые слои древнего и раннесредневекового восточноиранского мира, к средневековым тюркоязычным кочевникам и полукочевникам — огузам, печенегам, кыпчакам, ногаям). Все эти разновременные составные слагаемые оставили свои следы в культуре народов Хорезма, изучение которых помогает заполнять белые пятна, еще остающиеся в сложных проблемах происхождения, этнической истории и этнокультурных связей населения Хорезма. Одним из важных источников такого рода исследований является исторический фольклор.

Исторический фольклор узбеков Хорезма богат и разнообразен. Территорию древнего Хорезма поистине можно назвать страной легенд. Бытует множество легенд, связанных с теми или иными городами, урочищами, крепостями (такими как Куля-Ургенч, Хазарасп, Хива, многочисленные развалины крепостей Хорезмского оазиса). Ряд легенд посвящен великой водной магистрали и источнику жизни Хорезма — Амударье (до сих пор рассказывают, что Амударья прежде впадала в Каспий; о смене течения реки в связи со злой волей человека повествует широко известная в народе легенда о Тюрабек-ханым и Султане Санджаре). В фольклоре узбеков, туркмен, каракалпаков встречаются мотивы, которые являются далекими отзвуками ярких проявлений матриархата у их сако-массагетских предков. За образами влиятельной правительницы Хорезма Тюрабек-ханым и каракалпакской эпической героини Гулайым стоят образы массагетской царицы Томирис и сакской Зарины. Упоминания о правлении женщин часто встречаются в легендах узбеков, каракалпаков, туркмен Хорезма. «И это время вновь вернется, когда женщины будут править миром», — этот мотив доныне звучит в туркменском фольклоре¹, переключаясь с концовкой «Сказки о женском ханстве»², записанной 100 лет назад Н. Каразиным у чимбайских каракалпаков.

Многие стороны самобытного и яркого фольклора узбеков Хорезма подвергались детальному анализу такими исследователями, как С. П. Толстов, Г. П. Снесарев, Ю. В. Кнорозов, Я. Г. Гулямов³ и др.,

¹ Полевые записи автора, 1971 г., № 15.

² Н. Каразин, Сказка о женском ханстве, «Древняя и новая Россия», т. III, СПб., 1875.

³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков

в аспекте проводимых ими историко-этнографических исследований. Эти ученые дали глубокую интерпретацию ряда легенд, установили их аналогии с фольклорно-религиозными сюжетами, имеющими истоки в далекой древности — у предков современного населения Хорезма и народов, этнически и культурно связанных с ними. Прежде всего надо отметить вышедшую в 1969 г. книгу Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», где использован богатейший фольклорный материал, в частности, исторические легенды.

Перед нами, в ходе исследования этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона, стояла задача ознакомиться с историческим фольклором узбеков южного Хорезма, выявить степень распространенности здесь тех или иных сюжетов, а также на основании историко-фольклорных материалов проследить линии этнических связей — как в самом содержании исторических легенд (сюжеты об исходных пунктах, причинах и путях переселений предков данной группы населения; генеалогические сказания о родственных связях с другими народами и др.), так и в распространенности здесь фольклорных сюжетов, входящих в круг того или иного этнокультурного комплекса. Последнее свидетельствует об этнической преемственности культурного достояния и при смене языка его носителей.

Работа по сбору историко-фольклорных материалов проводилась нами (в составе Бухарско-Хивинского этнографического отряда) в городах Хиве, Хазараспе, Ургенче, в Гурленском (колхозы Ленинград, им. Кирова, Коммуна), Шаватском (колхозы Правда, Москва, Ленинград, им. Кирова), Хазараспском (колхоз им. Ленина) и Багатском (колхоз им. Кирова) р-нах Хорезмской обл. Узбекской ССР и в городе Куны-Ургенче и колхозе Кызыл-Юлдуз Куны-Ургенчского р-на Туркменской ССР, прежде всего среди узбеков без родовых делений, носивших в прошлом название «сарты» (они являются наиболее прямыми потомками древних хорезмийцев), а также среди узбеков-митанов (Багатский р-н), узбеков-найманов и некоторых других групп.

Насыщенность фольклора узбеков Хорезма сюжетами, восходящими к Авесте, священной книге зороастрийской религии, и монументальной эпопее Шахнаме, в которой гениальному Фирдоуси удалось обобщить эпическое наследие предков современного населения Средней Азии и Ирана, развитие на местной почве сюжетов восточноиранских преданий — наиболее общее впечатление от фольклора узбеков Хорезма. Повсюду известно имя эпического героя Шахнаме Феридуна (в местном произношении Перидуна). Нами записаны легенды, которые являются эпизодами иранского эпоса, такие как наречение имени сыновьям Феридуна и раздел земель между ними. Последняя легенда связана с родословными: к сыну Феридуна (авест. Трэтона) *Туру* (авест. Турйа) возводятся население эпического *Турана*, областей к северу от Амударьи, заселенного в древности восточноиранскими кочевниками — саками, массагетами (с которыми прежде и ассоциировалось понятие туранцы); позже под населением Турана стало подразумеваться кочевое и полукошачье тюркоязычное население, живущее по нижней и средней Сырдарье и в междуречье Сырдарьи и Амударьи⁴. Современное население связы-

Хорезма, М., 1969; его же, Три хорезмийские легенды в свете демонологических представлений, «Сов. этнография», 1973, № 1; Ю. В. Кнорозов, Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса), «Сов. этнография», 1949, № 2; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Ю. А. Рапопорт, Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971; Р. Л. Садоков, Музыкальная культура древнего Хорезма, М., 1970; его же, Тысяча осколков золотого саза, М., 1971.

⁴ См. об этом: J. Marquart, *Eränsäht nach der Geographie des Pseudo Moses Chorenaci*, «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Philol.-hist. Klasse», Neue Folge, Bd. III, 1901, S. 155—157; К. А. Иностранцев, О домусиль-

вает слово *Туран* с *турк, Туркестан*. «Казахи и узбеки, живущие в стороне Туркестана,— потомки Тура»,— сообщал нам информатор⁵. К сыну же Феридуна Ираджу возводится население Ирана.

Широко бытует легенда о прорытии Феридуном одного из русел (или современного русла) Амударьи (*Бельканди Перидун*)⁶. Рассказывают о Феридуне и Заххаке (легендарном царе-деспоте Ирана, на плечах которого росли две змеи, требовавшие ежедневно человеческих жертв). Почитание в прошлом короли объясняется тем, что именно это животное вскормило Феридуна, освободившего земли от тирании Заххака.

Не только среди узбеков, но и среди каракалпаков имеет хождение легенда о том, что в прошлом человека испытывали огнем (испытываемого, по словам информаторов, ставили среди 40 арб саксаула, которые затем зажигали. Невинновный благополучно выходил из огня). В основе этой легенды лежит сюжет об испытании огнем *Сиявуша*, один из центральных эпизодов эпоса «Шахнаме». В некоторых вариантах легенды называется и само имя Сиявуша.

Широко известны в Хорезме имя главного героя эпопеи «Шахнаме» Рустама, его коня Рахша; таких персонажей как Йемшид (Джемшид, авест. Йима), один из первых людей иранского эпоса, Нариман, Сам, Зализар (предки Рустама) и др.

Эти сюжеты до известной степени идут, конечно, от книжной традиции, но некоторые из них, в силу своей безусловной местной специфики, видимо, издавна жили в крае⁷, восходя непосредственно к фольклору обитавших здесь прежде народов восточноиранской группы, однако, несомненно, подвергшись в течение веков значительной переработке.

В связи с этим любопытно мнение некоторых информаторов о том, что «Шахнаме» — это книга по истории Хорезма⁸. Здесь мы встречаемся с отголоском восходящей к древности традиции (она дошла до нас в трудах Бируни⁹), помещающей действия Сиявуша в Хорезме. Традиция эта жила и позже. Еще в XIX в. персидский посол Риза-Кули-хан записал предание о происхождении названия Хорезм, связанное с легендарной битвой между мстителем за Сиявуша Кей-Хосровом и его дедом — убийцей Афрасиабом¹⁰.

Древние мотивы, восходящие к Авесте и Шахнаме, содержит легенда, записанная у хорезмских узбеков-митанов (Багатский р-н Хорезмской области), об их предке Тамине (или Тамиме), странствовавшем на пери (вариант — дау; местные демонологические персонажи). Нами было проведено обследование этой интереснейшей реликтовой этнографической группы митан — связанных единством ранних этапов этногенеза каракалпаков-мюитенов Хорезма и узбеков-митанов долины Зеравшана, чьи исходные компоненты ведут далеко в глубь веков, на юг и юго-запад, что, как кажется, нам удалось доказать в ряде статей¹¹. Однако «мюитенская проблема», если так можно выразиться, далеко не исчерпана. Появляются все новые и новые аспекты ее изучения и трактовки. Сам этноним митан, как показывают последние исследования, вводит нас в самый сложный круг вопросов происхождения и расселения индоевро-

манской культуре Хорезмского оазиса; «Журнал Министерства народного просвещения», нов. серия, ч. XXXI, февр. 1911; И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 83.

⁵ Полевые записи автора 1971 г., № 5.

⁶ Подробный разбор и интерпретация этой легенды приводится в работе Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма», стр. 32—33, 68—69.

⁷ Об этом также см.: Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 283.

⁸ Полевые записи автора, 1971 г., № 26.

⁹ Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. I, — «Памятники минувших поколений», Ташкент, 1957, стр. 47.

¹⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 203.

¹¹ Обобщение материала см.: Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, «Сов. этнография», 1971, № 2.

пейцев, на чем в этой короткой статье мы останавливаться не можем. Во время же экспедиции 1971 г., наряду с изучением фольклора узбеков без родовых делений, попутно была обследована ранее неизвестная небольшая группа узбеков-митанов, переселившаяся 200 лет назад из северной Каракалпакии в район Хазараспа и ныне вошедшая в состав узбекской социалистической нации. Легенда об их предке Тамине, зафиксированная нами прежде у каракалпаков-мюитенов низовьев Амударьи, может даже служить этническим определителем этой небольшой группы¹², так как лишь мюитены рассказывают эту легенду¹³.

Можно проследить явную аналогию между легендарным предком мюитенов *Тамином*, совершавшим длительные путешествия на пери (или дау) и *Тахма (Тахмурасом)*, одним из первых легендарных пешдо-дитских царей Ирана, оседлавшим *Аримана* (Ангро-Майнью Авесты)¹⁴, или, что еще более интересно, первочеловеком древнеиранских мифов *Гаюмарсом*. Хорезмийский ученый XI в. Абурейхан Бируни в своих «Памятниках минувших поколений» писал: «Гаюмарс одолел Ахримана, и сел на него верхом, и стал разъезжать на нем по миру»¹⁵. Сходство проявляется также в том, что пери (дау, а в древнейшем варианте Аримана), покорил (оседлал) и странствовал на нем по миру в одном случае *прародитель* иранцев Гаюмарс, в другом — предок, *прародитель* мюитенов Тамин. Борьба Тамина со скованным цепями «нечистым» в горах *Кап-Тау*¹⁶ — мусульманизированный отголосок восточноиранских преданий о царе-деспоте Заххаке (Ажи-Дахака Авесты), прикованном Феридуном цепями к горе Демавенд¹⁷. Здесь следует также обратить внимание на то, что в фольклоре и космогонических представлениях, с одной стороны, древних и раннесредневековых иранцев, с другой — поздних тюркоязычных насельников Средней Азии и окружающих степей (вплоть до сложившихся уже в народности каракалпаков и башкир) обнаруживаются любопытные аналогии, связанные с определенными горными системами — бросается в глаза большая роль в этих представлениях горных систем Кавказа и северо-запада Ирана. Так, *Кап-Тау* — горы, по мусульманской космогонии, окружавшие мир; так же назывались горы *Кавказа* и *севера Ирана* (у каракалпаков Кап-Тау, с которыми связаны многие легенды и исторические предания, — Кавказские горы; у башкир — Каф-Тау — горы, находящиеся на краю света); *Демавенд* — высочайшая вершина в горах Эльбурса, с которой связаны многие древнеиранские сказания; *Эльбурс* — горная система в северо-западном Иране, по южному побережью Каспийского моря; по Бундахшну, горный кряж *Альборз* (по Авесте — горы Харати) — *расположен вокруг мира*¹⁸. Это то же самое представление, которое, по мусульманской кос-

¹² Подобным же образом легенды о «земле предков Жийдели-Байсыне» и о старухе — главе рода — Жупар-кемпир в Нуратинском районе Самаркандской области служили одним из этнических признаков, выделяющих группу узбеков-каракалпаков среди других групп населения (об этих легендах см.: Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX вв., Нукус — Ташкент, 1963, стр. 178—182, 187—189).

¹³ Г. П. Снесаревым около г. Бируни была отмечена очень интересная небольшая группа «еретиков», прославлявших величие доисламского Хорезма; в их верованиях и обычаях сохранилось много домусульманских черт. У них записано следующее поверье, перекликающееся с мюитенскими легендами о Тамине: «Можно завладеть шайтаном. Для этого надо схватить его одной рукой за шею, а другой за хвост... Надо вскочить на него верхом, он поднимет тебя и понесет, куда ты захочешь» (Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 33—34).

¹⁴ Авеста, Яшт, XIX, 27—29.

¹⁵ Абурейхан Бируни, Указ. раб., т. I, стр. 109; Г. П. Снесарев также сопоставляет зафиксированные им поверья еретиков из-под г. Бируни с древнеиранскими фольклорно-религиозными мотивами о Тахмурасе и Гаюмарсе (Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 34).

¹⁶ Фирдоуси, Шахнаме, т. I, М., 1957, Комментарии, стр. 640.

¹⁷ Там же, стр. 80.

¹⁸ Фирдоуси, Шахнаме, т. I, Комментарии, стр. 613; И. С. Брагинский, Указ. раб., стр. 102.

могонию, относится к горам Кап-Тау, с аналогичной или близкой локализацией реальных прототипов этих легендарных горных систем.

Легенда о Тамине содержит также другие интересные моменты, восходящие к древним сюжетам (мотив возвращения мужа в день свадьбы своей жены — широко распространенный «бродячий сюжет»; упоминание такого мифологического персонажа, как «хозяин воды», явно связанного с доисламской демонологией; элементы народных генеалогических представлений и т. д.). Все это особенно важно в связи с тем, что легенда эта является достоянием этнической группы, восходящей к наиболее раннему населению Хорезмского оазиса¹⁹.

В самом содержании исторических легенд также прослеживаются мотивы переселений из Ирана, мотивы генеалогических связей узбеков южного Хорезма — потомков древних хорезмийцев — с иранцами. Наиболее интересны в связи с вопросами этногенетическими и этнокультурными связями древних насельников Хорезма легенды о первоначальном заселении Хорезма. Немало таких легенд имеет хождение по оазису. Значение слова *Хорезм* информаторы объясняют так: это *обширная, благодатная, незаселенная земля или земля, бывшая бесплодной, но достигшая процветания, расцвета* (с иранского)²⁰. Напомним, что близкое к «народной этимологии» толкование давали в прошлом некоторые исследователи — «плодородная земля» (Хари-зем — букв. «земля, дающая есть» (Бюрнуф, Захау, Гейгер²¹); или, напротив, «плохая, неплодородная земля» (Юсти, Шпигель)²².

До сих пор в оазисе рассказывают дошедшую из древности легенду о том, что первыми поселенцами здесь были пришельцы-изгнанники с юга, из Ирана. Легенда эта живет среди населения многие века. Наиболее ранний ее вариант известен из сообщения Макдиси (X в.): «В древности царь Востока разгневался на 400 человек из своего государства, из приближенных слуг (своих), и велел отвести их в место, отдаленное от населенных пунктов на 100 фарсахов..., а таким оказалось место (где теперь город) Кас. Когда прошло долгое время, царь послал людей, чтобы они сообщили ему об изгнанниках. Прийдя к последним, посланные увидели, что они живы, построили себе шалаши, ловят рыбу и питаются ею, располагают большим количеством дров. Когда они вернулись к царю и сообщили ему об этом, он спросил: «Как они называют мясо?» Те ответили: «хор» (или «хвар»). Он спросил: «А дрова?» Они ответили: «разм». Он сказал: «Так я утверждаю за ними эту местность и даю ей название Хорезм (Хваразм)». Он велел отвести к ним 400 девушек-тюрчанок, и до сих пор у них осталось сходство с тюрками»²³. Позже эта легенда фигурировала в трудах Якута (XIII в.), Казвини (XIII—XIV вв.) и более поздних авторов.

Во фрагментах эта же легенда об изгнанниках была записана нами у узбеков-митанов средней долины Зеравшана²⁴ и — в совершенно де-

¹⁹ Здесь мы имеем в виду нижнеамударьинских мюйтенюв в целом, восходящих, как мы показывали в вышеназванной статье, к древнейшему населению Хорезма. Внутри оазиса, естественно, происходили перемещения отдельных групп населения, в том числе и мюйтенюв. Так, хазараспская группа мюйтенюв прежде жила на севере, в Каракалпакии.

²⁰ Толкования каждой составной части слова информаторы уже не дают; это они забыли.

²¹ См.: «Commentaire sur la langue par Eugène Burnouf», Paris, 1833, «Notes et éclaircissements CVIII»; Ed. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm, «SWAW, Phil.-hist. Cl», LXXIII, 1—3, Wien, 1873, S. 473, 474.

²² «Erânische Alterthumskunde von Fr. Spiegel», Leipzig, 1871. Существуют и иные варианты легенд о происхождении названия Хорезм, например, легенда, производящая это название от имени богатыря Хорезма, дающая важный материал для изучения пережитков доисламских верований.

²³ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 185 и сл.

²⁴ Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, стр. 33—34.

формированном виде — у каракалпаков-мюитенов низовьев Амударьи, вызвав наш особый интерес в связи с изучением вопроса о происхождении мюитенов. У узбеков южного Хорезма легенда эта живет и поныне: в 50-х годах ее варианты были записаны Г. П. Снесаревым, в 1971 г. — нами (у узбеков Гурлена и Хазараспа) ²⁵.

Интересно сопоставление этой древней хорезмийской легенды об изгнанниках с другой легендой, приводимой Бируни (XI в.), — об основании первой хорезмийской династии пришедшим с юга Сиявушем и его сыном Кей-Хосровом ²⁶. Сиявуш, широко распространенный персонаж в культовых представлениях домусульманского Хорезма, по эпическим представлениям древних иранцев, — выходец из династии Кайанидов (сын Кей Кауса — Кавай Усана Авесты), а Кайаниды, по восточноиранской эпической традиции, правила в Бактрии, в Балхе ²⁷.

В связи с этим следует напомнить гипотезы некоторых ученых (А. Кристенсена, М. М. Дьяконова, С. П. Толстова), что за полуполюгендарными Кайанидами Авесты стоят реальные цари, правившие в Бактрии в доакхеменидский период (IX—VII вв. до н. э.) ²⁸. Существуют и иные гипотезы о локализации места правления Кайанидов. Так, И. М. Дьяконов в статье «Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)» выдвигает гипотезу, что родиной династии Кайанидов (Кавианидов) является Дрангиана (Сеистан, точнее Заболистан) ²⁹. Однако, несмотря на ряд убедительных аргументов, приводимых И. М. Дьяконовым, его точка зрения все же остается лишь одной из гипотез, между тем как народная традиция (это отмечается и в статье) упорно утверждает, что Кайаниды правили именно в Бактрии (чему И. М. Дьяконов не находит достаточно убедительных объяснений, считая это одной из неразрешенных еще загадок истории).

Чрезвычайно показательны в связи с этим также то, что легенды потомков древнейших обитателей Хорезмского оазиса мюитенов говорят о том, что в их роду были «цари Балха и Бадахшана» ³⁰.

В мифологии и героическом эпосе древние народы переживали еще раз свою историю. В историческом фольклоре в обобщенно-фантастической форме нашли отражение исторические судьбы древних восточноиранских народностей. Эти фольклорные мотивы дошли до нас из глубины веков в фольклоре их далеких потомков — узбеков южного Хорезма и мюитенов (этнографической группы в составе каракалпаков и узбеков).

Подытожим сопоставления:

а) *Царь Востока* (а *Бактрия* по отношению к Хорезму — *юго-восток*) ³¹ изгнал 400 чел. в отдаленное пустынное место (Хорезм был весьма отдален от земледельческих центров юга Средней Азии и Ирана и от-

²⁵ Легенды об основании Хорезма и о пришельцах-изгнанниках в ряде случаев переплетаются с легендами о смене русел Амударьи, о прорытии одного из русел Амударьи Феридунгом.

²⁶ Абурейхан Бируни, Указ. раб., т. I, стр. 47.

²⁷ Там же, стр. 103; Фирдоуси, Шахнаме, т. I, стр. 327, и сл., Комментарии, стр. 635 и сл.; И. С. Брагинский, Указ. раб., стр. 136, 150, 281 и др.

²⁸ A. Christensen, Les Kayanides, København, 1931; М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 62; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 309, 317; его же, Вопросы исторической географии Средней Азии и проблема древней Бактрии, в кн.: «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. I—II, М.—Л., 1939.

²⁹ Сб. «История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства», М., 1971, стр. 138.

³⁰ Полевые записи автора, 1962 г., № 13, 17; см. также полевые записи У. Кусекеева за 1933 г. и А. С. Морозовой за 1945 г., Архив Каракалпакского филиала АН УзССР.

³¹ В легенде, записанной Г. П. Снесаревым в 1957 г. у узбеков южной Каракалпаккии, царь, изгнавший группу провинившихся подданных в отдаленный Хорезм, назван более конкретно, чем у Макдиси, — «царем Киянии» (т. е. тем же Кайанидом).

носителем мало заселен в этот период), и *изгнанники основали там государство Хорезм*.

б) *Сиявуш* (Сияваршана Авесты), сын *Кайанида* (царя *Бактрии*?) Кей Кауса (кстати сказать, тоже *изгнанник*; это дополнительная линия аналогий), попал с *юга* в эти почти незаселенные места и стал *основателем* первой *хорезмийской династии Сиявушидов*, правивших в Хорезме до X в. н. э.

в) По преданиям, в *роду* одной из древнейших групп насельников Хорезмского оазиса — *мюитенов* были «цари *Балха и Бадахшана*». Легенды мюитенов говорят об изгнании (истреблении) их предков неким царем (вариант — народом) ³².

В этих сопоставлениях прослеживается определенная историческая закономерность, которая будит исследовательскую мысль, хотя пока еще трудно дать ответ, что стоит за этими историко-фольклорными сюжетами. Какие-то династийные связи между доахеменидскими Бактрией и Хорезмом? Переселения из Бактрии в Хорезм? Необходим поиск: сюжеты исторического фольклора слишком часто содержат рациональные зерна, чтобы их можно было игнорировать ³³.

Этногенетические связи с Ираном прослеживаются также в *генеалогических сказаниях* узбеков южного Хорезма. Генеалогические сказания, возводящие происхождение того или иного народа, этнической группы (племени, рода) или, напротив, группы народов к тому или иному мифическому предку (в качестве которого иногда выступает эпоним народа или тот или иной библейский персонаж), представляют значительный интерес для этнографов, так как в них отражается осознание народом (этнографической группой, племенем) родства с народами-предками, народами-соседями, родоплеменными объединениями, этнографическими группами. Этнографы, занимающиеся вопросами происхождения, этнических связей между народами, часто используют народные генеалогии как косвенный источник доказательства родственных связей между народами или входящими в их состав родоплеменными группами. Данные народных генеалогий (шежере), например, широко комментируются в трудах таких исследователей, как С. П. Толстов ³⁴, Т. А. Жданко ³⁵, Р. Г. Кузеев ³⁶ и др. Тщательный сравнительный анализ соответствующих материалов дает нам основание утверждать, что даже высшие звенья генеалогий, в которых отражается осознание родства по происхождению

³² Подробнее об этом см.: Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, стр. 33—34.

³³ Что касается самого существования доахеменидских раннегосударственных образований в Бактрии (с включением в него в определенные периоды Маргианы и, возможно, Согдианы) и другого, так называемого «Большого Хорезма», охватывающего территорию от Хорезма до Парфии и Арейи (и даже Дрангианы), то оно в настоящее время признается многими учеными (Б. Г. Гафуров, Кушанская эпоха и мировая цивилизация, Душанбе, 1968, стр. 4—8; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, «Сов. археология», 1954, XIX, и др. работы; И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 142—144; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 49; его же, Основные вопросы древней истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 183 и др.), хотя ведутся оживленные дискуссии относительно хронологических рамок, территории, устойчивости этих объединений.

Мотивы смешанного происхождения узбеков Хорезма звучат в ряде легенд (помимо связей с Ираном упоминаются и связи с Индией, в чем также есть рациональные зерна, см.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 65, 109, 341 и др.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72—74).

³⁴ С. П. Толстов, Города гузов (историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, К вопросу о происхождении каракалпакского народа, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, М.—Л., 1947.

³⁵ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IX, М.—Л., 1950.

³⁶ «Башкирские шежере», Уфа, 1960; Р. Г. Кузеев, К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», вып. III, Уфа, 1968.

между группами народов, можно использовать в качестве косвенного источника в этногенетических поисках (при критическом, конечно, отношении к заключенной в них информации и на фоне всех остальных доступных материалов).

У узбеков южного Хорезма, не имевших в прошлом родоплеменных делений, не было, естественно, обширных генеалогий, подобных тем, которые мы находим у кочевых или полукочевых в прошлом народов, сохранявших до недавнего времени разветвленную родоплеменную систему (классические примеры таких генеалогий известны по трудам Рашид-ад-дина³⁷ и Абульгази³⁸). У обследуемой же группы в генеалогических сказаниях отражается осознание родства с народами-предками, народами-соседями, отдельными этническими группами, что, однако, представляет не меньший интерес для исследования.

По народным представлениям *хорезмийцы* имеют того же предка-прародителя, что и *иранцы*³⁹; параллельно с этим в других легендах говорится об одинаковом происхождении *хорезмийцев* и *мюитенов*⁴⁰. Этнографы, собиравшие подобные легенды в 30-х годах в Каракалпакии, также отмечали, что в народных шежирах говорится о неординаковом происхождении, от разных предков, каракалпаков и не до конца еще слившихся с ними в этот период мюитенов (последние выводились от того же предка, что и иранцы)⁴¹.

Таким образом, в историческом фольклоре узбеков южного Хорезма четко прослеживается генетическая преемственность легенд и преданий, эпических сюжетов, перешедших от их восточноиранских предков, несмотря на смену языка носителей этих традиций (с известной трансформацией, конечно). В фольклорных сюжетах удается обнаружить следы этногенетических и этнокультурных связей, существовавших в древности между населением Хорезма и более южных ираноязычных областей (например, Бактрии), южных связей, прослеживаемых рядом ученых (С. П. Толстов, Г. П. Снесарев, М. В. Сазонова, А. С. Морозова) и в других областях культуры народов Хорезмского оазиса — некоторых элементах одежды, орнамента, украшений, в реликтах доисламских религиозных верований⁴² и др. Фольклорные традиции узбеков южного Хорезма довольно сильно отличаются от традиций в прошлом полукочевого населения Хорезмского оазиса — аральских узбеков, каракалпаков, у которых древнейшие элементы, восходящие к фольклору их сако-массагетских предков, перекрыты мощным наслоением фольклорных традиций более позднего тюркоязычного населения Приаралья и окружающих степей (огузов, ногаев, узбеков дештикыпчакского происхождения и др.).

³⁷ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, II, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960.

³⁸ «Родословное древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова», Казань, 1906; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абуль-Гази-хана Хивинского, М.—Л., 1958.

³⁹ Полевые записи автора, 1971 г., № 11, 17.

⁴⁰ Полевые записи автора, 1971 г., № 24.

⁴¹ Полевые записи У. Кусекеева, 1933 г., «Архив Каракалпакского филиала АН УзССР».

⁴² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 197, 198, 221 и др.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81—82; Г. П. Снесарев, Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 60—64, 240—257 и др.; М. В. Сазонова, Украшения узбеков Хорезма, Сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970; А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза), канд. дисс., Ташкент, 1954; ее же, Каракалпакский женский шлемовидный головной убор саукеле, «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 200, «Исторические науки», кн. 41, Ташкент, 1963.

ANCIENT MOTIFS IN THE FOLKLORE OF SOUTHERN KHOREZM UZBEKS

Motifs originating in the mythology and folklore of the region's former inhabitants, the East Iranic peoples, survive in Southern Khorezm in Uzbek historical folklore up to the present time; these are the «Avesta» motifs some of which later found a certain place in «Shah-Nameh». Some folklore themes may have expressed actual historical events that had taken place in antiquity. This permits the use of historical folklore as a supplementary source for studies in ancient history. Particular interest attaches to motifs concerning migrations (which appear to have taken place as early as in the pre-Achaemenide period) from Baktria to Khorezm and certain dynastic links between these ancient states.

В. И. Плоткин

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВЛИ НА ЭТНИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ПРЕДКОЛОНИАЛЬНОЙ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Характер этнических процессов в Восточной Африке предколониального периода в целом мало изучен.

Это, с одной стороны, объясняется недостатком материала, а с другой — обусловлено наследием школы Малиновского, которая по существу исключала историю из сферы интересов этнографа, ограничивая эту сферу изучением институтов отдельных обществ. В данной работе мы коснемся тех этнических процессов, которые так или иначе связаны с традиционной африканской торговлей и обусловлены ею. Правомерность такой постановки вопроса подтверждается прежде всего особенностями исторического развития народов Восточной Африки, в котором торговля сыграла значительную роль. Следует сказать, что влияние торговли на различные стороны жизни народов внутренней части Восточной Африки изучено пока гораздо слабее, чем ее значение для становления и развития культуры суахили.

Остановимся на характере и видах восточноафриканской торговли. Прежде всего это торговля теми товарами, которые вывозились за пределы материка — в Европу, Америку, Индию, Аравию и т. д. К их числу относились рабы, а также слоновая кость, малахит, копал, шкуры диких животных, черепаховые панцири. Товары доставляли на побережье по крупным торговым путям, которые получили особое развитие с 30-х годов XIX в. Принято считать, что это обусловлено прежде всего ростом спроса на слоновую кость в Европе и Америке¹. С этого времени до начала 80-х годов наблюдался почти непрерывный рост числа торговых караванов. Расширялся район, связанный прямыми торговыми путями с побережьем. К 40—50-м годам торговые караваны с побережья достигали Великих озер, затем граница зоны этой торговли была отодвинута дальше на запад и северо-запад — в Уруа, Маньема, Катангу и по течению Луалабы к верхним притокам Конго. Торговцы везли с побережья ткани, бусы, металлическую проволоку — традиционные предметы обмена.

Во внутренних районах была создана сеть опорных торговых пунктов, из которых особенно важными являлись Тabora, Уджиджи, Мванза, Кондоа, Мпвапа, Килоса.

Караванной торговлей занимались не только жители побережья, но и обитатели внутренних районов, где посредники обычно были из этнических групп ваньямвези, бавира, багуха, ваяо, бабиса и вабемба. Проникновение торговцев в заозерные районы было связано с уменьшением количества слоновой кости в старой торговой зоне и ростом цен вследствие хищнического истребления слонов². О размахе торговли во

¹ R. W. Beachey, The East African ivory trade in the nineteenth century, «The Journal of African History», 1967, vol. 8, № 2.

² J. H. Speke, What led to the discovery of the source of the Nile, London, 1864, p. 240—241.

второй половине XIX в. говорят следующие цифры: через Табору проходило до полумиллиона носильщиков в год³, через Мпвапва — до 100 тыс.⁴ Постепенное проникновение по этим же путям во внутренние районы агентов европейских компаний и колониальный раздел Восточной Африки полностью изменили картину традиционной караванной торговли, которая начала замирать с конца 80-х годов⁵.

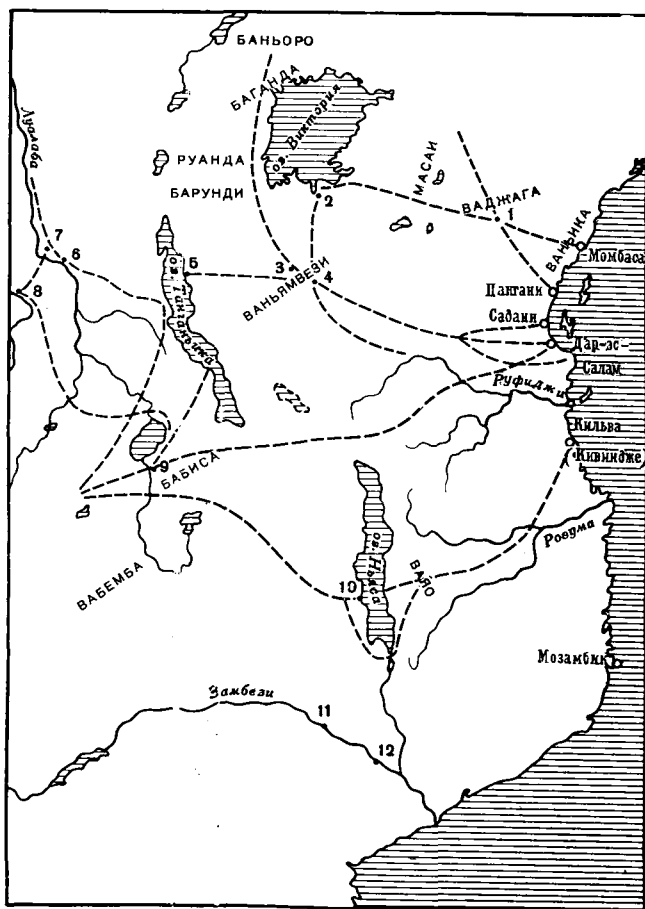

Схема торговых путей в Восточной Африке; пунктиром даны главные торговые пути; торговые пункты: 1 — Тавета, 2 — Мванза, 3 — Урамбо, 4 — Табора, 5 — Уджиджи, 6 — Касонго, 7 — Ньянгве, 8 — Руши, 9 — Казембе, 10 — Кота-Кота, 11 — Тете, 12 — Сена

Второй вид восточноафриканской торговли был связан с внутренним обменом, прежде всего продуктами питания, дефицитным сырьем, кузнечными и другими ремесленными изделиями. Рынки, на которых происходил этот обмен, часто располагались на границах расселения племен⁶. Оживленной была торговля на границах расселения ваныямвези

³ R. W. Beachey, Указ. раб., стр. 276.

⁴ F. Stuhlmann, Mit Emin Pascha ins Herz von Africa, Berlin, 1894, S. 16.

⁵ X. Мейер встретил в конце XIX в. только один караван на дороге от побережья к Килиманджаро, которая ранее была одной из самых оживленных (H. Meyer, Der Kilimanjaro, Berlin, 1900, S. 69).

⁶ Двум видам торговли соответствовали и два типа рынков, причем это деление нашло отражение в некоторых языках. Так, у вадурума и вагирьяма мелкий рынок назывался «chetení», а крупный, где торговали слоновой костью, — «kiko» (A. H. J. Prins, The coastal tribes of the North-Eastern Bantu, London, 1952, p. 57).

и васукума, ваджага и вадафета⁷, галла и вапокомо⁸ и др. Крупные рынки располагались на территории ваньика, по берегам Луалабы, в Моэмбе на восточном берегу озера Ньяса, в Уджиджи на восточном берегу озера Танганьика, в Уруа, Ньянгве⁹ и т. д. Надо сказать, что на рынках даже племена, находившиеся в состоянии войны, вели себя мирно¹⁰. Современный исследователь А. Принс отмечает, что во многих районах рынок «...не принадлежал ни одной политической единице, но ... служил нейтральным местом встреч»¹¹. Д. Ливингстон называл их «важнейшим общественным институтом»¹².

Во внутренних районах Восточной Африки предколониального периода ускорилось изменение племенных границ и образование новых, часто более крупных этнических объединений на базе одного или нескольких племен. Среди факторов, способствовавших этому, следует назвать торговлю рабами, достигшую расцвета в 1850—1870 гг. Очень много рабов поступало на побережье из района озера Ньяса, который И. Крапф называл «штаб-квартирой восточноафриканского рабовладения»¹³.

Уже в 1847 г., по сведениям Крапфа, в Кильву было продано 7000 чел., а в последующие годы число продаваемых рабов быстро увеличивалось¹⁴.

Цены на рабов в этом районе были невысоки — один раб стоил от 2 до 4 ярдов ткани¹⁵. Главными агентами работорговцев здесь были ваяо, которые в обмен на рабов получали от торговцев огнестрельное оружие, что позволяло им вести успешные войны со своими соседями — ваньянджа. В погоне за рабами группы ваяо перебирались с восточного берега озера Ньяса на западный, где они иногда оседали¹⁶. В некоторых случаях ваньянджа сами продавали в рабство «своих собственных подданных»¹⁷ — преступников и обвиняемых в колдовстве¹⁸. Через район расселения ваяо у истоков Ровумы проходил путь доставки рабов на побережье из Катанги, от правителей Казембе и Касонго. В этих местах были сильные правители, которые, получая оружие от торговцев, также имели возможность захватывать рабов военным путем. Правитель Казембе в Конго не только продавал торговцам рабов, но и разыскивал беглых рабов за определенное вознаграждение¹⁹. Очевидно, целенаправленный захват рабов военным путем получил особое распространение лишь с 40-х годов XIX в., когда для этого появились необходимые условия. Главными из них являлись: 1) увеличившийся спрос на рабов на побережье; 2) укрепление позиций торговцев во внутренних районах; 3) распространение огнестрельного оружия (его получали старые торговые партнеры суахи-

⁷ О. Кёрстен, Путешествие барона Карла Клауса фон Декен по Восточной Африке, М., 1870, стр. 302.

⁸ J. Krapf, Reisen in Ostafrika, Berlin und Stuttgart, 1858, S. 268.

⁹ Там же, стр. 273; Д. Ливингстон, Последнее путешествие в Центральную Африку, М., 1968, стр. 69, 213, 306; V. L. Cameron, A walk across Africa, London, 1877, vol. 1, p. 244—245; vol. 2, p. 327.

¹⁰ Некоторые правила рыночной торговли описаны О. Кёрстеном (Указ. раб. стр. 333), И. Крапфом (J. Krapf, Указ. раб., стр. 273—274) и другими путешественниками.

¹¹ A. N. J. Prins, Указ. раб., стр. 110.

¹² Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 340.

¹³ J. Krapf, Указ. раб., стр. 438.

¹⁴ В 60-е годы только через Занзибар из района Ньясы проходило не менее 19 тыс. рабов в год, а их вывозили еще через Кильву и порты португальских колоний (см. Ч. и Д. Ливингстон, Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг., М., 1958, стр. 260).

¹⁵ Там же, стр. 81, 328, 353.

¹⁶ Именно этим объясняются вкрапления ваяо среди ваньянджа, зафиксированные на современной этнической карте.

¹⁷ Ч. и Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 80—81.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 312.

ли²⁰ и крупные правители, лояльные к торговцам). К такому выводу приводят сообщения европейских путешественников и миссионеров, относящиеся к 40—70-м годам XIX в.

Второй и, возможно, более важный путь доставки рабов шел на побережье из Уньямвези через Табору. К ваньямвези рабы поступали в основном из Межозерья, особенно из Буганды и Буньоро. У суахили рабов часто называли по районам, откуда они были доставлены — «ваньямвези», или «ваяо», хотя эти названия, как правило, не имеют ничего общего с настоящей этнической принадлежностью рабов²¹. Оседая на побережье, рабы довольно быстро смешивались с суахили, и часть их по обычному праву в третьем или четвертом поколении становилась свободной.

Свободными были также дети от смешанных браков свободнорожденных и рабынь²². Рабы как часть социальной структуры были характерны только для городов суахилийского побережья, где они имелись, возможно, уже к VIII в.²³

Приток рабов в города на побережье был важным фактором образования там смешанного населения, утратившего племенное деление. В XIX в. рабовладение на побережье в целом носило патриархальный характер, рабов считали «в некоторой степени членами семейства»²⁴. Плохое обращение с рабом было скорее исключением, чем правилом²⁵.

Чтобы представить себе возможности применения рабского труда на побережье, следует хотя бы вкратце охарактеризовать местную экономику. Традиционная суахилийская экономика издавна включала два хозяйственных комплекса — земледельческий и морской (рыболовство, промыслы, морская торговля)²⁶. Земледелие, связанное с культурой кокосовой пальмы, со злаками и корнеплодами (просо, сорго, батат, маниока), удовлетворяло лишь собственные потребности населения в этих продуктах²⁷. Работа на плантациях кокосовых пальм состояла главным образом в посадке и уходе за молодыми пальмами. После этого на шамбе (поле, плантация — на суахили) уже не нужно много работников²⁸. Следовательно, рабский труд здесь не очень выгоден. Новая для Восточной Африки культура — гвоздика, завезенная в первой половине XIX в. — возделывалась тоже почти без применения рабского труда, а для сбора урожая использовали наемных рабочих. Что же касается рыболовства и морских промыслов, то это древние и сложные занятия, требовавшие квалификации и заинтересованности работника. Если добавить к этому их малую продуктивность, становится ясной неэффективность применения в них рабского труда²⁹.

Достаточно эффективно рабский труд мог быть использован лишь в караванной торговле. В Восточной Африке, где грузы на большое расстояние мог доставлять только человек, рабов издавна использовали в качестве носильщиков. Вьючные животные обычно гибли от трудностей пути и укусов мухи цеце, в чем убедились на опыте многие европейцы.

²⁰ В. Л. Камерон, например, сообщал о торговцах, направляющихся к Ньянгле, которые использовали ваньямвези, снабжая их оружием для добычи рабов (V. L. Cameron, Указ. раб., т. I, стр. 373).

²¹ Подобное изменение значения этнонимов известно в Буганде, Эфиопии и других районах Африки.

²² C. Velten, Sitten und Gebräuche der Suaheli, «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen», Berlin, 1898.

²³ О вывозе рабов из Восточной Африки сообщали многие арабские авторы, обозначающие население этой части континента словом «аз-зиндж».

²⁴ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 90.

²⁵ J. K. Graf, Указ. раб., стр. 426.

²⁶ Скотоводство в силу природных условий большой роли не играло.

²⁷ О традиционных занятиях населения побережья см. подробнее: В. М. Мисюгин, Основные черты этнической истории суахили, Канд. дис., Л., 1966, стр. 475—477.

²⁸ C. H. Stigand, The land of Zinj, London, 1913, p. 109.

²⁹ К этому выводу пришел В. М. Мисюгин, анализируя формы применения рабского труда на побережье (В. М. Мисюгин, Указ. раб., стр. 477).

Рост количества торговых караванов уже в первой половине XIX в. потребовал увеличения числа носильщиков. Использование рабов в этом качестве было выгодным и по той причине, что по возвращении на побережье торговцы могли продать рабов в большом количестве португальским и французским торговцам — в частности, на острова Мадагаскар и Бурбон (Реюньон).

В хозяйстве внутренних районов Восточной Африки, основанном на сезонном подсеčno-огневом земледелии, частично на отгонном скотоводстве, охоте и рыболовстве, не было экономической необходимости в применении труда рабов. Однако там существовали различные формы личной зависимости, которые первые европейские путешественники называли обычно рабством³⁰. Характер форм зависимости был, по-видимому, связан с системой возрастных классов, которая оказывала влияние на социальную организацию многих племен Восточной Африки. К началу нашего века эта система сохранилась почти исключительно в виде пережитков и зафиксирована очень неполно.

Системе возрастных классов посвящен ряд работ³¹. Эта непривычная для европейца система ускользнула от внимания ранних путешественников, и нет ничего удивительного в том, что их записи не содержат почти никаких сведений о ней. Даже И. Крапф, прекрасный знаток группы племен ваньика, лишь мимоходом сообщал о нескольких их подразделениях, различавшихся по возрасту. Более поздние исследования, однако, зафиксировали существование возрастных групп или их пережитков у всех девяти племен группы ваньика³².

Заслуживают внимания и различные косвенные упоминания о системе возрастных классов. Например, следующее сообщение Д. Ливингстона: «Сыновья свободных мужчин поступают к какому-либо вождю в возрасте 12—15 лет. Они не покидают своего вождя и не женятся до тех пор, пока другие юноши не будут готовы занять их место»³³. Несомненно, автор зафиксировал воспитание возрастной группы юношей и, возможно, их подготовку к обряду инициации.

К середине XIX в. система возрастных классов, присущая еще родovому обществу³⁴, интенсивно разрушалась, прежде всего вследствие проникновения во внутренние районы торговых караванов с побережья. Торговля обогащала племенную верхушку, способствуя превращению ее временного авторитета в пожизненную и наследственную власть. Этот процесс был очень сложным и проходил весьма неравномерно в разных частях Восточной Африки, но наиболее интенсивно — в районах, имевших длительные и развитые торговые связи с побережьем (районы Таборы, Казембе, Ньянгве). При разрушении системы возрастных классов возникала возможность вначале несколько продлить временное подчинение группы молодежи, а впоследствии превратить это подчинение в более длительное и, возможно, даже в постоянное.

Представление о временном характере подчинения долго существовало даже у некоторых прибрежных племен, раньше других утративших

³⁰ «Рабами» на побережье называли различные категории личностнозависимых, существовавшие во внутренних районах. Так, крупный суахильский работорговец Мухамед бин Джума эль Мурджеби, известный под именем Типпу Тип, называл жену своего деда рабыней («mjakazi» — суахили), хотя она принадлежала к правящему роду в Уруа. См.: W. H. Whiteley, Maisha ya Hamed bin Muhammed el Murjebi yaani Tippu Tip, «Supplement to the JEASC», 1958, № 97.

³¹ См., например: К. П. Калиновская, К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии, «Сов. этнография», 1969, № 4; ее же. К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла Эфиопии, Там же, 1972, № 4.

³² См., например, A. H. J. Prins, Указ. раб., стр. 25.

³³ D. Livingston, Erforschungsreisen im Inneren Africas, Leipzig, 1860, S. 308.

³⁴ См.: Д. А. Ольдерогге, Население и социальный строй Эфиопии, Сб. «Абиссиния», М.—Л., 1936, стр. 117.

систему возрастных классов. И. Крапф сообщал о племени вадурума, которое во время большого неурожая в 1835 г. отдало своих детей народу суахили на побережье, получив взамен зерно. Затем вадурума потребовали детей обратно за выкуп, но суахили отказались их вернуть, что послужило началом многолетней вражды³⁵. Здесь зафиксировано соприкосновение двух различных традиций обычного права: вадурума отдавали детей, исходя из собственных правовых норм, согласно которым использование труда определенной возрастной группы носило еще временный характер. Правовые же нормы суахили рассматривали эксплуатацию как постоянную, так как на побережье существовал институт рабовладения.

Влиятельные правители во внутренних районах имели возможность ломать некоторые традиционные порядки и продавать на побережье лиц, лично зависимых от них, в основном молодежь³⁶. Немалую часть рабов, поступавших на побережье, составляли юноши и дети — факт, ускользнувший от внимания многих исследователей. Сведения об этом у путешественников изложены обычно невнятно или чересчур обобщенно. Вот характерный пример из книги О. Кёрстена: «Приходя сюда в ранней юности, они (рабы. — В. П.) скоро теряют последние воспоминания о родных и родине»³⁷. Так же вскольз касаются этого и другие авторы, хотя у них встречаются сведения о продаже в рабство детей³⁸. Очевидно, юный возраст доставляемых на побережье рабов также способствовал их сравнительно быстрой ассимиляции.

Правителю, стремившемуся изменить традиционные формы управления обществом, требовалась группа, на которую он мог бы опереться в борьбе³⁹. Большую часть этой группы составляли, видимо, классификационные племянники, отданные правителю на воспитание. Сюда же входили и другие категории личностнозависимых⁴⁰ (у меня нет возможности рассказать об этом подробнее в рамках данной статьи). В целом широкая шкала форм личной зависимости (которые отнюдь не считались унижительными) создавала очень сложную картину общества и порождала такое специфическое явление, как «добровольное рабство». «Добровольными рабами» считались лица, сами продавшие себя в рабство и имевшие возможность позже откупиться от своего хозяина. Д. Ливингстон сообщал об одном из них, получившем за себя три отреза ткани: «... он был совершенно уверен, что совершил выгодную сделку, продав себя, так как, если бы ему случилось заболеть, его хозяин должен был бы его содержать»⁴¹. Л. Мэйр называет таких «добровольных рабов» клиентами (clients) и связывает развитие этого института с усилением власти правителей⁴². Эта исследовательница приводит многочисленные примеры таких отношений и анализирует их специфику в Буганде, Анголе, Руанде, Буньоро, у нилотов (шиллуку). Крупные правители в Восточной Африке часто использовали группу зависимых от них лиц в качестве воинов и носильщиков в торговых караванах. В предколониальный пе-

³⁵ J. Krapf, Указ. раб., стр. 358.

³⁶ Молодежь, естественно, имела меньше социальных прав, чем взрослые мужчины.

³⁷ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 90.

³⁸ J. Krapf, Указ. раб., стр. 208.

³⁹ Этот же вывод делает Л. Мэйр на материале Межозерья (L. Mair, *Anthropology and social change*, N. Y., 1969, p. 184).

⁴⁰ Нередко все члены этой группы назывались одним термином, степень их родства с правителем уже роли не играла. В современной литературе этот термин переводят обычно словом «раб», следуя традиции еще прошлого века (см.: A. Gottberg, *On the historical importance of the crisis of the Fundikira empire*, «African Studies», Leipzig, 1967, p. 79).

⁴¹ Ч. и Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 30. Этот институт, широко распространенный в Восточной Африке, а частично в Южной и Центральной Африке, не следует смешивать с наследственным, патриархальным рабовладением на побережье.

⁴² L. Mair, Указ. раб., стр. 173.

риод такая группа состояла из лиц различной этнической принадлежности. Так, претенденты на титул правителя в 60-х годах XIX в. в районе Таборы (Уньямвези) опирались не только на воинов ваньямвези, но и на гаррори и васукума⁴³. Они уже силой вербовали себе сторонников, угрожая захватить урожай и наказать старейшин в случае неповиновения⁴⁴. Правители опирались на группу личностнозависимых и при захвате рабов. Из этой же группы правитель мог продавать негодных ему людей торговцам⁴⁵. Не случайно большая масса рабов доставлялась на побережье из Межозерья, где институт личностнозависимых был особенно распространен. От статуса личностнозависимого до положения раба оставался только один шаг, и этим шагом была продажа в рабство. О том, что только проданный становился рабом, говорит и правовая традиция суахили, записанная К. Фельтеном в конце прошлого века⁴⁶.

Особенно выгодным было положение правителей ваньямвези, так как через этот район шел главный путь вывоза слоновой кости, а также рабов из Межозерья. Именно здесь во второй половине XIX в. выделились сильные правители — Фунди Кира, Мньва Сере, Мкасива, Мсири, Мирамбо, являвшиеся одновременно и крупными торговцами. Интересно отметить, что Мсири, захвативший часть Катанги в 1856 г., приказал всем новым «подданным» принять племенные знаки ваньямвези⁴⁷. Так поступали и другие правители, в результате чего менялись этнические границы⁴⁸. Торговцы с побережья, оседавшие в глубине материка, тоже создавали группы личностнозависимых, среди которых были и рабы, доставленные с побережья. Эти люди были носильщиками, воинами, они же работали на полях. Таким образом, крупные торговые поселения во внутренних районах, позднее превратившиеся в города Табора, Уджиджи, Ньянгве, имели смешанное население, большую часть которого составляли рабы и личностнозависимые. Менее крупные пункты иногда также имели смешанный состав населения (Касонго)⁴⁹. Рабы как на побережье, так и во внутренних районах обычно имели возможность выкупить себе свободу или, в случае плохого обращения, бежать от своего хозяина и найти нового⁵⁰. В отдельных случаях беглые рабы примыкали к какой-либо этнической группе, становясь ее «сыновьями», т. е. членами племени⁵¹.

Еще одним следствием торговли рабами было то, что отдельные племена или их части, чтобы избежать продажи в рабство переселялись. Так, группы ваньянджа переселились к озеру Маломбе, куда в 60-х годах XIX в. еще не проникали военные экспедиции ваяо⁵².

Разбогатеи на торговле, отдельные посредники получали возможность взять три-четыре и более жены. Такая форма брака, издавна известная в Восточной Африке, получила распространение с развитием торговли и усилением имущественной дифференциации. Количество жен за-

⁴³ J. H. Speke, The journal of the discovery of the source of the Nile, London, 1863, p. 77.

⁴⁴ Там же, стр. 99.

⁴⁵ Члены этой группы в отдельных случаях могли менять своего патрона. Если же он хотел их вернуть, то должен был платить их новому хозяину выкуп (V. L. Cameron, Указ. раб., т. 1, стр. 79).

⁴⁶ C. Velten, Указ. раб., Nabari za watumwa.

⁴⁷ V. L. Cameron, Указ. раб., т. 2, стр. 208.

⁴⁸ См. L. Mair, Указ. раб., стр. 176. Типпу Тип называет подданных одного из правителей «люди Мронго Тамбве» (Wa Mrongo Tambwe). Мронго Тамбве — имя правителя (W. H. Whitley, Указ. раб., № 76).

⁴⁹ При покупке у рабов выясняли, владеют ли они огнестрельным оружием. Они были основной ударной силой каравана, так как наемным носильщикам оружие не доверяли (V. L. Cameron, Указ. раб., т. 1, стр. 164). На роль рабов в войнах обращает внимание и Л. Мэйр (L. Mair, Указ. раб., стр. 175, 178).

⁵⁰ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 362.

⁵¹ Это зафиксировано и в обычном праве суахили (C. Velten, Указ. раб., стр. 37).

⁵² J. Krapf, Указ. раб., стр. 425.

висело от богатства человека и его рода, так как за каждую жену он платил значительный выкуп скотом, мотыгами, бусами и т. д. Разбогатец, ваньика, по словам И. Крапфа, стремились приобрести как можно больше жен⁵³. Например, кимвери (правитель вашамбала), в 40—60 гг. XIX в. имел более 300 жен. Большое число жен не только поднимало социальный престиж их обладателя, но и помогало им устанавливать связи с различными племенами. Эти связи давали возможность беспрепятственно проходить по территориям этих племен, покупать у них продукты питания, что имело большое значение для торговца. Кроме того, таким образом увеличивалось число классификационных родственников, которых можно было использовать в торговле и на войне (торговые караваны часто возглавляли правители или их наследники). Наконец, каждая жена обычно обрабатывала свой земельный надел, долю урожая с которого получал муж. Очевидно, многоженство в таких масштабах являлось узурпацией прав других мужчин, часть молодежи оказывалась «обделенной» и вынуждена была искать жен иногда довольно далеко от своего племени. Так, в первой четверти XIX в. группа юношей вакамба переселилась из Китуи (в современной юго-восточной Кении) в Укагуру (в современной Танзании), где они взяли жен из племен кагуру и нгуу⁵⁴. Брачные связи торговцев с правящими родами племен внутренних районов закрепляли торговых контактов. Типичным примером этого является семья известного суахильского торговца Типпу Типа. Его дед был женат на женщине, принадлежавшей к правящему роду в Уруа⁵⁵. В прошлом веке этот район был одним из наиболее развитых в торговом отношении. Там шла крупная торговля железом, слоновой костью, солью, рыбой. Брак позволил деду Типпу Типа пользоваться привилегиями в торговле. Отец Типпу Типа, также крупный торговец, был женат на дочери правителя Таборы⁵⁶. Сам Типпу Тип имел жен из различных районов Восточной Африки. Одна из них была дочерью правителя Мероси в Катанге, откуда Типпу Тип доставлял на побережье золото⁵⁷.

В. Л. Камерон сообщал о браке Мвенье Хери, суахильского торговца, и дочери правителя в Уджиджи (важный торговый пункт)⁵⁸. «Подобные браки — это один из способов, которыми арабы расширяют свое влияние», — справедливо замечал Д. Ливингстон⁵⁹. Женитьба на дочери правителя могла явиться даже способом прекращения военных действий.

Давнюю историю имеют также родственные связи населения суахильских городов и прилегающих к побережью районов. Многие шейхи Момбасы, например, были по происхождению ваньика. Эти шейхи выступали посредниками в торговле между ваньика и момбасскими суахили, только они могли дать разрешение на проход по территории ваньика. Традиционные торговые связи были закреплены обычаем, по которому правители ваньика получали 150 кусков ткани в год от династии Мазруи в Момбасе⁶⁰. Ваньика продавали в Момбасе рабов, копал, древесину, они же были посредниками в торговле суахили с галла. Тесные связи Мазруи с ваньика проявились и в том, что Салим — последний представитель династии — одновременно был одним из правителей племени вагирьяма, входившего в группу ваньика. К середине XIX в. у побережья

⁵³ Там же, стр. 249.

⁵⁴ T. O. Beidelman, Some notes on the Kamba in Kilosa District, «Tanganyika Notes and Records», 1961, № 57.

⁵⁵ W. H. Whiteley, Указ. раб., № 97.

⁵⁶ Там же, № 2.

⁵⁷ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 397.

⁵⁸ V. L. Sategon, Указ. раб., т. 1, стр. 243.

⁵⁹ Д. Ливингстон, Указ. раб., стр. 31 (арабами он называл всех торговцев с побережья).

⁶⁰ J. K. G. a r f, Указ. раб., стр. 208.

существовали уже деревни, где жили и ваньяка и суахили⁶¹. Следует заметить, что пестрота этнического состава населения в торговых районах и центрах как у побережья, так и в более западных областях Восточной Африки создавала предпосылки для распространения языка суахили, который быстро становился языком всех торговцев. Во второй половине XIX в. северные диалекты суахили были понятны уже в Руанде, Урунди, Уганде, Восточном Конго и т. д.⁶²

Учет влияния торговли на этнические процессы помогает в отдельных случаях глубже понять их характер. Так, формирование одной из крупнейших этнических групп современной Танзании, ваньямвези, связано прежде всего с караванной торговлей. Термином ваньямвези, по-видимому, когда-то на побережье обозначали население большого района, с которым у суахили были древние торговые связи⁶³. Население этого района никогда не было этнически однородным, здесь жили различные, хотя и близкие друг другу, племена. Возникновение крупных торговых пунктов в Таборе и Уджиджи создало центры этнической консолидации. Этому же способствовало появление сильных правителей, объединявших под своей властью значительные территории. Величина этих территорий определялась в немалой степени размахом торговых операций и расположением торговых путей.

Район Уньямвези постепенно превращался в зону, которую можно назвать этноторговой, не имевшую, однако, четких границ. До сих пор ваньямвези нельзя назвать этнически едиными — границы между ними, васукума, васумбва и другими группами расплывчаты.

Другим центром этнической консолидации был в XIX в. район Килиманджаро, который О. Кёрстен называл «центром и исходным пунктом для восточноафриканской торговли»⁶⁴. Это тоже был крупный этноторговый район, имевший, видимо, старинные связи с побережьем. Здесь жили люди из племен вапаре, ватента, вакамба, вакикуйю, васамбаа и др. Здесь также существовали довольно влиятельные правители, державшие в своих руках торговлю⁶⁵.

Итак, торговля племен внутренних частей Восточной Африки с населением побережья способствовала различным формам ассимиляции и приводила к образованию более крупных этнических общностей на базе одного или нескольких племен. Среди связанных с торговлей факторов большую роль в этнических процессах сыграли: 1) работорговля и ее последствия; 2) появление сильных правителей, объединявших под своей властью представителей различных этнических групп; 3) образование этноторговых районов; 4) кровнородственные связи торгового населения суахилийских городов и населения внутренних районов Восточной Африки; 5) рост торговых центров со смешанным населением; 6) распространение суахили как языка торговли.

Этнические процессы в Восточной Африке предколониального периода были тесно связаны с изменениями в структуре общества, прежде всего с разрушением традиционных форм социальной организации и заменой их нарождающейся новой социальной структурой с властью крупных правителей. Возникавшие в этих условиях новые этнические образования сохраняли племенную организацию и поэтому могут быть названы вторичными племенами.

Быстрое распространение языка суахили приводило к устойчивому двуязычию отдельных этнических групп, т. е. являлось начальным эта-

⁶¹ J. K. Garf, Указ. раб., стр. 245.

⁶² Подробнее об этом см.: В. М. Мисюгин, О происхождении и распространении языка суахили, «Африканский этнографический сборник», 3, М.—Л., 1959, стр. 36—47.

⁶³ О торговле с этим районом сообщал уже О. Даппер (O. Dapper, Beschreibung von Afrika, Amsterdam, 1671, S. 634).

⁶⁴ О. Кёрстен, Указ. раб., стр. 302.

⁶⁵ Там же, стр. 302.

пом языковой ассимиляции. Этот факт свидетельствует о тенденции к образованию более крупных этнических общностей, хотя интенсивность процесса этнической консолидации в целом была недостаточной для создания общностей более высокого уровня, чем племя или группа племен.

Одним из заметных результатов этнических процессов, обусловленных торговлей, явилось также постепенное стирание внешних различий между отдельными племенами в одежде, украшениях, татуировке и т. д. Границы возникавших в этот период вторичных племен были искусственно закреплены позднее, уже колониальной администрацией.

Анализ некоторых этнических процессов предколониального периода помогает яснее понять их динамику и в более позднее время. Без этого невозможна серьезная оценка тех явлений, которые происходят в странах современной Восточной Африки.

THE ROLE OF TRADE IN THE ETHNIC HISTORY OF PRE-COLONIAL EAST AFRICA

The impact of trade over long distances on the ethnic history of pre-colonial East Africa had been considerable. The problem under discussion is — what role it played in ethnic processes and social change in the inner and coastal parts of East Africa. In the period from 1840 to 1884 the ethnic picture there underwent a great change, which can be characterized as the formation of new ethnic groups, among them tribes and groups of tribes. In many cases the borders of such groups (e. g. Wanyamwezi) depended primarily upon the scale of trade with the coast and the situation of main trade routes. The main factors influencing ethnic processes were the slave trade, the growth of trade centres with a very mixed population, the propagation of the Swahili language etc. Trade over long distances changed the social structure of the tribes inhabiting East Africa, bringing wealth to the chiefs. It also helps to explain the great cultural similarities between different peoples there.

В. А. Макаренко, К. Ю. Мешков

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕФИЛИППИНСКОГО ПИСЬМА

Об истории Филиппинского архипелага до проникновения туда европейцев (начало XVI в.) имеются очень скудные и отрывочные сведения. Еще менее известна древняя история этой страны. Археологические исследования на Филиппинах начались сравнительно недавно (главным образом в 20—30-х годах XX в.) и были надолго прерваны во время второй мировой войны и в послевоенные годы¹. На основании полученных во время раскопок материалов еще нельзя сделать обобщающих выводов. Описание древней истории Филиппин в целостном виде — дело будущего.

Наиболее важным и исторически достоверным документом древней истории Филиппин является древнее филиппинское письмо.

Основными языками на Филиппинах являются тагальский², висайские, илоканский, лампанганский, пангасинанский, бикольский, ибанэгский, самбальский, батанский, а также языки группы моро (сулу, магинданао и маранао) и многочисленных горных племен. Всего здесь насчитывается около 120 языков и диалектов³. Трудно теоретически представить существование единого филиппинского письма.

Значительный и наиболее ценный вклад в изучение филиппинской письменности внесли испанские католические монахи-миссионеры. Особенно интересны работы, написанные ими до 1700 г. (когда латинизация тагальского и прочих алфавитов еще не была окончательно завершена), так как их авторы непосредственно соприкасались с письмом народов Филиппинского архипелага, были свидетелями его употребления и исследовали недоступные ныне первоисточники.

Началом изучения филиппинских языков и древнефилиппинского письма заслуженно считается книга испанского иезуита-миссионера Педро Чирино⁴, опубликованная в Риме в 1604 г. Педро Чирино провел на Филиппинах 40 лет (с 1595 по 1635 г.), он прекрасно знал историю и географию островов, их этнографические особенности, был блестящим знатоком тагальского и ряда других филиппинских языков. Ему принадлежит известное высказывание: «На Филиппинах нет единого языка, нет общего языка, который был бы там распространен. Но все они ...столь сходны меж собой, что в несколько дней можно обучиться понимать их и разговаривать»⁵. Образцы письма, порядок и начертание букв древне-

¹ M. Sullivan, *Archaeology in the Philippines*, «Antiquity», 1956, June, № 118; W. G. Solheim II, *The Archaeology of Central Philippines*, Manila, 1964.

² С 4 июля 1946 г. (день провозглашения независимости страны) тагальский язык стал государственным языком Филиппинской республики. Подробнее см.: В. А. Макаренко, Развитие современной языковой ситуации в Филиппинской республике и ее основные тенденции, сб. «Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки», М., 1970, стр. 156—170.

³ A. Healey, *Three letter abbreviations of Malayo-Polynesian (Austronesian) language names*, «Te Reo», 1962, vol. 5, p. 36—40.

⁴ P. Chirino, *Relación de las islas Filipinas y de lo que en ellas han trabajado los padres de la Compañía de Jesús*, Roma, MDCIV (1604), Manila, 1890.

⁵ Цит. по: C. Lopez, *The language situation in the Philippine Islands*, Manila, 1931, p. 7.

тагальского алфавита, сохранившиеся в трудах Чирино, по общему мнению, можно считать наиболее достоверными.

В 1610 г. Сан-Хосе⁶ была опубликована одна из первых грамматик тагальского языка, переизданная затем в 1752 и 1838 гг. Это — первая тагальская грамматика из составленных европейцами. В ней содержатся некоторые дополнительные сведения о древнетагальском письме. До нас дошла также грамматика илоканского языка, написанная М. де Сент-Круа в 1617 г., и книга М. Тевенота⁷ с разделом, специально посвященным древнетагальскому письму (1696). Наконец, в 1663 г. была издана книга П. Колина⁸, в которой сообщались неизвестные ранее сведения о древнефилиппинских письменностях, о начертании знаков и направлении письма.

Почти все остальные работы о древнефилиппинском письме относятся к XVIII и XIX вв. Во многих из них анализируются лишь те или иные варианты тагальского и других филиппинских алфавитов, но почти не привлекаются письменные памятники, которые к этому времени встречались все реже и реже, а затем практически совсем исчезли.

Историки обычно относят книгу Гаспара де Сан-Агустина⁹ о тагальском языке к 1703 г. В ней содержится новый вариант древнетагальского алфавита, где начертание знаков несколько отличается от соответствующих знаков алфавита Чирино. Алфавит Г. де Сан-Агустина содержит лишь один вариант написания знаков *a*, *ga* и *ta*, что позволяет правильно оценить эти знаки в алфавите, представленном Чирино.

В 1745 г. в Маниле впервые увидела свет одна из самых полных грамматик тагальского языка, написанная Себастьяном де Тотанесом¹⁰. К грамматике был приложен краткий разговорник, содержащий общие сведения о древнетагальской графике. Эта книга первоначально служила руководством для священников, однако вскоре получила широкое признание и впоследствии неоднократно переиздавалась на Филиппинах (в 1796 и 1850 гг. в Маниле, в 1865 г. в Бинондо). С. де Тотанес был последним, кому удалось изучать древнетагальское письмо по первоисточникам. Все остальные историки и лингвисты XVIII—XIX вв. либо вновь анализировали немногочисленные уже известные тексты и образцы древнефилиппинского письма, либо по-новому подходили к тем историческим фактам, на основе которых ранее уже были сделаны определенные выводы о происхождении и истории древней письменности филиппинских народов.

С. де Мас изучал древнетагальскую письменность, а также выявил алфавиты языков пангасинан и пампанго и один из вариантов илоканского алфавита. Он одним из первых провел сравнительное исследование древнего письма различных филиппинских языков¹¹.

В 1882 г. К. Ф. Холле¹² в своей интересной работе рассказал о находках Н. Риделя, которому удалось обнаружить два неизвестных ранее алфавита. Первый из них напоминает варианты древних тагальских алфавитов, второй также явно филиппинского происхождения. Однако до

⁶ San Jose, Arte y reglas de la lengua Tagala. Bataan, 1610.

⁷ M. de Sainte-Croix, Arte de la lengua ilocana, Manila, 1617; M. Thévenot, Relations de divers voyages curieux, Paris, 1696.

⁸ P. Colin, Labor evangélica, Madrid, 1663.

⁹ G. de San Agustín, Compendio de la arte de la lengua Tagala, Manila, 1787.

¹⁰ S. de Totanes, Arte de la lengua Tagala, y Manual tagalog, para la administración de los santos sacramentos que de orden de sus superiores..., Sampaloc, 1745.

¹¹ P. Ezguerra, Arte de la lengua Bisaya, Manila, 1747; San Buenaventura, Vocabulario de la lengua Tagala, Sampaloc, 1794; Juan J. Noceda y Pedro de Sanlúcar, Vocabulario de la lengua Tagala, Valladolid, 1832; S. de Mas, Informe sobre las islas Filipinas, Madrid, 1843; M. Mallat, Les Iles Philippines, Paris, 1846; I. Favre, Dictionnaire Malais-Français, Vienne: MDCCCLXXV (1875).

¹² K. F. Holle, Fabel van oud-en nieuw-indische alphabetten, S'Hage & Batavia, 1882.

сих пор не удалось точно установить, в каких из филиппинских языков использовались найденные Н. Риделем письменные знаки. Можно предположить, что первый из этих алфавитов является курсивным вариантом древнего тагальского или бисайского письма.

К изучению древнефилиппинского письма в разное время обращались католические миссионеры, труды которых дошли до нас лишь частично в работах других авторов.

В последней четверти XIX в. появились две обстоятельные обобщающие работы — книги проф. Т. Э. Пардо де Таверы и монаха-августинца Сиприано Марсилья-и-Мартина¹³. Им удалось провести серьезный сравнительный анализ древнего письма различных филиппинских языков, установить их родство, а также определить наиболее вероятное начертание знаков и способ их употребления, проследить эволюцию некоторых знаков. Эти исследователи собрали свыше 20 различных вариантов древних алфавитов, в том числе семь¹⁴ образцов древнетагальского алфавита и привели также наиболее обоснованные версии о происхождении древнефилиппинской письменности. Эти гипотезы базируются на последних достижениях истории и лингвистики своего времени.

В конце XIX в., незадолго до конца испанского владычества, были сделаны два важных открытия, позволившие поставить вопрос о широте распространения филиппинских алфавитов в прошлом. В 1886 г. французский исследователь А. Марш обнаружил письмо народа тагбануа на о. Палаван. В 1890 г. испанец П. А. Патерно опубликовал алфавит народа мангиан, имеющий в отличие от письма тагбануа две разновидности: бухилскую и собственно мангианскую. Собственно мангианская имела несколько вариантов, из которых наибольший интерес представляли письменности булалакао и мансалая как наиболее типичные. Многие знаки в этих алфавитах имели разные варианты начертаний¹⁵.

Среди работ XX в., посвященных Филиппинам, сведения о древнем филиппинском письме содержатся лишь в нескольких книгах по истории страны, а также в «Грамматике национального языка»¹⁶. Однако в этих изданиях дается лишь самое общее и краткое представление об этом письме.

Известные исследователи Юго-Восточной Азии Ж. Седес¹⁷ и Д. Дж. Е. Холл¹⁸ неоднократно обращались к изучению систем письма различных народов этого района. Очертание (написание) букв, способы их соединения, направление письма и пр. в древнефилиппинской письменности изучались в сравнительно-историческом аспекте.

В настоящее время родство основных филиппинских языков и односистемность их графики считаются доказанными. Большая распространенность тагальского письма, наличие семи основных вариантов древнего тагальского алфавита, а также сходство знаков в тагальском и во всех других филиппинских алфавитах заставляют предположить, что все

¹³ Т. Н. Pardo de Tavera, *Contribución para el estudio des los Antiguos Alfabetos Filipinos*, Losana, 1884; Cipriano Marcilla y Martin, *Estudios de los Antiguos Alfabetos Filipinos*, Malabon, 1895.

¹⁴ В это число входят также публикации Ф. Лопеса, П. Вигила и А. Пуя.

¹⁵ Таблицу основных из ныне существующих или ранее существовавших алфавитов Филиппин, составленную по работе Ф. Гарднера (F. Gardner, *Philippine indic studies*, «Indic Bulletin», I, Series of 1943, «The Witte Memorial Museum», San Antonio, Texas, 1943) см.: Д. Дирингер, *Алфавит*, М., 1963, стр. 505.

¹⁶ D. T. Barrows, *History of the Philippines*, N. Y., 1924, p. 12—15; C. Benites. C. Ramon, S. Tirona, L. Gatmaytan, *Philippine social life and progress*, N. Y., 1937, p. 87—98; H. O. Beyer and J. C. De Veyra, *Philippine Saga*, Manila, 1947; P. Reyes, *Pictorial history of the Philippines*, Manila, 1953, p. 10—15; «Balarilâ ng Wikang Pambansâ, Suriân ng Wikang, Pambansâ, Ikaapat na Pagkâ-palimbâg, Káwanihan ng Palimbagan», Maynila, 1950.

¹⁷ G. Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie*, Paris, 1948.

¹⁸ Д. Дж. Е. Холл, *История Юго-Восточной Азии* (пер. с англ. яз.), М., 1958, стр. 34—35.

алфавиты филиппинских языков возникли из тагальского или, во всяком случае, имеют общее происхождение и постоянно испытывали преобладающее влияние древнего тагальского письма. Это подтверждается и тем, что ряд вариантных знаков древнетагальского письма сближается с соответствующими знаками древних алфавитов других филиппинских языков. Поэтому краткая характеристика древнетагальского письма может дать представление о древней системе письма каждого из основных филиппинских языков.

Древнетагальское письмо — фонетическое слоговое. Гласные звуки обозначаются самостоятельными буквами только в начале слова (начальный гласный) и в середине или в конце слова после гласных. В тех же случаях, когда гласные следуют за согласными в середине или в конце слова, они обозначаются точкой (*tuldók*) над (e, i) или под (o, u) письменным знаком, который передает на письме соответствующий согласный звук. Гласный а, сопутствующий согласному, на письме не изображается, т. е. каждый знак, обозначающий согласный звук, читается в сочетании с присущим гласным а. Согласный звук без сопутствующего ему гласного (изолированный согласный) обозначается соответствующим письменным знаком с крестиком (*sabàt o kugús*) под этим знаком внизу справа.

Первоначально тагальский алфавит состоял из 17 письменных знаков; три из них обозначали гласные звуки (a; e, i; o, u) и 14 — согласные (k, g, ŋ, t, d, n, p, b, m, y, l, w, s, h). При этом звук г передавался на письме тем же знаком, что и звук d.

Чтение древнетагальских текстов раннего периода в значительной степени затруднено тем, что пять гласных звуков обозначались на письме лишь тремя знаками. Поэтому понимание целого ряда слов в том или ином контексте полностью зависело от сообразительности или опытности читателя, который должен был подбирать по смыслу возможные варианты. Кроме того, по свидетельству ряда палеографов, в тагальском письме того периода отсутствовали какие бы то ни было знаки препинания, не различались строчные и прописные письменные знаки. К этому следует добавить, что знаки *pa*, *ma*, *sa* и *ta* имели разнописание. В скорописи ряд сходных по начертанию знаков принимал совершенно одинаковый вид. Точки, обозначавшие гласные звуки в сочетании с согласными, в скорописи нередко опускались. Не всегда употреблялся и крестик, обозначающий изолированные согласные. Поэтому, как отмечал Дж. Лейден, «было значительно труднее читать, чем писать»¹⁹.

В дальнейшем тагальское письмо совершенствовалось. Получили самостоятельные письменные знаки звуки e и i, o и u, г и d. Гласные в сочетании с согласными в середине и в конце слова стали обозначаться следующим образом: e — черточкой сверху согласного, i — точкой сверху согласного, u — черточкой снизу согласного и o — точкой снизу согласного. Для обозначения изолированных согласных вместо крестика стала употребляться точка перед соответствующим знаком посередине.

Читать текст стало значительно легче, так как сначала целые предложения, а затем словосочетания и отдельные слова стали отделяться друг от друга вертикальной чертой. Несколько позже между словами стали делать пропуск.

Ученые полагают, что древние обитатели Филиппинских островов пользовались особыми знаками, сходными с дравидийскими, для обозначения чисел. Но эта гипотеза еще не получила подтверждения.

Во всех работах по палеографии древнее филиппинское письмо представлено в его рукописном варианте и воспроизводится в исторической и лингвистической литературе литографическим способом, так как искусство книгопечатания появляется на Филиппинском архипелаге при-

¹⁹ J. Leyden, *Translations of Malay annals*, London, 1821.

мерно в тот же период, когда древнефилиппинское письмо стало вытесняться латиницей (конец XVI — начало XVII в.). Печатные знаки древних филиппинских алфавитов не обнаружены. Весьма вероятно, что их вообще не существовало.

Материалом для письма до X в. служили бамбуковые дощечки и высушенные особым способом листья пальм, а позже импортная китайская бумага. Орудием письма был металлический резец (стило). Тагальский текст первой книги, напечатанной на Филиппинах («*Doctrina christiana*», Manila, 1593), был исполнен как латинской графикой, так и древнетагальским письмом (литографическим способом)²⁰.

Франсиско Колин, писатель и историк, современник П. Чирино, проживший на Филиппинах несколько десятков лет и написавший историю страны, свидетельствует, что филиппинцы довольно широко пользовались своим письмом. «Они очень любят свое чтение и письмо,— пишет он о тагалах,— так что едва ли найдется мужчина или женщина, которые не умели бы читать и писать; они пользуются им даже в религии, хотя они уже христиане...»²¹. Возможно, это сообщение не совсем верно отражало действительное положение. Но доподлинно известно, что в XVII в. еще имелись книги и молитвенники, переписанные от руки древнетагальски.

Внедрение латинской графики началось с первой четверти XVII в., когда окончилось обращение филиппинцев в католичество. Латинизация филиппинской письменности окончилась в первой четверти XVIII в. В 1745 г. П. Тотанес, обнаруживший последние следы древнетагальского письма, писал: «Буквы языка (древнетагальского письма.— *Авторы*) не употребляются, потому что уже редки индио, которые могут читать, и еще реже те, которые могут писать»²².

В настоящее время до конца не выяснен вопрос о происхождении и развитии древнефилиппинской письменности, хотя существует на этот счет несколько достаточно аргументированных предположений и множество гипотез.

В начале XVIII в. Сан-Агустин высказал предположение о малайском происхождении древнетагальского письма. Он считал, что тагальская система, как и другие филиппинские системы письма, произошла от малайского письма, существовавшего на территории нынешней Индонезии.

Дж. Лейден, знаток малайских и океанических языков, позднее говорил о сходстве батакского и древнего тагальского письма. Эту же точку зрения высказывали Перо Марсен, Стенли, Малье и Фавр, пользовавшиеся алфавитом Сан-Агустина.

Древние филиппинские алфавиты имеют известное сходство не только с батакским, но и с древнеяванским (кави), с алфавитами реджанг и лампонг. Однако только лишь на этом основании еще нельзя утверждать, что эти алфавиты непосредственно связаны друг с другом. Это свидетельствует лишь об общности их происхождения. Тагальское письмо имеет много общих черт с древними дравидийскими письменностями чера и кадамба. Ряд малайских письменностей также, по всей вероятности, восходит к письму кадамба через письменность венги.

Если даже предположить первоначальное существование какой-то родственной системы письма в странах малайского культурного ареала, приходится признать, что впоследствии иносистемное письмо оказало столь сильное влияние на письменности малайских языков, что привело к значительному отличию их друг от друга²³.

²⁰ J. L. Phelan, *The hispanization of the Philippines. 1565—1700*, Madison, 1959, p. 18—19.

²¹ Там же, стр. 54.

²² S. de Totanes, Указ. раб., стр. 7. (Индио букв. «индеец» — название жителей Филиппинского архипелага, данное им испанцами).

²³ Х. Рисаль, Избранное, М., 1961, стр. 145.

Правдоподобность семитской версии происхождения древнефилиппинского письма еще более сомнительна. Предположение о «древнееврейском или китайском» происхождении филиппинского письма было высказано П. Ментрида в 1818 г. Более определенно высказался в конце прошлого века Антонио де Морга, утверждавший, что древние тагальские знаки — арабского происхождения, а направление тагальского письма было «справа налево». Такого же мнения придерживался и Мартинес де Суньига. Однако эти авторы не представили убедительных доказательств в подтверждение своих предположений.

Работы Чирино, Эсгерры и в особенности де Маса, собравшего несколько филиппинских алфавитов и прочитавшего ряд древнетагальских и древнеилоканских текстов, убедительно свидетельствуют о том, что направление письма во всех основных филиппинских языках — «слева направо». Это подтверждается и сравнительным анализом древнетагальского и батакского письма, проведенным Дж. Лейденом. Как показал этот исследователь, тагальское и батакское письмо горизонтально читается «слева направо» и имеет знаки округлой формы. Эти выводы подтверждает П. Марсен, сравнивавший древнетагальское письмо с письменностью древних обитателей о. Суматры.

Существование семитской версии объясняется, вероятнее всего, тем, что моро на юге Филиппин пользовались настоящим арабским письмом, которое было завезено на острова в XV в. мусульманскими купцами²⁴.

Версия о китайском происхождении древнефилиппинского письма не получила сколько-нибудь широкого распространения. В древней филиппинской письменности, несомненно, отсутствуют какие бы то ни было черты иероглифического письма. Возможно, существовало лишь чисто внешнее сходство некоторых знаков с китайскими иероглифами.

Наиболее вероятной и вместе с тем наиболее обоснованной является индийская теория происхождения древнего филиппинского письма. Существуют три версии этой теории.

Возможность происхождения филиппинских алфавитов от письменности брахми, древнейшей из засвидетельствованных форм индийского письма, впервые обосновал Т. Э. Пардо де Тавера²⁵.

В конце прошлого века немецкий санинитолог и специалист по индийской палеографии Георг Бюлер доказал финикийское происхождение древнеиндийской письменности брахми (магадхи) — письма древнеиндийского царя Ашоки. Все изученные системы письма древних и современных индийских языков восходят к брахми. Появление этого письма Честмир Лоукотка относит к первым столетиям до н. э.²⁶ В IV в. от брахми произошла письменность гупта, а в VI в. — нагари, давшая, в свою очередь, письмо деванагари (XIII в.). Несколько ранее (около XII в.) появилось протобенгальское письмо.

В соответствии с порядком согласных в брахми и деванагари Пардо де Тавера уточнил порядок согласных в филиппинских языках:

ka	ga	nga		
ta	da	na		
pa	ba	ma		
ya	la	wa	ha	sa

Пардо де Тавера считал, что непосредственно от брахми произошли следующие древнетагальские знаки: ta, pa, ba, ma и sa. Знак ma, по его мнению, напоминает соответствующий знак в письме лампонг (о. Суматра). Ga похоже на аналогичный знак в письме гуджарати, а также сходно с соответствующим знаком письма лампанго; pa похоже на соответствующий знак макассарского письма, ya — на соответствующий знак

²⁴ J. L. Phelan, Указ. раб., стр. 16—17.

²⁵ T. H. Pardo de Tavera, Указ. раб.

²⁶ Ч. Лоукотка, Развитие письма (пер. с чешского), М., 1950, стр. 195—196.

письма мандайлинг и тоба, а la — на знаки дравидийских языков (тамилского и телугу).

Проведенный Падро де Таверой анализ наглядно показал, что письмо брахми оказало влияние не только на письменность филиппинских языков, но и на письмо ряда других языков малайской ветви. Справедливо замечание исследователя, что «филиппинские алфавиты сходны с буквами надписей Ашоки более, чем с какими-либо другими алфавитами Индии или Океании».

Филиппинским историком И. де лос Рейес Флорентино²⁷, был проведен сравнительный палеографический анализ бисайского письма с письмом брахми, древнеславянским, тоба и др. Он тоже пришел к выводу о доминирующем влиянии письма брахми.

Ч. Лоукотка считает, что индийские купцы и мореплаватели, особенно бенгальские, уже в I в. до н. э. посещали острова Малайского архипелага и вместе с зачатками цивилизации завезли сюда письмо. Исследователь находит сходство письма народов Явы и Суматры, Филиппин и Сулавеси с ассамским письмом, которое, как ему кажется, «послужило для коренного населения стимулом к созданию оригинальных алфавитов».

Ассамское письмо, как и протобенгальское (XII в.), могло оказать известное влияние на формирование и развитие письменности филиппинских языков, однако это влияние не могло быть решающим. Ч. Лоукотка сам признает, что на острова Малайского архипелага ассамское письмо пришло в сильно измененном виде. Отсутствует внешнее сходство в начертании знаков; следует также указать на то, что ни в одном из филиппинских алфавитов не встречается в качестве слоговой гласной o, нет варг (варга — группа согласных, сходных по месту образования) cho и to, нет придыхательных, нет лигатур. К тому же в I в. до н. э. индийские купцы могли завезти на острова скорее всего слегка видоизмененное письмо брахми, возникновение которого Ч. Лоукотка относит к III—II вв. до н. э., или одно из его более поздних производных.

У. Стэнли²⁸ высказывает предположение о происхождении тагальского и бисайского алфавитов от письма синдхи и мултани.

Д. Бэрроуз считает, что «алфавиты, которые застали испанцы, несомненно развились из алфавитов, которыми пользовались индийцы на Яве и в соседних районах». Но он не разъясняет, каких индийцев он имеет в виду: арьев или дравидов. Этими индийцами, вероятнее всего, были дравиды.

В 1937 г. К. Бенитес и его соавторы писали: «Алфавиты достигли Филиппин в трех различных видах — индийском, арабском и европейском»²⁹.

На юге Филиппин незначительная часть населения пользуется арабским письмом, а латинское письмо пришло на смену древнефилиппинскому. Важно выяснить происхождение древнего письма основных филиппинских языков.

Д. Дирингер в своей книге «Алфавит» говорит еще о высказанной Кроуфордом³⁰ теории автохтонного происхождения, которая не встретила, однако, поддержки у ученых. Сам Д. Дирингер придерживается традиционной теории о малайском происхождении филиппинской письменности с оговоркой о некотором участии бугийского письма.

Гипотезу о происхождении и развитии древнего тагальского письма высказал известный русский языковед-славист и историк русской музыки проф. С. К. Булич. Он писал: «Азбука, употребляемая для изображения филиппинских языков (главным образом тагальского), — индийско-

²⁷ I. de los Reyes Florentino, *Historia de Filipinas*, Manila, 1890.

²⁸ W. Stanley, *The languages of the world*, Philadelphia, 1950, p. 208.

²⁹ C. Benitez et al., Указ. раб., стр. 98.

³⁰ Д. Дирингер, Указ. раб.

го происхождения. Испанские писатели о Филиппинских о-вах говорят, впрочем, о нескольких системах письма. Письменным орудием служит железный стиль, а материалом — бамбуковые или пальмовые листья, на которых выцарапываются знаки, напоминающие своими очертаниями дравидийские письмена (разрядка наша. — Авторы)»³¹.

Позднее мысль об индийском происхождении высказал и Флетчер Гарднер, считавший, что филиппинское письмо было специально изобретено индийскими жрецами³².

Несмотря на то что С. К. Булич специально не занимался проблемой происхождения филиппинской письменности, именно он впервые высказал мысль о дравидийском происхождении филиппинской письменности. Эта теория, возможно, является самой вероятной из всех. Есть все основания, в том числе и исторические, предполагать именно дравидийское, по преимуществу тамильское, влияние на древнефилиппинскую графику. На филиппинское письмо воздействовали письменности паллава, кадамба и чера, ведущие свое происхождение от письма брахми и сохранившие тесную связь с ним.

Письменность прочих дравидийских языков возникла значительно позднее и под влиянием тамильской. Поэтому даже в современных системах письма дравидийских языков много общих или же сходных письменных знаков. Особенно похожи алфавиты тамильский и малаялам. Имеется также ряд похожих знаков в телугу и каннара.

Санскритские слова проникли в современный тагальский язык через тамильский язык древнего периода (VI в.) (*hari* — царь, король; *liham* — письмо, послание; *tatā* — дядя; *mukhā* — лицо; *laksā* — 10 000)³³. В тагальском языке есть также слово *raja* — раджа. Возможно, именно из тагальского оно попало в испанский язык (*rajá*).

Различные исследователи по-разному оценивают культурное влияние Индии на Юго-Восточную Азию. Индийские писатели чаще всего стремятся подчеркнуть роль своих родных местностей. «Тамилы, — говорит Седес, — приписывают честь колонизации «Великой Индии» Мадрасу, бенгальцы — Бенгалии». Сам Седес, как уже отмечалось выше, считает преобладающим дравидийское влияние. По его мнению, решительно все надписи, обнаруженные в Юго-Восточной Азии, имеют южноиндийское происхождение, причем главное влияние оказало южноиндийское письмо паллава (IV в.). Вместе с тем Седес отмечает, что использование в надписях в течение короткого промежутка времени (конец VIII — начало IX в.) донагарского письма указывает на проникновение в Юго-Восточную Азию «бенгальской волны»³⁴.

То, что слоговое письмо филиппинских языков, как и письмо дравидийских языков, исторически восходит к древнейшему индийскому письму брахми, в настоящее время не вызывает сомнений. Уже Т. Э. Пардо де Тавера обнаружил сходство написания шести знаков. Еще одно доказательство — некоторое сходство начертания знаков *a*, *i*, *ka*, *ga*, *pa*, *ta* и *sa* в алфавите кадамба и древнефилиппинских алфавитах.

В VI—VII вв. несомненно влияние дравидийского письма чера на древнефилиппинское письмо. На это указывает явное подобие знаков *i*, *ka*, *ta*, *da*, *ba*, *ya*, *sa*, а также *a*, *u*, *ga*, *pa* и *ra*, которые в древнетагальском и в письме чера употреблялись для передачи одних и тех же звуков.

Очень показательно, что дравидийское влияние коснулось и знаков, передающих гласные звуки. В брахми, чера и в собственно тамильском письме не встречаются знаки, передающие долгие гласные. Исключение

³¹ С. Булич, Филиппинская или тагальская группа малайских языков, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. XXXVa (70-й полутом), СПб., 1902, стр. 751—752.

³² Д. Дирингер, Указ. раб.

³³ Интересно отметить, что в санскрите и в современных индийских языках это числительное обозначает число 100 000, а не 10 000.

³⁴ G. Coedès, Указ. раб., стр. 35.

составляет лишь знак для а. Письменные знаки для обозначения долгих гласных появляются в дравидийских языках после X—XI вв.

Следует указать также, что и в ранних вариантах древнетагальского письма, и в чера, и в тамильском письме для обозначения звуков и и о употреблялся единый письменный знак.

Воздействие тамильского языка проявляется особенно в том, что древнетагальское письмо получило ограниченное число письменных знаков. В тамильском письме отсутствуют знаки для передачи недравидийских звуков (придыхательных и шипящих), нет сложных письменных знаков (лигатур) для обозначения групп согласных, входящих в один слог и не разделенных гласными. Поэтому варга в тамильском языке значительно сокращена и упрощена. Нет varḡ-cha и ta.

Тагальское письмо роднит с тамильским также способ изображения изолированных согласных, которые обозначаются в тамильском языке соответственным слоговым знаком (с а) с точкой сверху.

Как и древнетагальское письмо раннего периода, древнетамильское письмо было сплошным, в нем не употреблялись знаки препинания, не различались строчные и прописные письменные знаки. В скорописи и в том и другом письме не ставились точки для различения знаков, обозначающих изолированные согласные.

Таким образом, дравидийское, преимущественно тамильское, влияние на возникновение и развитие древнефилиппинского письма исторически наиболее вероятно. Об этом же свидетельствует и сравнительный анализ древнефилиппинского письма и древних дравидийских письменностей.

THE MAIN PROBLEMS IN THE STUDY OF EARLY PHILIPPINE SCRIPTS

The history of the study of early Philippine scripts is surveyed. By the middle of the XVIIIth century early Philippine scripts fell into complete disuse (with the exception, as was discovered later, of certain outlying regions).

Analysis of various data permits the conclusion that the early Philippine alphabets were based on the early Tamil script.

В. П. Алексеев

О ПОЛОЖЕНИИ ПАПУАСОВ В РАСОВОЙ СИСТЕМАТИКЕ

Расовая систематика традиционно складывалась таким образом, что основное место в ней занимали морфологические признаки и их соотношения. Поэтому та или иная из многочисленных расовых классификаций опиралась преимущественно на морфологические особенности и определенные гипотезы их наследственной обусловленности. Эти гипотезы корректировались по возможности палеоантропологическими данными, и, таким образом, любая классификация строилась в конечном итоге как генеалогическая. Применение разнообразных приемов многомерного анализа вызвало значительный разноречивый в оценке классифика-

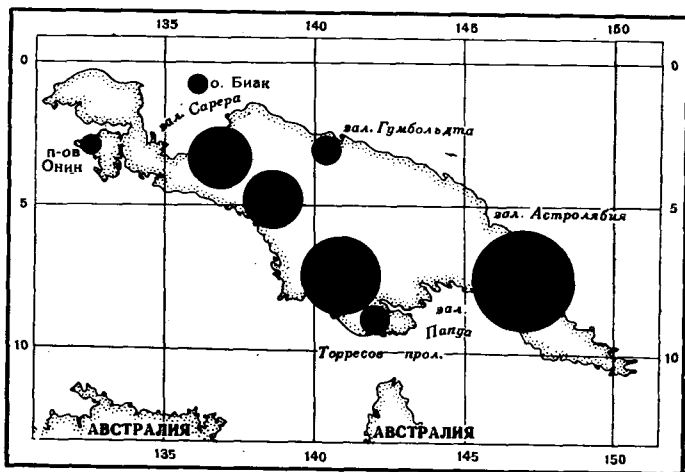

Рис. 1. Географическое положение изученных серий папуасских черепов; размеры кружков приблизительно соответствуют площади, с которой происходят соответствующие серии

ционного значения морфологических данных, начиная с явно скептического к ним отношения и кончая подчеркиванием их большой эвристической силы даже на современном уровне развития формализованных методов классификации¹. В дальнейшем речь пойдет именно о положении папуасов в морфологической расовой систематике, так как место их в системе мономерных признаков требует, во-первых, гораздо более обширной информации, чем находящаяся в нашем распоряжении, а во-вторых, разработки самой классификации по совокупности мономерных признаков. Предпринятые попытки разработки такой классификации применительно к населению земного шара пока лишены общего значения и показали слабое ее совпадение с морфологической.

¹ Ср.: J. Hiernaux, La diversité humaine en Afrique subsaharienne, «Recherches biologiques», Bruxelles, 1968; I. Schwidetzky, Zur Rassengliederung des subsaharischen Afrika, «Homo», Bd. XX, Hf. 1, 1969.

Невзвешенные средние по черепным сериям этнических групп Австралии и Океании

Номер по Мартину	Признаки	Папуасы	Меланезийцы	Австралийцы	Тасманийцы
1	Продольный диаметр	182,5	183,2	188,5	182,2
8	Поперечный диаметр	130,6	131,9	131,5	136,0
17	Высотный диаметр от базиса	133,2	136,4	133,9	130,9
8:1	Черепной указатель	71,7	72,2	70,0	74,2
17:1	Выотно-продольный указатель	73,3	74,5	71,8	71,3
9:8	Лобно-поперечный указатель	72,3	71,5	73,3	69,1
40	Длина основания лица	102,7	104,7	105,1	102,5
45	Скуловая ширина	129,1	133,3	135,1	131,0
48	Верхняя высота лица	66,6	66,9	69,3	62,5
51	Ширина орбиты от <i>mf</i> (лев.)	41,8	42,6	44,1	41,3
51a	Ширина орбиты от <i>d</i> (лев.)	39,5	40,1	38,7	39,3
52	Высота орбиты (лев.)	33,9	33,1	33,5	31,1
54	Ширина носа	26,2	26,4	27,4	27,8
55	Высота носа	50,4	49,2	49,1	47,1
72	Угол профиля лица общий	78,8	78,2	77,9	77,5
45:8	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	98,9	101,2	102,4	96,3
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	51,7	50,2	51,6	47,7
48:45	Верхний лицевой указатель	51,8	50,5	51,3	49,6
52:51	Орбитный указатель от <i>mf</i> (лев.)	81,0	78,3	76,8	75,3
52:51a	Орбитный указатель от <i>d</i> (лев.)	84,7	82,5	85,6	79,4
54:55	Носовой указатель	52,0	54,0	55,9	59,1

До сих пор недостатком всех антропологических обследований современного населения является несравнимость или в лучшем случае неполная сравнимость их результатов. Ни применение шкал, ни даже совместная работа не гарантируют от субъективных отклонений в определении описательных признаков. Поэтому при классификации населения обширных районов используются обычно краниологические материалы.

Краниологические материалы по населению Новой Гвинеи суммированы мною в специальной работе, находящейся сейчас в печати и содержащей как сводку литературных данных, так и результаты собственных исследований. Практически мы располагаем восемью обширными сериями (рис. 1). В табл. 1 приведены суммарные средние по этим восьми сериям. Фигурирующие там же средние по меланезийцам являются результатом суммирования данных по 16 островным группам, средние по австралийцам — результатом суммирования данных по шести территориальным группам. Во всех случаях речь идет о невзвешенном суммировании. Тасманийцы представлены одной сборной серией.

Существующие способы вычисления расстояний между группами непременно включают в качестве исходной операции определение фенетического расстояния, т. е. суммарной разницы между признаками. Простейшая формула, основанная на элементарной математике и широко используемая для установления различий², следующая:

$$Dx^m y^m = \sqrt{(x_1 - y_1)^2 + (x_2 - y_2)^2 \dots + (x_m - y_m)^2}, \quad (1)$$

D — таксономическое расстояние; x^m и y^m — сравниваемые совокупности с числом признаков m ; $x_1, x_2, \dots, x_m$ — признаки одной совокупности; $y_1, y_2, \dots, y_m$ — признаки другой совокупности.

² В. И. Василевич, Статистические методы в геоботанике, Л., 1969.

Межгрупповая изменчивость признаков по земному шару

Номер по Мартину	Признаки	Минимум	Максимум
1	Продольный диаметр	166	193
8	Поперечный диаметр	128	153
17	Высотный диаметр от базиона	126	143
8:1	Черепной указатель	68	87
17:1	Высотно-продольный указатель	67	81
9:8	Лобно-поперечный указатель	62	77
40	Длина основания лица	90	108
45	Скуловая ширина	123	147
48	Верхняя высота лица	61	80
51	Ширина орбиты от mf (лев.)	40	45
51a	Ширина орбиты от d (лев.)	37	42
52	Высота орбиты (лев.)	30	37
54	Ширина носа	22	28
55	Высота носа	44	57
72	Угол профиля лица общий	76	87
45:8	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	87	105
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	46	61
48:45	Верхний лицевой указатель	49	57
52:51	Орбитный указатель от mf (лев.)	74	93
52:51a	Орбитный указатель от d (лев.)	79	96
54:55	Носовой указатель	42	60

Фенетические расстояния между сопоставляемыми совокупностями в таксономическом пространстве m признаков следующие:

папуасы — меланезийцы	8,082
папуасы — австралийцы	12,194
папуасы — тасманийцы	15,406
меланезийцы — австралийцы	9,166
меланезийцы — тасманийцы	13,654
австралийцы — тасманийцы	17,286

Папуасы наиболее близки меланезийцам, довольно значительно отличаются от австралийцев и максимально — от тасманийцев. Меланезийцы ближе, хотя и ненамного, к папуасам, чем к австралийцам, и резко отличаются от тасманийцев. Последние вообще занимают обособленное положение, но особенно далеки от австралийцев (рис. 2).

Переход от фенетического расстояния к генетическому, которое подавляющим большинством исследователей и считается истинно таксономическим, осуществляется через введение той или иной меры межгрупповой изменчивости и снятие влияния корреляции между признаками. Средние значения внутригрупповой корреляции в разных популяциях более или менее совпадают, и поэтому считается относительно правомерным вводить в суммарный подсчет стандартные коэффициенты корреляции. Но в нашем случае в этом нет необходимости, так как группы сопоставляются по одинаковому числу признаков, и, следовательно, корреляция между ними одинаково деформирует расстояние между сопоставляемыми парами.

В качестве меры межгрупповой изменчивости фигурирует чаще всего стандартное внутригрупповое квадратическое отклонение. Используется оно и в широко применяемой сейчас формуле Пенроза. Между тем, хотя межгрупповая и внутригрупповая изменчивость и обнаруживает определенный параллелизм, зависимость между ними очень относительна. Размах межгрупповых колебаний дакриального указателя, например, много меньше, чем он должен был бы быть в соответствии с огромной внутригрупповой изменчивостью. Такие примеры можно было бы увеличить.

Адекватной мерой межгрупповой изменчивости могут быть только какие-то фундаментальные характеристики самой межгрупповой изменчивости. Теоретически допустимо считать такой мерой размерность таксономического пространства. Она может быть фиксирована с помощью амплитуды межгрупповых колебаний по каждому признаку в пределах земного шара. Правда, размерность таксономического пространства может служить мерой межгрупповой изменчивости только при

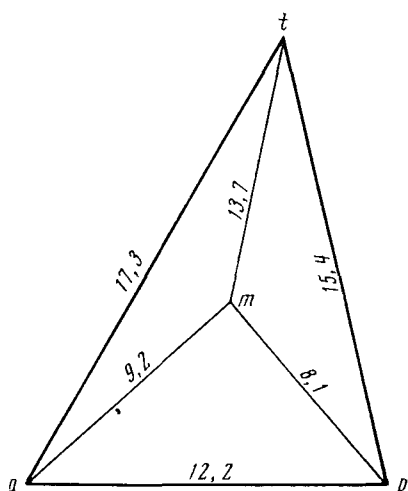

Рис. 2. Расстояние между сопоставляемыми группами в фенетическом пространстве 21 признака. Условные обозначения на этом и последующих рисунках: *p* — папуасы, *a* — австралийцы, *m* — меланезийцы, *t* — тасманийцы

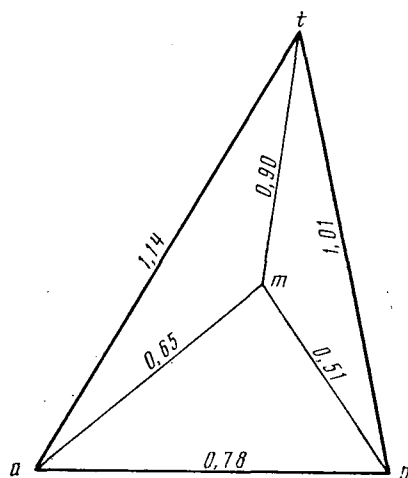

Рис. 3. Расстояние между сопоставляемыми группами в равноразмерном таксономическом пространстве первого приближения

непрерывном допущении его равноплотности и изоморфнии, но такое допущение в качестве первого приближения кажется весьма вероятным ввиду полной неизученности структуры таксономических отношений.

Амплитуды межгрупповых колебаний по признакам, фигурирующим в табл. 1, приведены в табл. 2³. Формула (1) после введения межгрупповой мировой амплитуды как меры изменчивости расстояния между группами по каждому признаку принимает следующий вид:

$$Dx^m y^m = \sqrt{\left(\frac{x_1 - y_1}{\max_{xy} - \min_{xy}} \right)^2 + \left(\frac{x_2 - y_2}{\max_{xy} - \min_{xy}} \right)^2 + \dots + \left(\frac{x_m - y_m}{\max_{xy} - \min_{xy}} \right)^2}, \quad (2)$$

где $\max_{xy}$ — максимальная величина по каждому признаку; $\min_{xy}$ — минимальная величина.

После использования числовых значений табл. 2 расстояния между сопоставляемыми группами преобразуются следующим образом:

папуасы — меланезийцы	0,5105
папуасы — австралийцы	0,7801
папуасы — тасманийцы	1,0143
меланезийцы — австралийцы	0,6495
меланезийцы — тасманийцы	0,8984
австралийцы — тасманийцы	1,1369

³ По Я. Я. Рогинскому, с небольшими добавлениями и округлением: Я. Я. Рогинский, Теория моноцентризма и полицентризма в происхождении современного человека и его рас, М., 1949.

Расстояния между группами в таксономическом пространстве, которое можно назвать таксономическим пространством первого приближения, естественно, значительно уменьшились по сравнению с фенетическим, так как оно является размерно совершенно другим, но порядок расстояний остался прежним (рис. 3). Ни одна группа не изменила своего положения по отношению к другим, наибольшее расстояние существует между австралийцами и тасманийцами, наименьшее — между папуасами и меланезийцами.

Однако и выведенные расстояния не являются, строго говоря, таксономическими в полном смысле слова, так как полученные результаты действительны только для частного случая, представленного изоморфным таксономическим пространством. Многочисленность и разнообразие различающих популяции индикаторов, а также сложность путей эволюции делают такое пространство если и не полностью невероятным теоретически, то практически почти нереализуемым. Для перехода к общему случаю нужно исходить, очевидно, из концепции неизоморфного пространства.

Так как мы с самого начала имели дело с пространством измерений, то нарушение изоморфизма в таком пространстве в первую очередь выявится в нарушении симметрии разных векторов, т. е. в изменении расстояний по каждому признаку между группами. Это и есть причина эмпирически установленного А. И. Ярхо принципа таксономической неравноценности признаков⁴. Как подойти к оценке изменения расстояний по каждому признаку? Положение групп по паре признаков автоматически соответствует помимо их абсолютных величин степени их связи между собой. Нарушение такой автоматической связи означает, что в расположение вмешивается какой-то иной фактор, в данном случае само расообразование. Представление об этом факторе дает система межгрупповых корреляций, в которой отражается взаимное расположение групп в фенетическом пространстве. Исключение влияния внутригрупповых корреляций на их расположение, очевидно, открывает нам этот фактор в чистом виде, т. е. позволяет перейти от фенетического пространства к таксономическому. В одной из предшествующих работ были приведены соображения в пользу того, что именно этот и только этот переход без дополнительного учета ареала и возраста признаков — правомерная таксономическая операция⁵. Там же приведена и формула таксономической оценки признаков:

$$T_{\bullet} = f(\sum r_i - r_j),$$

где r_i — коэффициент внутригрупповой корреляции; r_j — коэффициент межгрупповой корреляции.

Введя это выражение в формулу (2), получаем следующую результирующую формулу для оценки таксономического расстояния двух групп по m признаков с учетом их таксономической неравноценности:

$$Dx^m y^m = \sqrt{\sum_{xy=1}^m \sum_{r=1}^{m-1} \sum_{xy^m=1}^2 \left(\frac{x_m - y_m}{\max_{xy} - \min_{xy}} \right)^2 \left(\frac{r_i - r_j}{m-1} \right)} \quad (3)$$

Практическое использование этой формулы опирается в нашем случае на корреляционную матрицу, приведенную в табл. 3. Межгрупповые корреляции вычислены по формуле Спирмена, исходя из того, что межгрупповое распределение может отклоняться от нормального, а величины самих коэффициентов ненамного отклоняются от вычисленных по

⁴ А. И. Ярхо, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропологический журнал», 1934, № 3.

⁵ В. П. Алексеев, О двух противоположных тенденциях в расообразовании, «Вопросы антропологии», вып. 35, 1970.

Межгрупповые и внутригрупповые
(вниз и налево — межгрупповые коэффици

Признаки	1	8	17	8:1	17:1	9:8	46	45	48	51
1	—	0,397	0,383	-0,490	-0,485		0,368	0,385	0,263	
8	-0,400	—	0,334	0,589	-0,006		0,090	0,373	0,144	
17	0,800	-0,200	—	0,053	0,687		0,123	0,233	0,185	
8:1	-0,800	0,800	-0,400	—	0,416				-0,092	
17:1	0,400	-0,400	0,800	-0,200	—					
9:8	0,800	-0,800	0,400	-1,000	0,200					
40	1,000	-0,400	0,800	-0,800	0,400	0,800		0,346	0,272	
45	0,800	0,200	0,600	-0,400	0,000	0,400	0,800	—	0,276	
48	1,000	-0,400	0,800	-0,800	0,400	0,800	1,000	0,800	—	
51	1,000	-0,400	0,800	-0,800	0,400	0,800	1,000	0,800	1,000	—
51a	-0,200	0,000	0,400	0,400	0,800	-0,400	-0,200	-0,400	-0,200	-0,200
52	0,400	-1,000	0,200	-0,800	0,400	0,400	0,400	-0,200	0,400	0,400
54	-0,200	0,800	-0,400	0,400	-0,800	-0,400	-0,200	0,400	-0,200	-0,200
55	0,200	-0,800	0,400	-0,400	0,800	-0,400	0,200	-0,200	0,200	0,200
72	0,200	-0,800	0,400	-0,400	0,800	0,400	0,200	-0,400	0,200	0,200
45:8	1,000	-0,400	0,800	-0,800	0,800	0,800	1,000	0,800	1,000	1,000
48:17	0,400	-1,000	0,200	-0,800	0,400	0,800	0,400	-0,200	0,400	0,400
48:45	0,400	-1,000	0,200	-0,800	0,400	0,800	0,400	-0,200	0,400	0,400
52:51	0,200	-0,800	0,400	-0,400	0,800	0,400	0,200	-0,400	0,200	0,200
52:51a	0,800	-0,800	0,400	-1,000	0,200	0,000	0,800	0,400	0,800	0,800
54:55	-0,200	0,800	-0,400	0,400	-0,800	-0,400	-0,200	0,400	-0,200	-0,200

формуле Браве⁶. Минимальная численность (четыре случая) не имеет значения, так как, во-первых, формула Спирмэна не содержит в себе предпосылок для оценки ошибки коэффициента, а во-вторых, коррелируемые величины сами получены с помощью невзвешенного усреднения значительного числа выборок, что позволяет предполагать их относительную стабильность. Чтобы сократить объем вычислительной работы, вводим внутригрупповые коэффициенты в стандартизированной форме. За стандарт приняты коэффициенты внутригрупповой корреляции, вычисленные при исследовании так называемой длинной серии египетских черепов XXVI—XXX династий⁷. По тем признакам, между которыми в этой работе коэффициенты не приведены, за стандарт приняты коэффициенты корреляции в армянской краниологической серии⁸. Все равно матрица оказалась неполной, так как в литературе отсутствуют данные о величине внутригрупповой корреляции между многими признаками.

Заполнение этой матрицы потребовало бы большой вычислительной работы, поэтому неизбежно сократилось число признаков при суммарном сопоставлении. Но даже при этом таксономические коэффициенты для них вычислены исходя не из полной матрицы межгрупповых и внутригрупповых корреляций, т. е. из учета внутригрупповых корреляций каждого введенного в сопоставление признака не со всеми остальными, а лишь с частью их. Это совершенно произвольное допущение, но на него пришлось пойти ради экономии времени. Окончательная числовая оценка таксономических коэффициентов выглядит так (в скобках указано $m-1$)⁹.

⁶ Дж. Снедекор, Статистические методы в применении к исследованиям в сельском хозяйстве и биологии, М., 1961, стр. 187.

⁷ K. Pearson, A. Davin, On the biometric constants of the human skull, «Biometrika», vol. XVI, 1924, part 3—4.

⁸ Я. Я. Рогинский, Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека, «Уч. зап. МГУ», вып. 166, 1954.

⁹ Если при вычислении разницы между коэффициентами внутригрупповой и межгрупповой изменчивости получалось отрицательное число, минус, естественно, отбрасывается.

корреляции между признаками
енты, вверх и направо — внутригрупповые)

51a	52	54	55	72	45:8	48:17	48:45	52:51	52:51a	54:55
0,315	0,094	0,236	0,276	0,176						
0,198	0,105	0,112	0,113	0,118						
0,121	0,127	0,057	0,141	0,014						
								0,118		—0,010
								0,118		—0,045
0,423	0,112	0,248	0,365	0,120						—0,011
0,357	0,304	0,091	0,706	—0,028				0,136		
	0,263									
—										
0,000	—									
—0,600	—0,800	—	0,018	—0,177						
0,600	0,800	—1,000	—							
0,600	0,800	—1,000	1,000	—				—0,111		—0,113
—0,200	0,400	—0,200	0,200	0,200	—					
0,000	1,000	—0,800	0,800	0,800	0,400	—				
0,000	1,000	—0,800	0,800	0,800	0,400	1,000	—			
0,600	0,800	—1,000	1,000	1,000	0,200	0,800	0,800	—		—0,251
—0,400	0,800	—0,400	0,400	0,400	0,800	0,800	0,800	0,400	—	
—0,600	—0,800	1,000	—1,000	—1,000	—0,200	—0,800	—0,800	—1,000	—0,400	—

продольный диаметр	0,463(12)
поперечный диаметр	0,580(12)
высотный диаметр	0,386(12)
черепной указатель	0,598(7)
высотно-продольный указатель	0,574(6)
длина основания лица	0,649(5)
скуловая ширина	0,426(10)
верхняя высота лица	0,467(12)
ширина орбиты от дакриона	0,439(6)
высота орбиты	0,338(6)
ширина носа	0,552(7)
высота носа	0,550(6)
угол профиля лица общий	0,458(8)
орбитный указатель от дакриона	0,625(5)
Носовой указатель	0,643(5)

Таким образом, мы имеем 15 признаков вместо 21, числовые оценки таксономической значимости которых колеблются от 0,338 до 0,649 адансона¹⁰ (при максимальной возможной амплитуде от нуля до двух адансонов: последнее имеет место, когда признак связан отрицательной внутригрупповой корреляцией со всеми остальными и положительной межгрупповой или наоборот, причем связь абсолютная и в том, и в другом случае, первое — когда межгрупповая зависимость автоматически повторяет внутригрупповую¹¹). В процентном отношении амплитуда колебаний равна 15,6%. Однако если выразить эту амплитуду в долях наименьшего коэффициента, то она повысится до 92,0%. Иными словами, доля, которую вносит каждый признак в суммарную величину таксономического расстояния, может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от его таксономической значимости почти вдвое. Этим

¹⁰ Термин предложен в статье: В. П. Алексеев, Указ. раб., прим. 5. Эта единица измерения таксономической значимости признака, соответствующая суммарной разнице между коэффициентами внутригрупповой и межгрупповой корреляции, равной единице.

¹¹ Ясно, что это идеальный случай, никогда не встречающийся на практике. Подавляющее большинство признаков во внутригрупповом масштабе связано слабой корреляцией.

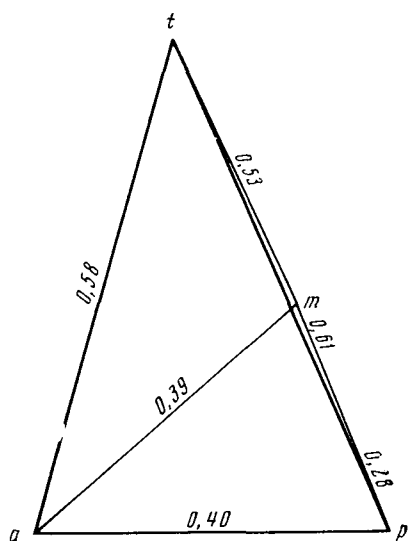

Рис. 4. Расстояние между сопоставляемыми группами в 15-мерном таксономическом пространстве второго приближения

оправдан (помимо теоретических соображений) отход от адансоновской классификации и использование коэффициентов таксономической значимости.

В преобразованном введении этих коэффициентов таксономическом пространстве, которое можно назвать пространством второго приближения, сопоставляемые группы располагаются следующим образом:

папуасы — меланезийцы	0,2759
папуасы — австралийцы	0,3986
папуасы — тасманийцы	0,6110
меланезийцы — австралийцы	0,3860
меланезийцы — тасманийцы	0,5349
австралийцы — тасманийцы	0,5817

По сравнению с фенетическим пространством и таксономическим пространством первого приближения порядок расстояний изменился в одном случае: австралийцы и тасманийцы ближе друг к другу, чем папуасы и тасманийцы, тогда как в

предшествующих случаях было наоборот (рис. 4). Коэффициент ранговой корреляции равен 0,943. На первый взгляд такая высокая степень связи может свидетельствовать о малой разрешающей способности так-

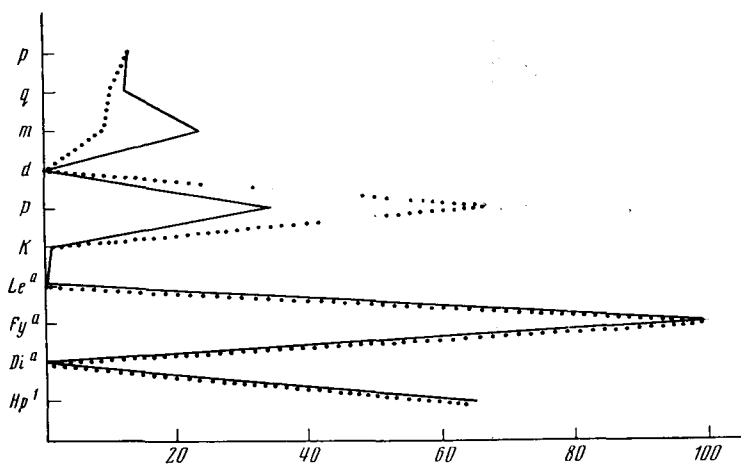

Рис. 5. Сопоставление папуасов и меланезийцев по генным частотам групповых факторов крови и белков сыворотки; сплошной линией показаны папуасы, точечной — меланезийцы

сономического пространства во всяком случае в такой интерпретации и, как прямое следствие этого, о небольшой эвристической силе используемых представлений. Следует учитывать, однако, небольшое число сопоставляемых групп и неполностью использованный эффект деформации расстояний при таксономической оценке признаков. При увеличении числа групп и полной матрице корреляций совпадение взаимного положения групп в фенетическом пространстве и в таксономических пространствах первого и второго приближения было бы наверняка меньше.

Итак, возвращаясь к тому, ради чего и были проделаны все эти сопоставления — к положению папуасов в расовой систематике, констатируем их наибольшую близость с меланезийцами. Сопоставление размаха межгрупповой изменчивости папуасских и меланезийских групп также показывает, что по подавляющему большинству краниологических признаков папуасские серии входят в границы колебаний маланезийских. Этим снимается вопрос о характерном лишь для папуасов комплексе признаков¹² и создается основа для отнесения их к меланезийской расе. Отдельные отмеченные в литературе соматологические отличия папуасов от меланезийцев, если только они не опираются на несравнимые данные, носят, очевидно, локальный характер.

Мера совпадения полученных результатов с данными по другим системам признаков, в частности с простой наследственной структурой, может составить предмет самостоятельного интересного исследования. Пока можно сказать лишь, что соотношение генных частот групповых эритроцитарных факторов и белков сыворотки крови у папуасов и меланезийцев во всяком случае не противоречит сказанному выше, обнаруживая значительную близость на фоне их мирового распределения (рис. 5)¹³.

ON THE PLACE OF PAPUANS IN RACIAL CLASSIFICATION

The principal problem in racial taxonometry is that of determining the distances between populations according to combinations of metrical characters. A formula for measuring such distances is proposed. Its specific feature is that the scale upon which these distances are estimated is based not upon indices of intra-group variability but upon the range of intra-group variations of individual characteristics. Proceeding from the view that race formation is to be regarded as a process of disturbance of intra-group variability, the formula includes coefficients to allow for the difference between intra-group and inter-group variability.

Application of this formula to Oceanian data has shown that the Papuans should be included in the Melanesian race, and that within this race they do not form a separate unit.

The same conclusion may be drawn in analyzing genetic markers.

¹² См., например, В. В. Буняк, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1.

¹³ Составлен по разным данным, опубликованным в литературе.

И. Георгиева, Д. Москова, Л. Радева

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ КРОВНОГО РОДСТВА У БОЛГАР

Терминология родства имеет два аспекта исследования. Как часть лексики каждого языка она изучается лингвистикой¹. Но социальное содержание терминов, их расположение в логически связанной системе, которая отражает определенные общественные отношения в конкретных исторических условиях, обуславливается уже не принадлежностью языка к данной языковой группе, а особенностями соответствующих социальных институтов и поэтому изучается этнографией.

Система родства выражается через систему названий и систему отношений², она отражает реальные общественные отношения и поэтому может помочь при анализе социальной структуры общества. Одним из источников построения и исследования системы родства является родственная номенклатура. Для сбора терминологии родства коллективом сотрудников Института этнографии Болгарской Академии наук была разработана подробная программа, в основу которой были положены методы анкетирования и интервьюирования³. Вопросник-анкета охватывал основные отношения кровного родства по материнской и отцовской линии, по прямой и боковым линиям как в восходящих, так и в нисходящих поколениях, а также отношения свойства. Селения, в которых осуществлялся сбор материала, были подобраны с учетом этнографических особенностей состава населения и географического фактора (горы, большие реки), который имел значение для этнографического обособления населения в прошлом. Анкетному опросу подвергались главным образом лица старше 60 лет. Кроме того, для проверки полученного материала и для сбора дополнительных данных были осуществлены и полевые исследования. Материалы по терминам родства были собраны в 500 селениях, а это составляет 11% всех селений в Болгарии.

Затем было проведено картографирование полученного материала по методике советских авторов⁴. Каждая из приводимых ниже карт отражает ареал распространения определенных терминов родства (рис. 1, 2).

Кроме полевых материалов, использованы также старые словари, фольклорные и другие научные труды XIX в. Но их общим недостатком является отсутствие указаний на ареал распространения соответствующих терминов.

¹ Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства, «Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 25.

² С. Levi-Strauss, *Anthropologie structurale*, Paris, 1968, p. 45.

³ И. Георгиева, Д. Москова, Л. Радева, За проучването на роднинските названия у нас (предварително съобщение), «Известия на Етнографския институт и музей», 1971, кн. XIII, стр. 271—285.

⁴ М. Г. Рабинович, Историко-этнографический атлас «Русские» (принципы и методы составления), «История, фольклор, искусство славянских народов» (доклады на V Международном съезде славистов), М., 1963, стр. 445; С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 102; «Русские, Историко-этнографический атлас», М., 1968, стр. 5.

Рис. 1. Распространение терминов для обозначения сестры матери: 1 — тетка, 2 — тета, 3 — деля

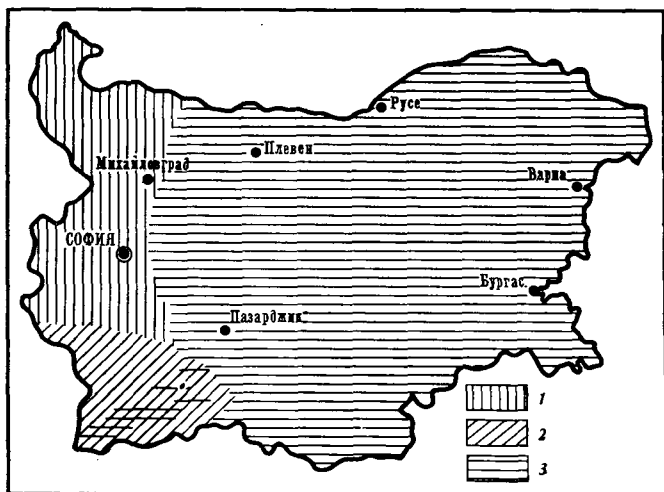

Рис. 2. Распространение терминов для обозначения мужа сестры матери: 1 — калеко, 2 — свако, 3 — ука, 4 — лелин, 5 — тетин, 6 — уйчо

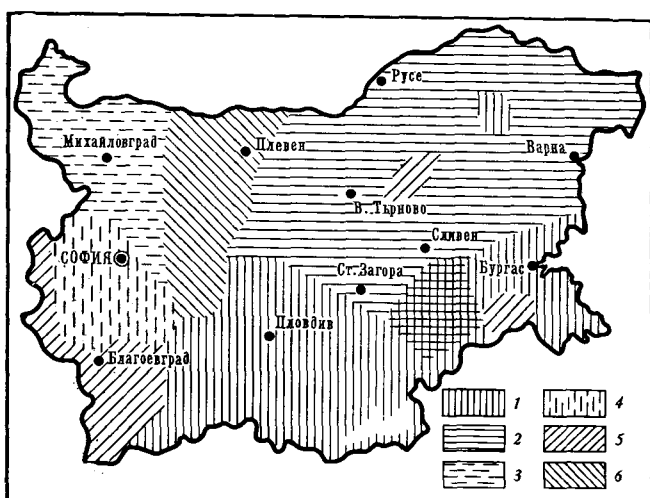
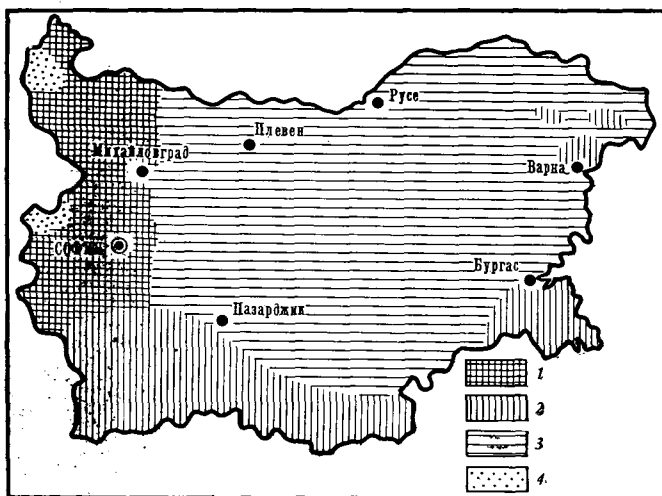

Рис. 3. Ареалы распространения терминов кровного родства: 1 — схема I; 2 — схема II; 3 — схема III; 4 — микрорайон различий

В настоящей статье делается первая попытка показать некоторые особенности системы терминов кровного родства болгар, для построения которой использованы данные конца XIX — начала и середины XX в.

Структура системы родства определяется способом соединения ее элементов, отражающих соответствующие взаимосвязи. Изменение места того или иного лица в системе родства отражалось в терминологии, соответственно изменялись и его взаимоотношения с другими лицами той же системы. На разных этапах общественного развития роль родственных взаимоотношений менялась, что находило отражение и в системе терминов родства.

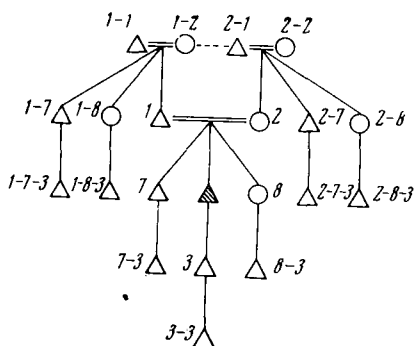

Рис. 4. Схема 1а

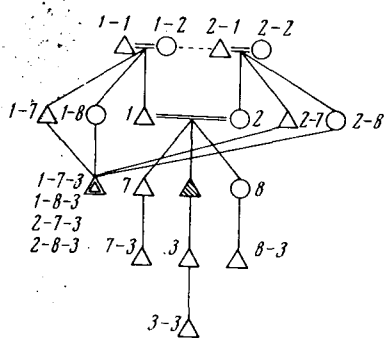

Рис. 5. Схема 1б

В основу построения системы терминов кровного родства были положены следующие принципы: 1) разграничение или слияние терминов, обозначающих родственников по прямой и боковым линиям; 2) разграничение или слияние линий родства по отцу и по матери⁵. Для более четкой характеристики системы терминов родства употребляемые при прямом обращении к родственнику вокативные термины разграничены с терминами для обозначения родственных отношений (референтивные термины). Типология системы построена на основании референтивных терминов, которые охватывают 20 родственных связей. Каждый из выделенных типов имеет определенный ареал распространения. Путем сопоставления и обобщения данных, содержащихся в картах и в схемах, была составлена следующая картограмма (рис. 3). Она показывает только преобладающее распространение соответствующих типов⁶. Нами были выделены типы терминологии родства, характерные для определенных ареалов:

1. Средняя Западная и Северо-Западная Болгария. Особенностью терминологического типа, характерного для этого ареала, является разграничение родственников по отцовской и материнской линиям, а также по прямой и боковым линиям. Так, существуют отдельные термины для сестры матери (*тетка*) и сестры отца (*леля*), для брата отца (*чичо*) и брата матери (*уйко*)⁷.

В первом нисходящем поколении специальные термины разграничивают детей брата (*братанчета*) и детей сестры (*сестринчета*).

Для обозначения детей сестер и братьев матери и отца используется общий термин (*братовчеди*). Но в отдельных местах встречаются и дифференцированные названия для детей брата матери (*уйкови*), для

⁵ М. В. Крюков, Типы систем родства и их историческое соотношение, «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968, стр. 268, 383.

⁶ Границы ареалов, где происходит смешение терминов, на картограмме показаны штриховкой. В таком виде эта картограмма может служить только для иллюстрации системы терминов родства.

⁷ Для обозначения родственников используем цифровую нумерацию, предложенную С. А. Токаревым (С. А. Токарев, К вопросу о методике изучения терминологии родства, «Вестник МГУ, Ист.-фил. серия», 1958, № 4, стр. 189—194).

детей брата отца (*чичовчета*), для детей сестры матери (*теткини*) и сестры отца (*лелинчета*). Так как подобные термины встречаются редко и начали выходить из употребления еще в начале нашего века, по всей вероятности, они соответствуют более архаическим родственным отношениям (тип Ia — рис. 4).

Для современного терминологического типа 1б (рис. 5) характерно слияние терминов для обозначения детей брата и сестры по отцовской и материнской линии и употребление общего термина (*братовчеди*).

Ареал распространения типов I а и I б — Северо-Западная Болгария (кроме района города Кула) и Средняя Западная Болгария (кроме района города Трън). Граница проходит через Врачанский и Софийский округа и достигает северной части Благоевградского округа. Для образования микрорайонов характерно слияние терминов восходящего поколения, обозначающих сестру со стороны отца и со стороны матери (*леля* или *тета*). На картограмме эти микрорайоны показаны точками.

II. Пирин, Родопы, Странджа. Для этого ареала характерно слияние терминов прямой и боковых линий в нисходящем поколении, а также слияние терминов по материнской и отцовской линии. Так, для обозначения детей сына, дочери, брата и сестры употребляется общий термин (*внук, внуци*). Типично также слияние терминов, обозначающих сестру отца и матери (*леля* или *тета*) (рис. 6).

Этот тип имеет следующий ареал распространения: Благоевградский округ, горы Родопы, Пирин, Странджа, вообще южные районы страны; он прерывается в южной части Хасковського и Ямболского округов и по обоим берегам реки Марицы. Терминологический тип II образует и несколько «островов» в Северо-Восточной Болгарии. В этом ареале распространения типа II встречаются различные термины для обозначения одних и тех же родственников. Так, в северной и в средней части Благоевградского округа Юго-Западной Болгарии «*тета*» обозначает сестру отца и сестру матери, а в остальной части ареала тех же родственников обозначает термин «*леля*». В Родобах, в Благоевградском округе и в Страндже термин «*стрико*» обозначает брата отца, а в преобладающей части страны брат отца называется «*чичо*». Это разнообразие в терминологии, хотя и очень существенно, не отражает никаких других отношений в системе и поэтому не оказывает влияние на ее типологию и структуру. Термины обозначают лиц, находящихся в одних и тех же родственных связях с лицом, от которого идет отсчет, т. е. «*чичо*» и «*стрико*» в данном случае обозначает только брата отца⁸.

III. Северная Фракия, Среднесеверная и Северо-Восточная Болгария. Для этого ареала характерно слияние терминов для родственников по материнской и отцовской линии. Разграничиваются брат отца (*чичо*) и брат матери (*уйчо*), но для сестры матери и сестры отца существует общий термин (*леля*). В первом нисходящем поколении дети сестры и дети брата обозначаются различными, притом описательными терминами (например, *братов син*, *сестрин син*). В поколении говорящего лица (Ego) существует только один термин для детей брата и сестры по отцовской и материнской линии (*братовчеди*, а в отдельных местах — *стриковчета*).

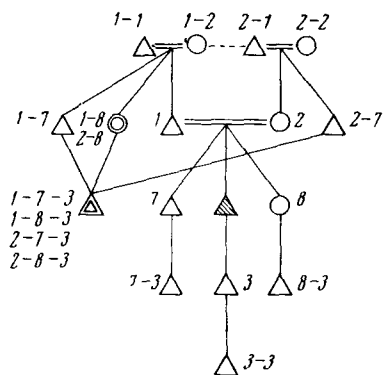

Рис. 6. Схема II

⁸ В отдельных местах в Родобах (в Смолянском округе) для обозначения детей брата и сестры используется описательный термин «братови деца», «сестрини деца».

Терминологический тип IIIa изображен на графике (рис. 7).

Ареал распространения этого типа охватывает почти всю Болгарию, за исключением ее западной и южной части. Граница проходит через Врачанский, Софийский, Пазарджикский округа, по северным склонам Родоп, пересекается в Ямболском и Хасковском округах, где сливается с государственной границей и проходит через южную часть Бургасского округа. В ареале типа IIIa, в Северо-Восточной и Северной Болгарии и частично в Южной встречается и сравнительно новый термин (*племенници*) для детей брата и детей сестры. Для большей полноты и четкости

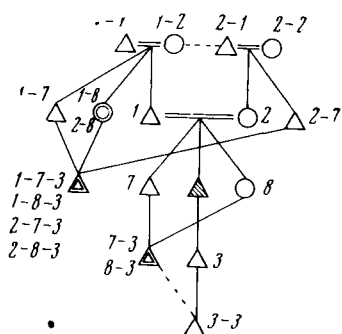

Рис. 7. Схема IIIa

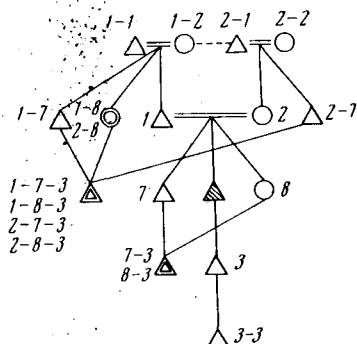

Рис. 8. Схема IIIb

мы вводим терминологический тип IIIб, который, по нашему предположению, представляет собой развитие IIIa и является самым поздним этапом развития современной системы кровного родства у болгар (рис. 8).

Графическое изображение родственных связей на терминологических схемах особенно наглядно при изучении системы родства. Если рассмотреть схемы с точки зрения расположения родственников по отношению к Его, мы могли бы разделить их на два вида. Первый условно можно было бы назвать симметричным по симметричному расположению терминов по отношению к прямой линии; второй — переходно-асимметрическим, в котором симметрия нарушена вследствие слияния в одном направлении терминов для родственников по линии отца и матери, а также терминов коллатеральных линий. Рассматриваемый формальный признак «симметрия — асимметрия» в сущности — результат слияния терминов, обозначающих коллатеральных родственников по линии отца и матери. А это означает, что с изменением роли данного родственника типология и структура родственной системы тоже изменяются.

Мы предполагаем, что симметричный вид системы со своей богато развернутой терминологией показывает более полно и четко связи и отношения кровных родственников. Он проводит строгое разграничение родства по матери и по отцу. Этот симметричный вид распространен в Северо-Западной и Средней Западной Болгарии и, возможно, связан с семейно-родовыми или семейно-хозяйственными образованиями (голямо семейство, челядна задруга, задружно семейство)⁹, в которых объеди-

⁹ С. С. Бобчев, Българската челядна задруга, «Сборник за народни умотворения» (далее СбНУ), XXII, 1906, стр. 53; Д. Маринов, Жива старина, кн. 2, Русе, 1892, стр. 182; И. Е. Гешов, Задругата в Западна България, «Периодическо списание», кн. XXI и XXII, Средец, 1887, стр. 426, 449; И. Захариев, Кюстендилското краище, СбНУ, XXXII, 1918, стр. 264; К. Иречек, Княжество България, Пловдив, 1899, стр. 88; Р. Пешев, Семейството и семейно-родствените отношения в Средна Западна България, «Комплексна научна експедиция в Западна България», София, 1961, стр. 512; ее же, Структурата на рода и семейството в България в края на XIX и началото на XX век, «Известия на Етнографския институт и музей», 1965, кн. 8, стр. 113.

нялись малые семьи двух или нескольких братьев иногда даже с их женатыми сыновьями и с их детьми. В таком многочисленном семейно-родовом коллективе каждое лицо занимает определенное иерархическое место, выполняет определенную хозяйственную функцию и принадлежит к одной из малых семей, образующих коллектив.

Переходно-асимметрический вид системы встречается в остальной части страны и представляет собой, по всей вероятности, более поздний вариант или этап в развитии системы терминов кровного родства. Он близок к современным системам некоторых европейских народов (англичане, русские, французы), схемы которых асимметричны и отражают более четко связи родственников при господствующей форме малой индивидуальной семьи.

Территориальное обособление разновидностей схем и распространение некоторых терминов, связанных с ними, дают нам основание предполагать, что они обусловлены не только общественным развитием, но и особенностями этногенеза болгарского народа. Связь системы терминов с этногенетическими процессами проявляется в том, что она продолжает свое бытование и в новой среде. Например, «острова», которые образует тип II в Северо-Восточной Болгарии, связаны с демографическими процессами (миграция населения Юго-Восточной Болгарии в Северо-Восточную); они свидетельствуют о том, насколько устойчивы в быту родственные термины, которые и при новом диалектном и этнографическом окружении остаются неизменными. Но чтобы осветить вопрос с этногенетической точки зрения, необходимо связать систему родства более тесно с терминологией и с общественными условиями. А это само, по себе может быть предметом самостоятельного исследования.

Рассмотренная система терминов родства построена на основании референтивных терминов. Но для полной ее характеристики необходимо обратить внимание и на вокативные термины. Если референтивные термины отражают дифференциацию и показывают родственные связи и степень родственной близости, то через вокативные термины определяются нормы поведения одних родственников по отношению к другим, т. е. моральная и социальная иерархия и дистанция. Но в большинстве случаев вокативные термины совпадают с референтивными, а изменяется только падежная форма (например, *леля* — *лелью*, *кака* — *како*), а при некоторых Nominativus равен Vocativus (*чичо* — *чичо*, *вуйчо* — *вуйчо*, *стрико* — *стрико*). Вокативные термины в этом случае выражают возрастную дистанцию между соответствующим родственником и Его, а также и дифференциацию в степени родства. Иногда эта дистанция определяется и самим референтивным термином (*мама старата*, *тате старео*).

Вокативные термины показывают, каким образом одно лицо может обратиться к другому в зависимости от места, которое оно занимает в родственной структуре. Поэтому в вокативных терминах встречаются и такие, которые обыкновенно не совпадают с референтивными и выражают дистанцию в возрасте и социальном положении. В системе кровного родства у болгар специальные вокативные термины обозначают родственников, принадлежащих к поколению Его, — к старшим братьям и сестрам, к старшим двоюродным братьям и сестрам (*бати*, *кака*, *дода*, *нана*). К родственникам нисходящего поколения или принадлежащих к поколению Его, но моложе его, обращаются по имени.

Большая дистанция между родственниками подчеркивается прибавлением имени к референтивному или вокативному термину (например, *баба Иванка*, *леля Пенка*, *чичо Иван*), и поэтому вполне естественно обращаться к родному старшему брату или к родной старшей сестре только посредством вокативного термина (*бате*, *како*). Употребление

вокативного термина без собственного имени считается фамильярным¹⁰.

Особую категорию составляют вокативные термины, относящиеся к неродственникам. Здесь разграничение возраста и поколения строго соблюдается. Для неродственников, принадлежащих к разным поколениям, существуют точно определенные вокативные термины. Так, для неродственников из поколения деда и бабушки Ego — *баба* и *дядо*, из поколения родителей — *чичо*, *стринка*, *леля*. При этом к вокативному термину в звательной форме прибавляется и имя неродственника или дальнего родственника. Исключение составляют случаи, когда надо обратиться к незнакомым; тогда к термину родства имя не прибавляется. Кроме того, некоторые вокативные термины перед собственным именем считаются почетными (например, *бай*).

Возрастное и поколенное разграничение родственников в вокативных терминах отражает определенные отношения в общественной структуре. Почитание старших было когда-то очень существенным моментом в традиционном быту болгарского народа и особенно проявлялось в общественной жизни, семейных отношениях, обычном праве, обычаях и обычаях. Очень важную роль старшинство играло в большой неразделенной семье в конце XIX в. Глава семьи был самый старший — отец или его старший брат. Он управлял и руководил внутренней и внешней деятельностью семьи. Ему подчинялись все, и уважение выражалось в самых различных формах (когда он приходил, все должны были встречать его стоя; когда сидел — в его присутствии могли сидеть только его жена или его старший брат; обедал он на самом видном месте, и никто не имел права начать раньше него, а когда вставал из-за стола, остальные должны были тотчас же встать; на семейном празднике он исполнял функции духовного лица)¹¹.

Возрастной принцип, четко выраженный в терминологии, соблюдался и в некоторых нормах обычного права. Так, если в настоящее время специальные вокативные термины, употребляемые по отношению к старшему брату или сестре, являются выражением некоторых моральных норм, например уважения, в традиционном быту они отражали традиционные нормы поведения и, по всей вероятности, были связаны с некоторыми имущественными и брачными отношениями. Так, например, старшинство очень строго соблюдалось в брачном обычном праве. Младший по возрасту брат не имел права жениться раньше старшего, а младшая сестра — выходить замуж раньше старшей. Нарушение этих норм считалось большим грехом, и таких людей презирали все¹². В прошлом в присутствии старших молодежь должна была стоять, не курить, не пить, не разговаривать, а при встрече с ними — целовать руку¹³.

¹⁰ При обращении термины всегда употребляются в звательном падеже. Иногда вокативные и референтивные термины сближаются. Например, в выражении «Иван емоят баю» речь идет о старшем брате Ego, тогда как в «той ми е баю» подчеркивается лишь разница в возрасте, но непонятно, к какому родственнику или даже неродственнику это относится.

¹¹ С. С. Бобчев, Сборник от български юридически обичаи, ч. I, отд. I, Пловдив, 1896, стр. 47, 57; его же, Българската челядна задруга, стр. 68, 72; Д. Маринов, Жива старина, кн. 2, стр. 192—196, кн. 4, стр. 57—58, 181.

¹² Если по какой-нибудь причине (обычно это физический недостаток) младший брат или сестра должны были нарушить эту норму, то они в таком случае, поцеловав руку, просили разрешения у старшего брата или сестры, см.: С. С. Бобчев, Българската челядна задруга, стр. 81.

¹³ Интересно отметить также одну особенность терминологии по свойству. Невестка обращается к братьям своего мужа со специальными терминами, но не по имени. Существуют очень поэтические и ласковые названия и обращения невестки к младшему брату или младшей сестре ее мужа (драгинко, хубавенко, братец, калина, малина, хубавка). В свадебной обрядности исключительно важная роль принадлежит младшему чуженатому брату жениха (девер, драгинко), а также и его младшим незамужним сестрам (зълви). В народных песнях часто отмечаются любовь и привязанность между деверем и невесткой.

Современное употребление вокативных терминов в поколении, к которому принадлежит и Его, является очень живучим традиционным моментом. Теперь термины подчеркивают только дистанцию в возрасте и считаются знаком уважения.

Характерной особенностью некоторых терминов родства у болгар в конце XIX в. была их многозначность. Выделяются отдельные группы родственников, для которых употребляются одинаковые термины, означающие различные родственные связи (леля — сестра матери и отца, вуйчо — брат матери и муж сестры матери). Существовали и термины, обозначавшие лиц, принадлежавших к двум поколениям. Так, с одним и тем же вокативным термином (*бако*, *нане*) обращаются к отцу и к старшему брату. Но самым интересным в этом отношении является термин «*внук*». Этот термин обозначает и внука (сына сына или дочери) и племянника (сына брата или сестры). В классическом латинском языке перос был общим термином для внука, племянника и двоюродного брата¹⁴. Сначала термин объединял сына сестры и внука, когда Его мужчина, а позднее сохранился независимо от пола говорящего и для детей брата¹⁵, как это наблюдается при термине «внук» у болгар. По всей вероятности, этот семантический переход был связан с отрицанием авункулата¹⁶.

Подобная многозначность отмечается и при референтивных терминах «*братовчед*» и «*братанец*», так как и при одинаковых терминах обращения к старшему брату, к старшей сестре и к старшим двоюродным братьям и сестрам. Сначала «*братовчед*» обозначал только сына брата, а позднее и детей брата и сестры¹⁷. По всей вероятности, под термином «*стриковче*» сначала подразумевались только дети брата по отцу, а потом и дети сестры и брата как со стороны матери, так и со стороны отца.

Многозначность некоторых терминов показывает, что изменение идет по мужской линии. Например, утверждаются термины, обозначающие детей брата, а не сестры, и это мы могли бы объяснить развитием патриархальных отношений¹⁸.

Термин «*племенник*» (ж. р. «*племеница*») для сына брата и сестры сравнительно новый и, по всей вероятности, проник в Болгарию под русским литературным влиянием. Он начал распространяться преимущественно в городах, а позднее и в селах и встречается главным образом в восточной части страны.

Анализ системы терминов кровного родства у болгар по данным конца XIX и начала XX в., позволяет сделать некоторые выводы.

Типы систем родства выделены на основании 20 признаков.

Благодаря устойчивости системы родства и ее инертности сохранились черты архаические, которые относятся к более древним системам. По всей вероятности, к системе, отражающей экономическое единство рода и родовую экзогамию, можно отнести следующие элементы современной болгарской системы родства: разграничение родственников по

¹⁴ Д. А. Ольдерогге, Система родства баконго в XVII в., «Африканский этнографический сборник» III, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 52, 1959, стр. 15; «Totius latinitatis Lexicon opera et studio Aegidii Forcellini», t. 4, Prati AN MDCCCLXVIII, 256—257.

¹⁵ F. G. Loungsbury, The structure of the Latin kinship system and its relation to Roman social organization, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967, стр. 262.

¹⁶ А. В. Исаченко, Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания, «Slavia», 1953, го. XXII, стр. 69.

¹⁷ Ф. И. Филин, О терминах родства и родственных отношениях в древней литературе, «Язык и мышление», XI, 1948, стр. 338; И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893.

¹⁸ Считается, что многозначность терминов характерна для многих народов с патриархальным устройством, Д. А. Ольдерогге, Основные черты развития систем родства, стр. 27—28; е го же, Система родства баконго, стр. 17.

материнской и отцовской линии, разграничение детей брата от детей сестры, детей братьев и сестер матери от детей братьев и сестер отца.

В ходе исторического развития в связи с разложением родовой общины и возникновением патриархальной семьи в системе родства появляются новые черты. К ним относятся возрастное различие в поколении говорящего лица и специальные термины для старших братьев и сестер, описательные термины для детей брата и сестры, поскольку в условиях большой патриархальной семьи они теряют свою прежнюю роль. Переход к малой индивидуальной семье находит отражение в слиянии боковых линий родства, линий родства по отцу и матери.

Система родства у болгар, следовательно, содержит некоторые черты, связанные с развитием общества, рода и семьи. Но по каким причинам они сохранились до конца XIX в.? Прежде всего в силу инертности, консервативности родственных систем в сравнении с породившими их институтами. Поэтому, несмотря на наступившие изменения в общественных и семейных отношениях, в системах родства сохранялись и некоторые особенности, генезис которых относится к самым отдаленным эпохам.

Другая причина заключается в специфике исторического развития болгарского народа в XV—XIX вв. (замедленный темп общественно-экономического развития, сравнительно слабое развитие городов и товарно-денежных отношений), а также и особенностях его быта, в котором поддерживались очень тесные родственные отношения. Эти постоянные контакты между родственниками в хозяйственной и культурной жизни определяли в большой степени и существование развернутой родственной терминологии и тогда, когда семья уже стала индивидуальной.

Можно также допустить, что типы систем кровного родства, которые имеют четкое территориальное обособление, указывают и на известные особенности исторического и социально-экономического развития районов, где они сохранились.

Распространение некоторых терминов, а также ареалы распространения терминологических схем дают нам основание предполагать, что они могли бы быть связаны не только с общественным развитием, но и с этногенезом болгарского народа. Но это тема дальнейшего исследования.

A STUDY OF THE SYSTEM OF CONSANGUINEAL KINSHIP TERMS AMONG THE BULGARIANS

An attempt is made in the paper to show certain characteristic features of the system of consanguineal kinship terms among the Bulgarians.

The kinship terms have been systemized with the help of data from the late XIXth, early and middle XXth centuries. A system of methods for collecting such terms, based upon questionnaires and interviews, has been developed in detail by the research personnel of the Institute of Ethnography of the Bulgarian Academy of Sciences. The questionnaire embraced the main links of consanguineal and offinal kinship.

In constructing the system of consanguineal kinship terms the authors took into account both the differentiation or merging of terms designating relatives in a direct and in a collateral line and the differentiation or merging of patrilineal and matrilineal kinship terms. For the sake of characterizing kinship systems more fully, terms of referential are considered separately from vocative ones.

The areas covered by different kinship systems, as well as analysis of the terms themselves, permit the conclusion that these differences do not stem wholly from social regularities but also from peculiar features in the ethnic development of the Bulgarian people.

В. И. Козлов, Г. В. Шелепов

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В общественных науках вряд ли найдется другая проблема, которая, привлекая широкое внимание, была бы в то же время столь сильно запутанной, как проблема «национального характера». Все, что писалось по этой теме в работах советских философов, историков, литературоведов и других авторов примерно до середины 50-х годов, так или иначе связывалось с известным определением нации. По этому определению общность психического склада входящих в нацию людей («национальный характер») считалась ее существенным признаком, без которого нация «перестает быть нацией». Зыбкость ситуации отчетливо выявилась во время развернувшейся с середины 60-х годов дискуссии вокруг научного определения нации. Именно этот признак нации вызвал наиболее острые споры, и если одни участники дискуссии решительно отвергали его¹, то другие горячо отстаивали². Те же споры продолжались и в последующие годы. В 1969 г., например, вышла монография С. Т. Калтахчяна, значительная часть которой посвящена отрицанию общности психического склада нации, или «национального характера»³; как бы в ответ на нее вышла монография Н. Джандильдина, где доказывается реальность и важность «национального характера»⁴. Для «промежуточной» позиции характерны работы И. С. Кона, в которых признание «национального характера» каждый раз сопровождается существенными оговорками; даже поставив в заглавие одной из своих статей прямой вопрос: «Национальный характер — миф или реальность?»⁵ — в конце статьи он по существу оставил его открытым, ответив уклончиво: «Мне кажется — и то и другое»⁶.

Среди ученых, принявших участие в разработке теории этноса (этнической общности), которая охватывает и нацию как особый тип этноса, сильнее выступает негативное отношение к «национальному характеру». С. А. Токарев, по существу открывший обсуждение данной проблемы, отметил, что привлечение признака «психического склада», или «национального характера», для определения понятия этнической общности, «кроме путаницы, ничего не вносит»⁶. Н. Н. Чебоксаров, рассматривая

¹ См.: П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1; С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии нации, там же, 1966, № 6; Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, там же, № 12.

² См.: А. И. Горячева, Является ли психический склад признаком нации, «Вопросы истории», 1967, № 8.

³ С. Т. Калтахчян, Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, М., 1969.

⁴ Н. Джандильдин, Природа национальной психологии, Алматы, 1971.

⁵ И. С. Кон, Национальный характер — миф или реальность? «Иностранная литература», 1968, № 9, стр. 216.

⁶ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 44.

понятие этноса, просто игнорировал этот признак⁷. Заметим, что даже в обобщающих этнографических работах, например в многотомной серии «Народы мира», не предпринималось попыток вскрыть «национальный характер» того или иного народа. Лишь иногда в печати проскальзывают прямые высказывания в защиту «национального характера»; так, В. П. Алексеев пишет, что «каждому непредубежденному человеку ясно... существование национального характера»⁸.

Следует сказать, что резкие разногласия по поводу «национального характера» возникли не вдруг, что дискуссия по этой проблеме тянется уже добрую сотню лет. Ограниченные размеры статьи не позволяют нам подробно остановиться на истории вопроса⁹. Отметим лишь, что относящиеся к данной проблеме высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса фрагментарны и неоднозначны, что существенно повлияло на упомянутую выше дискуссию. С одной стороны, основоположники марксизма признавали отличие некоторых народов в психологическом отношении и пользовались термином «национальный характер». «Английский национальный характер,— писал, например, Ф. Энгельс,— существенно отличен как от немецкого, так и от французского»¹⁰. С другой стороны, как только они переходили от общих штрихов к углубленному анализу социально-психологических качеств, то обычно сразу же выдвигали на первый план классовые черты. Говоря, например, о психологии английского рабочего класса, Ф. Энгельс подчеркивал: «Рассудочность, которая так сильно содействовала развитию эгоистических задатков у английского буржуа, которая все его страсти подчинила себялюбию и сосредоточила всю силу его чувств на одной только погоне за деньгами, у рабочего отсутствует, благодаря чему страсти у него сильные и неукротимые, как у иностранца. Английские национальные черты у рабочего уничтожены»¹¹. Крестьянства в Англии в описываемое Энгельсом время, как известно, уже почти не было. Принимать же за общеанглийский «национальный характер» характер английских буржуа не приходится.

Сходных взглядов придерживался и Н. Г. Чернышевский. В своей большой работе «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории» он считал необходимым посвятить этому вопросу специальную главу «О различиях между народами по национальному характеру», где подверг критике бытовавшие в то время вульгарные и идеалистические концепции «национального характера», убедительно показав зыбкость самого этого понятия. Правда, Н. Г. Чернышевский в принципе не отвергал существование некоторых различий в нравах и привычках французов, англичан и других народов, объясняя их специфическими условиями жизни, физическим типом и темпераментом этих народов, однако он считал, что эти различия несущественны по сравнению с психическими особенностями классово-профессиональных групп. «По образу жизни есть очень важные различия между людьми; но в Западной Европе все существенные различия этого рода не национальные, а сословные или профессиональные. Землепашец ведет не такую жизнь, как ремесленник, работающий в комнате... По образу жизни и по понятиям земледельческий класс всей Западной Европы представляет собой как будто бы одно целое; то же должно сказать о ремесленниках, о сословии богатых простолюдинов, о знатном сословии. Португальский вельможа по образу жизни и по понятиям гораздо более похож на шведского вельмо-

⁷ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы. Расы. Культуры, М., 1971.

⁸ В. П. Алексеев, Человек: биология и социологические проблемы, «Природа», 1971, № 8, стр. 49.

⁹ См. об этом: Б. Д. Парыгин, Основы социально-психологической теории, М., 1971, стр. 11—14.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 602.

¹¹ Там же, т. 2, стр. 437—438.

жу, чем на земледельца своей нации; португальский земледelec в этом отношении более похож на шотландского или норвежского земледельца, чем на лиссабонского богатого негоцианта»¹².

Высказывания В. И. Ленина по проблеме «национального характера», к сожалению, еще более фрагментарны, чем высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. Известно, что В. И. Ленин резко критиковал теорию нации О. Бауэра, который считал главным признаком нации «национальный характер» и умалнял, в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, роль социально-классовых различий¹³. В. И. Ленин называл бауэровскую концепцию «психологической» и «идеалистической» и противопоставлял ей «историко-экономическую» теорию, по которой основными признаками нации считались язык и территория¹⁴.

В работах В. И. Ленина, как установил Б. Ф. Поршнев, чрезвычайно редко встречаются замечания о психологических особенностях тех или иных народов. По мнению Б. Ф. Поршнева, вопрос о национальном характере или психическом складе народов «чужд мысли Ленина»¹⁵. Вероятно, правильнее было бы отметить осторожность В. И. Ленина в столь сложном вопросе. Так, выступая на третьем Конгрессе Коминтерна, он заявил: «Лаццари (итальянский социалист.— В. К. и Г. Ш.) сказал: «Мы знаем психологию итальянского народа». Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе»¹⁶.

Можно полагать, что В. И. Ленин считал «национальный характер» трудноуловимым явлением, оперировать понятием которого нецелесообразно. Что же касается «уловимой» сферы этого явления, выражающейся в «общности культуры», то по этому вопросу позиция В. И. Ленина совершенно ясна. Выступая против всякого национального гнета и неравноправия (в том числе и в языково-культурной области), В. И. Ленин постоянно указывал на неоднородность «национальной культуры», выделяя в ней элементы демократической и социалистической культуры, с одной стороны, и буржуазную культуру — с другой. Он писал: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»¹⁷. Приводя это высказывание В. И. Ленина, следует отметить, что под культурой он понимал главным образом сферы духовной культуры, находящиеся под сильным воздействием идеологии¹⁸. Искать же за идеологией русской буржуазии и идеологией русского пролетариата какую-то единую «русскую идеологию» вряд ли допустимо. Отсюда ясно и то, что данные высказывания В. И. Ленина, очевидно, не следует безоговорочно распространять на общее понятие культуры, принятое в этнографической науке.

Развернувшаяся недавно дискуссия по проблеме «национального характера» дала некоторые положительные результаты; анализируя соотношение психики и культуры, теперь уже редко кто отстаивает примат

¹² Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. 3, М., 1951, стр. 611.

¹³ «Пролетарии всех стран,— писал, например, О. Бауэр,— отличаются однородными чертами характера, ...одинаковым революционным образом мыслей... Но эту общность характера создала не общность, а однородность судьбы. Ибо, хотя между немецким и английским рабочим и существуют известные отношения,— все же они не так тесны, как связь между английским рабочим и английским буржуа, живущими в одном и том же городе, читающими одни и те же газеты, ... участвующими в одних и тех же политических событиях и делах, в спорте и т. д.» (О. Бауэр, Национальный вопрос и социал-демократия, СПб., 1909, стр. 116).

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 25; см. также: «Ленинский сборник», XXX, М., 1941, стр. 63.

¹⁵ Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, стр. 70.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 17.

¹⁷ Там же, т. 24, стр. 129.

¹⁸ Этот вопрос уже рассматривался в статье: В. И. Козлов, Национальная проблематика в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1968, № 6.

психического. Вместе с тем по основной проблеме, как отмечалось в начале нашей статьи, разногласия сохранились и даже углубились. Многие авторы по-прежнему считают необходимым при определении нации (а иногда и этноса) учитывать какой-то «психологический» признак; предпочтение при этом стали отдавать не общности «психического склада», а «национальному характеру»; в этой замене нередко усматривается даже прогресс, но по существу она носит терминологический характер и ничего нового не дает. Стрелка полемических весов качается то в одну, то в другую сторону, причем создается впечатление, что в последнее время приверженцы «национального характера» от временной обороны перешли в наступление и ждут от своих противников капитуляции. «Те товарищи, которые оспаривают реальность национального характера,— пишет, например, Н. Джандильдин,— выступают, на наш взгляд, против очевидного факта, проявляя при этом излишнее упрямство»¹⁹.

Как свидетельствует история науки, аргументация путем ссылки на «очевидные факты» не всегда служит истине даже в тех случаях, когда факты, казалось бы, действительно очевидны: достаточно вспомнить в этой связи аргументы в пользу геоцентрической концепции мира. Что же касается рассматриваемой нами проблемы, то здесь «очевидные факты» обычно сводятся к утверждениям, будто бы французам свойственны «юмор и остроумие», немцам — «пунктуальность», испанцам — «темпераментность»²⁰, а, например, японцам, как считает Н. Джандильдин, — «невозмутимость перед лицом опасности»²¹. Однако подобные «факты», высмеиваемые еще Н. Г. Чернышевским, не столь уж очевидны, а главное, они, как будет показано далее, отражают не столько «национальный характер», сколько бытующие в большинстве своем вульгарные этнопсихологические стереотипы.

Дискуссия по «национальному характеру» показала, что эта проблема очень сложна и выходит за пределы круга вопросов, связанных с определением нации или этнической общности. Она затрагивает и реальность самого содержания, стоящего за этим термином. Состояние проблемы не допускает здесь однозначных решений, да мы к этому и не стремимся. Главная цель нашей статьи — анализ основных путей выявления «национального характера», с тем чтобы выяснить стоящие на них препятствия. Тем самым мы надеемся помочь авторам, работающим в данной области, а заодно развеять некоторые иллюзии, в том числе и надежды на какие-то легкие успехи и «очевидные» выводы. В связи с такой задачей нам представляется нецелесообразным углублять спор о толковании того или иного фрагментарного высказывания классиков марксизма-ленинизма. Гораздо уместнее начать с уточнения используемого сейчас терминологическо-понятийного аппарата и прежде всего с пояснения понятия «характер».

В психологии под характером принято понимать своеобразный психический склад личности, комплекс качественно своеобразных психологических черт человека, сложившийся в течение его предшествующей жизни и влияющий на его поведение и поступки²². Для выявления особенностей характера в психологической науке применяются различные методы исследований: наблюдение и беседа, естественный эксперимент, лабораторный эксперимент с применением системы тестов и др. Полученные результаты фиксируются «качественными» терминами (агрессивность, миролюбие, лень, прилежание, смелость, трусость и т. п.). Под-

¹⁹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 7.

²⁰ См.: В. В. Алексеев, Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1962, стр. 29.

²¹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 121.

²² См., например: Н. Д. Левитов, Вопросы психологии характера, М., 1956, стр. 14; А. Г. Ковалев, Психология личности. М., 1970, стр. 207.

считано, что в русском языке, например, есть до 1500 слов, обозначающих различные психические черты людей²³. Качественные характеристики иногда дополняются количественными, показывающими степень развития той или иной психологической черты.

Понятие любого группового, в том числе и национального, характера следует, вероятно, как-то отличать от индивидуального, так как оно не является простой суммой индивидуальных характеров. Однако это отличие твердо не установлено; к тому же в конкретных исследованиях групп людей психологи имеют дело главным образом с образующими их личностями. Приверженцы «национального характера», так же как и те, кто ставит его под сомнение, считают, что этот характер — понятие собирательное, что он «существует только в психологии отдельных личностей и только через них получает отражение в духовной деятельности наций»²⁴. Попробуем начать с этого согласованного положения и, прежде чем анализировать «национальный характер», рассмотрим элементы, формирующие характер личности, разделив их по происхождению на две основные группы: биологическую и социальную.

К первой группе относится прежде всего физиологическая основа характера — тип нервной системы человека, или темперамент. При характеристике темпераментов в психологии обычно применяют классификацию, которая идет от Гиппократы, выделившего в качестве основных типов холерический, флегматический, сангвинический и меланхолический темпераменты. И. П. Павлов ввел в эту классификацию учет силы нервных процессов, степень их уравновешенности и подвижности, выделив 24 разновидности, или подтипа, основных темпераментов. Встречаются, впрочем, и другие системы их классификации. Некоторые наши авторы, говоря о «национальном характере», путают темперамент с характером, а В. В. Алексеев, например, определив в своей работе особенности психического склада испанцев «темпераментностью», показал очень слабое знание психологической терминологии. Психологи постоянно подчеркивают недопустимость отождествления характера с темпераментом; последний сам по себе больше связан с общей физиологией нервной деятельности, чем с психикой человека. Известно, что И. П. Павлов изучал выделенные им подтипы темпераментов в основном не на людях, а на собаках. Темперамент может наложить сильный отпечаток на поведение человека, но он не определяет ни целей его деятельности, ни ее внутреннего содержания²⁵.

Среди других «биологических» сторон или элементов характера следует назвать половозрастные различия. Мужчины в очень многих ситуациях ведут себя иначе, чем женщины, а дети — не так, как взрослые. Эти половозрастные различия психики настолько существенны, что в психологической науке уже давно выделились направления, связанные с изучением детской психологии, психологии подростков и т. п. И если, например, при анализе группового характера кадровых военных мы можем абстрагироваться от особенностей характера их жен и детей, то при рассмотрении «национального характера» мы, естественно, должны учитывать все составляющие его половозрастные элементы.

К этой же группе можно отнести, наконец, и психические различия, вызванные особенностями влияния природной среды, в которой живут люди. Представляется весьма вероятным, что характер человека, выросшего в лесистых горах, будет существенно отличаться от характера людей, живущих на степной равнине или на морском побережье. При определении «национального характера» обычно учитывается своеобра-

²³ См.: Е. В. Осипова, Некоторые проблемы теории личности, «Социальные исследования», вып. 3, М., 1970, стр. 22.

²⁴ Н. Джандильдин, Указ. раб.; стр. 147; см. также: Н. Г. Чернышевский, Указ. раб., стр. 580.

²⁵ См.: Н. Д. Левитов, Указ. раб., стр. 73.

зие географической среды²⁶; заметим в связи с этим, что чем обширнее территория расселения того или иного этноса, тем разнообразнее могут быть природные условия отдельных ее районов и шире диапазон их влияния на психику входящих в этнос людей.

В группе социальных элементов психики на первый план выступают социальное (классово-профессиональное) положение людей и связанные с ним воспитание и образование. Социальные факторы в подавляющем большинстве случаев оказывают на характер более сильное влияние, чем естественно-биологические. Итальянский священник, например, несмотря на свой от природы холерический темперамент, внешне может вести себя как флегматик, в то время как от рождения флегматичный рыночный торговец может выглядеть холериком. Психический склад крестьян во многом отличен от склада кадровых военных, а психический склад рабочих — от купцов или чиновников. Классики марксизма-ленинизма в своих социально-психологических экскурсах подчеркивали обычно не этнические, а именно классово-профессиональные и сословные различия в психике людей, отметив, в частности, революционность пролетариата, мелко-собственнические интересы и «власть земли» у крестьян, угодливость, лакейство, колебания мещанства и т. д. Сословная психология, воспринятая с детства, может сохраниться даже при изменении социального статуса тех или иных лиц; достаточно вспомнить в этой связи горьковского Барона, который и на «дне» общества пытается вести себя как аристократ. Весьма своеобразно влияние общего образования, которое, с одной стороны, ведет к унификации некоторых элементов психического склада и поведения образованных людей, принадлежащих к разным этносам, с другой — к некоторым различиям между высокообразованными и необразованными людьми внутри одних и тех же этносов.

К социальным элементам психики относятся и те ее черты, которые обусловлены религиозной принадлежностью (религиозными нормами поведения), культурно-бытовыми особенностями жизни в определенном населенном пункте (от небольшой деревни до крупного города), ритмом политической, социальной, экономической и научной жизни и т. д. Сюда же, наконец, видимо, следовало бы отнести и большинство тех (назовем их этническими) элементов, которые принадлежат к собственно «национальному характеру».

Никто из приверженцев «национального характера» не стремится поглотить этим термином все классово-профессиональные и другие групповые характеры людей, входящих в нацию (или этнос); им обозначают какой-то комплекс частных особенностей психики этих людей. «Под национальным характером,— пишет Н. Джандильдин,— мы понимаем совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных историко-экономических, культурных и природных условиях ее развития... Не каждый индивидуум наделен всеми присущими данной нации чертами характера... социальная психология любого народа состоит не из одних только специфических черт. В нем преобладающее место занимает то общее, которое присуще всем другим народам...»²⁷. Несколько далее Н. Джандильдин поясняет, что «основными структурными элементами национального характера являются некоторые своеобразные неповторимые черты: а) привычки и поведение; б) эмоционально-психологическая реакция на явления привычной и непривычной среды; в) ценностные ориентации; г) потребности и вкусы»²⁸.

Социальная психология у нас развита пока слабо и сами психологи «национальным характером», как правило, не занимаются, поэтому

²⁶ См., например, Э. А. Баграмов, Национальный вопрос и буржуазная идеология, М., 1966, стр. 90.

²⁷ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 122.

²⁸ Там же, стр. 146.

решать связанные с ним вопросы приходится нам самим. Примем, что он действительно существует, не сводится к культуре и является если не «счевидным фактом», то более или менее уловимым явлением. Попробуем же уловить его, основываясь на изложенных выше положениях из области психологии.

Так как «национальный характер» включает в себя комплекс специфических элементов психики входящих в этнос людей, было бы заманчиво представить их в виде своего рода «этнического пласта» психики. Но мы сразу же должны отказаться от этого и прочих упрощений. Психика очень сложное и до сих пор не вполне изученное явление; но несомненно, что формирующие ее элементы (биологические и социальные) находятся в таком сложном сочетании, которое никак нельзя уподобить физическому «напластованию»; уместнее сравнить его с раствором или с химическим соединением. Нам пока не дано знать формулу этого соединения, мы можем фиксировать лишь его «свойства», реально проявляющиеся главным образом в особенностях поведения людей. Чтобы выделить здесь «национальный характер», следует как-то устранить или хотя бы учесть сопрягающиеся с ним и затемняющие его классово-профессиональные и другие «неэтнические» элементы или найти такие ситуации, в которых «национальный характер» резко выступал бы на передний план.

Допустим, что перед нами поставлена задача выявить какой-нибудь конкретный «национальный характер», например белорусский. Так как к нему относятся лишь специфические черты психики белорусов, то ясно, что обнаружить такую специфику можно лишь путем сопоставления белорусов с другим народом или народами. Встает вопрос: какой же из двух тысяч народов земного шара взять в качестве эталона — украинцев, грузин или якутов, австрийцев или англичан, канадцев или чилийцев, марокканцев или зулусов, папуасов или японцев? Отдать здесь кому-нибудь предпочтение довольно трудно, так как в каждом случае на первый план, очевидно, будут выступать не одни и те же, а различные особенности психики сравниваемых народов.

Пригласить для психологической экспертизы целиком более или менее крупные народы невозможно, поэтому наряду с первым вопросом сразу же встает вопрос об отборе «контрольных» групп. Сравнить группу белорусских юношей-комсомольцев одного из минских заводов, например, с группой пожилых австрийских крестьянок из альпийской деревушки явно нецелесообразно, так как разительные отличия в их «групповых» характерах имеют мало отношения к «национальному характеру». Однако методика и критерии правильного отбора пока не разработаны; не установлено, кто же является типичным носителем «национального характера»: мужчины или женщины, пожилые или молодые люди, сельские жители или горожане, земледельцы или инженеры? Вставший перед нами вопрос очень труден. Вряд ли кто возьмется отыскать среди многомиллионного народа сотни две людей с типичным «национальным» выражением лица. А отыскивать людей со скрытыми от наблюдателя «типичными» чертами «национального характера» намного труднее.

Следует поэтому взять, видимо, не одну «типичную», а множество «контрольных» групп от каждого из сравниваемых этносов, более или менее выровняв их по тем или иным показателям. Сравнительно легко выровнять их по полу и возрасту, несколько сложнее — по занятиям, гораздо труднее — по другим, оказывающим сильное влияние на психику параметрам. К таким параметрам относится даже уровень образования, так как система общего образования, например, у австрийцев существенно отличается от системы образования в Белоруссии. Следует почти наверняка ожидать, что результаты от сравнения каждой из контрольных пар групп будут, с одной стороны, неравнозначными, с другой — нерепрезентативными для всего этноса. Вместо какого-то единого «национального

характера» перед нами предстанет сложная мозаика из частных «групповых» психологий с сильными контрастами между отдельными фрагментами и множеством пустых мест. Во многих случаях на передний план у австрийцев, например, выступают те психологические черты, которые возникли под влиянием католицизма и жизни в капиталистическом обществе, а у белорусов — черты советского характера, сложившегося в результате воспитания и жизни в советском государстве, под воздействием марксистско-ленинской идеологии. Встает, однако, вопрос: можно ли называть эти черты «национальным характером»?

Использование австрийцев в качестве эталона для определения особенностей «национального характера» белорусов представляет собой более или менее средний случай. Заменив австрийцев русскими, мы, очевидно, приглушили бы мозаичность результатов; взяв папуасов, мы получили бы мозаику более яркую, но суть дела изменилась бы мало. Для того чтобы отбор эталонов был менее произвольным, а результаты психологических тестов более объективными, очевидно, следует привлекать для сравнения с белорусами не один и не два, а несколько десятков народов из различных областей земного шара.

Таким образом, применять для выявления «национального характера» обычные методы психологических исследований чрезвычайно трудно, а подчас, и невозможно. Не случайно, что профессиональные психологи уделяют столь мало внимания проблеме «национального характера», предоставив эту тематику специалистам других наук. Характеризуя основные направления поисков «национального характера», И. С. Кон кроме уже рассмотренного нами прямого «психологического» подхода предложил выделять «этнографический» и «историко-культурный» подходы²⁹. При первом из них во главу угла кладется непосредственное наблюдение и описание бытового поведения и нравов народов, при втором — анализ культурной символики, произведений народного творчества и исторических данных. Рассмотрим возможности использования этих и некоторых других материалов для решения вставшей перед нами проблемы.

Непосредственное этнографическое наблюдение является, по мнению И. С. Кона, «ценнейшим источником информации о национальном характере»³⁰. Однако это положение ставится под сомнение самим же автором, отмечающим, что присутствие постороннего наблюдателя может сильно изменить «естественное» поведение людей, что зафиксировать все нюансы поведения невозможно, а для отбора наиболее типичного нет надежных критериев и, наконец, что психологическое толкование особенностей поведения может сильно варьировать в зависимости от конкретной ситуации, общих особенностей культуры наблюдаемых и взглядов самого наблюдателя. Если добавить к этому широкие вариации поведения в половозрастных, классово-профессиональных и других группах, особенно внутри крупных этносов, то действительная ценность данного источника окажется более чем скромной. Кроме того, сама возможность психологической интерпретации тех или иных особенностей поведения людей в быту чрезвычайно сложна, а многие делаемые на ее основе выводы натянуты. Так, традиционная привычка японцев при встрече изображать на своем лице улыбку столь же мало говорит об их «радушии» или о каких-то других свойствах характера, как и традиционное индийское приветствие сложенными ладонями или принятое европейцами рукопожатие. Все эти заученные с детства жесты и мимика не отличаются по существу от армейской установки начинать первый шаг с левой ноги, невзирая на любые черты характера военнослужащих.

Сравнительно небольшие возможности представляет и анализ устного народного творчества (фольклора), так как многие фольклорные мотивы,

²⁹ См.: И. С. Кон, К проблеме национального характера, «История и психология», М., 1971, стр. 131.

³⁰ Там же, стр. 132.

повторяясь у разных этносов, вместе с тем могут сильно варьировать у одного и того же народа. Поэтому делать на основе сопоставления тех или иных фольклорных мотивов выводы о «национальном характере», как признает и И. С. Кон, крайне рискованно.

То же самое относится к этнопсихологической интерпретации других видов народного искусства. Конечно, даже при поверхностном наблюдении нетрудно заметить, например, что интонационный строй русской песни отличается от итальянской, финская пляска — от украинской, испанский орнамент — от узбекского, но очень трудно определить, какие же именно особенности психики стоят за ними. Сравнительный анализ таких видов народного творчества очень сложен; так, при сравнении народных песен следует учитывать не только особенности их содержания и напева, но и особенности языка, метрического размера стиха, традиционного подбора голосов и даже эмоций, которые овладевают исполнителями и слушателями; выразить же большинство этих различий в терминах психологии почти невозможно. Даже у одного и того же народа могут быть сильные различия в песенном творчестве; вместе с тем обнаруживается сходство не только у близких, но и у далеких друг от друга народов³¹.

Не останавливаясь на некоторых, пока еще малопродуктивных попытках использовать в этнопсихологических целях материалы сравнительного языкознания (выявленные здесь различия относятся главным образом не к сфере характера, а к сфере мышления), перейдем к письменным источникам, представленным произведениями художественной литературы и биографиями. На первый взгляд эти источники содержат очень ценный для выявления «национального характера» материал, выраженный к тому же в виде прямых психологических характеристик. Распространено мнение, что писатели — «инженеры человеческих душ» уже тем самым, что рисуют в своих произведениях характер человека, принадлежащего к определенному народу и действующего в национальной обстановке, показывают читателю более или менее типичный «национальный характер». Однако никому еще не удалось установить по художественной литературе «национальный характер» какого-нибудь народа. И это понятно, так как в действительности и здесь мы вместо «национального характера» сталкиваемся все с той же сложнейшей мозаикой частных и групповых социальных характеров, связать которые воедино очень трудно. Самые различия характеров обнаруживаются не только внутри одного и того же народа, но и внутри одной и той же семьи; достаточно вспомнить, например, Ольгу и Татьяну Лариных, Остапа и Андрея Бульбу, Ивана и Алешу Карамазовых. Наряду с этим замечено большое сходство в характерах персонажей, принадлежащих к различным этносам. В золотой фонд мировой литературы обычно как раз и входят такие произведения, в героях которых выступают не столько национальные, сколько общечеловеческие по своему содержанию черты характера; миллионы людей самых различных национальностей сопереживают душевное смятение Гамлета и ревность Отелло, несмотря на то что первый из них датчанин, а второй — «венецианский мавр».

Следует учитывать также, что в поле зрения того или иного писателя обычно оказывались лишь некоторые, далеко не всегда репрезентативные для всего этноса социальные слои. Известно, например, сколь мало вни-

³¹ Так, Назым Хикмет по поводу отмеченного кем-то большого сходства музыки и танцев народов Средней Азии с негритянскими, пишет: «Я давно уже замечаю, что в танцах, песнях, рукоделии народов есть поразительное сходство... Однажды, находясь в рязанском колхозе, я услышал старинные русские песни. Я был потрясен — это были знакомые мне с детства мелодии моих анатолийских крестьян... А сходство между народными сказками? Конечно, у каждого народа есть своя тема, им на свой лад обработанная, принадлежащая только ему. Но за исключением этих тем — их меньшинство — темы сказок, можно сказать, — международные, общечеловеческие» (Назым Хикмет, В Ташкенте, «Новый мир», 1958, № 12).

мания уделялось почти до середины XIX в. художественному изображению жизни крестьянских масс, составлявших большинство населения почти во всех странах мира. Кроме того, различные по своей социальной принадлежности персонажи, различные психологические типы той или иной национальной принадлежности, находящиеся в различных жизненных обстоятельствах, исторических и других условиях, отражались в художественной литературе не как в зеркале, а преломляясь через призму творчества писателей, через особенности их воображения и характера. В результате этого они зачастую не взаимодополняются, а противоречат друг другу. Так, по своим психическим особенностям французы в изображении Гюго во многом отличаются от французов Мопассана, а русские в изображении Чернышевского — от русских Достоевского.

Почти все сказанное о художественных произведениях можно отнести и к биографической литературе, отметив дополнительно ее сравнительную малочисленность, значительную тенденциозность (даже в таких ее видах, как «личные дневники») и еще большую социальную нерепрезентативность.

Таким образом, все рассмотренные нами способы выявления «национального характера» представляются пока малоэффективными, а некоторые и просто ненадежными³². Эта малоотрадная ситуация усугубляется еще двумя обстоятельствами, заслуживающими специального рассмотрения.

Первое из них — сильная изменчивость психологических черт во времени, препятствующая использованию данных, относящихся к одному историческому периоду для заполнения брешей при характеристике другого периода. Представления о «врожденности национального характера», передающегося якобы «из поколения в поколение», своими корнями уходят в идеалистические концепции вечного «национального духа». И если даже на протяжении жизни индивидуума — от младенчества до старости — его характер может сильно измениться, то психологические черты народов, существование которых измеряется столетиями, подвержены еще большим изменениям. Русские люди в начале XX в., например, были уже не теми, что при Иване Грозном, не мог бы остаться прежним и русский «национальный характер». С XVI в. этническая территория русских расширилась далеко на север, на юг и особенно на восток. В новых природных условиях возникли специфические группы, сильно отличающиеся друг от друга хозяйством и бытом, этическими традициями и эстетическими вкусами; северные поморы стали близки в этом отношении к своим соседям карелам, терские казаки — к кабардинцам и т. п.

Тем временем исторический прогресс, обусловленный в конечном счете развитием производства, вносил все новые и новые изменения в жизнь людей. Менялось взаимодействие людей с природой и взаимоотношения их между собой, появились новые сословно-профессиональные группы с ранее неизвестными интересами и стремлениями; видное место среди них занял постепенно формирующийся рабочий класс. Постепенно, особенно после падения крепостничества и проникновения капитализма в сельское хозяйство, трансформируется и жизнь крестьянских масс.

Особо разительные изменения произошли в жизни русских людей за годы советской власти. Ликвидация эксплуататорских классов, борьба против религиозного мировоззрения, проникновение в массы революционной марксистско-ленинской идеологии, распространение грамотности, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, развертывание научно-технической революции и многие другие важные процессы и явления приводили к формированию нового образа жизни, новых привычек и вкусов, интересов и идеалов, культурных и моральных ценно-

³² За недостатком места мы не рассматривали некоторые способы, предложенные зарубежными авторами, но еще совершенно не апробированные в нашей литературе, например установление национального характера путем изучения «базовой личности».

стей. Все это, конечно, не могло не привести к сильному изменению психологических качеств и характеристик русского народа. Впрочем, почти то же самое можно было бы сказать о «характере» украинцев, белорусов, татар и других народов СССР, а также (отвлекаясь от особенностей развития нашей страны) и большинства других народов мира.

Второе обстоятельство заключается в очевидной нецелесообразности и в то же время в неизбежности использования для определения «национальных характеров» различных качеств и черт, которые связаны с психологией личностей и могут быть оценены как «положительные» и «отрицательные». Как бы здесь ни осторожничал автор, он почти неумолимо приходит к восхвалению какого-нибудь одного народа в противовес другому (или другим). Не спасает здесь и употребление только «хороших» определителей, так как все положительные качества перечислить невозможно, а отбор лишь некоторых из них ведет к нежелательным выводам. В. В. Алексеев, например, определил русский «национальный характер» такими качествами, как «чувство национальной гордости», «чувство товарищества», «смекалка», «миролюбие», оговорив, что «многие из этих черт в той или иной степени свойственны духовному облику и других наций»³³. Но если речь идет о «многих» чертах, а не о всех, то получается, что каким-то народам вообще не свойственно, скажем, чувство национальной гордости, или чувство товарищества, или смекалка, а если и свойственны, то не полностью, а лишь в слабой степени!? Получается также, что самому русскому народу не свойственны ни радушие, ни природный юмор, ни многие другие как бы забытые автором качества.

У нас осталась еще не рассмотренной возможность вскрытия реальностей «национального характера» путем нахождения таких ситуаций, в которых он резко выступал бы на передний план. Впрочем, детально анализировать этот вопрос и нет особой необходимости. Наиболее выигрышна в данном отношении такая ситуация, когда люди, принадлежащие к одному народу, общаются прямо или косвенно с людьми иной этнической принадлежности. Особенности такого общения в различных сферах жизни (в быту, на производстве и т. п.) и так называемые психологические установки поведения при межнациональных контактах могут фиксироваться при проведении специальных этносоциологических обследований. Однако именно материалы таких обследований показывают, что внутри каждого из контактирующих этносов имеются сильные вариации в поведении и установках на поведение, обусловленные социальным положением людей, уровнем их образования и другими факторами³⁴. Мы уже не говорим о том, что психологический аспект национальных отношений в лучшем случае может дать лишь частичное представление о «национальном характере», как, например, отношение одного человека к другому — лишь слабое представление об особенностях его характера.

Примерно сто лет назад Н. Г. Чернышевский, критически рассмотрев проблему «национального характера», заключил: «Мы имеем очень мало прямых и точных сведений об умственных и нравственных качествах даже тех современных народов, которые наиболее известны нам, и ходячие понятия о характерах их составлены не только по материалам недостаточным, но пристрастно и небрежно... Заменить небрежные и пристрастные характеристики народов верными — дело очень хлопотливое, и у большинства ученых нет серьезного желания, чтобы оно было исполнено, потому, что обыкновенная цель употребления характеристик народов состоит вовсе не в том, чтобы говорить беспристрастно, а в том, что бы высказывать такие суждения; какие или кажутся выгодными для нас или льстят нашему самолюбию». Далее у Чернышевского: «Люди, же-

³³ В. В. Алексеев, Указ. раб., стр. 29.

³⁴ См., например: Л. М. Дробжижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР), «Сов. этнография», 1971, № 3.

лающие говорить беспристрастно о других народах, воздерживаются от этого способа суждений слишком произвольного, довольствуются сведениями, которые приобретаются гораздо легче и представляют более достоверности: они изучают формы быта, крупные события жизни народа и ограничиваются теми суждениями о качествах народов, какие без труда выводятся из этих достоверных и точно определенных фактов»³⁵. В данной статье мы рассмотрели возможные пути беспристрастного познания «национального характера» и убедились в их малой эффективности. Следовало бы, казалось, ожидать, что приверженцы «национального характера» до тех пор, пока не достигнут в своих работах практических успехов, объективных результатов, ослабят нападки на своих оппонентов. Однако этого не наблюдается, и чтобы завершить анализ проблемы «национального характера», нам необходимо рассмотреть некоторые причины такого явления.

Нетрудно догадаться, почему концепция «национального характера» пользуется большой популярностью среди буржуазных ученых³⁶. Немаловажной причиной этого является возможность использования «положительных» и «отрицательных» характеристик психического склада народов в спекулятивных пропагандистских целях и для подкрепления националистических и даже расистских концепций. Как известно, биологический расизм обанкротился в результате распространения научно обоснованных данных о том, что антропологические признаки не определяют собой способности людей. Но взамен его выдвинулся психологический расизм, согласно которому раса определяется в первую очередь совокупностью трудноуловимых (а следовательно, и труднопроверяемых!) психических качеств; «нордический тип человека,—как писал один из фашистских теоретиков,—узнается по его действиям, а не по длине его носа или цвету глаз»³⁷. В последнее время подобные «теории» часто фигурируют в работах некоторых американских авторов, пытающихся доказать «психическую неполноценность» американских негров и ряда народов стран Азии и Африки, противопоставляя им «психическое совершенство» белых американцев.

Советские ученые, в том числе приверженцы «национального характера», разоблачают и справедливо критикуют такие «теории» и сделанные на их основе выводы, хотя, как ясно из предыдущего, пока не в состоянии противопоставить ошибочным и предвзятым определениям «национальных характеров» более точные. Уместно отметить также, что далеко не все зарубежные авторы отстаивают концепцию «национального характера» только в реакционных целях. Над многими из них господствуют бытовые представления, обыденные формы мышления, подкрепленные приверженностью к старым, ставшим уже привычными определениям. Некоторые из этих мотивов проступают и в позиции части наших сторонников «национального характера».

Психические стереотипы, принимаемые в быту за «национальный характер», обычно усваиваются с детства, поэтому «непредубежденных» людей, на которых ссылается В. П. Алексеев, говоря о реальности «национального характера» (см. стр. 70) найти трудно. Сам же В. П. Алексеев, судя по сноске к этому утверждению, был, как нам кажется, уже предубежден некоторыми произведениями, в частности романом П. Даниноса «Записки майора Томпсона» (1970 г.), где обыгрываются некоторые якобы типичные черты «национального характера» англичан и французов. Судя по всему, был достаточно «предубежден» и Н. Джандильдин, странно цитирующий психологические зарисовки французского историка

³⁵ Н. Г. Чернышевский, Указ. раб., стр. 613—614.

³⁶ Библиография по этому вопросу еще в 1960 г. составляла около 1000 названий (см. Н. С. J. Duijker, N. H. Frijda, National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960).

³⁷ См.: сб. «Расовая проблема и общество», М., 1957, стр. 252.

XIX в. Ж. Мишле, русского экономиста В. В. Берви-Флеровского и некоторых других авторов, на наш взгляд, недостаточно компетентных в области психологической науки.

Существуют и другие мотивы приверженности к «национальному характеру». Так, группа литературоведов, выступившая недавно в его защиту, явно обеспокоена тем, что без этого понятия будет обеднена национальная литература³⁸. Некоторые философы обеспокоены тем, что без психологического аспекта понятие нации становится недостаточно жизненным. Тот же Н. Джандильдин пишет, что без общности черт национальной психологии «национальная общность сводилась бы лишь к сумме внешних объединительных признаков, а сама нация как активно действующий социальный субъект оставалась бы внутренне разнородной (не в смысле разделения на антагонистические классы, а в смысле этнопсихологической разобщенности), лишенной духовной целостности и «унифицированности»³⁹. Но и это беспокойство лишено основания.

Действительно, нация (и любая этническая общность) может проявить себя в социальной жизни лишь тогда, когда входящие в нее люди не только, например, говорят на одном языке и живут рядом — на одной территории, но и чувствуют себя принадлежащими именно к этой общности. Однако чувство, названное национальным (этническим) самосознанием, не входит в «национальный характер» и является важным самостоятельным признаком нации (или этноса). Такое самосознание возникает под действием объективных факторов; видную роль в нем играет представление о каком-то общем происхождении, об общих исторических судьбах, оно опирается на понятие родного языка, родной земли и т. п.⁴⁰ В отличие от «национального характера» национальному самосознанию не мешает существование внутри наций разнородных в психологическом отношении групп людей, подобно тому как разнородность характеров не мешает, например, существованию государственной общности. При определении государственной общности мы пользуемся признаком подданства (к которому часто добавляется и чувство патриотизма), но было бы неразумно искать у входящих в это государство людей, особенно в классово-антагонистическом обществе, какую-то «органическую духовную целостность» и единый «государственный характер». Национальное самосознание действительно объединяет людей в социальном отношении и поэтому именно оно, а не «национальный характер» учитывается в переписях и других видах статистического учета населения.

В заключение повторим, что в целом выявление реальностей «национального характера» в его научном понимании сопряжено с очень большими трудностями. Этот общий вывод распространяется почти на все современные более или менее крупные народы мира, хотя трудности выявления отдельных сторон «национального характера» у тех или иных конкретных народов разные; для очень широко расселенных, живущих смешанно с другими народами русских они явно больше, чем, например, для японцев, развивавшихся изолированно в течение многих столетий. Для небольших народов и особенно для родо-племенных обществ таких трудностей, очевидно, еще меньше, хотя и в этом случае точное установление «национального характера» представляется проблематичным.

Что же действительно реального, опять-таки в целом, имеется пока в «национальном характере», кроме убежденности ряда исследователей в его существовании? Во-первых, имеется сам термин «национальный характер», которым можно пользоваться при ярких набросках, точно так же как пользуются, например, термином «душа», хотя за ним стоит еще

³⁸ См.: Н. Воробьева, Национальный характер и история, сб. «Национальное и интернациональное в советской литературе», М., 1971; Л. Залеская, К спорам о национальном характере, там же.

³⁹ Н. Джандильдин, Указ. раб., стр. 28.

⁴⁰ См.: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 47—50.

менее четкая реальность. Кроме того, имеется великое множество бытующих вульгарных, а зачастую и просто неверных этнопсихологических стереотипов, не имеющих ничего общего с научным пониманием «национального характера». Допустим ради осторожности, что имеются некоторые более или менее типичные для каких-то отдельных групп одного из народов какие-то реальные черты психического склада, которые могут быть включены в широкое определение понятия этнической общности, но которые психологической наукой пока не установлены, т. е. остаются «вещью в себе», и которые, во всяком случае, будет очень трудно представить в обобщенном виде в форме «национального характера»⁴¹. Имеется, наконец, и реальная необходимость изучения психологических аспектов жизни отдельных людей или групп людей, входящих в этносы.

В последнее время вновь предпринимаются попытки создать на стыке этнографии с психологией особую научную дисциплину — «этническую психологию». Существование такого термина не должно опять-таки создавать представления, будто эта дисциплина основана на «национальном характере»; показательно, что и сами авторы, работающие над этнопсихологической тематикой, обычно не концентрируют на нем внимания и даже (как, например, И. С. Кон) ставят его под сомнение. Становление этнической психологии пока находится в самой начальной стадии, профессиональные психологи, как правило, не принимают в ней участия, и поэтому даже за рубежом, где ей уделяется большое внимание, она, по справедливой оценке С. И. Королева, представляет собой по-прежнему лишь «психологизированную этнографию»⁴².

Между тем перед этнической психологией стоят интересные, сложные и важные задачи. В число их входят уже упомянутые выше вопросы исследования установок на межэтнические контакты и особенностей поведения в таких контактах людей различной этнической принадлежности. К ним относятся также вопросы, связанные с изучением этнических аспектов общественного мнения, классовой борьбы. Существенное внимание должно быть уделено вопросам происхождения и особенностям бытования среди разных социальных слоев различных народов тех или иных «стереотипов». Можно решать и другие реальные вопросы, но только, повторяем, нецелесообразно путать все это с проблемой «национального характера» в ее теперешнем понимании. Проблема выявления реальностей «национального характера» тех или иных народов требует специальных конкретных исследований.

«NATIONAL CHARACTER»: RESEARCH PROBLEMS

In the course of a protracted discussion about «national character» extreme points of view have become crystallized: some authors are not only convinced of this phenomenon's reality but regard it as a necessary distinctive feature of any ethnos (or nation); others cast a doubt upon the very concept of «national character». The cause of such wide divergences of opinion lies in the complexity of the problem of «national character» and in the differing methodologies on the base of which this problem is approached. The present authors examine the main scientific means by which «national character» may be elicited (the psychological approach, ethnographical approach, etc.) and show up the almost insurmountable difficulties awaiting the researcher upon each path of approach. They warn against oversimplified conclusions, against the inadmissible confusion between «national character» and current psychological stereotypes; they urge wider study of ethnic psychology and recommend circumspection in using the very term «national character».

⁴¹ «Навряд ли реально было бы фантазировать,— пишет по этому поводу Б. Ф. Поршнев,— о составлении для каждой этнической общности чего-то вроде социально-психологического паспорта — перечня характерных для нее и отличающих ее от других психологических черт» (см.: Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 101).

⁴² С. И. Королев, Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, М., 1970, стр. 15.

Л. П. Лашук

КОЧЕВНИЧЕСТВО И ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИИ¹

Проблемы историко-культурной и социально-экономической специфики кочевничества являются интереснейшими в этнографической науке, им посвящено немало работ, в которых кочевничество рассматривается в двух аспектах: в качестве хозяйственно-бытового феномена в общей истории культуры и социально-политического явления со своеобразным ходом развития в системе общего всемирно-исторического процесса.

Чтобы анализировать кочевничество как социально-политическое явление, исследователь должен владеть как этнографическим материалом и новейшими методами исторической социологии, так и политэкономической теорией², в которой, в частности, подчеркивается, что производство есть не только особенный вид хозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, промыслы, ремесло и т. д.) или его технико-организационная структура, но и совокупность определенных производственных отношений, которые при наличии широкого общественного разделения труда выходят далеко за рамки специализированных отраслей хозяйства и образуют благодаря этому целостную надотраслевую структуру экономических отношений разных групп населения. С позиций марксистской политэкономии вопросы, относящиеся к реальному движению производства в рамках общественных организаций, «сводятся в конечном счете к тому, каким образом общен исторические условия воздействуют на производство, а также к отношению между производством и историческим развитием вообще»³. Вместе с тем, когда выясняются условия, которые более или менее способствуют производству, как, например, прогрессирующее и стагнационное состояние общества, необходимы «исследования о состоянии производительности по периодам, в ходе развития отдельных народов»⁴. Такие исследования нацелены на

¹ По поводу статьи Г. Е. Маркова «Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии», «Сов. этнография», 1970, № 6.

² Такого принципа придерживался Ф. Энгельс, писавший: «рассмотрим в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства и совершенно устранили ее с появлением цивилизации. Здесь „Капитал“ Маркса будет нам столь же необходимым, как и книга Маргана» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 723.

⁴ Там же, стр. 712. Такого принципа, в частности, придерживается В. В. Грайворонский, дающий качественную характеристику специфической экономики тех стран, в которых до сих пор в той или иной степени сохраняется кочевое или полукочевое животноводство. См.: В. В. Грейворонский, Преобразование кочевого образа жизни в МНР, «Народы Азии и Африки», 1972, № 4. В этой статье кочевой образ жизни определяется как «исторически сложившаяся и устойчивая совокупность особенностей производственной общественной и личной жизни скотоводов-кочевников, выражающаяся в своеобразии предмета, орудий и характера труда, приемов ведения хозяйства, общественных отношений, материальной и духовной культуры и быта, обусловленных спецификой кочевого скотоводства как типа хозяйства» (стр. 23).

то, чтобы показать, как с изменением исторических условий меняется конкретная экономика определенной общественной системы.

Эти положения нельзя забывать и тогда, когда исследователь пытается осветить специфический характер социально-экономической структуры собственно кочевничества и порой отвлёкается не только от исторической и общеэкономической связи кочевников с земледельческим населением, но и от общеэкономических закономерностей развития любого особого вида производства. Такой подход порождает представление о кочевничестве как об исключительном явлении, для которого можно установить «особые» законы политэкономии. Такого рода концепция предложена Г. Е. Марковым в статье, посвящённой исторической структуре кочевнических обществ⁵. В этой работе автор прежде всего обращается к авторитету основоположников марксистской политэкономии, действительно отметивших целый ряд специфических проявлений *общих социально-экономических закономерностей* в историческом движении народов от варварства к цивилизации, от военно-демократических порядков последней стадии общинно-родового строя к раннеклассовому обществу и далее к структурам феодального типа.

Читая названную статью в ее установочной части, нельзя не заметить, что автор, во-первых, не реализует всех возможностей углубленного анализа вопроса, ясно указанных в сочинениях Маркса и Энгельса; а во-вторых, не совсем верно трактует некоторые их положения. Так, в урезанном виде на передний план выдвигается следующее положение Маркса: «То обстоятельство, что, например, в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота» (на этом цитата искусственно обрывается.— *Л. Л.*). ... Между тем, далее у Маркса читаем: «...могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал»⁶. Совершенно ясно, что в данном случае Маркс оперирует категориями капиталистического производства, так как в целом он рассматривал тогда вопрос о техническом и стоимостном строении приведенных в действие определенных органических совокупностей постоянного и переменного капитала современного ему буржуазного общества⁷.

О каких-либо «вневременных» кочевниках тут не сказано ни слова, что, однако, не помешало Г. Е. Маркову попытаться, со ссылкой на Маркса, обосновать собственный тезис о том, что характерной чертой «скотоводческого экономического базиса» была «кочевническая организация, в основе которой были хозяйственно-самостоятельные семьи, имевшие в частной собственности скот (капитал)»⁸, что в силу этого «любой разбогатевший скотовод мог присвоить посредством капитала (скота) необходимые участки пастбищ», вследствие чего «у кочевников эксплуатация носила свободный экономический характер в виде найма или прикрывалась племенными традициями»⁹.

Когда же и при каких обстоятельствах возникла подобная «кочевническая организация», охарактеризованная в основном с привлечением категорий капиталистического способа производства? По Г. Е. Маркову

⁵ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 327.

⁷ Там же, стр. 325—328.

⁸ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 86.

⁹ Там же, стр. 76, 77.

получается, что это могло иметь место еще в I тысячелетии до н. э., когда в связи с формированием кочевнического хозяйства первобытнообщинные отношения у скотоводов окончательно разложились, причем «в ходе этого процесса в семейную собственность превратилось одно из главных средств производства — скот, рассматриваемый Марксом как капитал; резко возросли обмен, имущественное и социальное расслоение»¹⁰. Если здесь поставить точку, то у читателя возникнет законный вопрос, почему именно кочевничество, отличавшееся в целом невысоким экономическим потенциалом (в силу его экстенсивности, слабой технической оснащенности, раздробленности, натуральности и т. д.), сыграло в древние времена такую революционную роль в подъеме производительных сил в степной полосе Евразии? Стремясь преодолеть явное противоречие своего тезиса, Г. Е. Марков отмечает, что следует все-таки учесть «...разносторонние связи с населением оседло-земледельческих областей»¹¹; тем не менее «резкие изменения наступали лишь тогда, когда кочевники оказывались втянутыми в социально-экономические отношения развитых оседло-земледельческих народов, особенно в эпоху капитализма»¹².

Итак, нам предлагаются два резко противоречащих друг другу вывода: о необычайно раннем превращении скота в «капитал» у кочевников и о том, что решающий толчок к ускоренному социально-экономическому развитию они получили сравнительно поздно, особенно в эпоху капитализма. В самом деле, если рассматривать скот в качестве вечной категории «постоянного капитала», то можно сделать вывод, что уже при разложении родового строя у кочевников появились капиталистические предпосылки (например, в виде монополизированных определенной частью общества средств производства, также обособившихся по отношению к живой рабочей силе продуктов и условий приведения в действие самой этой рабочей силы). Как известно, капитал в любой его форме — «это не просто сумма материальных и произведенных средств производства», а «превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото и серебро сами по себе — деньгами»; в конечном итоге капитал — «это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»¹³.

Как ни странно, Г. Е. Марков не обратил внимания на эти хорошо известные истины марксистской политэкономии и тем, что он рассматривает скот в качестве капитала у патриархальных кочевников, возвращает читателя к некоторым формулировкам А. Смита и Д. Рикардо. Последний допускал, что даже в «первобытном состоянии общества... охотнику нужен для его промысла некоторый капитал, хотя, возможно, созданный и накопленный им же самим», что «все орудия, необходимые для охоты на бобра или оленя, могут принадлежать одному классу людей, а труд, применявшийся при охоте, доставляться другим классом»¹⁴. Анализируя эти высказывания, Маркс неоднократно их критиковал, указывая, в частности, на обычный силлогизм буржуазной классической политэкономии: «Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый,

¹⁰ Г. Е. Марков, Проблемы этнических общностей и этнических процессов, «Вопросы философии», 1970, № 12, стр. 154.

¹¹ Действительно, относительно ускоренные темпы социально-экономического развития причерноморских скифов-кочевников или центральноазиатских хуннов можно понять только с учетом их прямого включения в оживленную жизнь «варварской периферии» высоких цивилизаций — античной и древнекитайской.

¹² Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 74, 75.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 380, 381.

¹⁴ Д. Рикардо, Соч., т. I, М., 1941, стр. 9, 10.

объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает „орудия производства“, „накопленный труд“, капиталом»¹⁵. По определению Маркса, все наивные выражения А. Смита и Д. Рикардо о разных формах капитала (в том числе и скот в качестве постоянного капитала) имеют смысл «лишь при предпосылке, что капиталистический способ производства является господствующим»¹⁶.

Оперирование понятием «скот в качестве капитала» с начала возникновения кочевничества находится в очевидном противоречии со следующим тезисом самого Г. Е. Маркова: «Имущественное и социальное расслоение не достигало внутри кочевничества уровня развитых классовых отношений, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишенных средств производства, вынуждена была искать занятия вне скотоводства. Когда в среде кочевничества начинались процессы формирования классовых отношений — в феодальной или капиталистической форме, кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население»¹⁷. Скот может стать капиталом в крупном животноводческом хозяйстве лишь тогда, когда «условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остается одна только рабочая сила»¹⁸, которая по причине ее избытка в известной пропорции вытесняется из данной отрасли, но это происходит при наличии возможности «свободного» переливания рабочей силы из скотоводства в земледелие и промышленность. В животноводческом хозяйстве, организованном по-капиталистически, кочевничества как массового и совершенно самостоятельного хозяйственно-бытового явления быть не может.

Напротив, феодальная система общественно-экономических отношений приковывает к себе массу земледельцев и скотоводов, в той или иной степени лишенных собственных средств производства, и воспроизводится как эксплуататорская система путем безвозмездного присвоения прибавочного труда действительных работников в форме их «добровольных» служб за «покровительство», натуральных «взаимных услуг» за наделение бедноты скотом, а также в форме прямой кабалы, данничества и т. д. Все эти отношения отнюдь не влекут за собой обязательного «выталкивания» разорившихся производителей из сферы скотоводства, а наоборот, предполагают наличие некоторого резерва имущественно несостоятельных работников, которых можно опутать разными видами личной зависимости.

Г. Е. Марков, видимо, не считает необходимым углубляться в анализ этих экономических явлений (может быть, потому, что они убедительно раскрыты многими исследователями скотоводческих обществ средневековья), находя достаточным мимоходом оговориться, что установленные тесные и разносторонние связи с оседлыми народами «могли в определенных случаях способствовать значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества»¹⁹. Но ведь и при такой исторической ситуации разносторонние (т. е. основанные на общественном разделении труда) хозяйственно-обменные связи с соседями и собственный феодальный уклад у кочевников должны были обязательно воспроизводиться, имея свою экономическую базу в рамках определенной

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 711.

¹⁶ Там же, т. 26, ч. II, стр. 166.

¹⁷ Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 78.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 52.

¹⁹ Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 77.

общественной системы, создающей благоприятные условия для преимущественного роста феодальных отношений независимо от того, какую бы конкретную форму последние ни принимали. Предоставив читателю самому догадываться, как все это могло совершаться (что является вопросом принципиальной важности), Г. Е. Марков дает понять, что предмет его исследования — вовсе не эти «исключения из правил», а «чистое» кочевничество, которое в качестве некоего общественно-хозяйственного «изолята» спонтанно никогда не порождало социально-экономических отношений феодального типа.

Разумеется, Г. Е. Марков не может не учитывать того, что история кочевников протекала не только на фоне, но и в конкретном воплощении нескольких всемирно-исторических эпох, и никогда так не было, чтобы какое-либо общество не «вписывалось» в круг закономерностей общечеловеческой истории. Вот почему Г. Е. Марков предлагает наиболее подходящее, как ему кажется, решение diskutируемого вопроса: «В научном наследии классиков марксизма содержатся ценные указания, открывающие пути для выяснения общественных отношений и общественной организации у кочевников. Речь идет о „военной демократии“. Это была эпоха, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов»²⁰.

Маркс и Энгельс, действительно, проявляли повышенный интерес к особенностям производства и общественной структуры кочевников Азии, но было бы неправомерно делать вывод о том, что в своих высказываниях основоположники марксизма всегда делали упор на традиционном «варварстве» и военно-демократическом строе скотоводческих обществ, не знакомых-де с какой-либо формой государственности и связанной с ней социально-политической субординацией, что, например, «даже у монголов эпохи Чингисхана Маркс находит только отдельные элементы феодальных отношений, причем связывает их происхождение не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни»²¹. Утверждение это противоречит политико-экономической теории Маркса и некоторым его высказываниям относительно характера производственных отношений у средневековых кочевников.

В поисках «ключа к восточному небу» Маркс и Энгельс неоднократно обменивались мнениями по различным вопросам, касающимся истории кочевников. Так, в 1853 г. Энгельс обращал внимание Маркса на то, что, по его мнению, племенные генеалогии арабов своим происхождением обязаны древнепатриархальному способу существования, а также не обнаружил (в общеисторическом смысле) «чего-то особенного» в периодических нашествиях кочевников на страны земледельческого пояса. Маркс, в свою очередь, заметил, что, во-первых, «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»; во-вторых, что изменение важных торговых путей нередко приводило в движение кочевников в целях овладения выгодными им экономическими коммуникациями; в-третьих, что царственные предводители кочевнических армий (например, Великий Могол), захватывая земледельческие страны, объявляли себя верховными

²⁰ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 77. В настоящее время на «военную демократию» существует исторически дифференцированный взгляд, различающий военно-демократический строй внутри генетического племени и стадийно более зрелую военно-иерархическую структуру межплеменных объединений. См., например, А. М. Хазанов, Военная демократия и эпоха классовобразования, «Вопросы истории», 1968, № 12.

²¹ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 78.

собственниками всех земель и содержали свое многочисленное войско за счет эксплуатации крестьян-aborигенов²², т. е. посредством по-особому организованных производственных отношений.

Позднее Маркс прослеживал такую закономерность на примере государства Чингисхана, положившего «начало огромному объединению орд, на основе которого им будет создана мировая держава» с феодальным внутренним порядком, многие воспринявшим от феодального права Китая²³. Маркс обратил внимание на специфический характер татаро-монгольского господства на Руси: «Татарские ханы угнетали издавна [за исключением сбора дани они не вмешивались во внутренние русские дела], но их послы, откупщики государственных доходов и сборщики податей — бассаки — находились внутри страны»²⁴. Современные исследования подчеркивают, что татаро-монгольское иго, порожденное своекорыстным союзом кочевой знати, повсеместно сопровождалось жестоким сграблением населения завоеванных стран. Но это военно-феодальное господство влекло за собой не только разбойный грабеж²⁵. Правители среднеазиатских ханств в XIII—XIV вв. хорошо понимали, что «порядок, соби́рание доходов и все дела наши и ваши (военно-кочевой знати и войска.—Л. Л.) и благосостояние бывает от старания и труда райятов, от земледелия и от дел торговли. Если мы райятов (крестьян) ограбим, тогда с кого можно будет требовать?»²⁶. Названные здесь агенты фискальной и тарханно-кормленной системы были необходимыми элементами развивающейся феодальной, а вовсе не архаической военно-демократической системы, которая зиждилась не только на военной организации по родам и племенам, но и на том традиционном (становящимся все более формальным) основании, что в данном племенном обществе нет еще прямых отношений господства и принудительного подчинения, вытекающего из самих условий материального производства, характера неравноправного распределения и присвоения средств производства, общественного труда и его продуктов.

Лейтмотивом статьи Г. Е. Маркова служит неоднократно повторенная мысль о том, что наиболее организованная социальная структура кочевников была связана «с условиями военной жизни», со всеобщим вооруженным ополчением народа, а это «затрудняло или исключало возможность внеэкономической эксплуатации», между прочим, потому, что в период войн и больших переселений «на первый план выдвигались военные и политические интересы, а интересы скотоводческого хозяйства отходили временно на второй план»²⁷.

В этой связи необходимо точно определить, по какой причине, в чьих интересах и на какие средства велись бесконечные войны и перемещения кочевников из одной области в другую. Данная проблема не однозначна, так как она самым непосредственным образом затрагивает различные стороны жизни кочевнических обществ и их социальных подразделений.

Хорошо известен взгляд Маркса на военную организацию варварского общества, где «война является той важной общей задачей, той

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 209—210, 214, 215.

²³ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М., 1938, стр. 219, 220, 227.

²⁴ Там же, т. VIII, М., 1946, стр. 153.

²⁵ См. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1972. Напомним, что в связи с рассуждениями Е. Дюринга о «формах социально-экономического строя, имеющих чисто политическую природу», Ф. Энгельс заметил, что «именно насилие больше всего зависит от наличных условий производства». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 647, 650.

²⁶ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, М.—Л., 1952, стр. 12.

²⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 76, 88.

большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить...». И далее: «поэтому состоящая из семей община (любой величины вплоть до племени.— Л. Л.) на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»²⁸.

В обществах, поднявшихся до уровня цивилизации, несмотря на частые войны, доля мирного сельскохозяйственно-ремесленного труда была неизмеримо выше доли труда военного, становившегося по преимуществу профессиональным за счет углубившегося общественного разделения труда между армией и производителями материальных благ. Это положение подтверждается материалами по странам древнего Востока, средиземноморскому античному миру, по обществам раннесредневековых германцев и славян. Необходимый для перехода к раннеклассовой цивилизации уровень производительных сил здесь повсюду определялся уровнем развития сельского хозяйства (при более или менее гармоническом сочетании земледелия и животноводства), создававшего базу для роста ремесла и торговли. В частности, феодализм в Европе вырос не непосредственно из «организации военного дела у варваров во время самого завоевания» ими ряда стран, а «благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах»²⁹.

Не подлежит сомнению, что по уровню и темпам развития производительных сил скотоводы-степняки отставали от народов земледельческого пояса, тогда как относительно высокий прирост населения «при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства», объективно толкал кочевнические общества к прямому захвату естественных условий производства (неистощенных пастбищ) и произведенных средств существования у соседей³⁰. Действительно, интересы скотоводческого хозяйства у кочевников (если они оставались таковыми) никогда не отходили, даже временно, на второй план. На стадии их «варварского» состояния особенно чувствовалось «давление избытка населения на производительные силы», ибо, как указывал Маркс, «Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»³¹.

Таким образом, вынужденные миграции и войны, сопровождавшиеся захватом пастбищных пространств и чужого имущества (особенно скота), были для кочевников наиболее подходящим средством для преодоления ограниченности их традиционного способа производства — патриархально-общинной системы, кстати, у всех категорий сельского населения, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, когда любой мелкий производитель, наделенный условиями и средствами труда (будь он скотоводом или земледельцем), «производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей»³².

В данном случае нами подчеркивается общее экономическое соответствие, а не тождественность между патриархально-кочевой и патриархально-земледельческой общинами, которые, конечно, не идентичны

²⁸ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 11, 12.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 74.

³⁰ Там же, стр. 21.

³¹ Там же, т. 8, стр. 568.

³² Там же, т. 25, ч. II, стр. 371.

друг другу во многих отношениях. Это отмечал и Маркс, писавший: «в качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив; для особого рода условий производства (например, скотоводства, земледелия) развивается особый способ производства (тут по смыслу: техническая и организационно-трудовая структура.— Л. Л.) и развиваются особые производительные силы как субъективные, проявляющиеся как свойства индивидов, так и объективные»³³.

О специфических условиях хозяйственно-бытовой жизни традиционной кочевой общины написано так много и хорошо, что нам нет необходимости повторяться; подчеркнем лишь то обстоятельство, что, если в частновладельческой (по отношению к земле) соседской общине земледельцев «община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей», то «у кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации (социально-организованной структуры.— Л. Л.) развиваются из условий этого образа жизни»³⁴. Вот почему это «общество спутников» в оболочке простейшего социального организма с внешней стороны рисуется неизменной величиной, пронизанной «неформальными» (как сказали бы социологи) узами родства, свойства и взаимовыгодного соседства. Такая община, действительно, может существовать бесконечно долго, до тех пор, пока существует ее основная экономическая предпосылка, состоящая в том, что все члены более или менее равномерно обеспечены средствами производства, причем в частном порядке «*присваивается и воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*»³⁵.

Тем не менее, было бы ошибкой рассматривать в целом исторически по-своему подвижную (но, по Г. Е. Маркову, в принципе неизменную) систему экономического базиса кочевнических обществ только с позиций социально-экономических отношений, действовавших в рамках небольшого равноправного объединения по совместному выпасу скота. Совершенно верно поступают те исследователи, которые видят несомненный процесс трансформации этого базиса на уровне межобщинных и племенных отношений, где этот процесс собственно и начинается, а затем проникает «внутрь» рядового кочевнического объединения. На поздней стадии военной демократии, а тем более развившегося далее классогенеза, решающее значение среди прочих форм социальной связи приобретают исторически новые политико-экономические отношения, в которых есть уже разной степени зрелости элементы господства одних, подчинения и зависимости других³⁶.

Рассматривая эволюцию общинного строя именно в таком расширенном плане, Маркс признавал его жизненность только при описанных выше «заранее установленных объективных условиях»; но «само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить», новые социальные элементы разрушающе действуют на экономическую предпосылку еще недавно равнообеспеченной общины, происходит «изменение этой экономической предпосылки, вызванное ее собственной диалектикой, обеднение и т. д. ...В особенности

³³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 24.

³⁴ Там же, стр. 17, 21.

³⁵ Там же, стр. 21.

³⁶ См., например: С. М. Абрамзон, *Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ*, «Сов. этнография», 1970, № 6; И. Л. Андреев, *Специфика некапиталистического развития народов, не завершивших процесса складывания классов*, «Вопросы истории», 1970, № 9.

влияние военного дела и завоеваний (что, ...по существу относилось к экономическим условиям самой общины) подрывает реальную связь, на которой она держится»³⁷. Маркс вывел эту закономерность трансформации и разрушения общинного строя, основываясь на материале истории древних земледельческих обществ, но такая же тенденция развития по-своему действовала в обществах средневековых кочевников, о чем свидетельствует общеизвестная литература³⁸.

Странно, что, сделав те или иные оговорки в пользу принятых всеми советскими этнографами взглядов на социально-экономический генезис кочевников в докапиталистический период, Г. Е. Марков снова вернулся к идее о невозможности существования «чистого» кочевничества вне стадияльно-исторических рамок военной демократии. На сей раз кочевничество представлено им в виде своеобразного социально-политического явления, имевшего при последовательном развертывании в истории две периодически сменяющих друг друга ипостаси: «общинно-кочевое состояние» с аморфной социальной структурой в мирное время и «военно-кочевое состояние» с четко организованной племенной и надплеменной структурой общества во времена длительных войн. Получается, что здесь нет поступательного исторического процесса, как в земледельческих обществах, а есть лишь своего рода «колебательное» движение во времени и пространстве социальных структур кочевников, ибо «переход их общественной организации из „общинно-кочевого“ состояния в „военно-кочевое“ и обратно — явления обратимые» до тех пор, пока вообще существовало кочевничество³⁹.

Допустим, что, рассматривая структуру кочевнических обществ с исторической точки зрения, автор хотел применить структурно-функциональный метод исследования, но как бы к последнему ни относиться, он не должен быть формальным и произвольным. В марксистском понимании такой метод требует прежде всего углубленного проникновения в скрытую структуру экономической системы, в частности «проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм»⁴⁰. Именно благодаря этому возникает правильное научное представление не только об «анатомии» (строении и соотношении элементов), но и о «физиологии» (функциональной системе, внутренней органической связи и жизненном процессе любого общества)⁴¹. В таком аспекте фундаментальное основание общества определяется не сменяющимися друг друга состояниями мира и войны, не структурной мозаикой и функциональной корреляцией составляющих его элементов, а диалектическим взаимодействием производительных сил и производственных отношений, которое, находя себе опору в этих главных компонентах структуры любого общества как органического целого, составляет основное содержание функционирования и развития общественного бытия. Не та или иная перетасовка, интеграция и дезинтеграция структурных единиц данного общества, а «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»⁴².

Как отмечалось выше, с помощью военного дела кочевники стремились преодолеть ограниченность своего производственного потенциала,

³⁷ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 18.

³⁸ Эта обширная литература хорошо представлена в обобщающих работах; С. М. Абрамзон, *Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XIV, 1951; А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки)*, ТИЭ, т. XIX, 1961.

³⁹ Г. Е. Марков, *Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии*, стр. 89.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 12, стр. 731.

⁴¹ См. там же, т. 26, ч. II, стр. 177, 178.

⁴² Там же, т. 23, стр. 499.

но развитие военной организации в конечном счете только углубляло их внутренние противоречия, так как в кочевнической среде (да и не только в ней) «война раньше достигла развитых форм, чем мир..., отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии»⁴³. Объективный ход развития кочевнических обществ, когда вследствие крупных завоевательных войн они овладевали новыми производительными силами, вовсе не вел их фатально к «обратимому» общественному состоянию на прежних экономических основаниях. Конкретная история народов нашей страны всецело подтверждает наблюдение Маркса, что при всех завоеваниях возможен тройкий исход: народ-завоеватель навязывал побежденным собственный способ производства или он оставлял старый способ производства аборигенов в неизменности и довольствовался данью с побежденных, или же происходило взаимодействие первого и второго способов производства, вследствие чего элементы обоих синтезировались в новую экономическую структуру⁴⁴.

В ходе завоевания Средней Азии и установления там своего владычества монголы «навязали» коренному населению этой обширной страны все три вида использования производительных сил в обстановке прямого господства и подчинения. Но если поначалу, например в Семиречье, монголо-тюркские кочевники попросту превратили земледельческие земли в пастбища и безудержно грабили остатки оседлого населения, то позднее в Хулагуидском и Чагатайском улусах возобладала тенденция к государственному упорядочению системы налоговых сборов с оседлого и кочевнического населения, к восстановлению разрушенных ранее производительных сил, налаживанию городской торговли и регулярного взаимообмена между земледельцами и скотоводами. Несмотря на то, что кочевническая знать в течение всего XIV в. здесь оставалась верной кочевому быту, она, занимая господствующие позиции в местном обществе, все более феодализировалась под воздействием аборигенной среды и сама порождала новые феодальные формы⁴⁵. Так складывались исторически необратимые основания и отношения военно-феодального быта, которые ясно просматриваются и в кочевнической Золотой Орде⁴⁶.

В работе Г. Е. Маркова эти неплохо изученные историками социально-экономические процессы приобретают совсем иной вид: «крайним следствием усиления военной организации было возникновение кочевых империй как законченного выражения идеи военной централизации подвижных скотоводов», но «после распада империи и децентрализации племен, по мере того, как увеличивалась самостоятельность кочевых групп, власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевали. Этому способствовали поголовное вооружение кочевников и другие факторы. Одновременно происходило усиление влияния зажиточной прослойки общества, которая, совместно с племенными старейшинами, образовала его верхушку»⁴⁷. Расплывчатость этих формулировок вызвана, видимо, нежеланием автора дать четкую социально-экономическую и политическую квалификацию затронутых явлений. Характеризуя «коче-

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 735. Дефиницией «отношения общения» здесь определены производственные отношения, т. е. все те общественные отношения, в силу которых люди в процессе своей экономической деятельности находятся в состоянии общения, приводящем в конечном счете к распределению и потреблению наличных материальных благ (в том числе, конечно, и в армии).

⁴⁴ Там же, Соч., т. 23, стр. 723, 724.

⁴⁵ И. П. Петрушевский, Рашид ад-Дин и его исторический труд, в кн.: Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 12—14.

⁴⁶ Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевая орда в улусе Джучи, «Вестник Московского ун-та», сер. историческая, 1970, № 5.

⁴⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 88.

вые империи», автор далек от того, чтобы попытаться обнаружить действительную «скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»⁴⁸. А ведь это можно было сделать на примере грандиозной кочевой империи Чингисхана, где столь ярко выступали отношения господства и подчинения, распространявшиеся на все слои кочевнического общества, в котором рядовая масса непосредственных производителей, несмотря на ее «поголовное вооружение», прямо принуждалась поступаться прибавочным трудом в форме военных служб и т. д. в пользу государства и военно-феодальной знати; и этот безвозмездно присвоенный труд служил для кочевой знати главным средством такого же безвозмездного присвоения труда и дани у населения завоеванных областей, что, будучи взятым вместе, должно рассматриваться как раннефеодальная норма, введенная затем в правило⁴⁹.

Кочевые «империи», в самом деле, то возвышались, то слабели и погибали, что в общем-то относилось к сфере «высокой политики» (всякий раз порождавшей в восточных странах «род феодальной монархии, в действительности власть многочисленных династических владельцев была ограничена») ⁵⁰, но социальная структура кочевнических обществ средневековья не делала таких резких скачков. В структуре «гражданской» системы кочевников совершался то более быстрый, то более медленный («молекулярный») процесс производства и воспроизводства тех социально-экономических порядков, которые зародились вследствие давнего установления внутривременной социальной «стратификации» (разного и неравного положения патронимических групп и отдельных семей, их социальной роли и функций), межгрупповых и индивидуальных отношений господства и подчинения, данничества и различных форм личной зависимости. В кочевнических обществах, где размежевание людей по фактическому социально-экономическому интересу отягчалось неизжитыми полностью родо-племенными связями, такой процесс воспроизводства был особенно многолик, так как его агентам — старой родовой и новой служилой знати, начальникам «поколений» и любым состоятельным лицам — всякий раз приходилось маневрировать в сложной системе общественных отношений, достигая желаемого лишь в итоге использования бесконечно разнообразных связей с окружающей социальной средой⁵¹.

Наконец, по Г. Е. Маркову, кочевая «империя» — это вовсе и не государство, а «законченное выражение идеи военной централизации», имевшей тенденцию к исторической «обратимости», т. е. к полному разрушению (вследствие преходящего характера «идеи?»); тогда как «земледельческое государство» представляет собой явление «необратимое», ибо возникает оно «в процессе становления нового способа производства как следствие появления непримиримых классовых противоре-

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

⁴⁹ Рассматривая вопрос об установлении феодальной ренты, Маркс констатировал, что одним из характерных факторов при этом было то, что «после завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 353, подстр. примеч.). В рассматриваемом нами случае «...рента выступает исторически (что еще в самых широких масштабах имеет место у народов Азии) как всеобщая форма *прибавочного труда*, труда, выполняемого безвозмездно. В отличие от капиталистических отношений, здесь присвоение этого прибавочного труда не опосредствуется обменом, а имеет своей основой насильственное господство одной части общества над другой. (Отсюда и прямое рабство, крепостничество, или отношения политической зависимости)» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 415).

⁵⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М., стр. 109.

⁵¹ См., например: Г. Ф. Дахшлейгер, Казахстан накануне НЭПа, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 25.

чий»⁵². В советской исторической науке никогда не было и сейчас нет потребности в дефиниции «земледельческое государство», так как не различие земледелия и скотоводства определяет исторический тип и политическую форму государства. Что же касается понятий «обратимости» и «необратимости» исторического процесса, то советские историки связывают их с вполне определенными факторами: «...такие факторы, — как справедливо пишет А. Н. Чистозвонов, — не могут быть заложены в надстрочных категориях различного рода, поскольку последние сами являются производными, лишь косвенно и опосредствованно отражая процессы, происходящие в сфере материального производства... Не более достоверной будет как критерий и острота или массовость классовой борьбы. Лишь ее социальное содержание может указывать на характер и направление исторического процесса. Однако это уже органически связано с явлениями, происходящими в сфере базиса, и именно здесь, а также в социальной структуре общества мы можем найти интересующие нас объективные факторы»⁵³.

Посвятив свою статью исторической структуре обществ кочевников вплоть до XIX в., Г. Е. Марков, видимо, не заметил в нем необратимых социально-экономических процессов; однако это ясно видят и убедительно показывают различные авторы на материалах Золотой Орды XIII—XV вв.⁵⁴, калмыков XVII—XVIII вв.⁵⁵, Казахстана XVIII в.⁵⁶ И это есть самый убедительный ответ на предпринятую Г. Е. Марковым попытку по-своему истолковать закономерную «логику истории» применительно к кочевническим обществам.

* * *

Данная статья прошла уже редакционную подготовку, когда вышла в свет новая публикация Г. Е. Маркова на сюжет, связанный с историей кочевничества в странах Азии⁵⁷. Определяя хозяйственно-культурный тип древних обществ, в трудовых занятиях которых видную роль играло кочевое животноводство, автор называет их «подвижными скотоводами» и, исходя из этого фактора «подвижности», считает кочевничество «следствием не только эволюции хозяйственных форм и осознанного стремления к более совершенным видам хозяйства, но и вынужденным, обусловленным многими причинами, процессом». Эта мысль поясняется тем, что нельзя «ожидать целенаправленных действий по усовершенствованию форм хозяйства от целых племенных коллективов, где дело решается не по усмотрению наиболее дальновидных хозяев, а по традиции и общему согласию»⁵⁸. При такой формулировке остается непонятным, что же двигало развитием хозяйственных занятий — традиция, племенное «общее согласие», фатальное давление природных факторов или еще что-либо?

Г. Е. Марков, в частности, полагает, что «цепной процесс» распространения кочевничества был обусловлен социальными и политическими

⁵² Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 88, 89.

⁵³ А. Н. Чистозвонов, Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса, «Вопросы истории», 1969, № 5, стр. 80, 81.

⁵⁴ Г. А. Федоров, Давыдов, Указ. раб., стр. 77—80.

⁵⁵ Г. Г. Стратанович, У. Э. Эрдниев, Опыт анализа социальной терминологии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁵⁶ М. Бижанов, Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых, в сб. «Казахстан в XV—XVIII веках», Алма-Ата, 1969.

⁵⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии, «Сов. этнография», 1973, № 1.

⁵⁸ Там же, стр. 112.

факторами: например, тем, что, создав сплоченную военно-кочевую социальную организацию и превратив войну в промысел, скотоводы «в поисках новых пастбищ и добычи... втягивали в сферу своего влияния и вовлекали в орбиту кочевничества все новые группы населения»⁵⁹. Читателю здесь предоставляется право самому решать, при каких же конкретно общественно-экономических отношениях совершается это «втягивание» и «вовлечение» в орбиту имманентного кочевничества значительных масс древнего и средневекового населения Евразии.

THE NOMADIC WAY OF LIFE AND THE GENERAL LAWS OF HISTORY

The paper is devoted to criticising the concept of «a nomadic type of economy» (see G. E. Markov «Some problems of the social organization fo Asiatic nomads», «Sovetskaya etnografia», 1970, № 6). By analyzing the views expressed by the founders of Marxism-Leninism socialism with regard to nomads and the nomadic way of life the author refutes the sharp contraposition between the historical evolution of nomadic societies and the universal laws of history.

⁵⁹ Там же, стр. 113.

И. И. Гохман

**РОЛЬ АНДРОНОВСКОГО КОМПОНЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОСИБИРСКОЙ
РАСЫ**

Территория Средней Азии и Казахстана была в прошлом ареной сложных этнических процессов, что отразилось на антропологическом составе населения, облик которого в значительной мере сформировался в результате взаимодействия насельников и пришлых групп из Восточной Азии.

Палеоантропологический материал из Средней Азии и Казахстана в целом довольно велик, однако изучена эта территория неравномерно — одни районы и периоды истории лучше, другие хуже. К сожалению, до недавнего времени почти отсутствовали большие краниологические серии. Материал повсеместно был представлен единичными скелетами или небольшими сериями в несколько черепов и скелетов. С этим, по-видимому, связан и методологический подход к палеоантропологическому материалу Средней Азии и Казахстана, который в подавляющем большинстве случаев исследован с помощью типологических методов анализа¹.

Укажем также на то, что сводных обобщающих работ по исследуемым регионам недостаточно². Этот пробел в значительной мере восполняет недавно вышедшая работа О. Исмагулова³, в которой рассматриваются все палеоантропологические материалы с территории Казахстана — от эпохи бронзы до наших дней, а также данные по краниологии современных казахов.

Выход в свет этой работы и послужил поводом для разговора о генезисе южносибирской расы. Нам представляется, что настало время посмотреть, как продвинулось решение этой проблемы за 25 лет⁴, прошедших с тех пор, как советскими антропологами было отвергнуто базирующееся на стадиальной гипотезе А. И. Ярхо⁵ представление о монголоидности южносибирской расы, и ученые фактически вернулись к старой

¹ Заметим, что М. Г. Левин, касаясь вопроса диагностики центральноазиатского и южносибирского антропологических типов на краниологическом материале, специально подчеркивал непригодность для их разграничения метода индивидуальной диагностики черепов. См.: М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, М., 1954, стр. 78 (далее КСИЭ).

² Последняя сводка: В. В. Гинзбург, Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 235, Ташкент, 1964.

³ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970.

⁴ В 1947 г. М. Г. Левин, сопоставляя антропологический тип якутов с южносибирским антропологическим типом, высказал предположение о формировании последнего на основе древнего смешения европеоидных и монголоидных элементов. См.: М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, КСИЭ, вып. III, М.—Л., 1947, стр. 58.

⁵ А. И. Ярхо, Алтай-саянские тюрки. Антропологический очерк, Абакан, 1947; его же, Пигментация волос, глаз и кожи у племен Алтай-Саянского нагорья, «Русский антропологический журнал», т. 17, вып. 3—4, 1929; его же, Казахи русского Алтая,

точке зрения В. Радлова⁶ о европеоидно-монголоидном происхождении относящихся к этой расе народов (казахи, киргизы и некоторые народы Южной Сибири).

В 1951 г. метисационная концепция южносибирской расы нашла отражение в сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества» по народам Южной Сибири в статье М. Г. Левина⁷, по народам Средней Азии и Казахстана в работе В. В. Гинзбурга⁸, который назвал андроновский антропологический тип в качестве европеоидного компонента южносибирской расы. Заметим, что тот же андроновский тип В. В. Гинзбург считал исходным и для расы Среднеазиатского Междуречья⁹.

В 1952 г. была опубликована специальная работа, посвященная антропологии Казахстана, состоящая из пяти очерков (два из них были написаны Г. Ф. Дебецом, остальные В. В. Гинзбургом, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым) и общего введения¹⁰. Авторы пришли к единодушному выводу о том, что казахи относятся к южносибирской расе, сформировавшейся в процессе метисации «главным образом древнего „андроновского“ европеоидного типа с центральноазиатскими монголоидами»¹¹. Отмечается поразительная однородность казахов на всей обширной территории их проживания¹², которую В. В. Гинзбург склонен объяснить однородностью местного европеоидного «андроновского» компонента¹³ южносибирской расы, а М. Г. Левин — «широким и длительным общением разных территориальных и племенных групп, вошедших в состав казахского народа...»¹⁴. Последнее, весьма важное, на наш взгляд, положение было в дальнейшем почему-то предано забвению. Г. Ф. Дебеч отмечает, что, занимая в целом по большинству признаков промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, казахи выделяются очень большим скуловым диаметром, превосходя по этому признаку даже сибирских монголоидов. Г. Ф. Дебеч рассматривает этот факт как еще одно доказательство большой роли широколицего андроновского типа в формировании южносибирской расы¹⁵. К этому аргументу неоднократно прибегали, и, пожалуй, без достаточных на то оснований, разные исследователи для объяснения большой ширины лица у казахов¹⁶.

Однако сам по себе факт признания метисного происхождения расы еще не дает конкретного представления о путях ее формирования. Вспомним хотя бы полемику вокруг ряда вопросов о происхождении уральской

«Северная Азия», 1930, кн. I—II; его же, Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934), «Антропологический журнал», 1936, № 1.

⁶ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd 1, Leipzig, 1884. См. также: Н. Л. Зеланд, Киргизы. Этнологический очерк, «Записки Зап.-Сиб. отд. Русского географического общества», т. VII, вып. 2, Омск, 1885; А. Н. Харузин, Киргизы Букеевской орды, «Труды антропологического отделения о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X, вып. 1, М., 1889.

⁷ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», (далее ТИЭ), нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 492.

⁸ В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, ТИЭ, т. XVI, М., 1951, стр. 390.

⁹ Там же, стр. 390.

¹⁰ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Очерки по антропологии Казахстана, КСИЭ, вып. XVI, М., 1952.

¹¹ Там же, стр. 45.

¹² В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 45, 53.

¹³ Там же, стр. 47.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ Там же, стр. 55.

¹⁶ См., например, М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, стр. 78; О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 145.

расы¹⁷ или расы Среднеазиатского Междуречья¹⁸. По поводу генезиса южносибирской расы среди ученых на первый взгляд царит единодушие. Но это только на первый взгляд.

В статье, подводящей итоги работ антропологического отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1953 г., Г. Ф. Дебеч пишет, что «подавляющее большинство физических предков современных киргизов происходит из Центральной Азии»¹⁹. Касаясь антропологического типа европеоидного компонента, вошедшего в состав киргизов, он, с одной стороны, соглашается с мнением В. В. Гинзбурга об «андроновских» чертах у населения сакского времени Киргизии²⁰, с другой — пишет, что древнее европеоидное население было похоже на современных таджиков²¹.

В 1956 г. в итоговом докладе об антропологических исследованиях в Киргизии Г. Ф. Дебеч уже прямо говорит о примеси в составе киргизов «европеоидного элемента, близкого к типу, преобладающему, например, у таджиков и, в несколько меньшей мере, у узбеков и уйгуров»²². Кроме того, Г. Ф. Дебеч ставит вопрос о возможном наличии европеоидной примеси уже в тех монголоидных группах, которые приходили в Киргизию из Центральной Азии²³. Это предположение помимо аргументов, приводимых Г. Ф. Дебечем, подтверждается и новыми фактами.

В 1963 г. в результате работ Монгольско-Венгерской археологической экспедиции в верховьях Селенги (Северо-Западная Монголия) в погребениях гуннского времени наряду с монголоидными черепами были обнаружены черепа с ярко выраженными европеоидными признаками. Т. Тот, изучивший эти черепа, считает, что по комплексу антропологических особенностей они имеют наибольшее сходство с таштыкскими черепами Минусинской Котловины, усунями Юго-Восточного Казахстана, саками и усунями Памира²⁴.

Недавно автор этой статьи изучил серию черепов гуннского времени с территории Забайкалья и пришел к выводу, что и в эту, столь удаленную от ареала древнего европеоидного массива область, в самом начале нашей эры проникали европеоиды из Тувы и Минусинской Котловины²⁵.

¹⁷ См.: В. П. Якимов, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленем острове (Онежское озеро), «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIX, М.—Л., 1960; Г. Ф. Дебеч, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6; «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», ТИЭ, т. 88, М., 1965, стр. 256—269; Т. А. Трофимова, Еще раз о черепках из Луговского могильника ананьинской культуры, сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968; В. П. Алексеев, Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969.

¹⁸ Ю. Г. Рычков, Происхождение расы Среднеазиатского Междуречья, «Научные труды Ташкентского гос. университета», вып. 235, Ташкент, 1964.

¹⁹ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 16.

²⁰ Для В. В. Гинзбурга, считающего, что раса Среднеазиатского Междуречья произошла от андроновского типа в результате его грацилизации, здесь нет противоречий. Г. Ф. Дебеч не разделял этой точки зрения В. В. Гинзбурга, склоняясь к мнению о самостоятельности этой расы. См.: Г. Ф. Дебеч, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 85, 86. В пользу идеи самостоятельности и автохтонности расы Среднеазиатского Междуречья, развиваемой в ряде работ Л. В. Ошаниным, веские аргументы недавно привел Ю. Г. Рычков. См.: Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, часть 1—3. Ереван, 1957—1959; Ю. Г. Рычков, Антропология и генетика изолированных популяций, М., 1969, стр. 145—161.

²¹ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, стр. 16.

²² Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Киргизии, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 75.

²³ Там же, стр. 75.

²⁴ T. Toth, Some problems in the palaeoanthropology of Northern Mongolia, «Acta archaeologica Academiae Scient. Hungaricae», Budapest, 1967, стр. 382, 383.

²⁵ Полевые материалы автора.

Впрочем, о возможности европеоидной примеси в составе гуннов Забайкалья писал в свое время и Г. Ф. Дебец²⁶. Европеоиды проникали в глубь Центральной Азии и значительно позже, о чем свидетельствует, например, открытая А. П. Окладниковым²⁷ среднеазиатская колония VIII—IX вв. в Прибайкалье, население которой относится к расе Среднеазиатского Междуречья²⁸.

Существенным фактом в уточнении генезиса и территории формирования южносибирской расы является установление принадлежности к ней енисейских кыргызов²⁹, некоторых групп современных хакасов³⁰, гунно-сарматского населения Тувы³¹. Характерно, что отличия между группами хакасов, отнесенными к уральской и южносибирской расам, В. П. Алексеев объясняет разной мерой участия в процессе метисации монголоидов из окружающих Минусинскую Котловину таежных территорий, с одной стороны, и центральноазиатских монголоидов — с другой, в то время как европеоидный компонент был единым и восходил к афанасьевско-тагарскому населению Минусинской Котловины эпохи бронзы³².

Таким образом, в настоящее время история формирования южносибирской расы представляется не как сравнительно простой процесс метисации центральноазиатских монголоидов с преимущественно «андроновским» вариантом протоевропейского типа, а как сложное и длительное взаимодействие сложных по антропологическому составу монголоидного и европеоидного массивов населения на весьма обширной территории, проходящее в разные эпохи с неодинаковой интенсивностью, с разной мерой участия и контакта тех или иных компонентов.

В какой-то мере именно такое понимание процесса образования южносибирской расы было сравнительно недавно предложено В. В. Гинзбургом в специальном докладе, посвященном этой проблеме. Правда, В. В. Гинзбург, вероятно, по традиции, продолжает считать андроновский тип основным европеоидным компонентом южносибирской расы³³.

О длительности процесса формирования южносибирской расы на территории Казахстана пишет и О. Исмагулов. Однако процесс этот представляется ему довольно простым. В целом выводы его сводятся к следующему:

1) казахи относятся к смешанной — европеоидно-монголоидной южносибирской расе, которая формировалась на территории Казахстана от эпохи бронзы до XII—XIV вв., после чего расовый тип казахов практически остался неизменным;

2) европеоидным компонентом был местный «андроновский» (по терминологии О. Исмагулова, древнеказахстанский) антропологический тип, восходящий к эпохе бронзы (андроновская культура) и прослежи-

²⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, ТИЭ, т. IV, 1948, стр. 121.

²⁷ А. П. Окладников, Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время, сб. «Тюркологические исследования», М., 1963.

²⁸ И. И. Гохман, Среднеазиатская колония в Прибайкалье, сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

²⁹ В. П. Алексеев, Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956.

³⁰ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960.

³¹ И. И. Гохман, Об антропологических особенностях населения Тувы в гунно-сарматское время, «Этногенез народов Северной Азии» (тезисы докладов), вып. I, Новосибирск, 1969, стр. 144, 145; В. П. Алексеев, И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокзель, «Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. III, Л., 1970.

³² В. П. Алексеев, Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы, стр. 364; его же, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения (Предварительные сообщения), КСИЭ, вып. XXVIII, М., 1958, стр. 92, 97.

³³ В. В. Гинзбург, О развитии южносибирского антропологического типа, «Тезисы докладов годичной сессии Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР», Л., 1968, стр. 61.

ваемый на протяжении всех периодов истории Казахстана вплоть до настоящего времени. От этого местного населения современные казахи унаследовали большую часть свойственных им расовых признаков, в том числе и большую ширину лица. Ему же они обязаны антропологической однородностью. Небольшие локальные различия, наблюдающиеся сейчас, восходят к таковым в древние эпохи;

3) пришлые (монголоидные) группы из Центральной Азии оставили следы в расовом типе казахов в виде монголоидной примеси, но сами они растворились в численно преобладавшем коренном населении Казахстана³⁴.

Таким образом, по мнению О. Исмагулова, казахи представляют собой в основном автохтонное население Казахстана, имеющее в своем составе монголоидную примесь.

Выводы эти настолько отличаются от заключения Г. Ф. Дебеца о происхождении киргизов, писавшего, как мы отмечали выше, о переселении подавляющего большинства предков киргизов из Центральной Азии, что при генеалогическом подходе к классификации рас возникает вопрос о правомочности отнесения киргизов и казахов к единой южносибирской расе. О. Исмагулов в принципе, видимо, склонен к такого рода разделению или, скажем, выделению казахов. Так, сопоставляя серию черепов монгольского времени из Казахстана с черепами томско-чулымских тюрок XV—XVI вв., он делает заключение в том, что в это время в Южной Сибири жило население «типично монголоидного типа», а в Казахстане — «европеоидно-монголоидное»³⁵. Данное заключение совершенно неправомерно и представляет собой просто недоразумение. Во-первых, серия черепов томско-чулымских тюрок происходит не из южной, а из лесной зоны Западной Сибири, и распространять выводы, сделанные на основании ее диагностики, на Южную Сибирь нельзя. Во-вторых, Г. Ф. Дебеч оставляет вопрос о расовой принадлежности этой серии открытым, а вовсе не считает ее монголоидной³⁶. Позднее Н. С. Розовым была доказана принадлежность томско-чулымских тюрок к уральской расе³⁷, т. е. все-таки к метисной, хотя и иного, чем южносибирская раса, происхождения.

Если сопоставить казахов и киргизов по признакам, выражающим степень монголоидности, то разница между ними оказывается не настолько большой, чтобы можно было представить себе, что предки киргизов в основном пришли из Центральной Азии, а предки казахов в большинстве своем были местным европеоидным населением. Так, на шкале распределения по степени выраженности монголоидных и европеоидных признаков, составленной Г. Ф. Дебецом, где за масштаб принята разница между аларскими бурятами и ферганскими таджиками, казахи располагаются рядом с киргизами, близко от центральноазиатских (монголоидных) групп и далеко от европеоидных³⁸. На диаграмме показаны доли участия европеоидного и монголоидного элемента в антропологическом составе; последний равен у киргизов примерно 80%, у казахов около 70%³⁹. На корреляционном поле при сопоставлении современных краниологических серий по преарекулярному фациоцеребральному указателю и общему показателю уплощенности, на котором О. Исмагулов демонстрирует промежуточное положение между представителями европеоидной и монголоидной рас, казахи располагаются рядом с киргизами и по крайней мере в два раза ближе к калмыкам, монголам и якутам, чем

³⁴ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 117, 136, 143—149.

³⁵ Там же, стр. 88.

³⁶ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 212, 214.

³⁷ Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов, ТИЭ, т. XXXIII, М., 1956, стр. 346.

³⁸ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, рис. 1, вклейка к стр. 14, 15.

³⁹ Там же, рис. 2.

к узбекам и таджикам⁴⁰. В общем, любой способ сопоставления современных казахов с европеоидами и монголоидами показывает, что монголоидные черты у казахов преобладают над европеоидными. Если судить по ним, то вывод Г. Ф. Дебеца о приходе подавляющего большинства предков киргизов из Центральной Азии будет справедлив и для казахов. Разве что слово «подавляющего» в применении к казахам можно опустить.

Но может быть, по современным расовым особенностям казахов нельзя судить об их происхождении с достаточной полнотой? Может быть, часть признаков, которые сейчас считаются монголоидными, в действительности таковыми не являются, и генетически восходят к европеоидным предкам казахов эпохи бронзы, например, скуловая ширина лица?

Без рассмотрения палеоантропологического материала этот вопрос решить нельзя. М. Г. Левин еще в 1954 г. отмечал важность для конкретизации истории формирования южносибирской расы накопления и изучения палеоантропологического и краниологического материала именно с территории Казахстана⁴¹.

Сходство антропологического типа населения, оставившего памятники андроновской культуры в Минусинской Котловине и в Казахстане, а также некоторые специфические отличия его от афанасьевского были показаны Г. Ф. Дебецом еще в конце 40-х годов⁴². На основании этого в 50-х годах было сделано предположение, что европеоидным компонентом южносибирской расы был широколицый «андроновский» антропологический тип. Однако в распоряжении Г. Ф. Дебеца было только два мужских черепа хорошей сохранности из Казахстана. Оба черепа действительно с типичным «андроновским» комплексом признаков: низким и очень широким лицом, низкими глазами, черепная коробка мезокранная. С тех пор материал по андроновцам Казахстана значительно пополнился. В сводке О. Исмагулова фигурирует 16 мужских и 24 женских черепа⁴³, в сводке В. П. Алексеева — 25 мужских и 31 женский череп⁴⁴. Изменили ли эти материалы представление об антропологическом составе населения андроновской культуры Казахстана? По-моему, изменили. С точки зрения О. Исмагулова, видимо, нет, так как он хотя и пишет об антропологической неоднородности населения Казахстана в эпоху бронзы⁴⁵, затем ставит знак равенства между древнеказахстанскими племенами, «андроновским» и «древнеказахстанским типом», иногда в скобках поясняя, что это и есть «андроновский» тип⁴⁶.

Обратимся к фактам. Если ориентироваться на типологическую диагностику черепов эпохи бронзы Казахстана разными исследователями, то оказывается, что количество черепов, отнесенных к «андроновскому» типу, крайне незначительно. Так, например, из 14 черепов, изученных О. Исмагуловым⁴⁷, к андроновскому типу отнесены три, к средиземноморскому — четыре, к расе Среднеазиатского Междуречья — один. Остальные черепа определены как просто европеоидные. Из могильника Тасты-Булак I В. В. Гинзбург типологически определил 23 черепа, и только один отнесен к андроновскому типу⁴⁸. Следовательно, если эти типологические характеристики верны, то, во-первых, население андроновской культуры

⁴⁰ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 117.

⁴¹ М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, стр. 78.

⁴² Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 70.

⁴³ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 6, 16.

⁴⁴ В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, «Сов. археология», 1967, № 1.

⁴⁵ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 21.

⁴⁶ Там же, стр. 33, 55, 89, 117, 137, 139, 144, 145, 146.

⁴⁷ О. Исмагулов, Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 16, 1962.

⁴⁸ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы, МИА, № 120, 1962.

Казахстана неоднородно в отношении рас второго порядка⁴⁹, а во-вторых, вряд ли можно считать, как это делает О. Исмагулов, что для объединенной серии из погребений андроновской культуры «характерны черты андроновского варианта протоевропейской расы»⁵⁰.

На сложность антропологического состава населения Казахстана эпохи бронзы указывают и средние данные объединенной серии из разных могильников андроновской культуры. Диагностика этой серии в пределах рас второго порядка затруднительна, так как она в равной мере сходна с минусинскими «андроновцами» и поволжскими «срубниками и ямниками», в меньшей степени — с черепами тазабагыябской культуры из могильника Кокча 3. В то же время различия с каждой из этих групп также отчетливы. От минусинских андроновцев серия из Казахстана отличается меньшей шириной черепной коробки, лба и лица, более высокими по указателю глазницами и прямым лбом, от срубников — в основном формой черепной коробки и наклоном лба. От черепов из могильника Кокча 3 — меньшей высотой черепа, большей шириной черепной коробки и лица, значительно меньшим наклоном лба и, пожалуй, ортогнатностью лица.

Таким образом, андроновцы Казахстана занимают как бы промежуточное положение между этими группами, расположенными к востоку, юго-западу и северо-западу от Казахстана.

О. Исмагулов объясняет описанную ситуацию генетическим родством всех этих групп и общностью их происхождения⁵¹. Этот вывод не вызывает возражений постольку, поскольку генетическое родство и общность происхождения всех европеоидных групп по сравнению, скажем, с монголоидами не подлежит сомнению. Но он мало что дает для выявления вопроса о происхождении населения эпохи бронзы Казахстана, так как объясняет только сходство сравниваемых групп, оставляя необъясненными различия. Последние можно трактовать двояко: 1) либо как результат наличия в эпоху бронзы в Минусинской Котловине, Казахстане, Поволжье и Приаралье локальных антропологических вариантов, образовавшихся на базе общих протоевропейских предков; 2) либо как результат последующих контактов и участия в формировании населения Казахстана эпохи бронзы разных антропологических типов европейского ствола. Первое предположение отвечало бы гомогенности древнего населения Казахстана, второе — сложности антропологического состава, что и имеет место в действительности. В. П. Алексеев продемонстрировал сложность антропологического состава населения андроновской культуры Казахстана, рассмотрев имевшийся в его распоряжении материал по территориальным группам⁵². Хотя численность черепов в каждой группе невелика, полученные локальные различия можно считать достоверными в силу их географического распределения, соответствующего комплексу антропологических признаков у населения соседних территорий. Особенно выделяется западноказахстанская группа, у представителей которой длинная, узкая и высокая черепная коробка, довольно узкое (скуловой диаметр 134,4 мм), резко профилированное лицо с сильно выступающим носом.

По сравнению с более гомогенным андроновским населением Минусинской Котловины население Казахстана эпохи бронзы отличается при-

⁴⁹ В. В. Гинзбург еще в 1964 г. писал об антропологической неоднородности населения Казахстана в эпоху бронзы, но, вероятно, считал преобладающим «андроновский» тип, называя его казахстанским вариантом протоевропейского. См.: В. В. Гинзбург, Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. III, М., 1968, стр. 186.

⁵⁰ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 15.

⁵¹ Там же, стр. 18—21.

⁵² В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, стр. 24—26.

знаками, которые появились в результате проникновения в эти районы представителей Средиземноморской расы, а также контактов с населением срубной культуры⁵³.

Итак, население эпохи бронзы на территории Казахстана относится к европеоидной расе, но оно неоднородно в отношении рас второго порядка. Мнение о преобладании в его антропологическом составе «андроновского» антропологического типа содержит элемент преувеличения. Значит, на территории Казахстана, как и в Киргизии, на Алтае и в Минусинской Котловине, европеоидный компонент, вошедший в состав южносибирской расы, был неоднородным и состоял из разных антропологических типов европейского расового ствола. «Андроновский» тип был только одним из них. Следовательно, переименование андроновского» типа, распространенного и за пределами Казахстана, в «древнеказахстанский тип», равно как и наименование этим термином разнородного в антропологическом отношении населения Казахстана эпохи бронзы, прежде всего неверно по существу. Оно недопустимо и потому, что изменение определенных устоявшихся терминов и понятий в дальнейшем всегда вносит путаницу. Не случайно наименование антропологических типов и рас обычно связывают с географическими понятиями, реже с наименованиями культуры или этноса (для древних рас) и никогда с национальными или государственно-административными понятиями. Наименование андроновского антропологического типа древнеказахстанским было бы равносильно переименованию южносибирской расы в казахстанскую, центрально-азиатской в бурят-монгольскую и т. д.

В свете сказанного представляется несостоятельным неоднократно выдвигаемое положение о том, что казахи унаследовали от древнего населения ряд специфических признаков, из которых обычно в качестве примера фигурирует скуловая ширина лица. В самом деле, если при первоначальном знакомстве с черепами андроновской культуры Казахстана создалось впечатление, что для андроновцев этого региона было характерно очень широкое лицо, более 140 мм⁵⁴, то теперь ясно, что это не так. По суммарным данным О. Исмагулова скуловая ширина у андроновцев Казахстана — равна 137,4 мм⁵⁵, по данным В. П. Алексеева — 136,6 мм у мужчин и 128,2 мм у женщин⁵⁶, т. е. еще меньше.

У современных казахов скуловая ширина лица значительно больше. В суммарной казахстанской серии черепов этот размер оказался равным 143,7 мм при вариации по локально-территориальным группам от 141,5 до 144,5 мм⁵⁷. Вряд ли можно считать, что казахи унаследовали от населения эпохи бронзы признак, которого у последнего не было.

Конечно, теоретически нельзя исключить возможность увеличения скулового диаметра в процессе модификации антропологического типа, тем более что подобные явления уже отмечались. Так, М. Г. Абдушелишвили отмечал увеличение ширины лица у некоторых кавказских групп по сравнению с древним населением⁵⁸. Необычайно сильное увеличение всех широтных размеров лицевого скелета по сравнению с идентичными показателями у предшествующего населения и даже известного своей матури-

⁵³ В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, стр. 26.

⁵⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70.

⁵⁵ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 17.

⁵⁶ Приведенные средние цифры вычислены мною как взвешенное среднее арифметическое на основе данных по локальным группам, содержащихся в статье В. П. Алексеева, см.: В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, «Сов. археология», 1967, № 1.

⁵⁷ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 94, 95.

⁵⁸ М. Г. Абдушелишвили, К эпохальной изменчивости антропологических признаков, КСИЭ, вып. XXXIII, 1960.

зованностью населения верхнего палеолита Европы зафиксировано также на краниологических сериях эпохи неолита на Украине⁵⁹. Приведенные факты нуждаются в специальном изучении и прямого отношения к территории Казахстана не имеют.

Ведущая роль метисации в образовании основного комплекса южносибирской расы вряд ли может подвергаться сомнению. Представленные О. Исмагуловым данные по динамике расовых признаков на территории Казахстана показывают, что увеличение скулового диаметра сопровождается одновременным увеличением высоты лица, уменьшением высоты черепа и ширины лба, усилением уплощенности лица, понижением высоты переносья, ослаблением выступа носа⁶⁰ — другими словами, формированием комплекса признаков южносибирской расы, имеющего ближайшие аналогии с центральноазиатскими монголоидами. Характерно и то обстоятельство, что отмечается всеми авторами антропологическая однородность современных казахов⁶¹ сложилась, по-видимому, на протяжении последних четырех столетий. Так, еще в монгольское время локальные группы населения Казахстана различались значительно сильнее, чем современные (по краниологическим сериям). Выделенные на краниологическом материале (серия современных казахов включает черепа XVI—XIX вв.) территориальные группы различаются между собой сильнее, чем эти же группы, полученные в результате соматометрического исследования.

В тюркское время антропологический состав населения Казахстана был очень разнородным. Если рассматривать его по территориальным группам, то резко выделяется европеоидными особенностями группа X—XII вв. из Павлодарского Прииртышья, тогда как население этой же территории в VII—IX вв. было значительно монголоидней⁶². Это указывает на крупные передвижения населения в Казахстане в тюркское время. В общем, можно полностью согласиться с заключением О. Исмагулова, писавшего, что «... антропологический состав населения Казахстана никогда не был столь разнообразен, как в тюркское время»⁶³. Тем удивительнее то противоречие, в которое впадает О. Исмагулов, утверждая в конечном итоге: «... У них (у тюрк. — И. Г.) сложилась в известной мере та сравнительная однородность, которая характерна для данного (южносибирского. — И. Г.) расового типа»⁶⁴.

Единственным объяснением такой непоследовательности, на мой взгляд, может быть то четкое нарастание от древности к современности монголоидных особенностей, которое проявляется при экстраполяции данных по большим хронологическим этапам. Так, назо-малярный угол: у саков 141,8, усуней — 143,0, тюрк — 143,3⁶⁵. Зигма-максиллярный угол: у

⁵⁹ См., например, И. И. Гохман, Население Украины в эпоху мезолита и неолита, М., 1966.

⁶⁰ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 122—125.

⁶¹ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

⁶² О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 60, 61.

⁶³ Там же, стр. 75.

⁶⁴ Там же, стр. 75.

⁶⁵ Данная цифра взята из табл. 19 книги О. Исмагулова «Население Казахстана от эпохи бронзы до современности». В табл. 8 и 9, относящихся к главе по исследованию тюркского материала, показана другая величина этого признака — 139,8° для мужчин. В то же время у женщины назо-малярный угол оказался равным 144,7°. Сочетание действительно необычное. Первая величина типична для европеоидных групп, вторая — для монголоидных. Однако при просмотре всего ряда назо-малярного угла у мужчин по локальным группам оказывается, что приведенный суммарный размер меньше, чем в любой локальной группе. Подсчет средней взвешенной величины этого признака дает цифру 142,9°. Следовательно, при подсчете средней величины О. Исмагуловым была допущена ошибка, которая и привела к весьма противоречивой характеристике тюркского материала.

саков — 130,5, усуней — 130,4, тюрков — 133,8. Угол выступания носа соответственно 30,2; 28,0; 25,6. Соматическая высота 4,64; 4,38; 3,96. Но внутри, если можно так выразиться, этих периодов наблюдается не только уже отмеченное разнообразие антропологического состава, но и нередкое нарушение этой последовательности по ряду признаков. Так, при сопоставлении черепных серий усуней первого (III—II вв. до н. э.) и третьего (II—III вв. н. э.) периодов получается следующее: скуловой диаметр в первом периоде — 137,8 мм; в третьем периоде — 143,8 мм у мужчин и соответственно 128,5 и 132,1 мм у женщин. Угол выступания носа в первом периоде у мужчин 25,8, в третьем — 34,5; у женщин — в первом периоде 23,0, в третьем — 26,0⁶⁶. Значит, лицо стало значительно шире, а выступание носа — сильнее. Одновременно лицо стало и более плоским. Наблюдаемые изменения вряд ли можно объяснить дальнейшей модификацией андроновского типа. Они, безусловно, нуждаются в специальной интерпретации, которая станет возможной при дальнейшем накоплении материала. Однако и сейчас сочетание у поздних усуней широкого, высокого, плосковатого лица с сильно выступающим носом обращает наши взгляды на восток — Алтай, Туву, Минусинскую Котловину, т. е. туда, где в скифское время жило население со сходным комплексом антропологических особенностей. Именно оно первым испытало давление центральноазиатских монголоидов и, быть может, сдвинутое с насиженных мест стремительным продвижением кочевников из Центральной Азии, потеснилось на запад, достигнув территории современного Казахстана.

Нельзя, очевидно, не принимать во внимание и тот факт, что в усуньское время на территории Казахстана были широко распространены сарматские племена, происхождение которых обычно связывают с населением Нижнего Поволжья.

Весьма разнородным по антропологическому составу было население Казахстана и в сакское время. В этот период, по-видимому, впервые появляется здесь монголоидная примесь⁶⁷. Однако неоднородность сакского населения не может быть сведена только к различиям в пределах двух больших рас. Территориальные группы саков, кроме признаков, характеризующих профилированность лица и выступание носа, обнаруживают значительную вариабельность по высоте и ширине лица и ряду других признаков, указывающих на наличие разных вариантов в пределах европейского расового ствола. В целом локальные группы сакского времени в большей или меньшей степени соответствуют локальным вариантам населения эпохи бронзы.

В итоге могут быть сформулированы следующие основные положения: формирование южносибирской расы проходило на обширной территории Минусинской Котловины, Алтае-Саянского нагорья Киргизии и Казахстана;

ведущим фактором в процессе формирования южносибирской расы была метисация, которая представляется как грандиозное по своему масштабу и длительности взаимоотношение сложных по антропологическому составу европеоидных и монголоидных племен при явном преобладании к середине II тыс. н. э. последних на всей территории становления южносибирской расы;

представляется явно преувеличенной роль так называемого андроновского антропологического типа в формировании южносибирской расы, который может рассматриваться лишь в качестве одного из европеоидных компонентов. Переименование «андоновского» антропологического типа, как и наименование неоднородного в антропологическом отношении на-

⁶⁶ Цифровые материалы заимствованы из раб. О. Исмагулова «Население Казахстана от эпохи бронзы до современности».

⁶⁷ См., например, В. В. Гинзбург, К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана, ТИЭ, т. XXI, М., 1961; О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности.

селения Казахстана эпохи бронзы «древнеказахстанским антропологическим типом» необоснованно;

процесс формирования южносибирской расы не был автохтонным процессом развития местного населения ни на территории Казахстана, ни на какой-либо другой территории древнего или современного их распространения. Специфические особенности южносибирской расы и ее однородность в пределах больших локальных территорий, позволяющие выделить ее в качестве особой систематической единицы, сложились в последние четыре-пять столетий в результате прекращения притока населения из Центральной Азии, укрепления и развития внутри этих территорий межплеменных связей казахов, киргизов и народов Южной Сибири.

THE ROLE OF THE ANDRONOVO COMPONENT IN THE FORMATION OF THE SOUTH SIBERIAN RACE

The author reaches the following principal conclusions.

The formation of the South Siberian race was brought about over a wide territory embracing the Minusinsk Hollow, the Altay-Sayan Uplands, Kirghizia and Kazakhstan. The main factor in this process was metization; there appears to have been an immensely widespread and lasting interrelationship between anthropologically complex Caucasian and Mongoloid tribes. The role of the so-called Andronovo anthropological type in the formation of the South Siberian race appears to have been much exaggerated: it may be regarded as merely one of several Caucasian components. The process by which the South Siberian race came into being was not an autochthonous one.

The characteristic features distinguishing the South Siberian race, its homogeneity over an extensive area, which permits us to regard it as an independent classification unit, have evolved during the last 4—5 centuries owing to the cessation of the population influx from Central Asia and to the growth and strengthening of inter-tribal links among the Kazakhs, Kirghiz and South Siberian peoples within this area.

Н. В. Ким

СУДЬБА ОДНОЙ РУКОПИСИ

В 1968 г. Восточносибирское книжное издательство выпустило в свет книгу Э. П. Зиннера «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века»¹.

В нее вошли разнообразные и подробно прокомментированные фрагменты из различного рода малоизвестных сочинений иностранных авторов, посетивших Сибирь в XVIII столетии.

Одна из глав этой книги посвящена трактату Ренье «Описание бурят», который поразительно сходен с работой другого автора XVIII в. — «Описанием о братских татарах» Михаила Татаринова².

Сопоставление двух работ обнаруживает полную идентичность текстов, совпадают даже названия глав и их нумерация.

Вот несколько примеров.

М. Татаринов

Глава 1.

Откуда произошли

«...бог с неба послал сына и дочь младенцами на Тункинскую гору (Тункинский острог) совсем к житию потребных. И вскормлены оные боровом, и по тому суеверию той горе приносят жертву: а оставляют заколотых баранов или что другое съестное.

А нерчинские и селенгинские братские первобытию человека мнят быти на острове Ольхоне, которой на море Байкале, где де есть и поныне котел, в котором первые люди варили себе пищу»³.

Ренье

Глава 1.

О происхождении бурят

«...бог послал с небес на землю, и именно на Тункинскую гору, сына и дочь, детей, наделенных человеческими потребностями, где они были воспитаны свиньей (эта гора находится недалеко от Тункинского острога). Поэтому буряты приносят на этой горе жертвы и после того оставляют на ней либо убитую овцу, либо что-нибудь съестное. Нерчинские и селенгинские братские утверждают, что сотворение человека имело место на острове Ольхон, на котором будто бы еще и в настоящее время должен сохраниться котел, в котором первые люди варили себе пищу»⁴.

¹ Э. П. Зиннер, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века, Иркутск, 1968.

² «Описание о братских татарах», сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михайлом Татариновым. Подготовлено к печати, снабжено введением и примечаниями Г. Н. Румянцевым (далее — «Описание...»). Улан-Удэ, 1958.

³ «Описание...», стр. 12.

⁴ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 191, 192.

Какой закон и чему веруют

«Бога мнят быти небо, солнце, луну и звезды, а особливо Венеру (или зорницу), по братски — Солбон, тако же земле, воде, огню, из птиц веруют в орла, лебедя, из зверей в бобра, медведя и напоследок и самому дьяволу жертву приносят по большей части баранами и втыкают на кол и оставляют перед юртами»⁵

Глава IV

О шаманах и колдунах

«Шаманы или колдуны шаманят следующим порядком: как мужчины, так и женщины перво станут в передний угол юрты, надевают на них особливые мальчики платье, которое наподобие долгих и тонких хвостов, как долги епанчи, и навешено премножество колокольчиков и других позвонухек: на голову надевают широкий железный обруч с небольшими двумя рожками»⁷.

(Э. П. Зиннер не приводит названия)

«Они обожествляют небо, солнце, луну, звезды, Венеру, которая на их языке называется Solbon, далее землю, воду, огонь. Среди птиц почитают они орла и лебедя, из зверей пантеру и медведя, наконец, почитают они самого черта. Жертвы, которые они приносят своим богам, чаще всего состоят из овец, которых они убивают и натыкают на жердь перед своей юртой»⁶.

Глава IV

О шаманах и колдунах

«Шаманы или колдуны, безразлично мужчины или женщины, производят свои занятия следующим образом. Они становятся на важнейшее место в юрте, где специально для этого предназначенные мальчики надевают на них соответственные одежды. Шаманская одежда состоит из своего рода длинного одеяния, которое обвешано маленькими колокольчиками и железными бляхами, производящими звон и шум. На голове носят они круглый железный обруч с двумя маленькими рогами»⁸.

Не отличаются сколько-нибудь заметно друг от друга даже предисловия, написанные и Татариновым и Ренье в виде обращения «К читателю».

После краткой общей характеристики бурят М. Татаринов заключает свое предисловие следующими словами: «Я к их похвале или ругательству не касаюсь, а описал, как я сам что точно видел, а другое от разговоров их слышал»⁹.

У Ренье соответствующая часть текста выглядит так: «Я не буду ни порицать, ни восхвалять их, но постараюсь главным образом о том, чтобы с наибольшей точностью и беспристрастием описать все то, что я сам видел и что услышал из заслуживающих доверия бесед»¹⁰.

Обе работы завершаются небольшим словарем бурятского языка. Как сообщает Э. П. Зиннер, словарь Ренье состоит из 300 с лишним слов, у М. Татаринова же их менее 200. Это, пожалуй, единственное, что отличает одну работу от другой.

Таким образом, очевидно, что и в том и в другом случае мы имеем дело с одной и той же работой, у которой оказалось два автора. Кто же из них действительный, а кто мнимый?

Сочинение Ренье было опубликовано на немецком языке в Аугсбурге в 1780 г. в сборнике исторических материалов «Статьи, служащие к обогащению исторической науки». По свидетельству издателя сборника И. Г. Мейзеля, это сочинение было прислано ему из Москвы проф.

⁵ «Описание...», стр. 13—14.

⁶ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 192.

⁷ «Описание...», стр. 16—17.

⁸ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 193—194.

⁹ «Описание...», стр. 10.

¹⁰ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 189.

И. М. Шаденом, который получил его от автора — швейцарца Ренье, служившего в течение нескольких лет в Иркутске в качестве домашнего учителя у губернатора Бриля.

Мейзель сообщает и дату написания статьи — 1774 г., хотя сам Ренье в главе, посвященной бурятскому летоисчислению, пишет о 1769 г.

Поскольку для уточнения этого хронологического противоречия нет достаточных материалов, Э. П. Зиннер предлагает считать, что работа начата с 1767 г., т. е. в год приезда Ренье с семьей Бриля в Иркутск, а окончена в 1774 г., (год, указанный Мейзелем). Как бы то ни было, одно не подлежит сомнению: Ренье приехал в Иркутск в 1767 г. и раньше этой даты не мог приступить к своему труду.

Теперь обратимся к сочинению М. Татаринова. Оно было подготовлено к печати Г. Н. Румянцевым по рукописи, сохранившейся в фондах Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве и вышло в свет впервые в 1958 г.

Г. Н. Румянцев указывает, что рукопись датируется 1765 г.¹¹ При этом он ссылается на вторую ее главу, где М. Татаринов, описывая бурятский календарь, говорит: «нынешней 1765 год по их именуется таки, каки «курица», предбудущей 1766 год будет Нохой, или «собака» и так по ряду»¹².

Следовательно, М. Татаринов начал работать над своей рукописью по меньшей мере на два года раньше Ренье, если даже считать, что последний приступил к своему труду в 1767 г., т. е. в год приезда в Иркутск. Другими словами, «Описание о братских татарах», оно же «Описание бурят», принадлежит перу «морского корабельного флота штурману ранга капитана» Михаилу Татаринову, а не Ренье.

Таким образом, Ренье в лучшем случае можно считать переводчиком сочинения М. Татаринова.

К сожалению, о самом М. Татаринове пока известно очень немного. О нем ничего не говорится даже в специальной работе Е. Петряева, посвященной краеведам и литераторам «старого Забайкалья»¹³. По предположению Г. Н. Румянцева, М. Татаринов родился в Иркутске и там же окончил Навигацкую школу, открытую в 1754 г. Но это не согласуется с теми биографическими данными, которые приводит Л. А. Гольденберг в своей книге о Ф. И. Соймонове¹⁴. Л. А. Гольденберг пишет, что 3 марта 1754 г., т. е. в год открытия Иркутской навигацкой школы, М. Татаринов уже был направлен в распоряжение Нерчинской экспедиции, возглавляемой Ф. И. Соймоновым, для выполнения геодезических работ. Находясь в экспедиции, М. Татаринов в 1756 г. вместе со своим товарищем Я. Федоровым описывал Нерчинский район, а к сентябрю следующего года завершил «Журнал описи от села Доронинска по дороге подле речки Тарикачак до реки Хилка и от зимовья, который стоит вверх Хилка, промер реке Хилку и осмотр берегам»¹⁵.

В самом начале 60-х годов М. Татаринов, тогда еще «штурман ранга поручика», составил описание образцов камней Забайкалья. По сообщению Б. В. Александрова, в отделе рукописной книги Библиотеки АН СССР хранится карта Сибири, составленная М. Татариновым¹⁶. Ему же принадлежит «План и проспект города Нерчинска с частью рек Шилки и Нерчи», план г. Селенгинска¹⁷. В годы работы в Нерчинской экспедиции и позднее М. Татаринов много ездил по Предбайкалью и Забайкалью, хорошо изучил этот большой край, жизнь его разноязычных насельни-

¹¹ «Описание...», стр. 5.

¹² Там же, стр. 12.

¹³ Е. Петряев, Краеведы и литераторы Забайкалья, «Материалы для библиографического исследования», т. I, Иркутск-Чита, 1965.

¹⁴ Л. А. Гольденберг, Федор Иванович Соймонов (1692—1780), М., 1966.

¹⁵ Л. А. Гольденберг, Указ. раб., стр. 143.

¹⁶ «Описание...», стр. 7.

¹⁷ Л. А. Гольденберг, Указ. раб., стр. 243.

ков. Его «Описание о братских татарах» является едва ли не первым специальным трудом о бурятах, предвосхитившим соответствующую главу известного сочинения И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», посвященную бурятам. Труд М. Татаринова по праву можно считать одним из лучших и надежных источников для изучения быта и нравов бурят XVIII в.

Сейчас трудно установить, как попала к Ренье рукопись М. Татаринова. Возможно, рукопись была передана, как и надлежало в ту пору, на просмотр губернатору Брилю. Он принес ее домой, и здесь с нею познакомился Ренье, служивший в семье Бриля домашним учителем.

Ренье, видимо, перевел ее на немецкий язык, и в 1776 г., по приезде в Москву, отдал ее И. М. Шадену как собственное сочинение. Шаден переправил рукопись в Германию, где ее издал Мейзель.

Но на этом не кончились злоключения рукописи М. Татаринова.

В 1789 г. иркутский чиновник Ф. Ланганс написал большое историко-этнографическое сочинение «Собрание известий о начале и происхождении разных племен инородцев, в Иркутской губернии обитающих, о преданиях между ними сохранившихся, о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их»¹⁸. В 1824 г. извлечения из двенадцатой главы этого сочинения, посвященной бурятам, были опубликованы в журнале «Сибирский вестник», издававшемся Г. И. Спасским.

В советское время одним из первых обратил внимание на рукопись Ф. Ланганса и сделал сообщение об истории ее создания известный специалист по сибиреведению А. И. Андреев¹⁹. В 1959 г. с краткой оценкой «Собрания известий...» выступил в печати Е. М. Залкинд, который охарактеризовал это сочинение как ценный источник по истории бурят и высказал мысль о целесообразности его опубликования²⁰. Труд Ф. Ланганса получил высокую оценку также в бурятской фольклористической литературе, в частности в монографии М. П. Хамаганова «Бурятская фольклористика»²¹. Отдельные извлечения из него, относящиеся к бурятам, были опубликованы автором этих строк в 1965 г. в этнографическом сборнике «Культура и быт народов Бурятии»²². Наконец, в 1971 г. И. С. Гурвич посвятил рукописи Ф. Ланганса специальную статью «Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири»²³.

Все названные исследователи единодушно отмечали, что Ф. Лангансу удалось собрать и систематизировать большой и свежий фактический материал о народах Сибири и на этой основе создать оригинальный сводный труд. Однако двенадцатая глава «Собрания известий...» «О бурятах или братских особливо» почти вся заимствована либо текстуально, либо в перефразированном виде из работы М. Татаринова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить две работы.

¹⁸ Рукопись «Собрания известий...» Ф. Ланганса хранится в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1-го Сибирского комитета, оп. 1, д. 300. Список рукописи находится, по свидетельству П. И. Каралькина, в Красноярском Государственном краевом архиве Г. Спасского (см. П. И. Каралькин, Об архиве Г. И. Спасского, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 16).

¹⁹ А. И. Андреев, Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними. «Вопросы географии», 1950, № 17, стр. 203—218.

²⁰ Е. М. Залкинд, О некоторых источниках по истории бурят XVIII в., «Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института», вып. 1, Улан-Удэ, 1959, стр. 105.

²¹ М. П. Хамаганов, Бурятская фольклористика, Улан-Удэ, 1962, стр. 60—69.

²² Н. В. Ким, Материалы Ланганса о культуре и быте бурят, Сб. «Культура и быт народов Бурятии». вып. 4., Улан-Удэ, 1965, стр. 145—156.

²³ И. С. Гурвич, Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 5, М., 1971, стр. 5—14.

«Для военного случая имеют боевки — стрелы с тоненькими круглыми копьями, да есть же, называются кибири, копейцы, весьма широки и вострые, а сверх копейцы — косточка з дырочками, отчего весьма на лету стрела возжит и оными кибиями большими зверей простреливают навывлет»²⁴.

«Хотя весьма мало таких братских, которые б по руски говорить не умели, токмо которые от русских в дальних местах, да и таковых весьма мало, а ежели в нужном случае о чем российской братского станет спрашивать, токмо отвечают толмач угей, то есть «толмача нет».

и тем проезжающим, которые не знают братского языка, весьма весьма скучно и страшно, ибо у братских о всякой домашней безделушке кричат громко и бегают сердито. А чтоб говорили должнo дать сухарей, табаку или чего другого, что несколько по-русски говорить станут.

Сие их упрямство к объявлению российского языка не от чего от другого впоследствии, как от разговоров с российскими, а особливо не говорят другова ничево, перво станут толковать, что вы не креститесь»²⁵.

«У братских для мытия платья и другого чего мыла или другого тому подобного нет, а платье всякое не моют до износу, а ежели в чем обмараются, оботрут токмо травой, а лицо и руки всякий день умывают водою, зимою льдом и снегом. Братские как мужского, так и женского полу, между собою съехавшись в гости или на дороге родственники или знакомые, не целуются, а вместо целования обнимают друг друга крепко, так, что от того многие краснеют.

...Братские, как в городе будучи или в другом месте, выпрашивают у русских: што слышно нового, каков судья, а особливо: нет ли приезжающих и много ли подвод с ними».

«...Никакой вор или беглой около братских юрт укрыться не может, как скоро увидят у юртах или на дороге, тотчас спросят подорожной и, завязав руки

«Для военного случая имеют они стрелы с тоненькими круглыми копьями. Есть у них стрелы, называющиеся кибири, у коих копейца весьма широки и острые, а сверху копейца косточка с дырочками, от коих стрела на лету визжит, теми кибиями зверей простреливают они насквозь»²⁵.

«Хоть весьма немного незнающих Российского языка, однако на вопрос о каком-либо деле Братской обыкновенно отвечает: толмач угей — толмача нет; от того проезжающим, которым язык их и обыкновения не известны, в улусах скучно и страшно бывает, ибо о каждом домашнем деле кричат они громко и бегают сердито.

Сказывают, что притворное незнание показывать привыкли они от того, что каждой Россиянин обыкновенно прежде всего спрашивает их, для чего они не крестятся»²⁷.

«Платяя своего никакого они никогда не моют, а ежели в чем обмараются, то обтирают только травой, лицо ж и руки всякий день умывают водою летом, а зимою трут льдом и снегом.

...Ни родственники, ни знакомые как мужского, так и женского пола у них никогда не целуются; вместо того обнимают они друг друга так крепко, что от того многие краснеют.

...До новых вестей они великие охотники, и о том, всегда выпрашивают, а особливо: каков начальник? Нет ли проезжающих? Много ли подвод?»

«...Около улусов их никакой вор ни же беглой укрыться не может, ибо как скоро кого увидят, то спросят пашпорта, которого никогда нет, то завязав руки назад отводят до первых присутственных мест; ежели у них кто ночью украдет, тогда со всех ближайших улусов збегутся и выследят, куда бы вор ни ушел: для того бегающие с Нерчинских заводов ссыльные всегда проходят близко Российских деревень и лесами, а близко Братских юрт итти боятся»²⁸

²⁴ «Описание...», стр. 27.

²⁵ Н. В. Ким, Указ. раб., стр. 156.

²⁶ «Описание...», стр. 36, 37.

²⁷ Н. В. Ким, Указ. раб., стр. 153.

²⁸ Там же, стр. 155—156.

назад отвозят до первых присутственных мест.

А ежели бы что ночью украл в юрте у братских, у которых все лежит без всяких затворов и замков, то тотчас со всех ближних улусов збегутся и выследят, хотя бы ушел в лес. А когда из сереброплавящего нерчинского заводу бегают ссыльные или другие, то всегда проходят блиско российских деревень и лесами, а мимо братских юрт итти боятся и мимо их итти не можно, что схватывают»²⁹

В отдельных случаях Ф. Ланганс отходит от оригинала, меняет порядок размещения материала, вносит в повествование дополнительные сведения, правда, не очень значительные, почерпнутые из других источников. Тем не менее в любой части его сочинения, касающейся бурят, чувствуется почерк М. Татаринова.

Работа Ф. Ланганса была выполнена по требованию Петербурга как справочное пособие и имела четкое и весьма узкое целевое назначение: в связи с новым административно-территориальным разделением Сибири и образованием Иркутского генерал-губернаторства снабдить центральное правительство материалами о народах Восточной Сибири, без чего нельзя было сколько-нибудь удовлетворительно решать вопросы фиска, управления краем и т. д. Поэтому ничего нет предосудительного в том, что Ф. Ланганс широко использовал в работе все имевшиеся в его распоряжении печатные и рукописные материалы, в том числе и работу М. Татаринова. Хочется только отметить, что все похвальные отзывы, адресованные исследователями Ренье и Ф. Лангансу, по праву принадлежат Михаилу Татаринову.

THE DESTINIES OF A CERTAIN MANUSCRIPT

The author adduces data to prove that the real author of the XVIIIth century work «Description of Brat Tatars» (*«Opisaniye o bratskikh tatarakh»*) was Mikhail Tatarinov, and not the Swiss author Regnier as was previously supposed.

²⁹ «Описание...», стр. 41—42.

М. Н. Губогло

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

(О СОЦИОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СИБИРИ)

В последние годы достигнуты серьезные успехи в отечественной социолингвистике¹. Прежде всего важно отметить, что советским языковедением разработана одна из кардинальнейших проблем социолингвистики — проблема социальных функций языка. Изучаются исторические судьбы и перспективы дальнейшего функционирования национальных языков, их роли и значения в жизни советских этносов. Еще в 20-е годы ставились и решались задачи планирования и прогнозирования развития языков. В настоящее время по мере того как возрастает число работ, посвященных наиболее общим социолингвистическим проблемам, становится все более очевидной недостаточность источниковедческой базы и несостоятельность некоторых теоретических положений². Ряд авторов исходит из личных впечатлений, подчас не подкрепленных конкретными данными, что ослабляет аргументы в пользу их выводов и классифика-

¹ См. В. А. Аврорин, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР, «Вопросы языкознания», 1960, № 4; его же, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, «Вопросы языкознания», 1970, № 4; его же, Ленинские принципы языковой политики, «Вопросы языкознания», 1970, № 2; Н. А. Баскаков, Тенденции развития общественных функций младописьменных тюркских языков, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); И. К. Белодед, Развитие языков социалистических наций СССР, Киев, 1969; его же, Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе, М., 1972; Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958; его же, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966; его же, Советская методология, теория и практика планирования и прогнозирования языкового развития, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); М. И. Исаев, Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР), М., 1970; его же, Осуществление ленинской языковой политики в советском многонациональном государстве, «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, т. XXIX, М., 1970, № 2, стр. 153—164; Н. Г. Кордэтяну, К вопросу о значении социального фактора в развитии языка, в кн.: «Язык и общество», М., 1968, стр. 139—142; Л. Б. Никольский, Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина, в кн.: «Проблемы изучения языковой ситуации и языковый вопрос в странах Азии и Северной Африки», М., 1970, стр. 3—12; его же, Прогнозирование и планирование языкового развития, М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне); К. Х. Ханазаров, Сближение наций и национальные языки в СССР, Ташкент, 1963; Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, в кн.: «Язык и общество», М., 1968; его же, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972.

² «50 лет советского языкознания», М., 1967; «Языки народов СССР», т. I—III, М., 1966; т. IV, 1967; т. V, 1968; «Язык и общество», М., 1968; «Взаимодействие и обогащение языков народов СССР», М., 1969, и ряд других коллективных трудов.

ций. В социалингвистике сейчас наблюдается разрыв между успешной постановкой общетеоретических проблем и недостаточной разработкой отдельных конкретных вопросов и методики конкретно-социологического изучения функционального взаимодействия языков. Между тем подобного рода работы связаны не только с теоретическими проблемами, но и с практическим решением целого ряда насущных вопросов повседневной языковой жизни. К числу наиболее актуальных можно отнести, например, вопросы о месте языковых процессов в дальнейшем развитии и сближении наций, народностей и их культур, о распространении двуязычия, его функциональной значимости и социально-этнических последствий в различных поло-возрастных, социально-профессиональных, территориальных и иных группах населения, вопросы разработки научных основ оптимального соотношения языков в школах, вузах и других сферах общественной жизни в условиях двуязычия (например, в периодической печати, общественно-политической и научно-технической литературе)³ и целый ряд других вопросов.

Широкое развитие конкретных социологических исследований неизбежно вносит изменения в содержание, проблематику и методику советской социалингвистики. Становится ясным, в частности, что между понятиями, определяющими место языка и языковых процессов в общей теории исторического материализма, и конкретными исследованиями должны существовать некоторые посредствующие теоретические звенья.

В. А. Аврорин одним из первых в советском языкознании поставил вопрос о целесообразности строгого разграничения в исследовательских целях двух относительно самостоятельных аспектов: 1) структурного и 2) функционального развития и взаимодействия языков. Изучение языковых процессов в современной социалингвистике идет в этих двух направлениях. Во-первых, исследуются состояние и эволюция структуры языка, его лексики, грамматики, фонетики, структурных особенностей его диалектов и функциональных стилей, т. е. того, что в лингвистической литературе обычно связывают с внутренней историей языка. Во-вторых, исследуются коммуникативные функции языка, иначе говоря, степень охвата им того или иного коллектива людей, объем и характер выполняемых им общественных функций, т. е. то, что в литературе обычно связывают с внешней историей языка⁴. Второе направление исследований позволяет научно обосновать языковую политику, представляющую собой органическую часть национальной политики того или иного государства, класса или партии. В то же время следует учитывать, что языковая политика, т. е. система мер, регулирующих функциональное развитие языка, в известной мере воздействует и на его структуру⁵.

Развитие общественных функций языка связано не только с развитием этнической общности, но и с характером этно-лингвистической среды и языковой ситуации. Понятие языковой ситуации имеет немаловажное значение для решения теоретических и практических задач социологическо-лингвистического обследования; к сожалению, оно недостаточно разработано. Термин «языковая ситуация» одним из первых начал употреблять Л. Б. Никольский: «Взаимоотношения функционально-стратифицированных языковых образований (языков, диалектов, говоров.— М. Г.) изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть

³ Ю. Д. Дешериев, Проблемы функционального развития языков и задачи социалингвистики, «Язык и общество», М., 1968.

⁴ В. А. Аврорин, Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР; см. также: Г. Л. Винокур, Культура языка, М., 1929, стр. 165.

⁵ В. А. Аврорин, Ленинские принципы языковой политики, стр. 10, Ю. Д. Дешериев, Развитие национальных языков и языка межнационального общения, «Коммунист», 1973, № 1.

названо языковой ситуацией»⁶. Формулировку, выдвинутую Л. Б. Никольским, можно принять, выделив в понятии «языковая ситуация» еще один ее аспект — этнолингвистические процессы. Среди последних целесообразно различать: 1) собственно внутрилингвистические процессы, предполагающие изменения структуры языка (лексики, фонетики, синтаксиса и т. д.); 2) внелингвистические процессы, представляющие собой взаимодействие между социально-экономическими, культурно-историческими, био-психологическими и собственно языковыми процессами и, наконец, 3) межлингвистические процессы, развертывающиеся между элементами разных языков и, как правило, предполагающие наличие языка-партнера⁷.

Если в центре внимания социолого-лингвистического исследования оказываются внелингвистические и межлингвистические процессы, то особое значение приобретает методика социологического анализа. Методика складывается, как известно, из суммы строгих научно разработанных правил, методов, приемов и процедур, применяемых исследователями. Обратимся к опыту крупномасштабного социолого-лингвистического исследования социальных функций языков коренных народов Сибири⁸, начатого коллективом языковедов и этнографов Сибирского отделения АН СССР еще в 1965 г. под общим руководством В. А. Аврорина.

Социолого-лингвистическое исследование состоит из нескольких последовательных этапов: 1) формулировки основных задач, разработки программы и выдвижения рабочих гипотез и определения понятий, 2) составления анкеты и экспериментального апробирования социологического инструментария, 3) определения единиц наблюдения, т. е. разработки выборки, 4) сбора информации и анкетирования, 5) обработки собранной информации на ЭВМ, 6) ее анализа и обобщения.

Новосибирские исследователи использовали статистические, ведомственные и прочие письменные материалы, характеризующие, в первую очередь, внешнюю сторону развития языка и динамику языковой ситуации. Центральное место в их инструментарии занимает специальная анкета. Ее основная задача состояла в том, чтобы «выяснить фактическое распределение у каждого народа социальных функций различных языков (языка своей национальности, языка межнационального общения, языка основного населения республики, языков соседних народов и т. п.), определить реальные потребности и возможности использования того или иного языка в различных сферах общественной жизни, эффективность каждого из них, выявить реально существующие тенденции перераспределения функций языков, типы билингвизма и полилингвизма, установить влияние разных видов межязыковых контактов, миграционных процессов и смешанных браков на языковую жизнь и т. п.»⁹.

⁶ Л. Б. Никольский, Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина, стр. 7.

⁷ М. Н. Губогло, Элементы этнической идентификации в оценках экспертов, «Все-союзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.» (секция этнографии, фольклора и антропологии), Тбилиси, 1971 (ротапринт).

⁸ Информацию о ходе исследования и первые публикации о его результатах см.: «Известия СО АН СССР, Серия общественных наук», Новосибирск, 1967; Ю. Б. Стракач, В. А. Туголуков, Социолого-лингвистические исследования в Сибири, «Сов. этнография», 1969, № 3; «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967; Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев, «Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы, истории», вып. XIII, Кызыл, 1968, стр. 78—109; «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований Сибири», Новосибирск, 1969, и др.

⁹ В. А. Аврорин, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, стр. 34.

На этом этапе исследования основное внимание уделялось проблеме измерения. Необходимо было обеспечить надежные средства фиксации материала. Речь шла не только об «измерительных» качествах анкеты, но и о внимании к тем явлениям языковой жизни, которые подлежали измерению.

Как выяснилось в ходе исследования, анкета в целом была составлена удачно. Ее основными, на наш взгляд, достоинствами были краткость, четкость и лаконичность вопросов. Благодаря анкете был собран универсальный по характеру и объему фактический материал о языковой жизни коренных народов Сибири. В то же время некоторые стороны анкеты весьма уязвимы для критики. Социолого-лингвистическая анкета новосибирцев рассчитана на целую семью. Для ответов каждого отдельного члена семьи имеется особая колонка, в заголовке которой указывается отношение данного лица к главе семьи. Поэтому единица наблюдения по самой анкете (семья) расходится с единицей наблюдения по выборке (индивид). Строго формализованные («закрытые») ответы на вопросы анкеты, по-видимому, были бы более удобны для технической обработки собранной информации.

Все вопросы анкеты¹⁰ тематически разделяются на три группы: вопросы первой группы (1—8) фиксируют демографические, или так называемые «паспортные» признаки, на которые можно без особых сомнений получить замещенные ответы, т. е. записать сведения о респонденте со слов другого лица. Цель двух других групп вопросов — фиксация принципиально важной информации для характеристики реальной языковой ситуации. «Семейно-индивидуальный» характер анкеты имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Действительно, анкета открывает широкие возможности для сбора ценной и весьма надежной информации о структуре семьи. Однако заполнение ее и на отсутствующих членов семьи уменьшает достоверность той части информации, которая собирается с помощью замещенных ответов. Отсюда вытекает, что две главные задачи рассматриваемой анкеты — сбор исходной информации о составе семьи и о функциональном взаимодействии языков — трудно совместимы.

Видимо, чтобы избежать этих трудностей, вопросы о структуре семьи и характере семейных отношений, как второстепенные для данного исследования, можно было бы ввести в текст самой анкеты и адресовать ее не семье, а отдельному человеку. Никаких дополнительных средств, за исключением решения нескольких задач технико-композиционного характера, не потребовалось бы, а объективность обоих типов информации намного бы возросла.

Каковы главные направления функционального взаимодействия языков, требующие изучения? В первую очередь, — степень распространения и взаимодействия контактирующих языков в различных жизненных ситуациях. Здесь задача распадается на две части: во-первых, выбор тех языковых сфер, в которых реализуется само взаимодействие, и, во-вторых, выяснение того, сколько языков употребляется в каждой сфере: один, два или больше. Число языковых сфер (микроситуаций) может быть различным, и выделение их зависит от задач исследования. Прежде всего представляет интерес употребление языков при двуязычии в семье, школе, на производстве, в сфере духовной жизни. Внутри каждой из перечисленных сфер возможно и более дробное членение. В рассматриваемой анкете, несмотря на отдельные недостатки, языковые сферы в целом были подобраны удачно. Но это лишь часть задачи. Необходимо было еще дать характеристику языковой ситуации путем определения частоты употребления контактирующих языков.

¹⁰ Текст анкеты неоднократно публиковался, в том числе дважды в журнале «Сов. этнография»: 1969, № 3 и с комментариями Ю. Б. Стракача — 1969, № 4.

Кроме того, для анализа современной языковой ситуации и для прогноза тенденций ее развития необходимо было установить фактический уровень владения языками. Одна из слабых сторон новосибирской анкеты именно в том и заключается, что она не дает достаточных сведений для суждения по этому вопросу. Как отмечает сам В. А. Аврорин, «заранее было известно, что нужной глубины в этом отношении достигнуть при анкетном обследовании не удастся»¹¹. Для преодоления этого недостатка была, в частности, разработана шкала владения вторым языком (по 3-х, 4-х и т. д. балльной системе), применявшаяся в ходе изучения социально-этнических процессов Татарской АССР.

В «Опросном листе» для анкетирования сельского населения в Татарской АССР учитывалась различная степень знания второго языка: лучше, по сравнению с языком своей национальности; хуже, в равной мере. В «городском» «Опросном листе» ставилась также задача выяснить степень владения родным татарским языком.

Для этого была сконструирована специальная шкала: опрашиваемые могли отнести себя к одной из следующих, выделенных в анкете, групп: 1) совсем не владеющих татарским языком; 2) только говорящих на этом языке; 3) читающих и говорящих; 4) пишущих, читающих и говорящих. В дальнейшем, по-видимому, для измерения уровня владения вторым языком потребуются более сложные методы: направленное интервьюирование, специальные диктанты, тесты, магнитофонные записи беглой речи, не применявшиеся пока в отечественной социолингвистике.

В программе исследования, предпринятого Институтом этнографии АН СССР и посвященного социально-культурным аспектам развития и сближения наций в СССР¹², значительное место уделяется изучению современных этнолингвистических процессов. Для измерения масштабов двуязычия в «Опросный лист» включены два взаимодополняющих вопроса. С помощью одного из них: «Каким языком вы более свободно владеете?» — оценивается степень знания второго языка по сравнению с первым. С помощью другого вопроса уточнялась глубина владения вторым языком. Исходя из ряда теоретических и практических соображений была сконструирована пятичленная шкала оценок (от наиболее свободного владения вторым языком до полного его незнания): 1) совершенно свободно знаю, думаю на языке; 2) довольно свободно говорю; 3) говорю с некоторыми затруднениями; 4) с большим трудом говорю; 5) вообще не говорю. По мысли составителей «Опросного листа» указанная шкала даст возможность приступить к типологизации двуязычия в различных регионах страны.

Исследование этнолингвистических процессов невозможно вне связи их с происходящими социальными процессами, и, в частности, с процессом урбанизации. Для суждения о социальной структуре населения, о процессах индустриализации, урбанизации и их роли в языковых процессах, в анкете новосибирских исследований были предусмотрены два следующих вопроса: 6) Место работы и учебы и 7) Занятие (кем работает?). С помощью этих вопросов фиксируются социально-профессиональный статус опрашиваемых и отрасли народного хозяйства, в которых они трудятся. Однако из-за недостаточно четкой формулировки вопроса возможны неадекватные ответы. Действительно, «местом работы» может быть населенный пункт, колхоз, ферма, рыболовное судно, токарный станок и т. д. Этот вопрос целесообразнее, видимо, было бы

¹¹ В. А. Аврорин, Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири, стр. 36.

¹² О задачах указанного исследования, его основном инструментарии, выборке и первых результатах см.: Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3; см. также: Л. М. Дробижева, Усиление общности в культурном развитии советских наций, «История СССР», 1972, № 4, стр. 23—24.

сформулировать так: «Где вы сейчас работаете?» и далее дать развернутый перечень отраслей народного хозяйства.

При совместном изучении этнолингвистических и социальных процессов важна предварительная классификация социально-профессиональных групп. Следует подчеркнуть, что социально-профессиональные группы не могут быть взяты произвольно, только ради создания максимально удобных условий для процедуры. Предварительно необходимо было решить принципиальный вопрос о подной детальной и разносторонней классификации населения по социально-профессиональному признаку.

В социолого-лингвистическом исследовании новосибирцев классификация социально-профессиональных групп осуществлялась В. И. Бойко¹³. Он взял за основу классификационную схему Ю. В. Арутюняна, но при этом допустил существенные, на наш взгляд, ошибки. Выделяя специалистов сферы материального и нематериального производства в две самостоятельные группы, В. И. Бойко в то же время объединяет руководящих работников обеих сфер. Внутри каждой группы оказываются по соседству специалисты с различным уровнем образования, а следовательно и качеством труда, вопреки методологической установке самого автора. В группе специалистов сферы нематериального производства воспитатели дошкольных учреждений приравнены к профессорско-преподавательскому составу вузов, писателям, художникам, артистам и служителям культа. Наоборот, трактористы, бульдозеристы, работающие в сельском и лесном хозяйстве, попали в иную группу, чем экскаваторщики, трактористы-машинисты.

Авторы социолого-лингвистического обследования включили в свою программу изучение современных этнических процессов. Это требовало от составителей анкеты особой осторожности и точности при определении понятия «родной язык». Однако, как видно из формулировки, приведенной в инструкции¹⁴, это понятие было заменено понятием «основной язык общения». В связи с этим можно, как нам кажется, сделать три замечания. Во-первых, целая группа вопросов (с 10 по 16) предусматривает сбор информации, характеризующей конкретное языковое поведение респондентов в разнообразных языковых ситуациях (по анкете — в семье, на работе, в школе и т. п.). Сумма ответов на все эти вопросы и представляет собой не что иное, как «основной язык общения». Но в таком случае вопрос о родном языке, в том его смысле, который придали ему авторы новосибирской анкеты, никакой дополнительной информации не дает. Во-вторых, для изучения современных этнических процессов важно было бы не только выяснить фактическое разделение труда между взаимодействующими языками, но и определить психологическое отношение опрашиваемого к контактирующим языкам, что выражается в признании одного из них родным. Такое признание часто свидетельствует о преодолении серьезного психологического барьера, обычного при смене одного из важнейших этноопределителей — родного языка¹⁵. В-третьих, неоправданное нарушение равнозначности содержания понятия «родной язык» в инструкции к рассматриваемой анкете и в графе переписного бланка лишает возможности сопоставления данных социолого-лингвистического обследования с материалами переписей населения 1939, 1959 и 1970 гг., в которых сам опрашиваемый определял свой родной язык.

¹³ В. И. Бойко, К соотношению субъективного и объективного в социолого-лингвистическом исследовании, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 83—86.

¹⁴ «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», стр. 133.

¹⁵ М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия, «Сов. этнография», 1972, № 2.

В ходе анкетирования в Сибири респонденты выражали свое несогласие с тем определением родного языка, которое было дано в инструкции. Кроме того, выяснилось, по крайней мере, еще два варианта понимания родного языка: а) язык родителей; б) язык окружения. Короче говоря, нельзя не согласиться с мнением Ю. Б. Стракача о том, что не исключена возможность неадекватности собранных «голосов» в ответ на вопрос анкеты о родном языке. Однако предложенная Ю. Б. Стракачом формулировка вопроса: «Считает ли родным язык своей национальности?» (да, нет) ¹⁶ привела бы к нерациональному, на наш взгляд, сужению требуемой информации. Вопрос о родном языке, видимо, можно было бы сформулировать следующим образом: «Какой язык Вы считаете своим родным языком? (1) язык своей национальности, 2) русский, 3) другой». В такой формулировке вопрос рассчитан на выявление психологического этношесия самого опрашиваемого к тому или иному языку, независимо от степени владения и масштабов пользования им, что в значительной мере связано с национальным самосознанием. Последнее при исследовании национальных отношений и этнических процессов — важнее всего ¹⁷.

Разработка выборки — третий важный этап в социолого-лингвистическом обследовании. Первый этап выборки — определение общего числа лиц для анкетирования с таким расчетом, чтобы опрошенное население достаточно представительно отражало картину языковой жизни коренных народов Сибири. Необходимо также, чтобы были представлены все типы поселений и типы этнических сред в пропорциях, характерных для каждого административного района или этнолингвистического региона. Следует учитывать, что при этом возможно, однако, произвольное искажение социально-профессиональной структуры опрашиваемого населения, так как границы отдельных совхозов или колхозов чаще всего совпадают с границами сельсоветов, а не населенных пунктов. Кроме того, текущая статистика, — главный источник, позволяющий контролировать правильность данных анкетного опроса, ведется по сельсовету в целом, без дифференциации по отдельным населенным пунктам.

Принципиально важным вопросом на втором этапе выборки является отбор районов и населенных пунктов. К сожалению, нет ясности, существовал ли единый критерий отбора в новосибирском исследовании. Складывается впечатление, что каждый исследователь истолковывал принцип отбора населенных пунктов по своему. В одном случае за основу брались природные условия и хозяйственные занятия населения, этническое окружение и контакты с культурными центрами ¹⁸, в другом — компактность проживания большинства изучаемого народа ¹⁹, в третьем учитывалось требование «наиболее типичного (?)» отражения социальной структуры и национального состава населения республики ²⁰. Нам кажется, что возможно несовпадение поселенческих структур, типов этнических сред, социально-профессиональных и половозрастных структур, но методика построения выборки, в частности, отбор объектов наблюдения, должны быть максимально унифицированы, должны исходить из единой программы исследования. Следующей важнейшей

¹⁶ Ю. Б. Стракач, К методике изучения современных этнолингвистических процессов, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 7.

¹⁷ О соотношении национальных и этнических процессов см.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

¹⁸ Ю. Б. Стракач, Указ. раб., стр. 4—5.

¹⁹ С. Н. Оненко, О месте родного языка в современной жизни нанайцев, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 14.

²⁰ Н. А. Сердобов, Этнические процессы у тувинцев, «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири», Новосибирск, 1969, стр. 34.

задачей является определение соотношения выборочной и генеральной совокупности и правомерности экстраполяции выводов первой на вторую. Н. А. Сердобов попытался экстраполировать данные выборочного анкетного опроса тувинцев на все (в том числе и на городское) население республики и даже определил общую численность двуязычных тувинцев, в различной степени владеющих русским языком²¹. К сожалению, правомерность такой экстраполяции не вполне им доказана.

Собранная социолого-лингвистическая информация настолько велика, что необходимо применение быстродействующей вычислительной техники для оперативной обработки и анализа материала.

В числе задач, связанных с машинной обработкой собранных данных, наиболее ответственны статистические группировки, с помощью которых изучаются структура, состав массива и различия языковых характеристик в зависимости от социальной принадлежности и иных, в том числе демографических, факторов. Рассмотрим некоторые группировки. Вернемся к этносоциологическому исследованию, проведенному Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР. Оно, в частности, позволило сделать вывод о том, что среди факторов, оказывающих влияние на характер языковых процессов и соотношение функциональной нагрузки языков при двуязычии, доминирующую роль играют школы²². По характеру школ населенные пункты коренных народов Сибири, видимо, можно было бы сгруппировать следующим образом: 1) преподавание ведется только на национальном языке, 2) национальный язык преподается в русской школе как предмет, 3) преподавание ведется только на русском языке.

Распространению двуязычия в огромной степени содействует совместное проживание разноязычных народов. Поэтому данные, характеризующие этнический состав населенных пунктов, в которых обследуемый народ преобладает, равен по численности с другими этническими группами, или, наконец, составляет меньшинство, должны быть введены в кодировочное задание с тем, чтобы потом по ним можно было судить о степени влияния этого фактора на функциональное взаимодействие языков.

В анкете социолого-лингвистического обследования, разработанной новосибирцами, имеется блок вопросов, по которому формально «прописывается» весь материал анкетного опроса. Эта группа так называемых адресных вопросов, указывающих в каком: а) крае, АССР, области, автономной области, национальном округе; б) районе; в) сельсовете; г) населенном пункте проводился опрос. Информационная ценность этих вопросов состоит в том, что по ним можно восстановить необходимый перечень объективных факторов, оказывающих влияние на функциональное взаимодействие языков.

При этнолингвистической характеристике внешней этнолингвистической ситуации несомненно необходима фиксация численности населения, динамики населения в каждом населенном пункте (убывающая, стабильная, возрастающая). Важное значение имела бы, например, группировка сельсоветов по числу населенных пунктов (один, два, три, более трех), сел в зависимости от расстояния от районного или областного центров (в обоих случаях группировочные шаги могут быть установлены специалистами — знатоками расселения коренных жителей Сибири). Кроме того целесообразно зафиксировать виды транспорта, с помощью которого осуществляется связь сельского населения с ближайшими промышленными центрами (автобус, железная дорога, авиалиния, водный

²¹ Н. А. Сердобов, К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев, стр. 99.

²² М. Н. Губогло, Этносоциальные аспекты языковых контактов (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР). М., 1970 (Доклад на VII МСК в Варне), стр. 7.

путь и т. д.). Как бы совершенна ни была анкета для массового опроса населения, она не может дать достаточно представительных материалов без учета конкретной этнолингвистической среды. Для определения типа этнической среды, вероятно, следует ограничиться следующими признаками: 1) пространственным размещением населения и 2) его национальным составом²³. Данные объективной статистики и опроса могут быть совместно просчитаны на ЭВМ, а результаты подсчета анализироваться в органическом единстве.

На каждый населенный пункт Татарии, в котором проводилось анкетирование Институтом этнографии АН СССР, заполнялся специальный паспорт, где фиксировались 36 факторообразующих признаков. Перед вводом всей информации в ЭВМ из общего числа признаков 9 кодировались и заносились в общую перфокарту вместе с полученными результатами анкетного опроса по данному селу.

Именно этот прием дал возможность впоследствии разработать макеты таблиц, с помощью которых выяснялась причинно-следственная зависимость этнолингвистических процессов от этнодемографических и социально-экономических факторов.

Для сознательного руководства социальными, этническими и языковыми процессами в условиях развитого социализма необходимо глубоко изучать их. Результаты социолого-лингвистического обследования позволяют выяснить не только современное состояние языковой жизни у народов СССР (синхронный срез), но могут дать представление о динамике языковых процессов (диахронный срез), если такие исследования будут проводиться повторно через определенные промежутки времени, в тех же этнолингвистических ареалах, у тех же самых народов, по одной и той же программе, с использованием единого инструментального аппарата²⁴.

²³ М. Н. Губогло, Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», 1971, стр. 149—160 (ротапринт).

²⁴ См.: В. А. Аврорин, Опыт применения анкетного метода в изучении функционального взаимодействия языков, стр. 14—15.

А. В. Сафьянова

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В конце 1950-х годов Восточнославянский сектор Института этнографии АН СССР начал работу по этнографическому изучению русского населения Сибири. Ее результаты частично уже опубликованы¹. Значительное место в этих исследованиях уделяется современному быту сибирской деревни и, в частности, изучению тех изменений в положении женщины, которые произошли в советский период. Они коснулись всех сторон ее жизни, в том числе и положения в семье.

В настоящем сообщении сделана попытка показать, как изменилось положение русской крестьянки Алтайского края в семье за годы Советской власти. Этот вопрос является частью общей проблемы изучения семьи и семейных отношений.

Работа основана на полевых материалах, собранных автором в 1962, 1965 и 1970-м гг. в разных районах Алтайского края. Стационарные наблюдения велись в Шипуновском, Поспелихинском и Змеиногорском районах, в прошлом заселенных различными этнографическими группами, участвовавшими в формировании русского населения края. Маршрутные экспедиции, давшие большой сравнительный материал, проводились в восточных районах Алтая (Алтайский, Бийский, Солтонский и Солонешенский районы). Всего было обследовано 33 населенных пункта. В некоторых селениях проводились повторные обследования.

¹ «Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период», «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956; Г. С. Маслова и Л. М. Сабурова, Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири, «Сов. этнография», 1958, № 3; их же, Этнографическое изучение русского колхозного крестьянства Восточной Сибири..., «Сов. этнография», 1960, № 5; «Этнографический сборник Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР», вып. 1—3, Улан-Удэ, 1960—1962; Г. С. Маслова, Русский народный костюм Восточной Сибири, «Этнографический сборник...», вып. 3, Улан-Удэ, 1962; И. С. Гурвич, Русские старожилы долины р. Камчатки, «Сов. этнография», 1963, № 3; А. А. Лебедева, Из опыта изучения хозяйства и культуры русского сельского населения Забайкалья, «Сов. этнография», 1964, № 3; В. А. Александров, Русское население Сибири (XVII—нач. XVIII вв.), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 87, М., 1964; В. А. Липинская, Русские поселения в Алтайском крае, «Сов. этнография», 1965, № 6; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; В. А. Липинская, Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края, «Сов. этнография», 1968, № 2; сб. «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; сб. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. I — «Приангарье», Новосибирск, 1971; А. А. Лебедева, Женская одежда русского сельского населения в предгорьях Алтая конца XIX — нач. XX вв., «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», М., 1971; ее же, Крестьянская обувь XIX — нач. XX в. в русских селениях по Тобольскому тракту, сб. «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.», II, М., 1972; А. В. Сафьянова, Материалы по традиционному жилищу русского сельского населения Тюменской области, сб. «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г.», II, М., 1972; «Из культурного наследия народов России», сборник МАЭ, № 28, Л., 1972, сб. «Очерки истории культуры Бурятии», Улан-Удэ, 1972.

Наряду с полевыми материалами использованы данные статистического управления Алтайского края и похозяйственных книг сельских советов тех селений, которые были выбраны для стационарного изучения.

* * *

Положение женщины в русских крестьянских семьях Алтайского края до Великой Октябрьской социалистической революции определялось как всей системой существовавших тогда общественных отношений, так и спецификой местных условий.

Характерной особенностью семейного строя алтайских старожилов в прошлом была неразделенная семья², насчитывающая в своем составе до 25 человек. Существование такой семьи обуславливалось экономическими выгодами. Ведение хозяйства при господствовавшей в Сибири системе землепользования, основанной на вольном захвате земли, требовало большого числа рабочих рук. Процесс дробления неразделенной семьи начался здесь с того момента, когда было введено ограничение на размеры земельных владений (примерно с 90-х годов прошлого века), связанное в свою очередь, с приливом колонизационной волны из Европейской части России. Особенно активно земельное ограничение шло в северных районах края, куда переселение было более интенсивным. Однако неразделенная семья еще сохранялась на Алтае вплоть до Октябрьской революции и окончательно распалась уже только в ходе коллективизации сельского хозяйства.

Большесемейный уклад жизни русских старожилов Алтайского края характеризовался господством патриархальных отношений, с наибольшей силой проявившихся среди кержацкого населения³. Это объяснялось религиозной обособленностью старообрядцев и связанной с ней особой замкнутостью их быта.

Семейные взаимоотношения строились на безусловном подчинении младших — старшим, жен — мужьям. Исследователи прошлого века отмечали, что для алтайских старожилов деспотическое отношение к женщине было обычным явлением⁴. Такое отношение к женщине подтверждается и полевыми материалами. По свидетельству жителей, грубое обращение и побои со стороны мужа были в прошлом частым уделом женщины. Отношения между супругами осложнялись также тем, что большинство браков совершалось по воле родителей, которые отдавали дочь замуж или женили сына зачастую вопреки их желанию⁵. Вместе с тем, женщина в дореволюционное время фактически не имела права на развод. Н. А. Костров подчеркивал, что разводы были чрезвычайно редки, связаны с большими хлопотами и практически недоступны крестьянке⁶.

Как и повсюду у русских, положение женщин внутри семьи было неодинаковым. Большую самостоятельность имела женщина — хозяйка (свекровь), положение невестки в семье было особенно тяжелым. На Алтае различие в положении свекрови и невестки проявлялось особенно резко. Это обуславливалось особенностями экономической жизни края. Старшей женщине часто приходилось самостоятельно вести хозяйство во

² Под неразделенными семьями понимаются семьи, состоящие из нескольких брачных пар различных поколений, объединенных общим имуществом и хозяйством.

³ Кержаки — собирательное название старообрядцев — выходцев из бывшей Нижегородской губернии, с р. Керженца. Часть их осела на Алтае, спасаясь от преследований царского правительства.

⁴ Н. А. Костров, Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии, Томск, 1876, стр. 26; М. С. Швецова, «Поляки» Змеиногорского округа, «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», т. XXVI, Омск, 1899, стр. 61.

⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1965, ф. 1, д. 99.

⁶ Н. Костров, Указ. раб., стр. 24.

время отлучек мужа⁷, что давало ей относительную свободу в ведении хозяйства и некоторые преимущества в обычно-правовом отношении: у свекрови обычно хранились семейные деньги, вместе с мужем она ездила на базар, и они покупали все необходимое для хозяйства. По обычному праву крестьянке принадлежал выращенный ею скот; муж не имел права продать его без согласия жены⁸.

Эти преимущества не распространялись на невестку. Как и в большинстве русских сел, она должна была обходиться только своим приданным. Из общесемейных средств ей иногда делали лишь подарки к праздникам. Невестка никогда не могла быть хозяйкой в доме своего мужа. В кержацких семьях она без разрешения свекрови не имела даже права отлучиться из дома: пойти к своим родителям, соседям, подружкам. В условиях мелочной религиозной регламентации кержацкого быта невестка без благословения свекра или свекрови не могла приняться за какую-либо работу: принести воду, затопить печь, начать стирку и т. д. Самую явную несправедливость невестка должна была сносить безропотно. Мужа и всех членов его семьи она называла только по имени и отчеству⁹.

На долю невестки выпадали самые тяжелые работы в поле и в домашнем хозяйстве. На нее в семье мужа смотрели, прежде всего, как на даровую работницу. Характерно, что при выборе невестки большое значение придавалось состоянию ее здоровья. Насколько деспотичным было отношение к невестке у кержацкого населения Алтая свидетельствует тот факт, что женщина из их среды, выйдя замуж за переселенца даже из южнорусских областей Европейской части страны, чувствовала себя свободнее, хотя, как известно, патриархальные семейные устои у выходцев из этих областей были также очень сильны.

Как показывают литературные и полевые материалы, относительной свободой и самостоятельностью пользовались женщины у старообрядцев — «поляков»¹⁰. Возможно, что это было связано с влиянием украинского населения, с более свободным строем семейных отношений на прежнем месте жительства этой группы старообрядцев в пограничных районах Польши (Ветка и Стародубье).

Менее скованы патриархальными традициями были малые семьи. Здесь жена находилась в подчинении у мужа, но не испытывала давления со стороны старшего поколения. Поэтому начавшийся еще в предреволюционное время раздел семей на Алтае несколько облегчал положение крестьянки.

Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала неравноправное, угнетенное положение женщины в семье. Ее юридическое бесправие в области брачно-семейных отношений было уничтожено одним из первых декретов Советской власти в декабре 1917 года, установившим новый порядок заключения и расторжения брака. Началась борьба за фактическое раскрепощение женщины. Некоторые сдвиги в этом направлении произошли уже в 1920-е годы.

Усилившийся после революции процесс раздела семей в деревне, связанный с наделением крестьян землей и утверждением новых гражданских прав людей, затронул и Алтайский край. О массовых разделах семей на Алтае свидетельствуют материалы райисполкомов. В отделившихся хозяйствах, как уже отмечалось выше, крестьянка пользовалась боль-

⁷ В XVIII — первой половине XIX века это было связано с несением горнозаводской барщины у приписанных к заводам крестьян и военной службы — у казачества, позднее — с хозяйственными делами.

⁸ Н. А. Кюстров, Указ. раб., стр. 24.

⁹ См., например, В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.) М., 1971 (раздел «Внутри-семейные отношения», стр. 59—65).

¹⁰ Так называли на Алтае русских старообрядцев, которые в XVII—XVIII веках бежали в Польшу, а в 1764 году были переселены в Сибирь.

шей свободой и самостоятельностью. В малой семье быстрее изживались принципы патриархальных отношений.

Советское законодательство оказывало определенное влияние и на устои больших семей, еще в значительной степени сохранявшихся на Алтае в первое десятилетие Советской власти. Новые веяния сказывались прежде всего на молодежи. Даже в старообрядческих семьях, где патриархальные устои были еще в это время достаточно сильны, молодежь стала занимать более самостоятельные позиции, чем прежде. Об этом свидетельствуют воспоминания многих пожилых женщин. Например, бывшие кержачки говорили, что их мужья запретили им «благословляться» у родителей перед началом работы. Очень активно молодежь выступала против традиционных свадебных обычаев, унижающих достоинство девушки (увод молодых на постель в середине или после свадебного пира, публичная демонстрация брачной рубахи невесты и т. п.), которые были широко распространены у старожильского населения Алтая даже в начале XX века.

Ослабление внутренних устоев больших семей и резкое сокращение числа браков, заключавшихся по воле родителей, улучшали взаимоотношения молодых супружеских пар. Как и повсюду в стране, утверждению новых черт семейного быта в алтайской деревне способствовала пробудившаяся после революции общественно-политическая активность населения. Большое значение в этом процессе имело постепенное вовлечение в общественную жизнь села самих женщин. Наши материалы показывают, что женщины-активистки быстрее осознавали свои права, отстаивая их в семье, выступая против деспотизма мужа или отца. Немалую роль в формировании новой советской семьи уже на первом этапе ее развития сыграли женотделы, действовавшие на Алтае с января 1920-го года. На собраниях делегатов и различных конференциях женщин читались лекции о советском семейном законодательстве, воспитании детей, разъяснялись права крестьянок и поднимались практические вопросы об улучшении семейного быта женщины.

Более резкая ломка традиционных устоев семейного быта происходила в 1920-е годы в коммунах, получивших здесь довольно широкое распространение. Примером их может служить коммуна «Новый свет» Шипуновского района, организованная в 1921 году. Все коммунары, мужчины и женщины, участвовали в общественном производстве. Они работали в поле, ухаживали за скотом, работали в столовой и швейной мастерской. Интересно отметить следующий факт. Коммунарки подняли вопрос об облегчении женского труда в пекарне, требуя, чтобы тяжелую работу по замешиванию теста выполняли мужчины. Это было совершенно новым явлением в быту крестьян, так как известно, что в дореволюционной русской деревне помощь мужчин в специфически женских работах по обслуживанию домашнего хозяйства (приготовление пищи, стирка, уборка помещения и т. д.) осуждалась населением. Как говорили пожилые колхозницы, даже мальчик, «принесший коромысло воды, подвергался насмешкам»¹¹. Просьба коммунарок была удовлетворена, но, по воспоминаниям стариков, «сначала всем было очень странно видеть мужчину — стряпку, позднее к этому привыкли»¹². Обобществление не только средств производства, но и домашнего хозяйства освобождало женщин от домашних забот. Коммунары питались в общественной столовой, одежду шили в общественных мастерских.

В коммуне много внимания уделялось тому, чтобы взаимоотношения в семье строились на равноправных началах. На совете коммуны разбирались все семейные ссоры, и коммунары, избивший жену, получал определенное взыскание.

¹¹ Архив Ин-та этнографий АН СССР, ф. 1, 1965, д. 99.

¹² Там же.

Активное участие женщин в общественной жизни коммуны, посещение клуба, лекций, выступление в агитбригадах и художественной самодеятельности и т. п., также повышало их авторитет в семье. Однако все эти новшества в те годы были присущи только коммунарам и не означали еще коренной перестройки семейного быта крестьян в целом.

Среди основной массы сельского населения в условиях господствующего тогда в деревне мелкотоварного производства еще в значительной степени удерживались старые нормы семейных отношений. Так, на невестку, как и прежде, особенно в экономически крепких хозяйствах, смотрели как на даровую работницу. Основная масса населения и сами крестьянки продолжали считать приниженное положение женщины в порядке вещей. Особенно ревностно придерживались старых канонов пожилые женщины из кержацкой среды.

С началом массовой коллективизации интенсивный процесс распада больших патриархальных семей на Алтае, начавшийся с первых лет Советской власти, был завершен. К середине 1930-х годов больших семей на Алтае уже не было. И хотя некоторые пережитки патриархального быта продолжали сохраняться и в последующее время, но именно в годы укрепления колхозов положение женщины в семье стало меняться коренным образом. В основе этих перемен лежит общий процесс экономического и социального развития страны, усиление хозяйственной роли женщины, вовлечение ее в общественный труд, рост ее общественно-политической активности.

В наши дни, в связи с проведением комплекса мероприятий по укреплению социальной и экономической базы деревни, рост авторитета женщины и ее значения в семье становятся особенно ощутимыми. Благоприятные условия, которые создал колхозный строй, еще в большей степени способствовали выделению молодых семей. Анализ похозяйственных книг показывает, что в настоящее время господствующей формой семьи стала малая семья из двух поколений: родителей и их детей. При этом процесс выделения в самостоятельное хозяйство молодых супружеских пар становится все более интенсивным. Так, с 1965 по 1970 гг. число семей из двух поколений (родители, дети) по Родинскому и Екатерининскому сельским советам (Шипуновский и Змеиногорский районы) увеличилось почти на 20%.

Выделение молодой семьи в настоящее время не представляет больших трудностей. Родители обычно оказывают молодой семье посильную помощь. В обзаведении своим хозяйством молодая семья получает большую поддержку и со стороны колхоза или совхоза: ей выделяется участок под застройку, предоставляется транспорт, выдается ссуда и т. д. Обеспечению молодых семей жильем способствует также неуклонно возрастающее жилищное строительство в сельской местности на средства колхозов и совхозов¹³. В настоящее время между супругами исчезли те острые противоречия, которые в прошлом порождались зависимостью женщины от мужчины и господством брака по расчету. Изменилась роль главы семьи. По традиции главой семьи считается мужчина, однако, как показывают наши материалы, такое понятие в действительности является чисто формальным, так как оба супруга в равной степени принимают участие в решении различных домашних вопросов, уважая при этом мнение друг друга. Происшедшие изменения объясняются равноправным положением женщины в семье. Одним из решающих факторов этого равноправия является ее экономическая самостоятельность, которую дает ей участие в общественном труде. Труд женщин в колхозном и совхозном производстве стал наравне с

¹³ В. А. Липинская, Поселения, жилища и одежда русского населения Алтайского края, сб. «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969, стр. 46.

мужским источником благосостояния всей семьи. Еще в предвоенные годы колхозницы начали вкладывать свой заработок в семейный бюджет. Мы зафиксировали немало случаев, когда на заработанные женщинами трудодни, был построен дом, куплена корова и т. п.

Экономическая независимость сельских женщин в нашей стране все время повышается. Из проведенного обследования бюджетов сельских семей Алтайского края видно, что удельный вес в них доходов, получаемых от участия женщин в общественном производстве, весьма значителен. Наиболее устойчивы заработки женщин, занятых на постоянных работах (животноводы, работающие в садах и огородах, служащие). Поэтому понятно стремление девушек устроиться на постоянную работу и получить определенную квалификацию. Характерно также, что и молодая женщина, выйдя замуж, не ограничивается теперь сезонной работой в летний период, как это было 10—15 лет тому назад.

С благоустройством поселков и внедрением в быт сельской семьи электробытовых приборов значительно сокращен и облегчен домашний труд женщин. Почти в каждом доме есть электроплитки и электроутюги, растет спрос на стиральные машины. С каждым годом улучшается общественное обслуживание населения. Налажено снабжение населения печеным хлебом (в то время, как еще в конце 1950-х годов во многих селениях края хлеб выпекали сами хозяйки). Увеличивается число сельских общественных бань, прачечных, столовых. Исчезла необходимость в изготовлении домашним способом одежды. Прядение и ткачество в послевоенные годы практически исчезло. Сейчас только некоторые старые женщины ткут половики. Ткани, готовые носильные вещи приобретаются в магазине. Расширяется сеть районных отделений ателье, обслуживающих сельскую местность. В последнее время в Алтайском крае получили широкое распространение комбинаты бытового обслуживания в специально оборудованных для этой цели автомашинах. Такие «быткомбинаты на колесах» организует каждый райцентр для обслуживания сельского населения района.

Муж помогает жене вести домашнее хозяйство. Как и прежде, мужчины выполняют наиболее тяжелые работы, связанные с заготовкой топлива, со строительством и ремонтом жилых и хозяйственных построек и т. д. Заметно возрастает помощь мужчин в специфически женских домашних работах. В настоящее время такая помощь не считается предосудительной, особенно в молодых семьях, где оба супруга в равной степени заняты на колхозной или совхозной работе. Примером могут служить супруги М. (с. Саввушка, Змеиногорский район). Жена работает дояркой, ее муж — механизатором. Он помогает ей во всех домашних делах кроме стирки: приносит воду, топит баню, чистит картошку, убирает помещение и т. д. Такие отношения становятся все более распространенными, но, по нашим наблюдениям, молодые мужчины менее охотно помогают жене в домашних работах, если супруги живут вместе с родителями и, главным образом, с родителями мужа. Пожилые мужчины еще и сейчас нередко стыдятся помочь жене в работах по дому. Эти пережиточные явления прошлого сказываются в значительно большей степени, как показывают полевые материалы, в бывших старообрядческих селениях. В отличие от прошлого, когда жена не должна была вмешиваться «в мужские дела», в настоящее время супруги вместе обсуждают не только семейные домашние вопросы, но и свое участие в производственной, общественной и культурной жизни, они делятся друг с другом своими заботами, муж нередко обращается к жене за советами. Изменений коснулись и «этикета» во взаимоотношениях между супругами. Отпал обычай, не позволяющий жене называть своего мужа по имени.

В прошлом жена не имела права одна без мужа «выйти на люди», она могла только забежать к соседке. Этого обычая придерживались

еще в предвоенные и первые послевоенные годы. В настоящее время считается необязательным бывать супругам во всех общественных местах вместе. Если муж занят, жена может одна пойти в кино, на концерт, торжественный вечер. Если какое-либо событие отмечает бригада, звено или группа, то женщина тоже может пойти на праздник одна. И только в гости ходят обязательно вместе. Противоречия, возникающие между супругами, теперь, как правило, не связаны с былым неравенством мужа и жены. Наиболее распространенные причины семейных конфликтов — это несоответствие характеров супругов или пьянство мужей.

Равенство женщины перед законом дает ей одинаковое с мужчиной право на развод, который не считается сейчас чем-то порочащим женщину, как это было в прошлом у русских крестьян. Пожилые женщины рассказывали, что прежде мать, выдавая дочь замуж, говорила ей: «замуж выйти навсегда, навечно», так как в дореволюционное время развод был не только фактически недоступен крестьянке, но и осуждался общественным мнением. О том, как изменилось отношение к разводам, свидетельствует следующее обстоятельство: родители советуют дочери лучше разорвать неблагополучный брак, чем терпеть неудачно сложившуюся семейную жизнь. Население обследуемых районов подчеркивало, что большую роль в этом сыграло советское законодательство, охраняющее права женщины-матери: закон об алиментах, выделение материальных пособий и т. п. Не менее показательным для русского населения Алтайского края является изменившееся отношение к невестке, живущей вместе со свекром и свекровью. Молодая вступает теперь в семью мужа не как работница, а как равноправный член. Особенно наглядно это проявляется в том, что она вместе с мужем и его родителями участвует в распределении денежных доходов семьи.

Если молодые живут со свекровью-вдовой, то они обычно отдают ей весь свой заработок. Этим самым, по словам колхозницы Х. Д. Загайновой, они оказывают старшей женщине «как бы особый почет». Но хотя деньги считаются общими, расходует их, главным образом, молодая хозяйка.

Экономическая самостоятельность невестки проявляется в еще большей степени в тех семьях, где молодые живут с родителями или же с родителями и их неженатыми детьми. В таких семьях бюджет часто строится следующим образом: питание — совместное, продукты обе супружеские пары уславливаются покупать по-очереди, при этом «до мелочей не считаются»: деньги, оставшиеся от питания, каждая супружеская пара расходует по своему усмотрению. Это позволяет молодым супругам приобретать вещи сообразно своим желаниям. Если бюджет в таких семьях совместный, то старшее поколение не выделяет своих детей, а все покупки делаются по мере необходимости и очередности. Интересно отметить, что еще в 1950-х годах, по рассказам колхозниц, невестке в первый год ее замужества ничего из вещей покупать не полагалось.

Новый характер взаимоотношений между невесткой и свекровью проявляется при распределении домашних работ. Распределение домашних обязанностей между женщинами в современной сельской семье, в основном, зависит от их занятости в общественном производстве, а также от возраста и физического состояния. Но сущность его — это усиленная взаимная помощь друг другу. При этом следует отметить, что невестка-служащая также обычно принимает участие во всех хозяйственных делах своей семьи. Взаимоотношения невестки со свекровью в разных семьях складываются неодинаково. Полное взаимопонимание снохи и свекрови устанавливается лишь в том случае, если они с уважением относятся к взглядам друг друга. Этому однако иногда препятствуют бытующие еще некоторые традиции патриархальных отношений.

Встречаются семьи, в которых свекровь сковано инициативу снохи, деспотически относится к ней, ведет мелочный учет, неодобрительно относится к «неблагоразумным», на ее взгляд, расходам молодой хозяйки: осуждает покупку книг, частое хождение в кино и прочее.

Несоответствие взглядов и привычек снохи и свекрови вызывает между ними конфликты и нередко является причиной для семейного раздела. Однако противоречия, возникающие между женщинами, обычно не принципиальные. Характерно, что после раздела между ними налаживаются хорошие отношения. Это отмечают многие молодые женщины. Вот один из примеров. Колхозница Т. из колхоза «Родина» Шипуновского района рассказывала нам, что когда она жила в семье мужа, свекровь не считалась с запросами снохи. После отделения они стали жить очень дружно. Невестка стирает свекрови белье, моет полы, муж помогает в заготовке дров, ремонте дома, свекровь не отказывается присмотреть за ребенком.

Много изменений за годы Советской власти произошло в оформлении брака, иной стала роль женщины в семейной обрядности, утвердились новые принципы в воспитании детей, но это темы особого рассмотрения.

Таким образом, социально-экономические преобразования в стране и уравнивание женщины в правах с мужчиной создали прочную основу для изменения семейного положения алтайской крестьянки. Разрушены старые традиции, определяющие семейный быт сибирячки Алтая в прошлом. Участие женщины в общепольном труде, в политической и культурной жизни повысило ее авторитет в семье и оказало влияние на перестройку всех внутрисемейных отношений.

В. М. Кулемзин

МАТЕРИАЛЫ ПО ШАМАНСКОМУ КОСТЮМУ ХАНТОВ

В 1969—1972 гг. автор собирал этнографический материал среди хантов, расселенных в бассейнах притоков Оби — Васюгана и Ваха. Обе группы населения относятся к восточным хантам и говорят на одном наречии восточной ветви хантыйских диалектов¹. Традиционные виды их занятий — охота и рыболовство, а у ваховских хантов, кроме того, распространено и оленеводство. В настоящее время ханты, живущие по Васюгану и нижнему течению Ваха, почти полностью переняли образ жизни русских.

Но несмотря на это в памяти некоторой части населения еще живы прежние религиозные представления, а в отдельных семьях хранятся и предметы шаманского культа. Так, например, у васюганских хантов нам удалось приобрести некоторые детали костюма шамана Аф. Милимова, умершего в 1965 г. История приобретения этих вещей такова. Во время полевых работ летом 1969 г. местное хантыйское население рекомендовало нам посетить юрты Озерные, расположенные в глухой тайге, в сорока километрах от русла р. Васюган. Вещи хранились у старшего сына шамана Петра в деревянном окованном сундучке. Он сам вынимал и показывал их, остальные родственники, заметно взволнованные и испуганные, отказывались что-либо трогать. Первым обладателем этих вещей был «четвертый отец», т. е. прапрадед Петра. Очень неохотно и за довольно высокую цену сундучок с содержимым был нам продан². Вырученные деньги Петр считал принадлежащими мачехе. Он попросил также у нас немного мелких денег, которые намеревался положить на жертвенном месте Ими-пйя (Старушка мыс), расположенном на противоположном берегу озера.

Сведения о назначении приобретенных нами вещей были получены у родственников шамана, а также у пожилых хантов, проживающих в других населенных пунктах и прежде не видевших данных вещей. Интересно, что информаторы, не знавшие о принадлежности этих вещей шаману, дали им другую интерпретацию.

Изделие из шкурок выдры, горностая и соболя, украшенное бисером и бусами³, в Озерном называли шапкой (*ёл. мюль* — шаманская шапка). Особенность этой шапки в том, что она имеет слишком вытянутую форму (длина 45 см), края «тульи» сзади не смыкаются, а заканчиваются своеобразным «хвостом», ниспадающим на шею и далее на спину. Тулья сделана из спинки невыделанной шкурки выдры (ширина 12 см), середина которой приходится на лобную часть шапки. Хвост выдры свободно свисает с правой стороны шапки. Верх шапки — целая невыделанная шкурка горностая (ширина 8 см), голова зверька находится в лобной части шапки, лапки и хвост не отделены и также свободно свисают. «Хвост» шапки сшит из полосок соболиных шкурок в виде трапеции, ши-

¹ Н. И. Терешкин, Хантыйский язык, «Языки народов СССР», т. III — «Финно-угорские и самодийские языки», М., 1966, стр. 320.

² Хранится в Томском областном краеведческом музее (далее — ТОКМ), колл. № 3411/64—82.

³ Там же, колл. № 3411/65.

роким основанием он пришит к концам шкурок выдры и горностая. К нижнему краю тульи и хвоста пришита полоска ровдуги (ширина 2,5 см), украшенная бисером. Узор представляет собой две параллельные линии бисера, белого под гульей и темно-синего под «хвостом», между ними расположены зигзагообразные линии из бисера темно-синего, зеленого и вишневого цветов. К концу «хвоста» пришито восемь подвесок из крупных бус, нанизанных на кожаные бечевки, а внизу к ним прикреплены полые металлические шарики. Длина двух средних подвесок — 20 см, а остальных — по 16 см. В передней части шапки прикреплены овальные кусочки ткани с изображениями лиц, вышитыми белым, темно-голубым и зеленым бисером. На вышивке обозначены только овал лица, глаза и нос. Обращает на себя внимание вытянутая форма лица и непропорционально длинная нижняя его часть.

На голове шамана шапка закреплялась бисерными подвесками, которые связывались с подвесками воротника. Шапка была главной частью шаманского костюма, так как на ней вышивалась личина, символизовавшая главного духа — помощника шамана (ёл-юнг — шаманский дух). Его антропоморфное изображение, вырезанное из целого куска дерева и одетое в пальто из бурундучьих шкурок, шаман во время камлания устанавливал в углу помещения.

С нашей точки зрения, вещь, служившую шапкой шаману А. Милимову, нельзя считать шапкой в обычном понимании этого слова. Слишком велик ее размер, своеобразны покрой и форма. Предмет изготовлен из невыделанных шкур, что противоречит традициям васюганских хантов в изготовлении головных уборов. В этнографической литературе о хантах и других сибирских народах мы не находим аналогий этой шаманской шапке как среди культовых, так и среди обычных головных уборов. Интересно, что пожилые ханты, не знавшие, что эта вещь служила шаману А. Милимову шапкой, считали ее не головным убором, а культовым предметом, изображавшим хантыйскую долбленную лодку. Понять назначение этого предмета помогают данные фольклора васюганско-ваховских хантов. В бытующем у них цикле легенд об Альвали и Сэвсики есть сюжет, связанный с превращением Альвали в горностая. Иногда горноста́й является помощником Альвали, и они вместе на спине выдры переплывают море. При взгляде на вышеописанный предмет действительно создается впечатление лежащего на спине выдры горностая.

Очевидно, меховое изделие, служившее одному из васюганских шаманов шапкой, лишь впоследствии стало частью шаманского костюма, а прежде имело иное культовое назначение.

Рис. 1. Элементы костюма шамана (васюганские ханты)

В сундучке хранились также невыделанная шкурка бобра без хвоста и лап (длина 78 см, ширина 14 см)⁴, с семью пришитыми к ней подвесками (длина 17 см) из разноцветного бисера, по три подвески по бокам и одна — в хвостовой части. В глазных отверстиях закреплены небольшие подвески из жильных ниток с металлическими шариками на концах. Шкурка на подкладке из девяти прямоугольных разноцветных лоскутков хлопчатобумажной ткани.

Миллимовы назвали предмет шаманским воротником (*ёлта-рокк*). Лица, не знавшие, что предмет служил шаману воротником, считали, что он имел какое-то иное культовое назначение. Девять разноцветных лоскутков ткани на подкладке символизировали тех промысловых зверей, которых добывали васюганские ханты. Бурый цвет символизировал соболя, черный — черно-бурю лисицу, синий — ту же лисицу в период линьки, бледно-синий — белку, красный — лисицу-огневку, желтый — бурундука. Значение бледно-розового цвета установить не удалось. Бобр, из шкуры которого изготовлен верх, считался у хантов Васюгана священным животным. Интересно, что на подкладке отсутствуют цвета бобра и других священных животных — выдры и горностая.

По нашему мнению, данное изделие не изготовлялось в качестве шаманского воротника, а было позже приспособлено для этой цели. Подобные изделия были известны казымским хантам, у которых они употреблялись в качестве жертвенных покрывал⁵. Возможно, что описанный нами воротник васюганского шамана прежде являлся жертвенным покрывалом. Сходная техника символического изображения священных животных, например, змеи была характерна для ваховских хантов⁶.

В сундучке хранился также нагрудник⁷ (*парры-нюр*), или праздничная повязка, лента, — полоса из сложенной вдвое светлой хлопчатобумажной ткани (ширина 7 см), концы которой на груди соединяются поперечиной такой же ткани (ширина 9 см).

Нагрудник, длина которого 51 см, богато украшен бисером, медными бляшками и подвесками. Украшения из бисера проходят широкой полосой (4 см) по середине и внешнему краю нагрудника. Перекрещивающиеся линии белого и янтарного бисера создают полосу из ромбовидных фигур, окаймленную с обеих сторон полосами зеленого бисера. Внутренняя кромка нагрудника отделана хлопчатобумажной лентой с металлическими бляшками. На верхней кромке поперечины, соединяющей концы нагрудника, вышиты бисером ромбовидные фигурки, подобные вышеописанным, на нижней пришит ряд металлических пуговиц, ушки которых продеты сквозь отверстия в нагруднике. К нижнему краю нагрудника пришиты металлические шарики с ушками.

По устным свидетельствам васюганских хантов, подобные нагрудники прежде являлись женским украшением. Были известны и мужские нагрудники такого рода, но в отличие от женских, они обшивались по всему периметру лапками горностая⁸. Аналогичные нагрудные украшения отмечены и у сургутских хантов⁹. Видимо, описываемое нами нагрудное украшение шамана васюганских хантов прежде являлось деталью бытовой одежды, а позднее вошло в общий комплект шаманского облачения.

Следующий элемент шаманского костюма¹⁰ — повязка для волос (*охо-нюр*), или накосное украшение (*сив-сёх*), представляет собой сло-

⁴ ТОКМ, колл. № 3411/66.

⁵ Н. Ф. Прыткова, Жертвенное покрывало казымских хантов, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее — СМАЭ), т. XI, М.—Л., 1949, стр. 376.

⁶ «Материалы этнографической экспедиции Томского государственного университета» (далее — МЭЭ ТГУ), Томск, 1969.

⁷ ТОКМ, колл. № 3411/74.

⁸ МЭЭ ТГУ, 1969—1971.

⁹ Н. Ф. Прыткова, Одежда хантов, СМАЭ, т. XV, М.—Л., 1953, стр. 208; J. Kodolányi, Az obi-ugor női ruházat, «Ethnographia», LXXVIII, Budapest, 1967, кеп. 35.

¹⁰ ТОКМ, колл. № 3411/75.

женную вдвое полосу хлопчатобумажной ткани с нашитыми на нее тремя рядами металлических бляшек-пуговиц. Длина повязки 27 м, ширина 9 см. К нижнему краю ее пришиты одиннадцать металлических шариков-подвесок. С помощью этой повязки шаман перед камланием стягивал на затылке волосы. По другим данным, этот предмет являлся украшением женской бытовой одежды; его пришивали спереди (по вертикали) в верхней части кафтанов и шуб¹¹.

Кроме некоторых деталей шаманской одежды, в сундучке находилось деревянное антропоморфное изображение главного духа шамана в одежде из шкурок бурундука, несколько зооморфных фигурок из свинца, хлопчатобумажный платок, с подвесками по углам, матерчатый игольник и шкурка белки. Имелся будто бы еще кафтан, но точных сведений о нем нам никто сообщить не мог. Вместе с вышеперечисленными вещами мы приобрели бубен и струнный музыкальный инструмент. Анализ данных вещей требует специального рассмотрения и в задачу нашего сообщения не входит.

Приведенное нами описание предметов и полученная о них информация позволяют предположить, что некоторые из них (нагрудник, повязка для волос) были изготовлены не как атрибуты шаманского костюма, а являлись элементами бытовой одежды. Шапка и воротник, видимо, изначально использовались как культовые предметы и лишь впоследствии стали служить в качестве отдельных частей костюма шамана.

Во время полевой работы 1970 г. в пос. Корлики на р. Вах мы приобрели для музея у вдовы и сына шамана Гр. Хохлянкина его шапку (елта-мюль)¹². Вещь эта, как и в предыдущем случае, хранилась в сундучке¹³. Подкладка и верх шапки изготовлены из грубой хлопчатобумажной ткани темно-бурого цвета. По форме она напоминает венец с очень высоким околышем, к верху которого пришиты две перекрещивающиеся полосы ткани. Нижняя кромка шапки обшита полоской тонкой ткани темно-серого цвета, к которой пришита полоска невыделанной шкурки выдры шириной 3 см. Верх шапки расшит белым и синим бисером, перекрещивающиеся линии вышивки создают узор из четырехугольников. На лобной части шапки пришит кусочек ткани (2 × 2 см), под которым хранился, видимо, какой-то предмет. Сзади к внутренней стороне

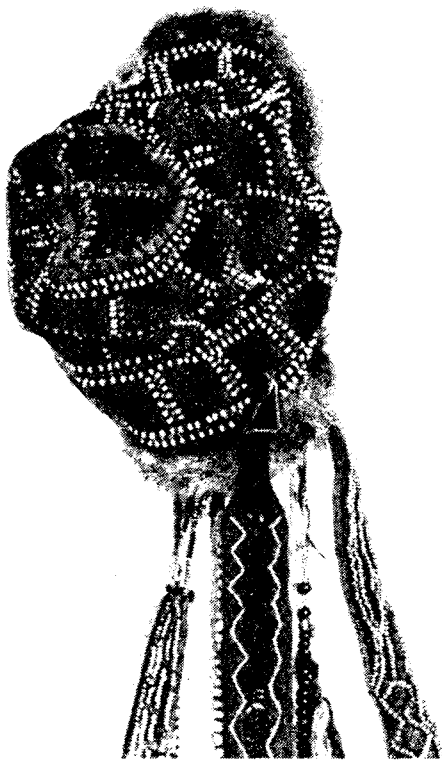

Рис. 2. Шаманская шапка (ваховские ханты)

¹¹ МЭЭ ТГУ, 1969—1971.

¹² Хранится в Музее археологии и этнографии Сибири (далее — МАЭС) Томского университета, колл. № 7082.

¹³ Там же, колл. № 7082—7090.

кромки пришиты подвески, сейчас их восемь, но судя по остаткам ниток, когда-то было двадцать. Владелец вещи объяснил нам, что часть бисера и бус пошла на украшение бытовой одежды. Первая подвеска (длиной 30 см) — это жильная нить, с бисером черного, желтого и красного цветов, заканчивающаяся крупной синей бусиной. Вторая подвеска — две жильные нити (длиной 6 см) с бисером кирпичного цвета, к которым пришита расширяющаяся книзу матерчатая лента длиной 63 см. На ее внешней кромке нашито по два ряда бисера кирпичного цвета. В верхней части ленты нашиты два ряда бисера такого же цвета, затем идет волнистая линия, а потом уже треугольники, в которые вписаны прямые кресты из белого и сиреневого бисера. Внизу к углам ленты пришиты по две низки бисера (длина 7 см) кирпичного и черного цветов, заканчивающиеся кисточками из темно-красного сукна. Третья подвеска (длина 76 см) изготовлена из кожаного ремешка с нанизанными на него бусами белого и голубого цветов. Четвертая аналогичная третьей, но длиннее ее на 20 см и заканчивается внизу тремя нитями таких же бус с медными кольцами на концах. Пятая подвеска имеет очертания змеи. Она изготовлена из черной хлопчатобумажной ткани и, в отличие от остальных подвесок, пришита к внешней кромке шапки. На голове змеи белыми нитками вышит треугольник, такими же нитками вышиты волнистые линии по краям подвески. Шестая подвеска (длина 105 см) представляет собой низку крупных черных бус с раздвоением на конце. Седьмая изготовлена из черной хлопчатобумажной ткани с подкладкой из тонкой ткани синего цвета. Подвеска, расширяется книзу, раздваивается, на каждом углу пришито по две нити бисера кирпичного цвета, заканчивающиеся кистями из ткани черного цвета и красных шерстяных нитей. Основная часть подвески расшита бисером кирпичного цвета. Подвеску дополняет лента, по внешней кромке которой проходят два ряда бисера. В ее верхней части вышит бисером продольный ряд, переходящий затем в три ромба, а с середины ленты — в расходящиеся два ряда треугольников. В нижней части ленты вышито изображение ящерицы.

Аналогичная шапка была нами зафиксирована зимой 1972 г. в том же пос. Корлики у родственников другого шамана — Могульчина. Такую же шапку обнаружил у ваховских хантов еще в 1926 г. М. Б. Шатилов¹⁴. Эти шапки принадлежали шаманам группы *ёлта-ку*, камлавшим с бубном. Подобные шапки являлись единственным и обязательным атрибутом исполнителей былин *арыхта-ку*, сопровождавших пение игрой на струнном музыкальном инструменте. Следует отметить, что это было характерно не только для ваховских, но и для васюганских и александровских хантов. Шапки подобной формы (напоминающие венец), но без подвесок, встречались в прошлом в качестве бытовых головных уборов у северных хантов¹⁵. По сообщениям информаторов, шаманам группы *ёлта-ку* носили длинную рубаху, халат, рукавицы, но главным атрибутом костюма шамана считалась шапка.

Итак, полученные нами материалы по шаманскому костюму позволяют, на наш взгляд, говорить о двух типах вещей: одни были включены в костюм шамана в своем первоначальном виде и не приобрели черт, специфических для шаманской одежды (шапка, воротник, нагрудник с р. Васюган), другие (шапка в виде венца с р. Вах), имея аналогии в бытовой одежде, обладали и рядом специфических для шаманской одежды признаков. Это наводит на мысль о одновременности формирования отдельных элементов шаманского костюма у хантов. Некоторые из них стали составной частью костюма шамана сравнительно недавно — на памяти двух-трех поколений, другие прошли, видимо, более длительный путь развития.

¹⁴ М. Б. Шатилов, Ваховские остяки, «Труды Томского краевого музея», т. IV, Томск, 1931, стр. 123, 124.

¹⁵ Н. Ф. Прыткова, Одежда хантов, рис. 110.

Д. Лувсандордж

РУССКАЯ ФАМИЛИЯ ТИБЕТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди русских фамилий имеется довольно значительный слой фамилий с тюркскими лексическими основами, такие, как: Тургенев (тюркомонгольск. «быстрый»), Гоголь (тюркск. «зеленоватый, синеватый»), Шульгин (тюркск. «левша»), Ушаков (тюркск. «малорослый»), Шалимов (тюркск. «сильный, крепкий») и т. д.¹

В числе таких фамилий упоминается и интересная фамилия Дондуков, которая по мнению некоторых исследователей, происходит либо от слова монгольского происхождения — *dupdaxu* («средний»), либо от киргизского слова — *dündüü* < *dündük* («грозный, внушающий страх») ².

Однако изучение истории родов калмыцких ханов и филологический анализ фамилии Дондуков позволяет говорить о ее тибетском происхождении. В одной из рукописных историй калмыцких ханов говорится, что первым калмыцким ханом в период, когда калмыки уже вошли в состав Российской державы, был хан Аюка. Его наследниками были Церен-Дондук, сын Аюки, Дондук-Омбу, старший сын Гонджаба — сына Аюки (внук Аюки) и отец вышеупомянутого Ионы Дондукова, принявшего крещение и ставшего князем при императрице Елизавете Петровне ³.

Вместе с буддизмом, проникшим из Тибета в Монголию, монголы и калмыки воспринимали санскритские и тибетские имена легендарных или реальных лиц Древней Индии и Тибета: будд, бодхисатв, архатов, апостолов, учеников будд; разные религиозные термины и священные слова в учениях и догмах буддизма и ламаизма также превращались в имена. Таким же путем у русских появились имена и фамилии, связанные с христианской религией: Александр, Мария, Анна, Наталья, Петр, Павел, Анастасия, Попов, Виноградов и т. п.

И в настоящее время большинство монголов носят имена тибетского и санскритского происхождения. В состав таких имен входит слово Дондук: Дондук-Даши, Дондук-Дулма, Дондук-Дорджи, Эрдэни-Дондук, Церен-Дондук, Дондукма и т. д.

Что означает слово «Дондук»? Существует еще одна рукописная история калмыцких ханов ⁴, где их имена написаны несколько иначе: *Sergen-Dongrub*, *Donrub vang-bu*, *Donrub-Raši*. Чем же объясняется такая разница? Дело в том, что по тибетски слово «Дондук» пишется *Don-grub*. Оно представляет собой тибетскую кальку «сарваа ртхасиддха», раннего санскритского имени Будды-Шакьямуни, которое дал ему его отец. Имя

¹ Н. А. Баскаков, Русские фамилии тюркского происхождения, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 14—27.

² Там же.

³ «История калмыцких ханов». Рукопись (на старокалмыцком языке) хранится в библиотеке восточного факультета ЛГУ, шифр А-18.

⁴ «История Габан Шараба». Рукопись (на старокалмыцком языке) хранится в Ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР, шифр Е-66.

Дан-grub означает grub (тиб.) $\approx$ сиддха (санскр.) — «осуществивший» или «творивший»; tams-cad (тиб.) $\approx$ сарваа (санскр.) — «все»; Don (тиб.) $\approx$ ртха (санскр.) — «польза», «благо» (желание). В тибетском сокращении имя Don-grub распространено в Тибете, Сиккиме, в том числе среди монголов. В русском переводе это означает «творец всех благ».

Сочетание букв gr в тибетских словах читается по правилу ургинского произношения лам (Центральной Монголии) как d, а по правилу ламаин-гегеновского произношения лам (Западной Монголии) — как г⁵. Поэтому тибетское слово Don-grub читается монголами в двух вариантах: Don-grub и Don-dub. Тибетское имя Graši также читается либо как Raši, либо как Daši. Поэтому автор первой истории калмыцких ханов употребляет имя Donrub Raši, а автор второй — согласно устному произношению — Donduk Daši.

Возникает вопрос: почему конечная буква b в слове Don-grub превратилась в k? Кроме вышеупомянутого имени Don-grub у монголов существует еще тибетское имя Donduk ~ Dondok. Такие тибетские имена, как Don-rtogs (букв. «познавший смысл») или Stoñ-rtogs («познавший относительность ~ пустоту»), в монгольском произношении будут Дондук ~ Дондок.

Поэтому можно говорить о том, что имя Dondub в разговорной речи произносится как Дондук по аналогии с произношением имени Дондук ~ Дондок. С другой стороны, в калмыцко-монгольском языке глухие звуки b и k чередуются перед глухими согласными или в конце слогов. Например: debter — dekter («тетрадь, книга»); doktor — dobtor («врач»); Dondob — Dondok («имя») и т. п.

Таким образом, вполне вероятно предположение, что русская фамилия Дондукова происходит от калмыцкого имени Дондук, которое, в свою очередь, восходит к тибетскому имени Don-grub, представляющему собой буквальный перевод санскритского «сарваа ртхасиддха» — имени Будды Шакьямуни.

⁵ Т. Пагба, Тевд усгээр угчилсэн монгол ном зохиол, «Studia Mongolica», Tomus I, Fasciculus 25, Улаанбаатар, 1959, стр. 16.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Э. В. Померанцева

ХУДОЖНИК И КОЛДУН

«Картины его можно назвать перлами народного творчества по характерному и чисто русскому мирозерцанию»¹, — так высоко оценил творчество художника В. М. Максимова строгий и взыскательный судья И. Е. Репин. Особенно широкий отклик у современников получила знаменитая впоследствии картина В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875). Сохранились восторженные отзывы о ней И. Е. Репина, И. Н. Крамского, В. В. Стасова. Последний считал, что это произведение — «лучшее, важнейшее и значительнейшее» из всего, что создал В. М. Максимов. «Какая глубокая, — писал он, — какая талантливая картина деревенской веры и того обихода мысленного, чем поколения века живут у себя по далеким деревням»².

Обращение В. М. Максимова к теме колдовства не случайно — его всегда интересовали наиболее острые, животрепещущие темы народной жизни.

Во второй половине XIX в. колдун — значительная фигура в жизни деревни, вызывавшая уважение и страх. Недаром в те годы были широко распространены устные рассказы о колдунах, о страшных и таинственных случаях колдовства. Об этом особенно ярко свидетельствуют сообщения корреспондентов Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Так, например, один из корреспондентов сообщает, что в Новгородской губернии о колдунах «в народе сохранилось немало рассказов»³, другой пишет из Псковской губернии: «Наша местность изобилует колдунами и знахарями»⁴. «Крестьяне, — продолжает он, — до сих пор не могут без ужаса вспоминать про колдунов и ведьм, и стоит только начать говорить о них, как посыпятся разного рода факты и рассказы о их проказах»⁵.

О повсеместной распространенности веры в колдунов сообщает и корреспондент из Смоленской губернии: «Вера в то, что сейчас есть колдуны, у крестьян непоколебима. Колдуны знают только с нечистой силой, а потому и действия некоторых из них исключительно направлены на зло людям»⁶.

Аналогичные высказывания поступали в Бюро в конце XIX в. из всех остальных среднерусских губерний.

¹ И. Е. Репин, *Далекое близкое*, М., 1953, стр. 375.

² В. В. Стасов, *Двадцать пять лет русского искусства*, Собр. соч., т. II, 1952, стр. 469.

³ Архив Государственного музея народов СССР, фонд В. Н. Тенишева (далее — ГМЭ, ф. Тенишева), Новгородская губ., корр. Е. И. Иванов, разд. Ж., п. 241, л. 12.

⁴ Там же, Псковская губ., корр. П. Куницын, разд. Ж., п. 206, л. 1.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же, Смоленская губ., корр. И. Гринев, разд. Ж., п. 240, л. 4—5.

Рис. 1. В. М. Васнецов. Портрет художника В. М. Максимова (1874 г.)

По тогдашним представлениям крестьян, колдун связан с тайными темными силами, он запродавал свою душу дьяволу, у него в подчинении бесы, он насыляет горе, болезнь, порчу, мор, стихийные бедствия.

Рассказы о колдунах вращаются вокруг нескольких основных тем, варьирующих в зависимости от времени, среды, местной традиции, индивидуальных особенностей рассказчика. Одним из наиболее распространенных был цикл быличек и бывальщин об участии колдуна в свадебной игре, чаще всего о его зловредном вмешательстве в свадебную церемонию с целью испортить молодых, насолить их родственникам за недостаточное к нему уважение.

Особенно широко были распространены былички о превращении колдуном свадебного поезда в волков. В них гнев и злостные происки колдуна чаще всего объясняются тем, что его обошли — не пригласили на свадьбу или предпочли ему другого колдуна. Так, в одном рассказе колдун, которого солдат не позвал на свадьбу, превратил весь поезд в волков⁷. В другом — колдун-мельник якобы превратил весь свадебный поезд

⁷ «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3, стр. 119—120; см. также С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 117.

в волков за то, что молодые, проезжая мимо мельницы, не поклонились ему⁸.

Распространенность в конце XIX в. веры в колдовство и популярность рассказов о колдунах имел в виду однофамилец художника, писатель-этнограф С. В. Максимов, когда, отмечая, что уже стала смолкать на устах присяжных сказочников сказка-складка, писал: «Но колдун-чародей все еще не забыт и все еще властен и крепок, несмотря на свое почтенное долголетие»⁹.

Все это говорит о том, что обращение художника в 70-х годах к теме колдовства, роли колдуна в народной жизни далеко не случайно. Недаром, почти через 100 лет вспомнил о картине «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» С. А. Токарев в своей книге о религиозных верованиях восточных славян: «Художнику В. М. Максиму удалось чрезвычайно выразительно и метко передать те смешанные чувства суеверного страха, тревоги перед лицом некоей нездешней силы, но вместе с тем и почтения, которое вызывает у всех личность старого колдуна, неожиданно появившегося среди свадебного веселья и грозящего бедой за нарушение обычая — забыли его пригласить»¹⁰.

Биографы В. М. Максимова и исследователи его творчества неоднократно отмечали, что в картине «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» все лица были портретными изображениями крестьян. В одном из своих писем сам художник писал, что поиски натурщиков для двух отцов и колдуна — задача немаловажная¹¹.

А. Леонов, автор большой монографии о творчестве Максимова, говоря об этом, замечает: «Вероятно, сам художник мог бы рассказать о каждом из своих героев всю историю его жизни, обрисовать его характер и поступки»¹². На основании писем В. М. Максимова и воспоминаний писательницы М. В. Алтаевой исследователь устанавливает, что отец невесты — крестьянин Степан Лисин, отец жениха — Лобазин, для позы позировал охотник Крячок. В отношении других персонажей А. Леонов считает, что «Крестьяне, наверное, знали каждое изображенное лицо по имени, отчеству и фамилии», но «теперь это восстановить невозможно»¹³. Однако материалы, сохранившиеся в архиве Этнографического бюро В. Н. Тенишева, дают возможность установить прототип центрального образа картины — колдуна.

Среди материалов, поступивших в бюро в ответ на анкету в 1898 и 1899 гг. из С.-Петербургской губернии, имеются обширные записи В. М. Максимова, касающиеся Ново-Ладожского района, в котором он, как известно, провел много лет. Это пословицы и отдельные выражения крестьян, сведения о рыболовстве, о быте рыбаков и их обычаях, о заключении браков, об обрядах, связанных с рождением и крещением детей, о местных условиях жизни крестьян, о «природных» их свойствах.

Во всех этих записях В. М. Максимов выступает не только как внимательный этнограф, фиксирующий все детали быта, как человек, понимающий бедственное положение крестьян, но и как фольклорист, учитывающий значение фольклора в качестве этнографического источника. Так, сообщая сведения о рыболовстве, он приводит предание о том, как Петр I разводил на Ладоге осетров. Говоря о рождении и воспитании детей, сообщает тексты колыбельных песен. Излагая обычаи, связанные с заключением брака, он подробно описывает свадебную игру и приводит тексты свадебных песен и плачей. Среди этих записей многие имеют са-

⁸ «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 40.

⁹ С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 109.

¹⁰ С. А. Токарев, Религиозные верования восточно-славянских народов XIX—начала XX века, М., 1957, стр. 111.

¹¹ А. Леонов, Василий Максимович Максимов, М., 1961, стр. 180.

¹² А. Леонов, Указ. раб., стр. 182.

¹³ Там же.

мостоятельное значение, как, например, большой поэтический плач подруги невесты, которым она приглашает ее в баню. В этом плаче отражены локальные черты: в нем говорится о том, что пареньку баню топили «тремя дровами да разными, первым дровам березовым, и березою то не дешеню, а березой белозерскою, другим дровам дубовым, что третью дровам кленовым, кленовыми Новгородскими»¹⁴. Воду для бани носили с трех колодцев. Третья вода с Волхова, греют эту Волховскую воду заветными камушками, «что с горы в гору катаются, жемчугом да рассыпаются». За невестой чуж-чуженина посылают в город Нову Ладугу, и т. д.

Здесь же приводится и текст крайне редкой песни молодницы, которую она поет своим подругам через одну-две недели после венца, рассказывая о своей жизни замужней¹⁵.

Описание свадьбы во многом перекликается с картиной Максимова. В частности, он не забывает отметить, что «во многих местностях в это время является колдун за наградой, его встречают с хлебом-солью, одаряют деньгами и уже спокойны за молодых, что не „испортит их колдун“»¹⁶.

В Максимове — бытописателе все время живо внимание к народному слову: он приводит, иллюстрируя те или другие этнографические сведения, живые рассказы крестьян, местные выражения, поговорки, названия. Благодаря этому сухие сведения приобретают плоть и кровь.

Художник умеет подметить самые характерные особенности в облике человека: «чудесные белые зубы», или «умный, плутовато-заискивающий взгляд»¹⁷.

В. М. Максимов, очевидно, не случайно оказался в числе корреспондентов Тенишева. Возможно, какую-то роль оказало и желание подработать, ибо художник всю свою жизнь прожил в крайней нужде и даже те гроши, которые платил Тенишев (за 48 150 букв Максимов получил 41 р. 30 коп.), могли иметь для него значение. Существеннее то, что ему всегда был свойственен интерес к народной жизни, к быту, к обычаям и обрядам. Об этом убедительно свидетельствуют его письма к жене (в архиве Русского музея их 142)¹⁸, особенно письмо от 15 ноября 1874 г., в котором он на 34 страничках подробно описывает свадьбу одного из своих родственников, фиксирует шаг за шагом все моменты обряда, поведение участников игры, приводит тексты песен. Письмо это интересно и тем, что оно раскрывает кредо Максимова как художника. «Чуть не в первый раз,— пишет он,— я осязательно, если можно так выразиться, понял, что народ наш не утратил эпической простоты минувших времен, которая, хотя редко, но проявляется чистой поэзией, полной житейской мудрости, высказывающейся образно»¹⁹.

Описывая свадьбу, говоря о ней как о картине народной жизни, оценивая ее как русскую поэзию, Максимов беспощадно клеймит современное ему «ученое искусство» и художественную критику. «И что мы за дрянь художники, — пишет он, — когда у нас нет сил со всем нашим ученьем произвести такое потрясающее впечатление, а тут люди простые достигают цели»²⁰. С болью душевной он пишет о том, что ни среди художников, ни среди критиков нет человека, «который во всем объеме понял бы русскую жизнь»²¹.

¹⁴ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, С.-Петербургская губерния, раздел Ж., л. 19.

¹⁵ Там же, л. 27.

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ Там же, разд. А, п. I, л. 1.

¹⁸ Архив Русского музея, ф. 18, ед. хр. 5.

¹⁹ Там же, л. 3—4.

²⁰ Там же, л. 4—5.

²¹ Там же, л. 5.

Рис. 2. Фрагмент картины В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» — колдун

Свадьбу эту Максимов описывает не только как внимательный этнограф, как тонко чувствующий народную поэзию фольклорист, но именно как художник: «Я весь обратился во внимание, — пишет он по поводу одного из эпизодов свадебного застолья (разрезания яичницы), — и наблюдал мельчайшие подробности. Сил не хватит передать одной живописью эту сцену, а она заслуживает быть написанной сильным мастером и знатоком народной жизни»²².

Именно таким мастером и знатоком народной жизни была написана картина «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», опиравшаяся, как

²² Архив ГМЭ, ф. Тенишева, С.-Петербургская губерния, раздел Ж., л. 108 (об.).

Рис. 3. В. М. Максимов «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875)

и многие другие картины Максимова на живые этнографические наблюдения.

Из числа богатых и разнообразных материалов, присланных В. М. Максимовым в этнографическое бюро, особого внимания заслуживает «Рассказ Григория Семенова Шабары, крестьянина Новоладожского уезда, Исадской волости, деревни Чернецкой, о том, как он сделался знающим человеком (попросту колдуном)»²³. Рассказ этот очень откровенный и подробный (объем в 24 страницы машинописи), — факт сам по себе крайне интересный, можно сказать, уникальный. Значение его усугубляется тем, что сопоставление его с картиной «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» раскрывает творческий метод художника.

Г. С. Шабара подробно рассказывает о своей матери-знахарке, которую побаивались в округе, о ее устрашающей внешности и трудной смерти (как, по поверьям, и полагается колдунам). Описывает таинственный пожар, случившийся сразу после этой смерти, когда, как свеча, одна во всей деревне горела его изба, о находке на пожарище горшка с кладом. Повествует Шабара о своей жизни в рабочих в Петрозаводске и благосклонности к нему хозяев, в частности, молодой хозяйки. Особенно детально он описывает все, что связано с жившим там знахарем, рассказывает о «чудесных делах» последнего, о лечении больного хозяина в бане душистым снадобьем. Он приводит малейшие подробности: так, например, готовя снадобье знахарь приговаривает: «Брысь, цыц, ур, кык, небо, солнце, земля, вода». Когда запели петухи, знахарь «бросил на каменку наотмашь какой-то черепок и закричал: «Грызи!», а сам неистово «зареготал». Солому из-под хозяина он сжег, приговаривая: «Огонь, огонь, сожги Иванову боль, разнесите ветры Иванову боль по лесам, по болотам, по глубоким озерам, лютые звери, возьмите себе Иванову боль»²⁴. Этот знахарь и научил всему Шабару, решившего вернуться домой и заняться знахарством. «Чем ближе подъезжал я к до-

²³ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., п. 205, л. 1—24.

²⁴ Там же, л. 14.

Рис. 4. Фрагмент картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу»

му, — говорил он Максиму, — тем больше прибавлялось во мне этой силы, чувствовал я, что становлюсь знающим человеком»²⁵.

Шабара подробно рассказывает о своей последующей деятельности на родине в качестве признанного колдуна, о ряде связанных с этим эпизодов (наслал болезнь на не в меру любопытного соседа, отыскал украденную цыганом лошадь, испортил жениха, посрамил старуху-знахарку и т. д.), о том как медведь испугался его свиста, о том, что ему покорны змеи, как он чуть было не пострадал во время холеры, так как крестьяне заподозрили, что это он напустил порчу. Говоря о том, как росла его слава, Шабара отмечал: «Чтоб войти в силу, надо жить по-особенному, не как все мужики, при случае уметь себя показать»²⁶. Он явно гордился своим умением, мастерством, умом, силой. «С той поры, как я навик мирить и ссорить, умные и глупые сделались мне покорны»²⁷.

Существенно для понимания картины Максимова замечание Шабары, буквально перекликающееся с описанием свадьбы, данным Максимовым: «Зимой в свадебное время привольно, бывало, жилось, знай похаживай на пироги, а угождают больше, чем попу, самолучшего подарка не жалеют и жениховы и невестины родители, коли хотят добра своим детям»²⁸. Для истории создания картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» особенно характерен в рассказе колдуна эпизод, как он непрошено явился на свадьбу.

«Собрался я на эту свадьбу пешком верст за пять от нашей деревни. Одел полушубок, за кушак заткнул двенадцать лык, малахай на голову, батог с багорком в руку и, не глядя на снежную занось, отправился. Молодые, приехав от венца, только что успели встать за стол, а гости собрались поздравлять — я и мах в избу. У порога расступились в стороны все глазители. „Не звали, не ждали, — говорю, — гостя, а Шабара и незванный на пир пришел“. Я сразу увидел — на полу очерчен круг

²⁵ Там же, л. 15.

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Там же, л. 21.

²⁸ Там же, л. 21.

против меня: перепугались поезжане, поп и тот струсил. Жениховы отец и мать поднесли мне почтенные подарки: на шитом полотенце хлеб-соль, шейный платок, а сверх всего рублевка. Не стал я их в сумленье дер-жать, поздравил и собрался домой»²⁹.

И в этом эпизоде, как и во всем рассказе Шабары, звучит самолюбо-вание и похвальба своей силой и славой: «Ведь всего не переслуша-ешь, что люди обо мне говорят, а самому и не вспомнить, что случилось со мной».

Говоря о том, как он передал свои знания односельчанину, бросил свое ремесло, поддавшись уговорам детей, да и потому, что «времена не те стали; уже очень много начальства разного развелось, всего опасай-ся», он признался, что «все-таки по привычке тянет к вольной жизни», и хвастливо заявляет: «Не бывать никому таким, как я, Шабара, знаю-щим человеком»³⁰.

Кроме рассказа самого колдуна, Максимов приводит многочислен-ные рассказы о нем крестьян—в деревне «старый и малый знал о Шабаре». Познакомился с ним Максимов в начале 70-х годов, а раньше знал его только понаслышке.

Очевидно, именно в 70-х годах и были сделаны записи от колдуна, впоследствии оформленные в материалах, присланных в Этнографиче-ское бюро в 1899 г. В пользу этого предположения говорят следующие слова Максимова: «Вообще я заметил, что, с тех пор как побывал он у меня в деревне Чернавино, увидел картину „Приход колдуна на свадь-бу“, которую я тогда оканчивал, уважение его ко мне возросло, он по-нял, что в картине изображен случай, им же рассказанный»³¹.

Подробно описывает Максимов первую встречу с Г. С. Шабарой. Подвез он как-то случайного спутника. Когда тот распростился с ним, ямщик сказал: «Ведь это Григорий Семенович Шабара, он страшный колдун; вы заметили, что кони зачихали, пошли тихо, когда он сел в та-рантас?»³². Максимов дает словесный портрет колдуна, такой вырази-тельный, что воочию видишь его перед собой: «Между тем вид этого, по мнению Захара, страшного колдуна не имел ничего устрашающего. Ро-ста он был немного выше среднего, сложения крепкого, движения его не торопливы, свободны. Умная, ясная речь с чувством собственного досто-инства вполне отвечала его внешности. На вид ему можно было дать около пятидесяти лет. Одет он был по-старому, по-русски, в долгополую синего сукна сибирку, подбитую клетчатой байкой, ситцевую рубаху и шаровары из так называемой чертовой кожи; на голове старинного фа-сона череповецкая линючая шляпа; обут он в выворотные, сильно сма-занные дегтем сапоги. Лицом он показался мне почти красив. Высокий лоб, глубоко сидящие темно-серые пронизательные глаза, темные брови, прямой с едва заметной горбинкой нос и подвижной рот с резко очер-ченными, полными губами; густые русые кудреватые волосы на голове и борода дополняли тип хитроумного ладожанина. Ироническая, сдер-жанная улыбка не сходила с его лица. Чувствовалось, что этот человек не скажет необдуманного слова, что он насквозь видит человека с пер-вой встречи»³³.

Описывает Максимов и избушку колдуна, все убранство которой на-правлено на то, чтобы поддерживать его таинственную славу, внушить страх, покорить его сильной воле:

«Необычайно было убранство в избушке Григория Семеновича. В пе-реднем углу рядом с крохотным медным образом висел лошадиный че-реп, над ним чучело гадюки с открытой пастью, дрянно сделанные чучела совы, ворона, дятла и других пернатых, вперемежку с пучками трав и

²⁹ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., п. 205, л. 22.

³⁰ Там же, л. 23.

³¹ Там же, л. 29.

³² Там же, л. 25.

³³ Там же, л. 25—26.

цветов красовались на стенах. Черепá собак, кошек, разные кости лежали на лавках. Небольшая русская печь сплошь завешена кореньями и травами, а около трубы человеческий череп с двумя берцовыми костями»³⁴.

Максимов подчеркивает свою близость с колдуном, откровенность последнего. «Григорий, — пишет он, — не стесняясь посвящал меня в тайны своего занятия»³⁵.

В своем сообщении Максимов отмечает, что вера в могущество Шабары была велика «не только между крестьянами, но и в городе купечество часто обращалось к нему»³⁶. Умер знаменитый колдун, очевидно, в 1897 г.³⁷

Во всех собранных Максимовым материалах мы видим стремление как можно более точно воспроизвести сведения, полученные им от опрошенных им информаторов, желание сохранить особенности их языка, манеру рассказа. Все же записи эти, очевидно, сделанные в большинстве своем по памяти, несколько «олитературены» художником, обладавшим, судя по его письмам и дневникам, несомненным писательским даром.

Этнографические материалы, собранные Максимовым, существенно дополняют наши сведения о его работе над самой выдающейся его картиной. Когда смотришь на картину, то видишь, что в ней сохранены все детали рассказа колдуна: и полушубок, и малахай, и лыко за поясом, и бато́г в руках, видно, что шел колдун на эту свадьбу зимой в снежную метель, что изображен на ней именно тот момент, о котором рассказывал Шабара. Виден испуг поезжан, родителей молодых, даже попа. Изображены подарки, которые ему поднесли, изображен даже очерченный круг на полу. А главное, вся картина проникнута суеверным ужасом, страхом, вызванным появлением таинственного колдуна. Все испуганы, каждый — старики, молодые, поп, по-своему. Все они жертвы темноты, предрассудков, суеверий.

Материалы Этнографического бюро во многом раскрывают творческий метод Максимова, подлинную народность его искусства, глубокое проникновение художника в народную жизнь. Недаром его единомышленник и собрат по искусству И. Крамской растроганно сказал об этой знаменитой картине Максимова: «Да, да, сам народ написал свою картину»³⁸.

Глядя на картину Максимова, невольно вспоминаешь строки из его письма к жене о том, что художник должен раскрыть внутренний мир народа, «высказываемый живой речью, находящейся в тесной связи с жестикующей, позой и расположением групп целой картины. Просто сказать, — пишет он, — живописцу надо знать, что в известный момент думает и говорит каждый из изображаемых им в картине людей, тогда его произведение будет иметь смысл»³⁹.

Фольклорные записи и этнографические материалы Максимова — это несомненный вклад в этнографию и фольклористику, богатый комментарий к его картинам и в известной мере ключ к творческим устремлениям художника. Они дают представление о его увлеченности работой по познанию народа, о стремлении воплотить эти знания в искусстве.

Выстраданное убеждение звучит в словах Максимова, не потерявших своего значения и для нашего времени: «Картины можно писать сердцем, но не холодным умом — старая истина, которую часто забывают»⁴⁰.

³⁴ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., п. 205, л. 28.

³⁵ Там же, л. 29.

³⁶ Там же, л. 28.

³⁷ В феврале 1899 г. Максимов пишет: «Он помер два года тому назад»; там же, л. 21.

³⁸ И. Е. Репин, Указ. раб., стр. 374.

³⁹ Архив Русского музея, ф. 18, ед. хр. 5, л. 5.

⁴⁰ Там же.

Ю. М. Золотов

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Если обратиться к литературе о религии восточных славян, станет ясно, что исследователи изучали богов из пантеона князя Владимира: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокоши, а также некоторых других богов, упоминаемых в древних источниках: Сварога, Волоаса, Трояна. Между тем в древнерусских словах и поучениях, направленных против пережитков язычества, имеется множество сообщений о поклонении наших предков силам природы и животным. Уже в одном из древнейших памятников нашей литературы—«Хождении богородицы по мукам» (XII в.), упоминается о людях, что... «забыша бога и вероваша юже ны бе тварь бог на работу створил, то то они все боги прозваша солнце и месяц, землю и воду, звери и гады...»¹. Об этом же говорит и «Слово на память епископа»: «...но ты (человек.— Ю. З.) того (бога.— Ю. З.) оставив, рекам и источникам требы полагаеши и жреши яко богу твари бездушной»². Наконец, в «Слове Григория Богослова» совершенно определенно указано: «Ов реку богинию нарицаеть и зверь живущь в ней, яко бога нарицаая, требу творить»³. Это очень интересное свидетельство. Комментируя его, Н. М. Гальковский писал: «У нас не известно о почитании речных животных. Вероятно, вставка сделана на юге, на Балканском полуострове»⁴. Но у южных славян, по нашим сведениям, обожествление речных животных не было отмечено. Следовательно, нужно обратиться к верованиям восточных славян и попытаться узнать, какой именно «зверь», живущий в реке, чтился ими, «яко бог».

Мир обитателей наших водсемов не так многообразен. На основании этнографических материалов можно почти определенно сказать, что ни одна из рыб не была объектом поклонения. Не отмечено также обожествление таких обитателей водного царства, как земноводные, выдры, бобры. Исключение составляют, пожалуй, раки. Вот о них-то и пойдет речь в этой заметке.

В народных присловиях-пересмешках, собранных И. П. Сахаровым, есть ничего не значащая на первый взгляд шутка над жителями города Болхова Орловской губернии, которые якобы «рака со звоном встречали: вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет»⁵. Так же подшучивали и галичане над жителями Ростова: «Вот, парни, наш царь: шильце в руках и щетинка в зубах; звоните в била, клепала»⁶. Народная молва утверждала, что и «москвичи рака со звоном встречали»⁷.

¹ Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. 2, М., 1863, стр. 23.

² Н. М. Гальковский, Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2, М., 1913, стр. 47.

³ «Известия Академии наук по второму отделению», т. 3, СПб., 1854, стр. 47.

⁴ Н. М. Гальковский, Указ. раб., стр. 46.

⁵ И. П. Сахаров, Сказания русского народа, т. 1, кн. 2, СПб., 1841, стр. 107.

⁶ В. И. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957, стр. 335.

⁷ И. П. Сахаров, Указ. раб., стр. 112.

В городе Переславле-Залесском истари существовал такой обычай: в шестое воскресенье после пасхи, т. е. накануне русальной недели, все жители обширной Рыбацкой слободы, расположенной в устье реки Трубежа, в праздничных одеждах собирались в двух приходских церквях — Введенской и Сорокосвятской. Оттуда они вместе с духовенством, с хоругвями и иконами, под колокольный звон направлялись на лодках на середину Плещеева озера, где проводилось освящение воды. После возвращения на берег рыбаки угощали почетных участников процессии знаменитой переславской сельдью. Таким образом, это был праздник рыбаков. Официального названия он не имел, но народ с незапамятных времен именовал этот христианский праздник странным названием «встреча рака». Почему он так назывался, уже никто не помнил, но держалось это название очень прочно, вплоть до 20-х годов нашего века ⁸.

До XIX в. сохранялись предания о священной роли рака и в Ростове. Уроженец этого города епископ Чигиринский Порфирий писал: «Я в юности слышал от отца своего, что в Ростовском озере во время оно являлся большой рак и обеими клешнями благословлял, как архиерей» ⁹.

Наконец, среди архангельских рыбаков-поморов существовало поверье, будто в Ледовитом океане живет громадный «рачий царь», который повелевает всеми обитателями моря ¹⁰.

Все приведенные выше данные говорят о том, что, по всей вероятности, некогда рак был священным животным в верованиях восточных славян. Он считался владыкой подводного мира (царем, воеводой). Его очевидно, чтити рыбаки, думая, что от рака зависит рыбацкое счастье. Интересно, что старообрядцы, «ревнители древнего благочестия», не употребляли в пищу раков, считая их «дьявольским отродьем» ¹¹. Это еще раз подтверждает, на наш взгляд, значение рака как священного животного в давние языческие времена. С принятием христианства он подобно другим дохристианским богам обратился в беса, в нечисть.

Обращает на себя внимание один момент. В приведенных выше прибаутках, адресованных жителям Болхова и Ростова, рак изображается в виде заправского сапожника: «Шильце в руках и щетинка в зубах». Острые клешни рака народ уподоблял шилу, а длинные усы — щетинке, которую сапожники действительно держат обычно в зубах, когда работают шилом. По-видимому, этим и объясняется интересный обычай вологодских рыбаков, бросавших в жертву водяному, чтобы он пригнал побольше рыбы, лапти ¹². Ведь антропоморфный водяной мог вполне заменить более раннего зооморфного бога-рака. Также вполне вероятно, что жертва богу-«чеботарю» в виде кожаной обуви была заменена плетеной лыковой. Такой обман богов широко известен в этнографической литературе.

Что касается почитания рака в Болхове, то следов этого культа в позднейшее время не сохранилось. Но поскольку там, как в Переславле-Залесском и Ростове, в давние времена тоже было большое озеро, впоследствии заросшее, то в древности в Болхове могло существовать поклонение водяному царю — раку. Возможно, отголоски этого культа дошли до нас в шутке над жителями города, якобы встречавшими рака со звоном ¹³.

⁸ Д. И. Хвостов, Шестое, воскресенье в Переславле-Залесском, СПб., 1819, стр. 4—5; М. И. Смирнов, Переславль-Залесский, Путеводитель, Переславль-Залесский, 1928, стр. 41.

⁹ «Живая старина», 1896, № 1, стр. 265.

¹⁰ А. Ермолов, Народная сельскохозяйственная мудрость, т. 3, СПб., 1903, стр. 380.

¹¹ А. Терещенко, Быт русского народа, т. 5, СПб., 1848, стр. 46.

¹² Н. А. Иваницкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, М., 1890, стр. 125.

¹³ Г. М. Пясецкий, Исторические очерки города Болхова и его святыни, Орел, 1875, стр. 83.

Не сохранилось сведений о почитании рака и в древней Москве. Однако в пределах города протекал когда-то через Поганое озерко (теперь Чистые пруды) ручей с очень редким и характерным названием «Рачка».

Поганое озерко не было грязной лужей и название свое, по-видимому, получило от церковников в память о каких-то нехристианских, «поганных» обычаях, связанных с ним. А так как через озерко протекала Рачка, можно предположить, что именно здесь происходило чествование рака в древней Москве.

Почитание рака было, вероятно, очень древним обычаем, связанным главным образом с рыболовством. Этим, видимо, можно объяснить добродушную насмешку над культом рака со стороны окружавших рыбаков местных жителей.

ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ ЕЖЕГОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СЕССИИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В апреле 1971 и сентябре 1972 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР были проведены пятая и шестая ежегодные научные сессии¹.

Пятая научная сессия была посвящена итогам работы коллектива за 1970 г. Состоялось три заседания Ученого совета и пять заседаний секций, на которых было заслушано 25 докладов по различным проблемам этнографической науки. В отличие от сессий предыдущих лет часть докладов была вынесена на ближайшие по времени к сессии расширенные заседания секторов, на которых было заслушано около 30 докладов.

Заседания Ученого совета были посвящены 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетию с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. К первому заседанию было приурочено открытие мемориальной выставки «Н. Н. Миклухо-Маклай», которое прошло в торжественной обстановке при большом стечении гостей и в присутствии внука ученого, Поля Маклая, приглашенного в качестве гостя Академии наук СССР.

На первом заседании Ученого совета с докладом «Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии берега Маклая на Новой Гвинее» выступил Н. А. Бутин ов. Докладчик охарактеризовал труды Н. Н. Миклухо-Маклая как ценнейшее достояние мировой этнографической науки и подчеркнул гуманистическое значение научного подвига ученого. В докладе говорилось о необходимости продолжить этнографические исследования на берегу Маклая.

Новому решению проблемы заселения Тихоокеанской области человеком был посвящен доклад В. Р. Кабо. Археологические и палеоантропологические открытия последних лет показывают, что Тихоокеанская область частично входила в ареал формирования человека современного физического типа. Заселение этой области началось еще в верхнем плейстоцене. На базе позднелолитической культуры, принесенной древнейшими людьми из континентальной Азии, происходило формирование более поздних культур. По мнению докладчика, население Тихоокеанской области ведет свою родословную от древнейших протоавстралоидных антропологических типов, населявших ее в верхнем плейстоцене. Культура этой области развивалась на основе позднелолитического субстрата, ареал которого простирался от Индонезии и Филиппин до Австралии и Зап. Меланезии.

И. И. Гохман в докладе «Некоторые проблемы антропологии Австралии и Океании» рассмотрел систематическое положение краниологических вариантов позднего палеолита Австралии и Южной Азии по отношению друг к другу и к краниологическим типам современного населения этой территории. Докладчик выделил «древнеавстралоидную» группу черепов, сравнение которой с палеолитическими черепами Европы дает основание говорить о том, что предположение об австралоидной стадии, общей для всего вида *Homo sapiens*, маловероятно. Однако вполне обоснованным представляется выделение австралоидов в ранг большой расы. Сопоставление древнеавстралоидной группы черепов с современными показало наибольшее сходство с тасманийцами, затем с меланезийцами и австралийцами и значительное расхождение со всеми монголоидными группами. Докладчик предполагает, что предки тасманийцев и меланезийцев представляют собой более ранний пласт населения, чем австралийцы.

¹ См.: «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1970 г.», 1971; «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР», Л., 1972. О предыдущих сессиях см.: Ч. М. Такаса м и, Научная сессия Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1967, № 6; А. М. Реш е т о в, Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1968, № 6; е го же, Третья ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1969, № 6; е го же, Четвертая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Ин-та этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1970, № 3.

В докладе Д. А. Ольдерогге «Соотношение форм родовой организации и типов домашней общины» было дано теоретическое обоснование взаимоотношения родовых и общинных структур. Родовая организация и ее подразделения в сфере экономики реализуются в виде общественных структур ряда: домохозяйство, или домашняя община, большая семья, деревенская община, сельская община, и т. п. По мере распада родовой организации экономический аспект этих структур приобретает все большее значение, способствуя их сохранению даже в условиях классового общества. В условиях первобытнообщинного строя состав экономических структур определяется двумя обстоятельствами: формой рода и локальностью брака. Развитие экономических структур идет по линии постепенного устранения коллективного производства и потребления, распада больших и выделения малых семей, однако при этом сохраняются связи неэкономического характера (в области культа, брачных обычаев и т. д.).

Н. А. Кисляков прочитал доклад «О сущности понятия „патронимия“». Термин «патронимия», введенный М. О. Косеном в 30-х годах, широко распространен среди советских этнографов. Однако многие исследователи, употребляя этот термин, вкладывают в него различный смысл. В литературе встречаются патронимии «большие и малые», «простые и сложные», «первого и второго порядка» и т. п. Некоторые наиболее увлекающиеся исследователи утверждают, что есть основание говорить о «патронимическом строе», сменяющем первобытнообщинный. Докладчик предлагает воздерживаться от употребления термина «патронимия», так как расплывчатый характер этого термина, по его мнению, не помогает, а скорее мешает правильной научной классификации позднейших этапов первобытнообщинного строя.

Оживленные прения вызвал доклад И. С. Вдовина «К методологии и методике исследования шаманизма у народов Сибири». Докладчик говорил о том, что история развития идеологии и религиозного сознания у народов Сибири мало изучена и указал на необходимость конкретно-исторического исследования шаманизма во всех формах его проявления и в связи с историей каждого народа. В докладе была намечена главная цель исследования — выяснение социальной роли шаманизма в истории народов Сибири и Севера со второй половины XIX в. до 30-х годов XX в.

На заседании секции народов СССР в докладе «Назревшие вопросы социальных отношений на докапиталистическом Кавказе» выступил Л. И. Лавров. В докладе были затронуты проблемы «вольных обществ», рабовладельческой формации, частной собственности на землю и земельной ренты у народов Кавказа.

В докладе К. В. Чистова «К вопросу об изучении этнических процессов в духовной культуре народов СССР» были рассмотрены этнические аспекты развития духовной культуры народов СССР от первых лет Советской власти до наших дней. В настоящее время особое значение приобретает изучение форм сближения культур и проблема двуязычия. В результате исследования этих явлений в их развитии можно сделать вывод о постепенном формировании специфической общесоюзной межэтнической системы духовной культуры.

Доклад Н. В. Юхневой был посвящен проблеме этнографического изучения производственной жизни рабочих крупных промышленных предприятий.

В. П. Дьяконова познакомила присутствующих с материалами о культе «оваа» у тувинцев (сходном с распространенным у монголов культом «обо» — культом каменных насыпей), его распространении и функциональном назначении. Рассмотрение культа оваа на тувинском материале позволило провести сравнительный анализ культовых сооружений и обрядовых действий, а также установить этнокультурные и региональные зоны этого древнего культа.

На заседании секции зарубежных народов Л. Л. Викторова выступила с докладом «Монгольские „обо“ как историко-этнографический источник». Полевые исследования в МНР в 1967—1969 гг. позволили докладчику ввести в научный оборот новые данные о распространенном у монголов культе обо — каменных насыпей. Л. Л. Викторовой выделены различные виды обо в зависимости от формы, размеров, времени сооружения и т. д.

Р. В. Кинжалов в своем докладе говорил о важности изучения палеоэтнографии и языка шинка (этим языком в настоящее время в какой-то степени владеют около 200 индейцев) для восстановления начальных этапов этногенетических процессов на территории Гватемалы.

В докладе А. Д. Дриздо были прослежены тенденции формирования национальной культуры в англоязычных государствах Вест-Индии (Ямайка, Тринидад-Тобаго, Барбадос).

В. В. Матвеев в докладе «Некоторые легенды в истории Северной и Западной Африки» попытался объяснить существование у народов Африки, живущих южнее Сахары, легенд о происхождении того или иного народа от белых пришельцев. Исходным фактом для этих легенд докладчик считает конкретное историческое событие — основание Карфагена ханаанеями. Перенесение этого этнонима на берберские племена послужило основанием для создания мнимых генеалогий правителей создававшихся африканских государств.

С докладом «Формы современной сельской семьи в некоторых районах центральной Анатолии» выступила М. Н. Серебрякова. Основной формой турецкой крестьянской семьи в настоящее время является малая семья. Реже встречается, так называемая, неразделенная семья. Большая патриархальная семья современными исследова-

телями не зафиксирована, однако наличие особых родственных патронимических групп, осознающих в определенной мере свою принадлежность к единому коллективу, свидетельствует о том, что некогда она существовала.

Доклад И. А. Осницкой был посвящен системам счета в языках Центрального Судана. Системы счета в этих языках в настоящее время не имеют ни лексического, ни структурного единства. По мнению докладчицы, они представляют большой интерес в связи с изучением взаимовлияния культур.

Доклад И. Н. Головановой «Понятие „предок“ в некоторых обществах Центральной Африки» — начало интересного исследования. Докладчица попыталась объяснить культ предков народов Центральной Африки, вводя понятие зеркального мира, где живет «предок», воображаемый носитель имени, передающий его от старшего (умершего) родственника к младшему. Доказательством этого предположения И. Н. Голованова считает четкий набор имен и их круговорот в определенной этнической группе.

На заседании секции антропологии был заслушан доклад Б. В. Фирштейн «К антропологии населения Нижнего Подонья эпохи бронзы». Докладчицей изучен краниологический материал (55 черепов) эпохи бронзы Нижнего Подонья и дана его характеристика по культурам. Вопрос о генетической преемственности создателей катакомбной и срубной культур с населением городищ древнейшей культуры, по мнению Б. В. Фирштейн, пока еще не поддается решению. Создатели каждой из этих культур характеризуются морфологическим своеобразием.

В докладе А. В. Шевченко «К антропологическим особенностям населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы по материалам Старицкого могильника» содержится новый палеоантропологический материал, рассмотренный как в антропологическом, так и палеодемографическом аспектах. Выявлены интересные диспропорции половозрастной структуры погребенного здесь населения.

В докладе А. Г. Козинцева «К краниологии тагарской культуры: дискретно-варирующие признаки» были изложены результаты суммарного сравнения краниологического материала из тагарских могильников Туран I, II, III.

На заседании секции фольклора с интересным докладом «К структуре эпического пространства» выступил Б. Н. Путилов. Пространственные представления в эпических произведениях, реализуемые в различных пространственных характеристиках, обладают своей спецификой, которая может быть понята лишь в соотнесенности с эпической художественной системой в целом. Эпические *locus*'ы представляют собой типовые континуумы, каждый из которых заключает определенное типовое содержание. Существует некоторый набор типовых эпических *locus*'ов, соответствующих типовым же эпическим ситуациям. Топонимика эпоса опирается на реальную географию и в то же время обладает своей, эпической семантикой.

На этой же секции были заслушаны доклады Ж. К. Лебедевой («Быт в эвенских героических сказаниях») и Н. В. Новикова («Проблема Указателя сказок»).

* * *

Шестая ежегодная научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР была посвящена итогам работы коллектива в 1971 г. Состоялось два заседания Ученого совета и девять заседаний секций: «Этнографии народов СССР», «Этнографии народов зарубежных стран», «Фольклористики», «Антропологии и археологии».

В зале заседаний Ученого совета на время сессии была организована выставка коллекции (55 предметов — украшения, предметы быта, одежда, ритуальные предметы), привезенной в этом году участниками экспедиции по островам Тихого океана на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев».

На первом заседании Ученого совета выступили Н. А. Бутинов и Б. Н. Путилов — участники экспедиции в Океанию на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» (июнь — октябрь 1971 г.). Оба доклада были посвящены деревне Бонгу, по соседству с которой в 1871—1872 и 1876—1877 гг. жил Н. Н. Миклухо-Маклай. В докладе Н. А. Бутинова «Деревня Бонгу сегодня» говорилось об изменениях в общественном строе, культуре и быте папуасов, произошедших за 100 лет. Нововведения, появившиеся у папуасов за многие десятилетия колониального режима, по мнению докладчицы, не изменили общего строя жизни деревни Бонгу.

О музыкальном фольклоре деревни Бонгу сегодня рассказал Б. Н. Путилов. Он сообщил, что участникам экспедиции удалось выявить традиционные музыкальные инструменты деревни Бонгу, уточнить их названия и зафиксировать их звучание на магнитофонной ленте. В отличие от многих районов современной Океании деревня Бонгу проработана обилием архаических музыкальных инструментов. Музыкально-песенный фольклор Бонгу характеризуется прочным структурным единством: в нем лишь архаический и «средний» традиционный слой, внутренне между собой тесно связанные. Дальнейший музыковедческий анализ должен выявить характер многоголосия и показать степень стилизованности музыки папуасов.

Рис. 1. Фигура предка (Новая Гвинея. р. Селик)

Доклад К. В. Чистова был посвящен методике исторического изучения русского фольклора. В послевоенные годы русская фольклористика накопила значительный опыт исторического изучения фольклора. Исследования последних лет показали, что фольклорные сюжеты отражают не столько отдельные факты социально-экономической или политической истории, сколько ситуации, типичные для целых периодов русской истории. Наиболее плодотворно, по мнению докладчика, сопоставление фольклора с явлениями народного быта — социального, производственного, семейного и т. д. Докладчик отметил, что русский фольклор второй половины XIX — начала XX в. сохраняет черты, свойственные ему в предшествующий период: основной его массив остается крестьянским и традиционным, основные традиционные жанры продолжают существовать и не теряют своей продуктивности.

С докладом «Колониальное общество — этап в этническом развитии народов Тропической Африки. (Постановка проблемы)» выступил Д. А. Ольдерогге. Докладчик говорил о том, как повлияло почти вековое колониальное порабощение на совершающиеся в настоящее время в Африке процессы: освобождение Африки пошло не путем создания государств по этническому принципу, а путем сохранения территориального единства, сложившегося в течение 80-летнего существования колониального режима, что привело к ряду специфических проблем, вставших перед молодыми африканскими государствами.

Выступление Г. А. Гловацкого было посвящено новым поступлениям в Музей антропологии и этнографии АН СССР. Докладчик охарактеризовал большую, целенаправленную собирательскую работу экспедиций 1971 г., обогатившую музей предметами материальной и духовной культуры узбеков, киргизов, кетов, и народов зарубежных стран (всего свыше 800 предметов).

нганасан, долган, энцев, а также народов зарубежных стран (всего свыше 800 предметов).

На секции этнографии народов СССР был заслушан доклад Н. В. Юхневой о традиционных способах труда при добыче железной руды в Нижнем Тагиле в первой четверти XX в.

В. З. Фрадкин прочитал доклад «К вопросу об изучении фольклорно-этнографического наследия Н. Ф. Сумцова». Докладчик подчеркнул, что это наследие совсем не изучено, и очертил круг источников, исследование которых позволит дать объективную оценку научной и общественной деятельности ученого.

Доклад Л. В. Хомич был посвящен этнографической группе северных коми-зырян (ижемцев), в хозяйстве и материальной культуре которых наблюдается сложное переплетение черт традиционной культуры коми-зырян, элементов северорусской культуры и оленеводческой культуры ненцев.

С большим интересом был заслушан коллективный доклад В. П. Курылева, Л. А. Фирштейн, Г. Н. Симакова, Б. А. Ананьева о происшедших за годы Советской власти изменениях в типах поселений и жилищ, внутреннем убранстве жилых помещений, одежде и пище, культурной жизни и системе здравоохранения сельского населения народов Средней Азии и Казахстана.

С докладом «Некоторые данные о хозяйстве узбеков Южного Хорезма» выступила М. В. Сазонова. В. П. Курылев представил доклад о семейно-родственных группах у казахов в конце XIX — начале XX в.

На этой же секции с докладами выступили: Т. Д. Равдоникас — «Об одной древней параллели», Д. Н. Слепцов — «Эвены Момского района (По материалам экспедиции 1971 г.)», Р. Я. Рассудова — «Общинные традиции в некоторых старых орошаемых районах Средней Азии. (Первая половина XX в.)», Ф. Д. Люшкевич — «Некоторые черты традиционной материальной культуры ирано-язычного населения на территории Узбекской ССР».

На секции этнографии зарубежных стран были заслушаны доклады В. И. Кирьянова — «К вопросу о значении общины для современного развития стран Африки» и Н. М. Гиренко — «О трансформации традиционного африканского общества в системе колониального управления (На примере Танзании)».

В докладе О. С. Томановской были затронуты существенные проблемы государственных образований Западной и Западной Экваториальной Африки в XIV—XVII вв. Вместо используемых в западной, а частично и в советской литературе терминов «королевство», «княжество», «государство» применительно к любым самостоятельным областям, докладчица предложила термины «историческая область», «раннегосударственное образование», «государство», строго определив критерии их употребления.

Ю. К. Поплинский прочитал доклад «Этнический состав Северного побережья Африки к началу V в. до н. э. по античным источникам».

Доклад М. А. Родионова был посвящен конфессиональной структуре современного ливанского общества и роли в нем маронитской общины.

Т. К. Шафрановская сделала сообщение о Лоренце Ланге — первом русском консуле в Китае и первом собирателе систематических этнографических коллекций отдела Дальнего Востока МАЭ.

Р. А. Ксенофонта рассказала о традиционных методах формовки в японском гончарстве, а также о результатах сравнительного изучения гончарных станков Японии, Китая и Кореи, доказав близость японского гончарства с корейским и самостоятельность развития китайского.

С большим интересом был заслушан доклад Е. В. Ревуненковой «О личности шамана». Коснувшись вопроса о психофизической организации шамана, она, опираясь на классические и современные исследования, пришла к выводу, что нет никаких оснований всегда считать его нервным больным, скорее можно провести, в широком смысле слова, параллель между шаманом и актером.

На этой же секции были заслушаны доклады Н. Г. Краснодембской «Магический элемент в обрядовой практике современных сигналов», М. К. Кудрявцева «О принципах и роли соседства в джатских общинах», В. И. Гохмана «Об этнической классификации и этногенезе некоторых тайских народов», Г. И. Дзенискевич «К вопросу о заселении атапасками южного побережья Аляски», Р. Г. Ляпуновой «Обрядовые головные уборы алеутов», А. Д. Дридзо «Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию (вторая половина XIX в.)».

На секции фольклора были зачитаны доклады Н. В. Новикова «Змей в сказочной традиции восточных славян», Н. И. Гаген-Торн «Анимизм в художественной системе „Слова о полку Игореве“», Ж. К. Лебедевой «О типологическом единстве тунгусского эпоса (на материале эвенского и эвенкийского эпосов)».

На секции антропологии и археологии с докладом о новых палеоантропологических материалах эпохи бронзы из Нижнего Подонья выступил А. В. Шевченко. Докладчик отметил слабую изученность палеоантропологических материалов избранного района и охарактеризовал имеющийся в его распоряжении материал (77 черепов).

А. Г. Козинцев представил доклад «Происхождение и антропологический состав населения тагарской культуры». Э. Е. Фрадкин выступил с сообщением «К вопросу о сравнительной характеристике некоторых типов палеолитических жилищ Европейской части СССР (в связи с проблемой картографирования их типов)», в котором попытался провести сравнительный анализ палеолитических жилищ с целью выяснения этнических групп, населявших территорию Европейской части СССР в эпоху палеолита.

На этой же секции были прочитаны доклады К. Д. Лаушкина «О времени появления культа солнца в истории общества» и С. Б. Чернецова «Понятие магии и религии и отношения их между собой в связи с понятием сверхъестественного».

Пятая и шестая научные сессии прошли на высоком научно-теоретическом уровне. Следует отметить, что в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР продолжается работа над выбором форм проведения таких сессий. Об этом свидетель-

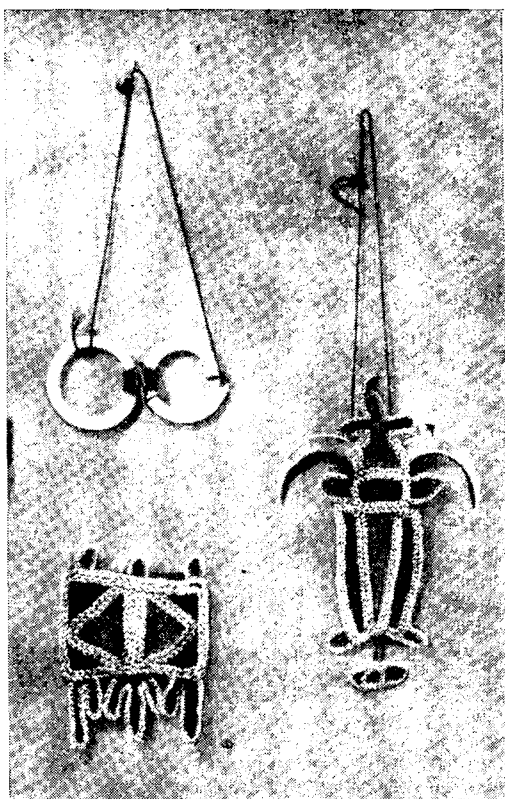

Рис. 2. Нагрудные украшения и плетеный браслет (Новая Гвинея, Берег Маклая)

Рис. 3. Церемониальная маска (Новая Гвинея, р. Сепик)

ствуует, в частности, пятая сессия, на которой часть докладов была вынесена на расширенные заседания секторов. На седьмой сессии, намеченной на 1973 г., предполагается создание четырех проблемных секций.

Р. В. Каменецкая, Т. К. Шафрановская

IX ВСЕСОЮЗНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

По решению Министерства высшего и среднего специального образования СССР в ознаменование полувекового юбилея образования СССР в Ленинграде с 4 по 7 мая 1972 г. проходила IX Всесоюзная студенческая этнографическая конференция. Ее организовала кафедра этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В оргкомитет по подготовке и проведению конференции вошли: председатель — заведующий кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ Р. Ф. Итс, заведующий кафедрой этнографии МГУ С. А. Токарев, заведующий кафедрой этнографии Тбилисского университета Г. С. Читая, преподаватели кафедры этнографии и антропологии ЛГУ, аспиранты и студенты всех курсов.

В работе конференции участвовало более 80 человек, представителей 30 национальностей из 11 союзных (РСФСР, Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Грузия, Армения, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан) и семи автономных республик (Карелия, Мордовия, Чувашия, Башкирия, Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия).

В день открытия конференции на пленарном заседании был заслушан доклад студента 4-го курса ЛГУ Н. Н. Богданова «Советский народ — новый тип исторической общности людей». Затем участники конференции познакомились с экспозицией ГМЭ, самого крупного в стране музея, показывающего культуру и быт народов СССР, и заслушали в здании музея два доклада, сопровождавшиеся показом этнографических фильмов: К. Чорджиева (Орджоникидзе) «Боевые и сторожевые сооружения горной Осетии» и Г. Анджапаридзе (Тбилиси) «Старинная национальная игра «лело-бурти».

Основная работа Всесоюзной студенческой этнографической конференции проходила на историческом факультете ЛГУ 5 и 6 мая, где было организовано несколько пленарных заседаний и работали следующие секции: 1) «Этногенез и этническая история» (куратор — Р. Ф. Итс); 2) «Национальное и интернациональное в культуре народов» с двумя подсекциями: материальной культуры (куратор — С. Г. Чантуришвили) и духовной культуры (куратор — Б. П. Шишло); 3) «История и методика этнографических исследований» (куратор — Г. Г. Громов); 4) «Культурная революция в СССР и вопросы национального строительства» (куратор — В. А. Овсянкин). В работе всех секций

приняли активное участие специалисты-этнографы Д. А. Ольдерогге, К. В. Чистов, Л. В. Хомич, Ч. М. Таксами, Е. Н. Студенецкая и др. Всего было заслушано 74 доклада, подготовленные студентами и аспирантами 26 университетов, трех педагогических институтов и Тбилисской академии художеств.

Доклады В. А. Козьмина (Ленинград) «Палеоантропологический материал андроновского времени из могильника Кытманов на Сев. Алтае» и В. И. Селезневой (Ленинград) «Антропологическое изучение челканцев в связи с этногенезом народов Алтая» были посвящены важным антропологическим вопросам в этнической истории народов Южной Сибири. Исторические аспекты соотношения различных этнических групп в составе современных алтайцев рассмотрел в своем докладе «Теленгиты и телеуты» В. Г. Стаценко (Ленинград). Истории изучения народов Алтая были посвящены доклады М. Кабановой (Барнаул) «Алтайцы в заметках путешественников Г. П. Гельмерсена и П. И. Небольсина» и Т. Новиковой (Барнаул) «Г. И. Спаский и А. М. Горохов о южных алтайцах».

Доклад «К вопросу о происхождении некоторых особенностей культурно-хозяйственного комплекса юкагиров» В. А. Попова и В. И. Хартановича (Ленинград) построен на основе новых этнографических материалов. Важному теоретическому вопросу — проблеме аккультурации посвятила свой доклад «Аккультурационные явления у народов Средней Сибири в XVII—XX вв.» Т. Л. Кащенко (Москва).

Проблемы этногенеза решаются в докладах О. Б. Демина (Одесса) «К вопросу об этнической истории Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита» и А. Терюкова (Ленинград) «Вопросы ранней истории коми-зырян».

Во многих докладах рассматривались проблемы материальной культуры. Н. Р. Рамазанова (Москва) рассказала о типах жилищ и проблеме кочевого хозяйства в дореволюционном Азербайджане, М. Г. Батку (Кишинев) показал преобразования в молдавском народном жилище за годы Советской власти, Г. М. Чумаченко (Донецк) выделила несколько типов жилищ в северной части Донецкой области. Детальное описание одежды украинцев Северной Буковины было дано в докладе Г. Н. Кожелянко (Черновцы), А. Е. Берлизов (Краснодар) проследил эволюцию казачьего костюма на Кубани, Л. Ш. Чкония (Тбилиси) в своем сообщении «Грузинский кеври» описал оружие для молотбы; аналогичное древнеримскому трибулumu. Доклад С. П. Иоселиани (Тбилиси) был посвящен современной керамике и ее декоративно-художественному оформлению.

Значительное внимание было уделено проблемам традиционной и современной духовной культуры народов СССР. Б. К. Чолокашвили (Тбилиси) описал предметы эпохи энеолита, связанные с культом быта у грузинских племен, А. А. Погосян (Ереван) выявил пережитки культа воды у армян, М. С. Дзуцев (Орджоникидзе) расскaзал об охоте и охотничьем культе у осетин, Х. А. Амирханов (Махачкала) сделал доклад о погребальном культе у аварцев, Г. С. Аракелян (Ереван) рассмотрела армянские народные праздники Амбарцум и Вардавар, Г. А. Комарова (Москва) проанализировала обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка в абазинской семье. Литовскому народному этикету посвятил свой доклад В. Б. Балтрушайтис (Вильнюс).

В ряде докладов говорилось об этапах культурной революции в различных районах Советского Союза. С. Кожанов (Петрозаводск) осветил некоторые вопросы культурного строительства в Карелии, М. М. Олексюк (Львов) рассказала о культурной революции в западных областях УССР, А. Н. Кичапов (Элиста) рассмотрел «культштурм» 1931—1932 гг. как одно из важнейших звеньев культурной революции в Калмыкии, о культурном строительстве на Колыме сообщила Е. В. Шнырева (Магадан). О причинах армяно-азербайджанской вражды и ее изживании после Октября расскaзал М. А. Сукисян (Краснодар).

Р. Х. Альбегов (Орджоникидзе) говорил о необходимости использовать прогрессивные национальные традиции в формировании новой, советской национальной культуры и воспитании молодежи.

Большая группа докладов была посвящена свадебной обрядности у различных народов СССР. У. Расулов (Самарканд) в докладе «Свадебные обряды и церемонии коренного населения г. Самарканда» отметил, что каждый среднеазиатский город имеет свою свадебную обрядность, обряды соблюдают независимо от национальной принадлежности жителей данного города. Л. В. Мchedlishvili (Тбилиси) в докладе «Мтиулетская свадьба» показала, что в настоящее время определяющее значение в выборе будущих мужа и жены имеют личные качества людей. Ш. И. Исаев (Тбилиси) в сообщении «Свадебные обычаи в Саингило» говорил о том, что грузины-ингилойцы, живущие в Азербайджане в условиях инонационального окружения сохранили все своеобразие грузинской свадьбы. М. Н. Брагарь (Кишинев) обратила внимание слушателей на новые черты в свадебной обрядности гагаузского народа, а О. И. Шувалова (Донецк) показала, что на основании свадебного обряда можно судить об истории заселения Донбасса.

Анализу современных этнических процессов в Северном Казахстане был посвящен доклад аспиранта МГУ Ю. А. Евстигнеева. Докладчик показал, что смешанные браки являются индикатором сложных этнических явлений.

О. Ю. Кашерина (Ленинград) сообщила об этнографическом обследовании ижорского населения Ленинградской области летом 1971 и зимой 1972 г.

В ряде докладов рассматривались проблемы ономастики. М. Кочумкулов (Фрунзе) в сообщении «Киргизские личные имена» поставил вопрос о причинах появления отдельных новых имен у киргизов. Антропонимии сел Морга и Турдаки Дубянского района Мордовской АССР посвятили доклад Н. С. Наместникова и Т. Л. Исламкина (Саранск); о топонимике Литвы говорил М. А. Кудирка (Вильнюс).

Были также представлены доклады по этнографическим проблемам Африканского континента. В. А. Попов (Ленинград) сделал обзор советских исследований по этнографии народов Африки. Большой интерес вызвали доклады студентов из Республики Мали К.-Д. Ардуэна и Б. Н. Кейта (ЛГУ), связанные с этнографическим и антропологическим изучением населения Мали.

Несколько докладов было посвящено методике этнографических исследований. Ю. Н. Шопишвили (Тбилиси) рассказал о комплексном методе этнографической работы, сформулированном в трудах Г. С. Читая, Г. Н. Романова (Ленинград) говорила о применении методов математической статистики при исследовании антропоморфной скульптуры у охотников и рыболовов Дальнего Востока.

Успеху конференции способствовало издание сборника с краткими тезисами докладов. Ее работа регулярно освещалась в ленинградских газетах и по радио.

Кафедра этнографии и антропологии ЛГУ организовала экскурсию по историко-революционным местам Ленинграда, в канун Дня Победы делегаты почтили память защитников города Ленина на Пискаревском мемориальном кладбище. Делегаты познакомились с музейными этнографическими центрами Ленинграда.

На конференции было отмечено, что студенческие научные общества многих вузов страны еще не уделяют достаточного внимания пропаганде этнографических знаний. Между тем данные этнографии ярко показывают реальное воплощение в жизнь ленинской национальной политики. Однако многие студенты лишены возможности специализироваться по этнографии и антропологии, так как в вузах страны существуют только три специальные кафедры этнографии; практически нет учебников и пособий по этнографическим дисциплинам, на полевую практику выделяется мало средств.

Представители трех кафедр этнографии ЛГУ, МГУ и ТГУ пришли к выводу о необходимости в ближайшее время провести общее совещание по координации работы и учебных планов. Кафедры рассчитывают на помощь и поддержку соответствующих министерств и академических учреждений страны.

Следующую X ВСЭК решено провести в 1973 г. в Самарканде на базе Самаркандского государственного университета им. А. Навои.

В. А. Попов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ И ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ (ОБЛАСТЯХ) РСФСР

С 23 по 25 октября 1972 г. в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР проходила научная конференция «Итоги и проблемы изучения народного творчества в автономных республиках (областях) РСФСР», посвященная 50-летию образования СССР. На конференции присутствовали представители различных научных учреждений большинства автономных республик и областей нашей страны. За три дня работы было прослушано 25 докладов и просмотрен документальный фильм о якутском исполнителе народных песен С. А. Звереве.

Открыл конференцию член-корр. АН СССР В. Г. Базанов, отметивший большое значение фольклора в развитии национальной культуры и определивший задачи современной фольклористики. В условиях социализма происходит сближение наций, сближаются и их фольклор, что можно считать проявлением интернационализма. И все же фольклор каждого народа сохраняет своеобразие, которое необходимо выявлять и изучать.

Особое внимание В. Г. Базанов уделил сравнительному методу исследования, который нуждается в дальнейшем совершенствовании.

А. А. Горелов (Ленинград) посвятил свой доклад проблемам развития наций и народностей РСФСР и фольклорному процессу.

С докладами о собирании, публикации и популяризации фольклора отдельных народов и современном состоянии фольклористики в разных республиках выступили: З. Н. Куприянова (Ленинград) «Собирание и публикация фольклора народов Севера», Н. В. Емельянов (Якутск) «Фольклористика Советской Якутии», Ч. Ч. Куулар (Тува) «Собирание и публикация фольклора в Советской Туве», А. И. Маскаев (Саранск) «Публикация и популяризация мордовского фольклора», С. Ш. Аутлева (Нальчик) «Публикация и популяризация фольклора адыгов», И. Н. Надиров

(Казань) «Итоги и проблемы изучения татарского фольклора», В. Меремкулов (Черкесск) «Фольклор абазин (характеристика эпоса, история публикаций)», Е. С. Сидорова (Чебоксары) «Современное чувашское устное народное творчество». Э. В. Баранникова (Улан-Удэ) выступила в докладе «Бурятские сказки и сказители».

В большинстве перечисленных докладов авторы определили задачи дальнейшего изучения устного народного творчества. Все они говорили о необходимости изданий фольклора различных народов нашей страны с переводом на русский язык, что способствовало бы его популяризации, и внесли ряд предложений по разработке методов научного перевода.

В докладе В. Е. Майногашевой (Абакан) «Фольклор Советской Хакасии» обращалось внимание на необходимость повышения общей культуры изданий; предлагалось разработать общие принципы популярных и научных изданий. Докладчица выдвинула конкретные предложения по этим вопросам.

К. Т. Самородов (Саранск) познакомил участников конференции с подготовленным к печати академическим изданием мордовского народного эпоса в двух книгах: первая — «Общественно-бытовой эпос», вторая — «Семейно-бытовой эпос». Тексты даны с параллельным русским текстом. Сборник снабжен примечаниями и указателями.

Два доклада были посвящены роли русских ученых в развитии национальной фольклористики: А. Н. Киреев (Уфа) «Роль русских ученых в становлении башкирской фольклористики», Б. Б. Оконов (Элиста) «В. А. Котвич и калмыцкая фольклористика».

А. К. Микушев (Сыктывкар) рассказал о значении русской науки для развития фольклористики коми и остановился на связях фольклора коми с устным народным творчеством соседних финно-угорских и славянских народов.

На конференции рассматривалась также проблема взаимосвязи русского фольклора с фольклором других народов СССР. Ей были посвящены доклады фольклористов из Петрозаводска: В. Я. Евсеева «Русско-карельские фольклорные связи» и В. В. Сенкевич-Гудковой «Влияние русского фольклора на саамское народное творчество». Авторы считают, что заимствования из русского фольклора не только не умаляют самобытности национального фольклора, но обогащают его новыми образами и сюжетами.

М. Г. Воскобойников (Ленинград) выступил с докладом «Роль национальной интеллигенции в собирании и публикации фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

А. Ш. Кичиков (Элиста) остановился в своем докладе на сюжете об исцелении богатыря в эпосах народов Саяно-Алтайского нагорья. Автор пришел к выводу, что наличие этого сюжета в произведениях разных народов Сибири, Центральной и Средней Азии помогает определить время сложения их эпосов.

М. Мухадинов (Грозный) выступил с докладом «Тема национальной независимости и дружбы народов в чеченских героико-исторических песнях». Докладчик показал, как в горских песнях «илли» отразилась история народа.

Аналогичная тема поднималась и в докладе А. Сикалиева (Черкесск) «Идеи дружбы в ногойской дореволюционной литературе и фольклоре», подчеркнувшего, что, хотя история ногойского народа изобилует войнами, разжигавшимися феодалами, фольклор отразил стремление простого народа к мирным отношениям со своими соседями, даже с теми, с которыми им приходилось воевать. Идеями мира и дружбы пронизаны и стихи ногойских поэтов Шал-Кийиза Тиленши (XV в.), Асана Кайглы (XVI в.), Казтугана Суюниш улы (XVII в.), Негмата Айбат улы (начало XX в.).

Л. С. Шептаев (Ленинград) рассказал о хакасском жанре «тахпа», особенностях его композиции, рифмах, напеве и т. д.

Доклад М. А. Лобанова (Ленинград) познакомил участников конференции с фондами записей фольклора народов РСФСР в коллекциях фонограмм архива Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. По окончании доклада были продемонстрированы образцы фонограмм: эвенкийская, мордовская, корякская, горно-алтайская, якутская, долганская и саамская песни, шаманское камлание, исполнение мелодий на национальных марийских инструментах.

В. В. Коргузалов (Ленинград) в своем выступлении говорил о необходимости изучения музыкально-языковых средств народов, их сопоставлении, что открыло бы дорогу конкретным исследованиям в области стадийных типов художественного мышления и этногенеза народов.

В заключительном слове А. А. Горелов поднял вопрос о необходимости создания журнала по фольклору.

Подводя итоги работы конференции, В. Г. Базанов подчеркнул, что эта встреча продемонстрировала тесные связи, существующие между фольклористами наших республик. В то же время он говорил о необходимости усиления контактов фольклористов с филологами, этнографами, историками и др.

Т. Б. Долгих

10 сентября 1972 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося писателя и исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Как краевед-энциклопедист Арсеньев был необыкновенно разносторонним исследователем: он внес весомый вклад в географию, картографию, этнографию, археологию, востоковедение, лингвистику, охотоведение, лесоведение, ботанику, ихтиологию, зоологию и другие области знаний о Дальнем Востоке. Этнографы особенно благодарны В. К. Арсеньеву за то, что он существенно расширил наши знания о ряде народов Приморья и Приамурья, собрал богатейшие этнографические коллекции для музеев Хабаровска, Ленинграда, Владивостока, Москвы и других городов страны. Поэтому столетний юбилей В. К. Арсеньева отмечался в стране при самом активном участии этнографов.

Наибольшую дань уважения В. К. Арсеньеву отдала организация Географического общества СССР. И это вполне естественно: ведь В. К. Арсеньев с первых же лет своей военной службы на Дальнем Востоке встал на путь географа широкого профиля — на путь, подобный тому, по которому столь успешно прошли Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, Чокан Валиханов и многие другие деятели Географического общества — славная когорта исследователей, для которых открытие «неведомой страны» сочеталось с интересом и уважением к культуре ее обитателей.

Дальний Восток, которому В. К. Арсеньев посвятил все свое творчество, первый начал чествование его заслуг. Еще в апреле 1972 г. Приморским филиалом Географического общества были организованы во Владивостоке «Арсеньевские чтения». На них с основными докладами выступили Ю. А. Сем и М. И. Меженная. Командированная из Москвы Институтом Дальнего Востока АН СССР А. И. Тарасова (Васина) выступила с сообщением «В. К. Арсеньев в переписке современников», в котором рассказала о многих доселе не известных архивных материалах.

В начале мая во Владивостоке был проведен вечер личных воспоминаний о В. К. Арсеньеве, на котором выступали моряки К. Н. Васюкевич и Н. А. Егоров. 8 сентября в г. Арсеньеве состоялась юбилейное заседание местной общественности и представителей городов и районов Приморья, а на следующий день на сопке Увальной был открыт памятник В. К. Арсеньеву. Над городом встала шестиметровая фигура исследователя, а рядом — высеченный в камне барельеф Дерсу Узала. Во всех этих торжествах деятельное участие принимала делегация ученых Дальневосточного научного центра АН СССР во главе с директором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока членом-корреспондентом АН СССР А. И. Крушановым и известным дальневосточным биологом А. И. Куренцовым, в прошлом много лет возглавлявшим Приморский филиал Географического общества СССР.

Специальное заседание Восточной комиссии Географического общества, посвященное юбилею В. К. Арсеньева, было проведено в Ленинграде 25 октября. Б. П. Полевой в докладе «Жизнь и деятельность В. К. Арсеньева» подробно рассказал о самых разнообразных архивных находках ряда исследователей, сделанных в Ленинграде, Калинин, Томске и городах Дальнего Востока. Особое внимание было уделено научным связям Арсеньева с ленинградскими учеными: Б. Ф. Адлером, Д. А. Клеменцем, С. Ф. Ольденбургом, С. И. Руденко, Л. Я. Штернбергом и др. Б. П. Полевой с раннего возраста общался с семьей В. К. Арсеньева. Это придало особую живость его воспоминаниям и показанным фотографиям. А. Г. Шпринцин рассказал о своей поездке к тазам в 1928 г. и о встрече с В. К. Арсеньевым во Владивостоке. На заседании выступила и Е. П. Орлова, встречавшаяся с Арсеньевым в Ленинграде и на Дальнем Востоке.

16 ноября заседание, посвященное юбилею В. К. Арсеньева, организовал Московский филиал Географического общества СССР (отделение истории географических знаний). А. И. Тарасова прочла на нем содержательный доклад «Вклад В. К. Арсеньева в исследование Дальнего Востока». Особенно интересен был рассказ о многих архивных находках. В Калинин были обнаружены документы, раскрывающие происхождение фамилии исследователя и позволившие впервые установить, что его отец начал свою жизнь крепостным. Очень любопытны были проведенные докладчицей сопоставления текстов дневников В. К. Арсеньева с его литературными произведениями. «Несмотря на автобиографичность художественных книг Арсеньева, — указала А. И. Тарасова, — при их использовании в источниковедческом плане нужна известная осторожность». Так, например, по полевым дневникам Арсеньева установлено, что писатель впервые встретился с Дерсу Узала не в 1902 г., как указано в его известных книгах, а только 3 августа 1906 г.

Выступивший на заседании географ В. И. Пелевин увлек аудиторию глубокой сердечностью воспоминаний о встречах с В. К. Арсеньевым в Москве в 1928 г. Он говорил об обаянии личности Арсеньева, его благотворном влиянии на работу всех, кто с ним встречался. Родственница В. К. Арсеньева О. Н. Окулист поделилась воспоминаниями о жизни в семье Арсеньевых и рассказала о юбилейных торжествах в г. Арсеньеве. Т. Ф. Аристова рассказала о первой подробной биографии В. К. Арсеньева, написанной ее отцом, Ф. Ф. Аристовым.

Кроме Географического общества СССР, юбилейную дату торжественно отметили и многие другие организации. Так, в Хабаровске 8 сентября состоялся Ученый совет краевого музея, на котором с подробным докладом о жизни и деятельности В. К. Арсеньева выступил писатель Г. Г. Пермяков. Н. И. Погребнюк, Н. В. Усенко и Н. М. Фельдман поделились своими воспоминаниями. В. П. Сысоев рассказал о работе сотрудников музея, продолжающих дело В. К. Арсеньева (В. К. Арсеньев возглавлял музей в 1910—1916, 1924—1926 гг.). Присутствующие осматривали организованную музеем выставку, на которой экспонировались дневники, документы, карты экспедиций и личные вещи Арсеньева.

11 сентября в Хабаровской научной краеведческой библиотеке была открыта выставка и состоялось торжественное заседание общественности города. С докладами и сообщениями о творческом пути В. К. Арсеньева выступили редактор журнала «Дальний Восток» Н. М. Рогаль, академик А. П. Окладников, К. П. Соловьев, ученый секретарь Приамурского филиала Географического общества СССР А. А. Степанов, В. И. Готованский, Н. В. Усенко, писатели Г. Г. Пермяков и В. П. Сысоев.

Столетний юбилей В. К. Арсеньева был очень широко отмечен в периодической печати, особенно в центральных и дальневосточных газетах. В общественно-политических и литературных журналах появились некоторые публикации, имеющие большое научное значение. Так, журнал «Дальний Восток» (1972, №№ 8, 9) опубликовал отрывки из интереснейших дневников В. К. Арсеньева, которые он вел во время экспедиции 1906 г. Эту ценную публикацию подготовили известные дальневосточные этнографы Л. И. и Ю. А. Семы. Дневники позволяют заглянуть в творческую лабораторию исследователя, дают первичный, полный свежих полевых впечатлений научный материал. В сборнике «Дальневосточные путешествия и приключения», вып. 3 (Хабаровск, 1972) опубликованы статьи А. Нечаева, Н. М. Рогалья и А. И. Куренцова об Арсеньеве.

Журнал «Советская этнография» (1972, № 4) к юбилею опубликовал статью Б. П. Полевого и А. М. Решетова «В. К. Арсеньев как этнограф», в которой впервые подробно был проанализирован мало освещенный аспект научной деятельности Арсеньева. Очевидно, что этнографы не могут довольствоваться одной лишь статьей на эту широкую тему. Будем надеяться, что в дальнейшем этой теме будут посвящены новые публикации. В этой статье было выражено пожелание как можно скорее опубликовать хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая шесть писем В. К. Арсеньева секретарю Этнографической секции Тихоокеанского комитета, в которых он дает любопытный обзор этнографических исследований, проведенных на Дальнем Востоке в 1928 г. Теперь эти ценные письма опубликованы со вступительной статьей и примечаниями А. И. Тарасовой в журнале «Сибирские огни» (1972, № 9, стр. 173—178). Она же опубликовала содержательную статью «Исследователь и певец земли дальневосточной» в популярном ежегоднике «Земля и люди».

Весьма полезна для этнографов статья «Следопыт Дальнего Востока» («Природа», 1972, № 9) сотрудника Приморского краеведческого музея Л. К. Довбыш. Статья хорошо иллюстрирована и содержит сведения о роли В. К. Арсеньева в сборе музейных коллекций.

Статья Т. Ф. Аристовой «В. К. Арсеньев и Советский Дальний Восток» была помещена в журнале «Вопросы истории» (1972, № 9). В статье используются отдельные материалы архива Ф. Ф. Аристова.

Итак, столетний юбилей В. К. Арсеньева ознаменовался рядом интересных находок ученых-арсеньеведов, в том числе уточнением некоторых деталей биографии выдающегося писателя и исследователя. Как видно из этого краткого обзора, в праздновании юбилея активно участвовали этнографы.

Заканчивая свое сообщение, хочу поблагодарить А. И. Тарасову за предоставленную мне информацию о праздновании юбилея на Дальнем Востоке. Вместе с тем считаю своим долгом поддержать идею создания специальной комиссии по научному и литературному наследству В. К. Арсеньева с участием в ней этнографов. Такая комиссия поможет подготовить со временем максимально полное издание трудов В. К. Арсеньева. Необходимо поддержать и идею создания во Владивостоке и Хабаровске мемориальных квартир-музеев В. К. Арсеньева.

Н. И. Гаген-Торн

КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Очередной, XIX конгресс фольклористов Югославии проходил в Македонской социалистической республике 5—9 сентября 1972 г. В его работе кроме многочисленных югославских специалистов участвовали делегации Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, а также фольклористы из Австрии, Дании, Франции. От Советского Союза на этом конгрессе присутствовали Н. О. Шаракшинова (Иркутский гос.

университет), И. И. Земцовский (Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии) и автор данной статьи.

Конгресс открыл Председатель Союза фольклористов, директор Института фольклора в г. Скопле — Б. Ристовски. Собравшихся приветствовали общественные деятели Македонии и представители фольклорно-этнографических учреждений всех республик Югославии.

Конгресс проходил в небольшом городке Крушево — одном из центров национально-освободительного движения на Балканах (Илинденское восстание 1903 г.). Это определило содержание первой темы, обсуждавшейся на Конгрессе, — «Народное творчество в Крушевском, Прилепском и Мариовском районах». Общий обзор местного фольклора сделал проф. Скопленского университета К. Пенушлиски.

О различных видах народной культуры — о прикладном искусстве, танцах, музыке, песнях, легендах и преданиях — говорили сотрудники Института фольклора Македонии и преподаватели Скопленского университета: Д. Спировска, Т. Каличанин, М. Ристески, Г. Стефановски, Г. Здравев, Ф. Попова, К. Томовски, Д. Ортаков, С. Голабоски, Г. Горгиев, М. Димоски, М. Брзанов, Б. Джимревски, Т. Бицевски. Эти доклады дали комплексную характеристику своеобразного народного творчества местного края и свидетельствовали об интенсивной и успешной работе молодых македонских специалистов.

Музыкальному фольклору Македонии был посвящен также доклад Р. Хроватина (Любляна).

Центральной темой конгресса была тема «Этнические группы и народ как целое в народном творчестве». Проф. Загребского университета Т. Чубелич посвятил свой доклад терминологическому определению понятий «этнос», «этническая группа» и попытаться наметить некоторые методологические аспекты изучения основной темы конгресса. К сожалению, докладчик не использовал новейших работ советских этнографов и марксистских исследователей из других социалистических стран, посвященных названной проблеме.

Об определениях понятия «народ», содержащихся в трудах классиков марксизма, напомнил собравшимся акад. Д. Неделькович (Белград), посвятивший свой доклад проблеме общности разных этнических групп в процессе создания народного творчества и вопросу о типологической и стилистической целостности фольклора.

Содержательный доклад сделал фольклорист из Берлина проф. Г. Пейкерт, охарактеризовавший региональные и надрегиональные (общенародные) свойства фольклора.

Об особенностях народного творчества в областях со смешанным по национальному составу населением говорили многие югославские докладчики.

Д. Антониевич (Белград) рассказал о традиционном совместном пении сербов, болгар и венгров в Шопской области Власина и о творческом сотрудничестве этих народов в годы антифашистской борьбы. О взаимодействии различных национальных традиций населения Воеводины в условиях социалистических общественных отношений говорил М. Слепчевич (Земун). Явления фольклорной диффузии в пограничной области между Черногорией и Албанией были предметом доклада С. Оровича (Белград). Различные народные обряды в лимитрофных областях Сербии были охарактеризованы С. Зечевичем (Белград), Д. Джорджевичем (Лесковац) и др.

О значении преобладания тех или иных национальных элементов в устной прозе областей Македонии с двуязычным населением говорила А. Попвасилева (Скопье).

Своеобразие культуры сербов и хорватов, живущих в Венгрии, было темой докладов венгерских фольклористок М. Киш и Э. Керечени.

Различным аспектам основной темы были посвящены и доклады советских фольклористов. В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «Этническое, национальное и интернациональное в антифашистских песнях» рассмотрел различные типы сходства и уровни общности в песнях славянских народов периода второй мировой войны. О значении музыкального фольклора в исследовании проблемы этногенеза говорил И. И. Земцовский (Ленинград). О генеалогических мифах бурят в плане их сравнительного изучения с фольклором других народов рассказала Н. О. Шаракшинова (Иркутск).

Третья тема конгресса была посвящена герою классического эпоса славянских народов — Марку Крале. Общий обзор изучения проблемы на протяжении последнего полувека сделала проф. Скопленского университета Ц. Органджиева. Подвергнув критике различные направления буржуазной фольклористики, в частности теорию «заместительности» («миграции»), докладчица отметила достижения советской науки 50—60-х годов в изучении героического эпоса.

В противоположность некоторым специалистам, стремившимся в прошлом локализовать песни о Марко Крале и связать их лишь с какой-нибудь одной национальной традицией (сербской, болгарской, македонской), проф. М. Лалевич (Белград) в своем докладе охарактеризовал Марко как «общеевропейского героя», воплотившего идеалы освободительной борьбы разных народов. В. Джакевич (Белград) говорил об истории основных балканских легенд о Марко и об определенной эволюции в развитии этих легенд.

Критический обзор гипотез о происхождении мотива смерти Марко сделал Ж. Илич (Сараево).

Весьма интересными были доклады македонских фольклористов, рассказавших о том, как отразился образ Марко в разных (не только эпико-героических) жанрах фольклора.

Б. Ристовски на большом материале показал, как широко распространен образ популярного героя в обрядовых песнях (джамарджистских, лазарских, водичарских, жетварских, свадебных и др.) и указал на своеобразную идеализацию в них Марко.

О специфическом преломлении образа героя в народных легендах говорил Р. Трешанин (Лесковец), в преданиях — Т. Вражиновски (Скопье), в народной лирике — Н. Целаковски (Скопье).

Много докладов было посвящено сюжетам и проблематике эпических песен о Марко (кроме названных выше это доклады скопленских фольклористов Д. Найческо-го, Б. Петровского, польской фольклористики Г. Чайки и др.), а также различными национальными версиями этого песенного цикла — у словенцев (М. Матичетов, Любляна), у черногорцев (С. Вукманович, Цетине), у албанцев (Ш. Плана, Приштина), у греков (М. Стоянович, Белград), у русинов, проживающих в Югославии (М. Радованович, Белград).

Доклады о Марке Крале в целом свидетельствовали о высоком уровне эпосоведения, достигнутого современной югославской фольклористикой, и о новых методологических поисках в этой области.

Необходимо отметить, что на конгрессе выступали сторонники различных методологических принципов. Однако преобладающим было прогрессивное направление, связанное с конкретно-историческим изучением народного эпоса.

В докладе Д. Найческого, который характеризовал героический эпос как «не только историческую память народа, но и его идеологический фонд» и говорил об исторически изменяющемся осмыслении самим народом традиционных сюжетов с позиций актуальных интересов современности, отразилась тенденция, характерная для многих современных исследователей эпоса.

На конгрессе явственно прозвучал призыв к социально-историческому и классовому аспектам рассмотрения героического эпоса, к изучению общественных и эстетических идеалов народа, борющегося за свободу.

На специальном заседании конгресса обсуждались проблемы музыкального фольклора. Кроме упомянутого доклада И. И. Земцовского здесь были прочитаны доклады, посвященные взаимодействию фольклорных традиций у разных народов и этнических групп: Р. Петровиц (Белград), С. Бурласовой (Братислава), Г. Сулицеану (Бухарест), Д. Стешевского (Варшава), Г. Флориана (Вена).

Предполагалось также, что на конгрессе будет представлена секция народного театра, однако, к сожалению, докладчики, чьи выступления по этой проблеме предполагались, на конгрессе не явились. Были заслушаны лишь доклады И. Бутовски (Белград) и С. Младеновского (Кавадарци) о ряжении и масках в Македонии.

Работа конгресса протекала в атмосфере научной коллегиальности и сопровождалась откровенной товарищеской и принципиальной дискуссией по всем обсуждавшимся проблемам.

Участники конгресса побывали в местах, связанных с революционно-освободительным движением в Македонии, осмотрели культурно-исторические памятники Крушева и Прилепа, ознакомились с материалами и документами, рассказывающими об антифашистской борьбе и партизанском движении местного населения в годы второй мировой войны, посетили выставку македонского народного искусства и фольклористической литературы. Участники конгресса присутствовали на большом фольклорном концерте, на котором выступили местные народные певцы, музыканты и танцоры, были участниками юбилейного вечера в Прилепе, посвященного 50-летию со дня смерти М. Цепенкова — выдающегося собирателя народного творчества, поэта, прозаика и драматурга.

После завершения работы конгресса состоялось торжественное заседание Президиума Союза фольклористов Югославии, посвященное 20-летию со дня основания организации. Доклад об истории этой организации сделал один из членов первого Президиума общества З. Палчок (Загреб), на заседании присутствовал и первый его председатель — акад. Ц. Рихтман (Сараево), которого участники заседания тепло приветствовали.

На рабочем заседании Президиума Союза фольклористов был избран новый председатель (акад. Д. Неделькович) и секретарь (М. Илин) Союза фольклористов и определено место следующего конгресса — Воеводина (автономная область Сербской Социалистической Республики).

В. Е. Гусев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этническая история народов Азии. М., 1972, 293 стр.

Рецензируемый сборник, подготовленный Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР под редакцией С. М. Абрамзона и Р. Ф. Итса, свидетельствует о том, что ленинградские ученые уделяют серьезное внимание проблемам этногенеза. Исследование этногенеза народов мира — одно из главных направлений в этнографической науке. Постоянное внимание к этой теме помогло советским ученым развить концепцию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей¹, которая все шире используется советскими и зарубежными исследователями.

Народ — основной объект исследования этнографов². Это уже само по себе предполагает интерес к истории его формирования. Сложное происхождение народов, как исторически возникших общностей людей, закономерно предполагает комплексный подход к проблемам этногенеза. В предисловии к сборнику подчеркивается, что именно на таких позициях стоят его авторы.

Перейдем к рассмотрению отдельных статей. Статья Л. В. Хомич «Опыт изучения современных этнических процессов в Ямало-Ненецком национальном округе» — одна из интереснейших в сборнике. Автор показывает, что развитый социалистический строй способствует интенсификации этнических процессов у народов Севера. В статье дан подробный анализ социального состава, занятий, культуры, брачных и языковых взаимоотношений разных национальностей Ямало-Ненецкого округа. Сохранению этнической обособленности коренного населения (ненцев, хантов и отчасти коми-зырян) в конкретных условиях Севера способствует специфика хозяйства, связанная с кочевым оленеводством (около 90% коренного населения ведет кочевой образ жизни). Особые условия Севера и местный быт (одежда, оленный транспорт, пища) оказывают также сильное воздействие на прошлое, в том числе и русское население.

В статье Г. Н. Грачевой «Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири)» дается сравнительно-исторический анализ этих названий, на основании которого делаются некоторые выводы этногенетического характера. Например, подтверждается традиционная точка зрения о двух компонентах, тюркском и нетюркском, в этногенезе тофаларов (в статье почему-то дается их старое название — карагасы).

В работе Л. П. Потапова «Тубалары горного Алтая» дана детальная этнографическая характеристика рассматриваемого народа. Наличие у тубаларов железоделательного производства, их скотоводческие традиции при преобладании лесной охоты, культ гор позволяют привлечь сравнительно-исторические данные для решения проблем их этногенеза. Наряду с самодийским и средневековым тюркским элементами, по мнению Л. П. Потапова, можно вскрыть в этногенезе этого народа и древнетюркский пласт, уходящий в гуннскую среду.

В статье С. М. Абрамзона «Народные предания, как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня» привлекается, на наш взгляд, важный, еще мало использованный для изучения проблемы этногенеза источник. Материал, приведенный автором, касается истории киргизов в XVI — начале XVIII в., т. е. в период джунгарской экспансии. Несомненно, что в исторических преданиях, фольклоре и мифологии сохранились следы явлений и событий не только столетней, но подчас и тысячелетней давности, по которым можно вскрыть глубочайшие пласты этногенеза. К сожалению, методология использования подобных материалов в этнографической науке еще недостаточно разработана.

¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1955, № 4.

² Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия этнос, «Расы и народы», М., 1971.

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев и Ч. М. Таксами в статье «Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии» рассматривают этногенез эскимосов, алеутов, нивхов, айнов, коряков и чукчей в рамках более широких этнокультурных связей народов тихоокеанского бассейна. Работа этих авторов представляется нам одной из наиболее интересных в сборнике. В ней подробно аргументируется теория эскимосо-алеутских влияний на юге рассматриваемого ареала, достигавших низовий Амура и северной Японии. Для решения проблем этногенеза населения дальневосточной историко-этнографической области, включавшей в древности, по предположению авторов, также Северную Японию, привлекается обширный археологический и этнографический материал (древние костяные гарпуны, традиционные японские куклы, восходящие к культурным изображениям нивхов, и др.).

Статья И. С. Вдовина «Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей» посвящена спорным вопросам этногенеза народов крайнего северо-востока Азии. Автор считает, что Б. О. Долгих неправомерно расширил этнический ареал юкагиров XVII в. за счет чукчей. В статье высказана мысль, что юкагиры, пришедшие в соприкосновение с общими предками чукчей и коряков, разделили их на две группы, что положило начало резкому обособлению этих двух народов (стр. 109). Захват юкагирами охотничьих территорий стимулировал развитие у чукчей пастушеского оленеводства, а также морского зверобойного промысла и рыболовства. Вывод И. С. Вдовина о поздних контактах юкагиров с чукчами и коряками, по-видимому, согласуется с теорией М. Г. Левина и Г. М. Василевич о тунгусском происхождении оленеводства у чукчей и коряков, а также с мнением И. С. Гурвича о том, что оленеводческие группы чукчей и коряков обособились лишь к XVII в.³

Особое место в сборнике занимает работа Р. Ф. Итса «Борьба за независимость как фактор этнического развития народов Южного Китая в период господства Цин». Автор обращает особое внимание на социально-политические процессы в период маньчжурской правления в Китае (1644—1911), показывая классовый характер межэтнических отношений. Большое внимание в связи с этим уделено тайпинскому восстанию, несколько десятилетий потрясавшему феодальный Китай. В нем приняли активное участие народы южного Китая — чжуаны, мяо, ицзу и др. Анализ классовой борьбы позволил автору сделать важные выводы: маньчжурское завоевание Китая затормозило не только социально-экономическое развитие страны, но и этнические процессы, прежде всего консолидацию самого китайского народа. Нация в Китае складывалась в сложных условиях феодально-национального, а затем и империалистического гнета. Интересен вывод Р. Ф. Итса о том, что сохранение демократических традиций доклассовой эпохи у некитайских народов Южного Китая стимулировало антифеодальные выступления китайского крестьянства. Автор говорит о том, что цинское завоевание и подавление тайпинского восстания, помимо физического уничтожения многих тысяч чжуанов, мяо, ицзу и других национальных меньшинств Южного Китая, привели к специфическому этническому развитию: этническая территория этих народов оказалась разорванной, что вызвало в ряде случаев социально-экономический регресс и возрождение племенной раздробленности.

Одному из народов Китая с очень сложной этнической историей посвящена статья А. М. Решетова «Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации». Автор дает характеристику этого народа. Хуэй — третий по численности из малых народов Китая (после чжуанов и уйгуров); он насчитывает около 4 млн 300 тыс человек (1965). Расселены хуэй почти на всей территории КНР. Часть этого народа во второй половине XIX в. переселилась в Среднюю Азию, где теперь известна под названием «дунгане». В Китае хуэй делятся на три основные группы: северную, юго-западную (юньнаньскую) и южную (гуаньчжоускую). Хуэй, как и многие другие неханьские народы Китая, говорят на диалектах китайского языка и пользуются китайской письменностью. Этногенез хуэй связан с историей распространения в Китае ислама и с теми народами, которые принесли его: арабами, иранцами, народами Средней Азии и др. По Г. Г. Стратановичу, одним из субстратов хуэй были маньчжуроязычные группы⁴. В недавно вышедшей монографии М. Сушанло в разделе об этногенезе дунган проводится мысль о тунгусском субстрате, давшем начало этногенезу хуэй⁵. Эта концепция нам представляется наиболее убедительной. Именно тангуты, говорившие на тибето-бирманском языке и переселившиеся из Юго-Западного Китая (из Сычуани) в VII—VIII вв. н. э. в более северные районы Ордоса⁶, могли образовать ту основу, которая легко воспринимала культурные и этнические воздействия, шедшие с юга Китая. Однако спецификой этногенеза хуэй является то, что как народ они сложились на территории Китая на основе китайского языка. Подчеркивая роль китайской

³ И. С. Гурвич, Проблема происхождения оленеводческих подразделений северо-восточных палеазиатов в свете этнографических данных, «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. I, Новосибирск, 1969.

⁴ Г. Г. Стратанович, Проблема происхождения хуэй и их ранней истории, «Народы Восточной Азии», М., 1965.

⁵ М. Сушанло, Дунгане, Фрунзе, 1971.

⁶ Е. И. Кычанов, К вопросу о происхождении тангутов, Сб. «Вопросы филологии и истории стран Советского и Зарубежного Востока», М., 1961.

языковой и культурной среды, а также тот факт, что у хуэй не было особой, отличной от китайцев этнической территории, А. М. Решетов характеризует хуэй как этнографическую (этно-конфессиональную) группу китайского народа.

Этот вывод автора статьи представляется нам весьма спорным. Языковая общность хуэй и китайцев не дает еще достаточных оснований для такого вывода. На наш взгляд, у хуэй основные этнодифференцирующие функции выполняет не язык, а культура в узком значении этого слова. Следует отметить, что ислам наложил отпечаток, не только на духовные представления, его влияние чувствуется и в жилище, пище, одежде и в других сферах быта хуэй. Даже в области народного искусства у хуэй проявляется юго-восточноазиатское влияние проникающее с исламом (отдельные сюжеты, например, мотив кала-макара в орнаментике и т. д.)⁷. Общий культурный фонд, который присущ даже самым северным хуэй, свидетельствует о культурном единстве всех отдельных групп этого народа. Здесь, как и во многих других случаях, культурное своеобразие является основным фактором этнического обособления. Ислам способствовал упрочению эндогамности брачных связей у хуэй. Наконец, этот народ сам четко осознает себя как особую этническую общность; китайцы также считают их отдельным народом. Хуэй, с нашей точки зрения, — исторически сложившаяся устойчивая общность, т. е. этническая общность, хотя и слабо консолидированная. Нужно бы более определенно сказать о том, что поселения мусульман на юге о. Хайнань, которые принято относить к хуэй, являются тямской колонией, появившейся после разгрома феодального Вьетнамом государства Тямпа; к этим переселенцам впоследствии присоединились другие мусульмане — также выходцы из Юго-Восточной Азии.

В статье С. А. Маретиной «Из этнической истории горных народов Северо-Восточной Индии» рассматривается этногенез главным образом тибето-бирманских народов: нага, качари, куков, чинов, а также мон-кхмерских кхаси. Нужно сказать, что вопрос об их происхождении очень слабо разработан. Поэтому появление первой специальной сводной работы по этой теме надо приветствовать. Нам кажется, что изучение этнических процессов в рассматриваемом районе современной Индии следовало бы теснее связывать с исследованием истории народов Юго-Восточной и Восточной Азии. Такой подход намечается в статье С. А. Маретиной. Автор констатирует, что в прошлом Северо-Восточная Индия в этнографическом отношении входила в историко-этнографическую область материковой части Юго-Восточной Азии.

В статье М. К. Кудрявцева «Об этническом составе армий мусульманских завоевателей Индии» исследуется важная проблема формирования населения современных Пакистана и Северной Индии. В ней показана динамика военных и этнических взаимоотношений арабских, персидских, тюркских, монгольских и афганских этнических элементов с местными индийскими в VIII — середине XVIII в. М. К. Кудрявцев отмечает, что наряду с военной экспансией имела место также мирная инфильтрация в Индию мусульманских народов. Но, конечно, эти вопросы — тема специального исследования.

Несколько выходит за тематические рамки сборника статья Ф. Д. Люшкевич «Некоторые этнографические данные о татах Ирана». Это квалифицированное описание быта одной из малоизученных народностей, сделанное на основании публикаций новейших иранских полевых исследований. Ф. Д. Люшкевич уже внесла вклад в изучение сложнейших этнических и хозяйственно-культурных взаимоотношений в Средней Азии, Закавказье и Иране, где термин «тат» широко употребляется для характеристики оседло-земледельческого населения⁸. Однако в рассматриваемой статье вопросы этногенеза, к сожалению, прямо не поставлены.

Большой интерес представляет статья В. Г. Трисман «К условиям складывания общего языка в Индонезии». В ней приведено много новых материалов по истории формирования общендонезийского языка. В статье убедительно показано, что формирование общендонезийского языка происходило не как следствие стихийных процессов, а как осознанный акт в общем ходе национально-освободительной и классовой борьбы. Проблема индонезийского языка стала одной из центральных в антиколониальном движении. В независимой Индонезии он стал играть роль основного средства общения.

Статья Д. И. Тихонова «Этническое развитие народов Республики Филиппины» в значительной мере повторяет этнографические материалы автора в tome «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966. Проблемы этнического развития затронуты в заключительной части статьи. Заслуживают внимания приведенные данные по языковым проблемам. Филиппины, как и Индонезия, населены многими близкородственными народами, они долго были в колониальной зависимости сначала от Испании, затем от США. На Филиппинах, как и в Индонезии, выдвигается проблема единого национального языка, причем за основу здесь взят язык тагалов, на территории которых находится самый крупный центр страны — Манила. Трудности в распространении языка пилипино, созданного на основе тагальского, автор объясняет его фонетической сложностью. Дело не только в этом. Многие филиппинские языки далеко отстоят друг от друга в лингвистическом отношении, кроме того, действует такой фактор, как большие различия в

⁷ См.: Г. Г. Стратанович, Изобразительное искусство дунган СССР, «Труды сектора востоковедения Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1959.

⁸ Ф. Д. Люшкевич, О термине «тат» как этнониме на территории Ирана, Средней Азии и Закавказья, «Сов. этнография», 1971, № 3.

культуре отдельных народов. Кроме того нужно принимать во внимание, что вокруг вопроса о языке пилипино ведется острая политическая борьба, некоторые реакционные силы выдвигают идею принятия английского языка в качестве единого национального языка Филиппин⁹.

Статья А. И. Мухлиннова «Этнографическая характеристика бронзовой культуры Донгшона (Вьетнам)» касается одной из узловых этногенетических проблем Юго-Восточной Азии. Автор делает вывод о том, что рассматриваемая культура принадлежит носителям малайско-полинезийских языков, что ее наследие живо в культуре современных мон-кхмерских и малайско-полинезийских народов Юго-Восточной Азии. Актуальной задачей является определение территориальных границ донгшонской культуры в Индокитае и на островах Индонезии, соотношение ее с близкими традициями в соседних районах, например, с культурой Шичжайшань в Юго-Западном Китае¹⁰. Важна также постановка проблемы создания целостной истории Индокитая в эпоху бронзы с учетом предшествовавших донгшонской культуре стадий, таких как самронсенская и недавно обнаруженная бронза в северо-восточном Таиланде, которая датируется III тыс. до н. э.¹¹

Малознученному периоду в истории южной Сибири и сопредельных районов посвящена статья Д. Г. Савинова «Об изменении этнического состава населения южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени». В статье поддерживается мысль Л. Р. Кызласова об огромной роли государства древних хакасов в Южной Сибири и Центральной Азии, оказавшего значительное культурное воздействие на население этого района в IX—XII вв. Д. Г. Савинов выделяет среди памятников XI—XII вв. два территориальных и хронологических комплекса, полагая, что ранний связан с тюркоязычными кыргызами, а более поздний свидетельствует о вытеснении на историческую арену монголов. Причем указывается, что появление монгольского элемента не означало исчезновения тюркского населения.

В статье Л. Г. Нечаевой «Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин» доказываются генетические связи склеповой традиции на Северном Кавказе V—XIX вв. с обычаем катакомбных захоронений, принесенным в горные районы аланами, и отрицается происхождение этой традиции от погребений в каменных ящиках и дольменах. Таким образом, в концепции автора преувеличивается роль аланского источника в ущерб автохтонному. Автор не учитывает того, что катакомбная культура относится к I тыс. до н. э., а склепы зафиксированы на Кавказе в эпоху бронзы во II тыс. до н. э.

Переходя к общей оценке сборника, хочется еще раз сказать, что этнографический материал, имея непосредственное отношение к этнической специфике изучаемого народа, служит тем надежным критерием, который помогает интерпретировать лингвистические, археологические и антропологические данные. Иначе говоря, этнографический материал выступает как основной источник по этногенезу. Этому не противоречит то обстоятельство, что часто лингвистические или антропологические данные корректируют теорию происхождения отдельного народа. Высказанные соображения согласуются с теми последними исследованиями, где роли культуры в функционировании этноса придается особое значение¹².

Я. В. Чеснов

⁹ В. А. Макаренко, Рец. на: Apolinar B. Parale. Facts and issues on the Philipino language. Malabon, 1969, XIII, 294 p. «Сов. этнография», 1970, № 4, стр. 171—174.

¹⁰ Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 191—207.

¹¹ W. G. Solheim II, Southeast Asia and West, «Science», v. 157, 1967, pp. 299—300.

¹² Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Расы, народы, культуры, М., 1971, стр. 8—88.

М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972, 325 стр.

Работа М. В. Крюкова представляет большой интерес не только и, может быть, даже не столько для специалистов по Китаю, сколько для всех этнографов, занимающихся исследованием родства. В ней на китайском материале ставятся и решаются проблемы огромной теоретической важности и среди них прежде всего вопрос об историческом соотношении типов систем родства.

Как известно, впервые этот вопрос был поставлен Л. Г. Морганом, открывшим классификационные системы родства, подразделявшим их на малайские и турано-ганованские и противопоставившим их системам родства привычного для европейцев типа.

Последние были названы им описательными системами. Л. Г. Морганом была создана и первая схема эволюции систем родства. Согласно его взглядам, исходной была малайская (гавайская) система родства. Результатом возникновения родовой организации было превращение ее в турано-ганованскую систему. Возникновение моногамной семьи привело к появлению описательной системы. Но хотя последняя пришла на смену турано-ганованской, между этими двумя системами нет генетической связи. Турано-га-

нованская система не превратилась в описательную. Она просто исчезла. Описательная система родства возникла непосредственно на основе новых семейно-брачных отношений.

Следующий крупный шаг в решении рассматриваемой проблемы был сделан У. Риверсом (1907, 1914, 1924). Он доказал, что не турано-ганованская система родства возникла из гавайской, а наоборот, вторая возникла из первой. Как на самые древние из турано-ганованских систем родства он указал на такие, которые предполагают для своего возникновения существование двух матрилинейных экзогамных групп, связанных групповым браком. Характерной чертой этих исходных систем он считал совпадение отношений родства с отношениями свойства. Обращаясь к описательным системам родства, Риверс выделил среди них два основных типа. Системы родства того типа, к которому, в частности, относится английская, он назвал семейными. Системы родства того типа, примером которого может послужить арабская, он назвал большесемейными. Турано-ганованские системы родства он охарактеризовал как родовые (клановые). Родовые, большесемейные и семейные системы Риверс рассматривал как три основных типа систем родства. Что же касается гавайской, то ей места в классификации, предложенной Риверсом, не нашлось.

Р. Лоуи (1922, 1928) осуществил своеобразный синтез классификаций Моргана и Риверса. Результатом было выделение четырех основных типов систем родства. Как указывал Р. Лоуи, в основе данного деления лежит признак разграничения или слияния прямой и боковых (коллатеральных) линий в первом восходящем поколении. Но в действительности у него этот признак действует совместно с другим — разграничения или слияния материнской и отцовской линий. В гавайской системе полностью отсутствует разграничение как материнской и отцовской, так и прямой и боковых линий в каждом из поколений. Это, как назвал ее Лоуи, поколенная система. В турано-ганованской системе, в частности в ирокезской, четкое разграничение родственников по матери и по отцу сочетается со слиянием прямой и боковых линий внутри каждой из разграниченных таким образом групп. По терминологии Лоуи, это — бифуркативно-слившаяся система. В системах родства того типа, к которому относится арабская, разграничение материнской и отцовской линий сочетается с разграничением прямой и боковых линий. Это, по Лоуи, бифуркативно-коллатеральные системы. И наконец, в привычных европейских системах родства имеет место только разграничение прямой и боковых линий. Такие системы Лоуи называл линейными.

М. В. Крюков принимает это деление, именуя четыре обрисованных выше типа родства соответственно гавайским, ирокезским, арабским и английским. Для выявления исторического соотношения типов систем родства, по мнению автора, имеется два основных пути. Первый из них — синхронный — заключается в изучении существующих в данное время у разных народов систем родства и их сопоставлении. Этим методом пользовались Морган и многие другие исследователи. Другой — диахронный или исторический — заключается в исследовании реального развития системы родства у того или иного народа.

Примерами применения исторического метода являются исследования П. А. Лавровского (1867) о русской системе и Ф. Лаунсберри (1969) о латинской системе. Как совершенно справедливо указывает М. В. Крюков, приводимые ими данные неопровержимо свидетельствуют о том, что английская (линейная) система родства возникла из предшествовавшей ей арабской (бифуркативно-коллатеральной). Дж. Томсон (1949) на основе изучения особенностей латинской терминологии родства, относящейся в своей классической форме к арабскому типу, высказал предположение, что ей предшествовала терминология ирокезского типа.

Следующий и притом значительный шаг вперед в выявлении исторического соотношения типов систем родства сделан в рецензируемой работе на основе тщательного, скрупулезного анализа материалов по китайской системе родства, которая занимает особое место среди всех остальных. «Фактически это почти уникальный пример терминологии, развитие которой на протяжении более 30 столетий вплоть до настоящего времени нашло свое отражение в хорошо датированных письменных памятниках», — пишет М. В. Крюков (стр. 5). И в этом он совершенно прав.

Самой ранней из известных нам китайских терминологий родства является система, существовавшая на грани II—I тысячелетий до н. э. Опираясь на эпиграфические памятники иньского и ранне-чжоуского времени, М. В. Крюков реконструирует ее. По всем основным признакам эта система относится к турано-ганованскому (ирокезскому, бифуркативно-слившемуся) типу. Однако она представляет собой форму более древнюю, чем собственно ирокезская система родства. Специфической ее особенностью является последовательно проведенное дуальное деление терминов. Она могла возникнуть лишь в условиях существования двух экзогамных групп, связанных обязательным браком. Этот наиболее древний тип (точнее подтип) терминологии М. В. Крюкова предлагает именовать австралийским, хотя правильнее было назвать его просто дуально-родовым.

Если система родства, существовавшая у китайцев на рубеже II—I тысячелетий до н. э. была австралийской (дуально-родовой), то современная письменная китайская система родства, как показывает М. В. Крюков, является классическим образцом терминологии арабского (бифуркативно-коллатерального) типа. Таким образом, эволюция китайской системы родства состояла в превращении классификационной системы род-

ства австралийского типа в описательную систему родства арабского типа. И М. В. Крюков, основываясь на памятниках китайской письменности, шаг за шагом проследивает этот процесс. Но работа его вовсе не сводится к простому описанию изменений, происходивших в китайской терминологии. Он стремится вскрыть механизм и закономерности этих изменений. И его обобщения, на наш взгляд, представляют большую ценность.

Первый сдвиг в древнейшей китайской системе родства, зафиксированный в песнях «Шицзин» (IX—VI вв. до н. э.) заключался в том, что родственников начали разграничивать в пределах поколения по признаку относительного возраста. Первоначально это изменение затронуло лишь нулевое поколение¹ и лишь затем распространилось на первое восходящее, что нашло свое четкое выражение в трактате «Моцзы» (VI—V вв. до н. э.). Распространение критерия относительного возраста на родственников первого восходящего поколения означало разграничение в пределах этого поколения прямой и боковых линий. Вслед за этим отделение прямой линии от боковых затронуло и нулевое поколение. В последних веках до н. э. терминология родства в первом восходящем поколении уже приобрела отчетливый арабский характер.

Еще в иньском обществе брак перестал быть обязательным. И исчезновение дуально-родовой организации не могло не сказаться на системе родства — она стала терять дуальный характер, что выразилось в появлении специальных терминов свойства. Как свидетельствуют сравнительные данные этнографии, рассматриваемые два вида изменений (разграничение прямой и боковых линий — с одной стороны, появление терминов свойства — с другой) протекают во многом независимо друг от друга. У ирокезов, например, особые термины свойства давно уже возникли, но прямая и боковые линии по-прежнему остаются неразграниченными. А у тамилов, у которых родственники по прямой и боковым линиям в первом восходящем поколении уже отделены друг от друга, выделение терминов свойства только еще началось, в результате чего их система все еще в значительной степени носит дуально-родовой характер. Как отмечает М. В. Крюков, развитие китайской системы шло в том же направлении, что и тамильской. В целом китайская система родства приобрела свой современный характер к концу I и началу II тыс. н. э. (стр. 205—206). Если современная письменная китайская система родства имеет чисто арабский характер, то современная разговорная система путунхуа и в особенности столичного пекинского диалекта содержит в себе определенные отклонения от классического арабского типа. И эти изменения, как убедительно показывает автор, идут по линии приближения к английскому типу (стр. 237—238).

Таким образом, китайская система родства — это единственный в своем роде пример эволюции от самых древних терминологий до самых современных. И тем самым исследование ее позволяет значительно приблизиться к решению проблемы исторического соотношения типов систем родства. Материалы по китайской системе родства в сочетании с другими этнографическими данными дают достаточное основание для сделанного М. В. Крюковым вывода о том, что основная линия эволюции систем родства идет от терминологий австралийского (дуально-родового) типа через терминологию арабского типа к терминологиям английского типа (стр. 279—280). Что же касается гавайской системы родства, то она не является всеобщим и необходимым этапом в эволюции систем родства. Ее возникновение из турано-ганованской системы является отклонением от основной линии, обусловленным особыми историческими условиями (стр. 278).

Приведенные М. В. Крюковым китайские материалы неопровержимо доказывают, что самой древней из всех систем родства является терминология австралийского (дуально-родового) типа. Она совершенно не знает генеологического родства. И «это, — указывает автор — само по себе содержит указание на то, что в обществе с классификационной системой родства австралийского типа парной семьи или не существует вообще или же она полностью подчинена роду...» (стр. 280—281). Точнее было бы сказать, что австралийская система родства может возникнуть только в таком обществе, где парный и вообще индивидуальный брак отсутствует. Но здесь возникает серьезное затруднение. У китайцев экзогамные группы, из которых состояла дуальная организация, были патрилинейными. А появление отцовской филиации без парного брака невозможно. Этот вопрос выпал из поля зрения автора, однако приводимые им данные позволяют решить эту задачу. Работами ряда китайистов установлено, что в далеком прошлом у китайцев существовала система четырех брачных классов, аналогичная той, что детально изучена у австралийцев (стр. 271—272). Но эта система предполагает наложение отцовской филиации на материнскую, сдвигание этих двух филиаций. Таким образом у китайцев в далеком прошлом, наряду с отцовской филиацией существовала и материнская. Но как свидетельствуют данные этнографии, везде, где наблюдается одновременное существование материнской и отцовской филиаций, первая является более древней, а вторая — позднейшей. Все это дает достаточное основание для вывода, что в обществе древних китайцев системе двух взаимобрачующихся патрилинейных групп предшествовала система двух матрилинейных экзогамных групп, связанных групповым браком. Именно к этой организации и уходит своими истоками дуально-родовая система.

Все сказанное выше позволяет дать самую высокую оценку исследованию М. В. Крюкова. Его труд несомненно представляет собой значительный шаг вперед в решении проблемы исторической эволюции систем родства. Можно оспаривать многие частные обобщения автора, но его идея о том, что основания, магистральная линия эво-

¹ Поколение человека, от которого ведется отчет родства.

люции систем родства шла от австралийских (дуально-родовых) через арабские к английским, нам представляется безусловно правильной. И выявление М. В. Крюковым этой магистральной линии развития создает условия для дальнейшего продвижения в этой области.

Однако, на наш взгляд, М. В. Крюков смог бы добиться больших результатов, если бы не неясности и противоречия в его общем подходе к системам родства. Он выступает с резкой критикой моргановского деления систем родства на классификационные и описательные. Приведя моргановское определение, М. В. Крюков пишет: «Нетрудно видеть, что такое противопоставление двух основных типов систем является порочным, так как основывается на признаках различных порядков: под классификационностью понимается группировка родственников, а под описательностью — морфологическая структура терминов родства» (стр. 33). Не выдерживают, по мнению автора, критики и все другие попытки отграничить классификационные системы родства от описательных (стр. 28—33). Классификационные термины, утверждает он, существуют во всех без исключения системах родства. Они составляют подавляющее большинство терминов и в тех системах, которые Морган характеризовал как описательные. По существу все системы родства в той или иной степени являются классификационными.

Однако утверждая все это, М. В. Крюков вкладывает в слово «классификационный» совершенно иной смысл, чем Морган и другие сторонники его точки зрения. Классификационным М. В. Крюков называет такой термин, который обозначает не одно лицо, а несколько лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим (стр. 35). Кроме классификационных терминов он также выделяет групповые термины, каждый из которых обозначает группу родственников, находящихся в одних и тех же отношениях с говорящим, и индивидуальные термины, каждый из которых обозначает только одно лицо (стр. 34—35).

Но для Моргана классификационный термин не просто такой, который обозначает не одно, а несколько лиц. Классификационный термин по Моргану обозначает каждое лицо из целой группы людей, находящейся в определенном отношении к группе, в состав которой входит говорящий. Таким образом, классификационный термин, показывает отношение не непосредственно между индивидами, а между группами и только тем самым между индивидами, входящими в их состав. Классификационная терминология в моргановском смысле не знает родства между индивидами, индивидуального родства. Она знает только групповое родство. Правда, все эти особенности классификационных терминов не были в достаточной степени четко раскрыты в работах самого Моргана. В этом отношении большой шаг вперед был сделан А. М. Хокартом, который в своей прекрасной работе «Системы родства» (1937) наглядно показал, что классификационные системы родства отражают отношения, качественно отличные от отношений, столь привычных для европейцев.

В основе отличия классификационных систем родства от описательных лежит качественное различие между выражаемыми или родственными отношениями. Классификационные системы отражают групповое родство, описательные — родство между индивидами. К сожалению, М. В. Крюков до конца в этом не разобрался, с чем и связаны его ошибки во взглядах на классификационные термины родства.

Индивидуальное родство всегда носит эгоцентрический характер. В центре находится определенный индивид (эго), от которого и ведется отчет. С каждым из родственников его связывает линия родства, состоящая из одной или нескольких элементарных единиц — степеней родства. Степень родства есть связь между родителем и порожденным. Индивидуальное родство точнее всего можно было бы определить как линейно-степенное родство. Именно линейно-степенной характер индивидуальных отношений родства и попытался выразить Морган, обозначая системы родства, отражающие эти отношения, как описательные. Любую линию родства можно описать путем последовательного обозначения составляющих ее степеней родства. Среди терминов описательных (линейно-степенных) систем родства существует как обозначающие лишь одну линию и тем самым одно лицо (единичные), так и служащие для обозначения нескольких линий родства и тем самым нескольких лиц (общие). Но и общие термины, как и единичные, обозначают отношения непосредственно между индивидами и в этом смысле являются индивидуальными, а вовсе не классификационными. В линейно-степенных (описательных) системах родства нет классификационных терминов. В них имеются лишь единичные и общие термины.

Нельзя сказать, чтобы существование группового родства и классификационных терминов в подлинном смысле слова осталось совершенно вне поля зрения М. В. Крюкова. Характеризуя, например, системы родства австралийского (дуально-родового) типа, автор указывает, что «в них отношение между лицами определяется через принадлежность этих лиц к определенному классу, определяемому принадлежностью к одной из двух взаимобрачающихся групп, поколению и полу» (стр. 281). Называя системы этого типа классификационными М. В. Крюков фактически вкладывает в данный термин моргановский смысл. Однако буквально тут же он противопоставляет этим системам все остальные как «частично классификационные» (стр. 281). И здесь он понимает под классификационными терминами уже не собственно классификационные, а общие. И так как М. В. Крюков не отделяет одного от другого два разных смысла, которые он вкладывает в термин «классификационный», то он фактически трактует именно как общие, а не классификационные, не только общие термины описательных систем род-

ства, но и действительно классификационные термины всех классификационных систем родства, исключая (а иногда и не исключая) австралийские. И в результате все системы родства, кроме дуально-родовых, предстают у него как линейно-степенные (т. е. описательные). И среди «частично классификационных» эли, что для него то же самое, «генеалогических» систем родства у него в равной степени оказываются и английская, и гавайская, и ирокезская.

И согласиться с ним в этом нельзя. Верно, конечно, что среди терминов ирокезской системы родства имеется некоторое число индивидуальных. Однако не они определяют характер этой системы. Подавляющее большинство ее терминов являются классификационными в точном смысле этого слова. В целом это классификационная система родства, хотя уже и вставшая на путь, ведущий к превращению в описательную. Что же касается английской системы родства, то в ней классификационные термины совсем отсутствуют. Она является полностью линейно-степенной.

Можно спорить о том, насколько удачными являются предложенные Морганом названия, однако введенное им деление систем родства на классификационные и описательные имеет под собой глубокую объективную основу и поэтому полностью сохраняет свое значение для науки. Нечеткое разграничение М. В. Крюковым сущности различия между классификационными и линейно-степенными терминами родства в определенной степени обеднило нарисованную в книге картину эволюции китайской системы родства. По существу, вне поля зрения автора остался процесс превращения классификационных терминов родства в линейно-степенные (описательные). О нем он говорит лишь попутно, нигде не раскрывая механизма этой трансформации.

Обращаясь теперь от материалов и теоретических построений, содержащихся в рецензируемой книге, к самой книге, можно было бы предъявить автору немало претензий. В частности его можно упрекнуть в явной недооценке того вклада, который был сделан в решение рассматриваемой проблемы У. Риверсом. В целом ряде мест положения, выдвинутые впервые Риверсом, приписываются другим исследователям (стр. 39, 45, 46, 49). Автор перегружает работу иностранными словами, используемыми в качестве терминов, хотя во многих случаях их легко можно было бы перевести на русский язык. Например, без конца употребляемое в книге слово «релевантный» легко переводится словом «существенный». Автор в целом удачно использует метод компонентного анализа, однако терминологию его он нередко употребляет и там, где в ней нет нужды. Не только не облегчает, а, наоборот, затрудняет понимание работы использование кода Левина. Код, который употребляется в англо-американской этнографической литературе, значительно более прост. Его, вероятно, и следовало бы взять за образец. Нельзя согласиться с автором, когда он тип системы родства определяет только как искусственную идеальную модель (стр. 222, 281). Тип существует и в объективной реальности, но как всякое общее только в отдельном и через отдельное. Имеются известные недостатки в структуре работы. Она недостаточно стройна, изобилует повторениями.

Обычно принято завершать рецензию заявлением, что отмеченные недостатки не снижают достоинства рассматриваемой работы и т. п. Мы от такого заявления воздержимся. На наш взгляд, если бы указанных недочетов не было бы, то книга от этого только бы выиграла. Но не в этом дело. Суть заключается в том, что результатом исследования, предпринятого автором, явилось подлинное научное открытие. Он сделал то, чего до него не совершил никто. И никакие недостатки работы не могут изменить этого несомненного факта. Появление книги М. В. Крюкова является заметным событием не только в советской, но и зарубежной литературе по этнографии. И оценить эту работу иначе, как крупный вклад в этнографическую и шире — историческую науку, на наш взгляд, нельзя.

Ю. И. Семенов

НАРОДЫ СССР

Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, 344 стр.

Практическое осуществление в Советском Союзе ленинского учения по национальному вопросу вызывает неослабевающий интерес и у специалистов — историков, этнографов, экономистов, социологов и у широких кругов общественности. Решение Коммунистической партии и Советским правительством целого комплекса сложных национальных проблем в ходе строительства социализма у отсталых в прошлом народов имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение. В ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина появился целый ряд значительных исследований, посвященных претворению в жизнь ленинской национальной политики. К юбилею была подготовлена и рецензируемая книга. Эта книга интересна прежде всего тем, что в ней исследуются многие недостаточно разработанные в литературе вопросы, связанные с

конкретным опытом применения ленинской национальной политики в отношении малых, наиболее отсталых в прошлом народов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Авторы сборника — этнографы, экономисты, работники просвещения и здравоохранения — основываются не только на опубликованных уже в литературе данных, но и вводят в научный оборот новые архивные материалы и собственные полевые наблюдения.

Книга как бы распадается на две части. В первой рассмотрены общие проблемы национальной политики Советского государства на Крайнем Севере, во второй дана характеристика социалистического строительства по отдельным регионам. В целом сборник показывает преодоление глубокой отсталости у народов Севера в результате проводившейся в советское время целеустремленной работы по развитию их хозяйства и культуры.

В вводной статье И. С. Гурвича «Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере» рассматривается ход национального строительства у народов Крайнего Севера в целом. Автор показал последовательное и творческое применение основных положений ленинской теории по национальному вопросу в рассматриваемом регионе на различных этапах социалистического строительства. В статье отмечаются трудности национального строительства и имевшие порой место ошибки (так, в частности, говорится о преждевременности ликвидации в 1935 г. Комитета Севера, перегибах в коллективизации и др.). Интересен приведенный в статье материал о кардинальных изменениях в хозяйстве, в том числе в промыслах, в культуре.

Несомненную ценность имеет историографическая работа В. В. Антроповой «Проблема некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе».

Совершенно справедливо утверждение автора, что подчас сама практика преобразований на Севере требовала исследования сложных теоретических вопросов. Практика служила и критерием правильности их решения. В последнем разделе говорится о спорных еще аспектах проблемы некапиталистического пути развития народов Севера, о характере социально-экономических отношений у народов Севера в предоктябрьский период, о сущности «родовых» советов, о периодизации основных этапов социалистических преобразований. Обзор В. В. Антроповой несомненно будет способствовать дальнейшей разработке проблемы некапиталистического пути развития народов Севера.

В статье «Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935—1968 гг.)» З. П. Соколова впервые дала полный перечень соответствующих постановлений. Приведенный фактический материал является свидетельством постоянной и многогранной заботы партии и правительства о всестороннем развитии хозяйства, быта и культуры народов Севера.

Небольшая, но насыщенная фактами статья Ч. М. Таксами «Подготовка специалистов из среды народов Севера» раскрывает историю формирования национальных кадров с высшим и средним специальным образованием. В настоящее время местные кадры специалистов играют большую роль в развитии социалистической экономики и культуры всех национальных округов. В результате анализа фактического материала автор сделал важный вывод об изменении социальной структуры народов Севера в результате социалистических преобразований (в частности, появились такие социальные категории, как рабочий класс и интеллигенция). Статья Ч. М. Таксами — еще одно убедительное доказательство несостоятельности расистских домыслов и неполноценности некоторых человеческих рас и народов.

А. Ф. Бойцова в статье «Школа народов Крайнего Севера» показывает успехи в развитии образования на Севере. Основное внимание привлекает вопрос о соотношении родного и русского языков в процессе обучения. Автор показал, что в различные годы этот вопрос решался по-разному, не потерял он своего значения и в наши дни. Для разного типа школ разработана своя методика преподавания в зависимости от наличия письменности на родных языках, от степени владения детьми русским языком, от уровня смешанности национального состава учащихся школ и ряда других факторов.

Важную тему, почти не разработанную в советской исторической литературе, поднимает И. Ф. Беленкин в статье «Развитие печати на языках народов Севера». На основании изучения истории этих печатных изданий (школьных учебников, словарей, газет, переводной литературы, произведений писателей из среды народов Севера) автор правомерно, на наш взгляд, выделяет три этапа в развитии печати на младописьменных языках коренного населения Севера: 1) начальный этап (1928—1935 гг.); 2) период после перехода на русский алфавит (1936—1944 гг.); 3) дальнейшее развитие печати на языках народов Севера (послевоенный период). Несомненную ценность представляет таблица-сводка о количестве книг, изданных на языках северных народов за советский период (до 1966 г.). Однако нельзя согласиться с положением статьи, что культурная революция в северных районах страны относится к концу 20-х годов. Хотя в этом регионе она началась позднее, чем в центральных областях страны, крупные культурные мероприятия стали проводиться здесь одновременно с образованием Комитета Севера, т. е. с 1924 г. В 1928—1929 гг. культурная революция на Крайнем Севере уже широко развернулась.

В статье И. К. Кабановой «Здравоохранение в районах Крайнего Севера» говорится о развитии медицинского обслуживания на Севере, дана характеристика его современного состояния.

В. А. Шнейдеров в сообщении «Советский экран и народы Севера» приводит интересные материалы о первых кинопередвижках в северных районах, а также анализирует созданные в разные годы Советской власти фильмы, посвященные народам Севера.

Следующая группа статей сборника характеризует социалистическое преобразование, переустройство традиционного быта и культуры отдельных народов, а также групп народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Отметим, что многие из этих работ фактографичны, в них отсутствуют серьезные обобщения.

Новый фактический материал о преодолении пережитков старого у эвенков приводит в своей статье В. А. Туголуков. Автор говорит, что изменения в быту и сознании эвенков протекали в сложной обстановке классовой борьбы.

О разных сторонах жизни саамов за годы Советской власти говорится в статье Т. В. Лукьянченко «Современное хозяйство, быт и культура саамов Кольского полуострова». Автор показал, что в культуре саамов органически сочетаются многие традиционные и современные элементы. Значительное место уделено развитию хозяйства саамов на современном этапе. Для этнографа представляют интерес данные о возрождении некоторых старинных лопарских способов выпаса оленей, используемых в наши дни в более усовершенствованной форме.

Работа Л. В. Хомич «Социалистическое строительство в Ненецком национальном округе» написана, главным образом по полевым материалам автора. Опираясь на данные, полученные в результате изучения отдельных коллективных хозяйств, Л. В. Хомич осветила много вопросов, связанных с переустройством экономики, культуры и быта европейских ненцев. В частности, очень интересны мысли автора о перспективах дальнейшего развития хозяйства у этого народа.

Статья В. И. Васильева и Ю. Б. Симченко «Переустройство хозяйства, быта и культуры коренного населения Таймырского национального округа» — обстоятельный исторический очерк, посвященный социалистическому строительству у ненцев, энцев, иганасанов, долганов, эвенков и якутов указанного района. В работе рассматривается период от первых лет Советской власти до настоящего времени. Обильный фактический материал позволил авторам дать характеристику многих сторон переустройства жизни народов Севера Туруханского края, слабо или совсем не освещенных в нашей литературе.

Период 1920—1930-х годов явился важной вехой на пути развития социалистической экономики, нового быта и культуры кетов, селькупов и эвенков. Новые данные из архивов Иркутска, Красноярска и Енисейска позволили Е. А. Алексеенко дать характеристику этого периода в статье «Начальный этап советского строительства на Туруханском Севере». Чрезвычайно интересны приведенные автором материалы об изменении общественного сознания и специфика борьбы с религиозными пережитками в северных районах.

Статья К. Г. Кузакова «Подъем экономики и культуры коренного населения Корякского национального округа» показывает достижения в развитии социалистической экономики и культуры коряков, ительменов, эвенков и чукчей на современном этапе. Разнообразные полевые и документальные материалы, приведенные автором, позволяют ему сделать вывод, что за последние десятилетия «проблема подъема хозяйства, культуры и быта коренного населения Севера до уровня всех народов Советского Союза решается успешно».

Интересна и содержательна работа А. В. Смоляк «Основные пути развития экономики, культуры и быта за годы Советской власти у народов бассейна Нижнего Амура и Сахалина». Вызывают интерес материалы о социально-профессиональной структуре коренных народов, в частности о возникновении у них значительной прослойки рабочего класса. Автор не включает в состав рабочих некоторые категории трудящихся сельской местности, не занятые непосредственно сельскохозяйственным и промысловым трудом (например, рабочих ремонтных мастерских, рабочих, занятых на обработке рыбы, и др.), что вызывает серьезные возражения. В целом же статья носит характер глубокого исследования, и выводы автора серьезно обоснованы.

В заключение отметим, что новая книга о народах Крайнего Севера представляет собой значительный вклад в разработку проблемы осуществления ленинской национальной политики в одном из самых специфичных национальных регионов Советского Союза. Книга несомненно будет встречена с интересом как специалистами, так и широким кругом читателей.

Н. А. Томилов

И. В. Константинов. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений), Якутск, 1971.

До недавнего прошлого многие вопросы древней истории народов Якутии оставались малознученными. Наши познания в этой области значительно расширились благодаря археологическим исследованиям А. П. Окладникова. В процессе работы А. П. Окладников обследовал так называемые кыргыс — этеги, жилища времен междоусобных войн, датируемые дорусским временем, а также старинные якутские захоронения. Последние в условиях вечной мерзлоты хорошо сохранились и представляют собой исторические памятники, характеризующие своеобразие материальной культуры якутов.

Однако эти памятники изучены еще недостаточно. Разными исследователями (Н. Г. Сарычевым, Е. Д. Стреловым, Г. В. Ксенофонтовым, И. Д. Новгородовым и др.) был собран довольно значительный материал, который пока еще почти не введен в научный оборот.

Недавно изданная монография И. В. Константинова ставит своей целью восполнить существующий пробел в изучении материальной культуры якутов XVIII в. по материалам дохристианских погребений.

Рецензируемая работа построена на солидных источниках. Главными ее источниками послужили данные раскопок 59 погребений якутов XVIII в., проведенных автором в Алексеевском, Чурапчинском и Мегино-Кангаласском районах. Привлечены также материалы других археологов, в частности просмотрены протоколы обследований, хранящиеся в архивах. Автором широко использована советская и иностранная этнографическая литература по Сибири.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. К монографии приложены 24 таблицы, а также дан список принятых сокращений.

Во введении обосновано значение разработки темы исследования и рассмотрена историография проблемы.

Первая глава посвящена истории изучения, датировке и характеристике надмогильных сооружений и инвентаря дохристианских погребений. Ранее исследователи высказывали мнение, что «чуждое доселе якутам, навязанное им русскими, зарывание покойника в землю», начинает входить в обычай в середине XVIII в.¹ Наблюдения И. В. Константинова позволили ему сделать другой вывод. Он пишет, что наряду с трупосожжением и воздушным способом захоронения (арангас) погребение в землю у якутов было широко распространено еще в начале XVIII в. (стр. 23). В первой главе дается подробная и обстоятельная характеристика погребений XVIII в. По сути дела, перед нами первая научная публикация якутских исторических источников подобного рода, притом выполненная на высоком профессиональном уровне.

Во второй главе — «Одежда и украшения» — тщательно анализируются извлеченные из погребений головные уборы, верхнее платье, натазники, обувь и личные украшения. Автор выделяет отдельные типы одевания якутов XVIII в., показывает его своеобразие. Заслуживает внимания описание обнаруженных в погребениях шапок с двумя рогами. По мнению И. В. Константинова «происхождение рогатых шапок гораздо древнее, чем появление скотоводческого хозяйства, и непосредственно связано с охотничьим укладом». Эти шапки имели магическое значение. Впоследствии якуты стали связывать эти головные уборы с летними праздниками плодородия (стр. 56—57). Интересны наблюдения относительно некоторых деталей старинной верхней одежды, восходящей к древнему периоду кочевого быта южных предков якутов. Прежде всего это относится к характерным разрезам одежды сзади и с боков, которые обеспечивали свободу верховой езды. В то же время, по мнению И. В. Константинова, распространение натазников и ноговиц было обусловлено суровым климатом севера. В обуви им отмечается смещение южных и северных элементов, при явном преобладании последних (особенно юкагирских).

Таким образом во 2-й главе на обширном материале при помощи сравнительного анализа удачно прослеживается перекрещивающееся влияние южных и северных элементов в одежде якутов. Это в какой-то степени приблизило автора к решению отдельных сложных проблем этногенеза якутов.

Третья глава посвящена керамике, деревянной, берестяной, металлической посуде и другим предметам домашней утвари. Большой интерес представляет анализ И. В. Константиновым якутской керамики. Глиняные сосуды чаще всего находят в детских погребениях, что автор объясняет суевериями, связанными с гончарным производством. В книге отмечена характерная внешняя особенность глиняных сосудов — налепные, островершинные валики, утолщенные бортики, штампованный орнамент (стр. 90), что указывает на близкое сходство якутской и курумчинской керамики. Это заключение подкрепляется лингвистическими данными. На основании изучения керамики сделан, с нашей точки зрения, убедительный вывод, что «южный компонент якутской народности был знаком с керамикой еще на своей прежней родине» (стр. 92). Другие предметы домашней утвари изучены также обстоятельно. Описаны ее формы, орнамент и другие украшения. Автор высказывает соображения о происхождении этих предметов.

Однако нам представляется, что расположение материала в этой главе не всегда удачно. Так, металлическая посуда описывается сразу после керамики. Между тем металлическая посуда появилась у якутов лишь после присоединения их к Русскому государству. Она не играла большой роли и в XVIII в. Поэтому правомерно было бы подразделить «Металлическая посуда» дать в конце второй главы после описания посуды из бересты и кожи.

Четвертая глава посвящена вооружению якутов: описаны луки, стрелы и пальмы. В погребениях XVIII в. найдены луки со стрелами и пальмы, которые являлись орудиями охоты и в качестве оружия употреблялись лишь при случайных военных столкновениях. Автор объясняет это обстоятельство прекращением междоусобных войн после

¹ Е. Д. Стрелов, Одежда и украшения якутки в половине XVIII в., «Сов. этнография», 1937, № 2—3, стр. 79.

присоединения к России (стр. 109). Подробно описаны разновидности луков, стрел и палм, показано их своеобразие. Автор отмечает, что якутские луки и стрелы совершенно отличаются от степных тюрко-монгольских и сближаются с тунгусско-юкагирскими. Происхождение же палм объясняется в рецензируемой книге иначе. Народы северо-восточной Сибири это орудие, по мнению автора, несомненно, восприняли от якутов. Интерпретация генезиса орудий охоты и вооружения якутов представляет определенный научный интерес, тем более что в научной литературе такая подробная интерпретация встречается впервые.

В преданиях якутов и материалах В. Н. Татищева², Я. И. Линденау³, современников событий XVIII в. имеются довольно обильные сведения об обычаях погребения оседлых коней вместе с умершим. Кроме того, в 1938 г. сотрудники Якутского краеведческого музея им. Ем. Ярославского при раскопках погребения обнаружили захоронения оседлого коня недалеко от покойника⁴. Однако в 1965 г. И. В. Константинову не удалось обнаружить новых погребений верховых коней. Поэтому в пятой главе дается лишь описание убранства верховых коней (седел, стремян, удила и подпружных пряжек).

В шестой главе рассмотрены искусство и техника якутов, обработка металлов и строительное дело и т. п. Большое место справедливо уделено орнаменту, в котором «проявились эстетические вкусы, понимание красоты, формы и стиля декоративного узора, чувство меры и порядка». Заслуживает внимания описание конструктивных особенностей надмогильных сооружений, которые разделяются автором на четыре типа.

Автор не ограничивается исследованиями разнообразных проблем материальной культуры якутов. Он «вторгается» и в область их мировоззрения. В седьмой главе монографии интерпретируются погребальные обряды и религиозные верования якутов XVIII в. Анализируются такие вопросы, как ориентировка погребений, обычаи порчи предметов, представления о загробной жизни и шаманстве.

В заключение подведены итоги изучения культуры якутов XVIII в., высказываются серьезные, хорошо продуманные положения об этногенезе якутского народа.

И. В. Константинов опубликовал полезный труд о материальной культуре якутов XVIII в., который расширяет и углубляет наши познания в этой области. Жаль, что книга издана небольшим тиражом — всего 1000 экземпляров.

² Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, № 149, л. 411.

³ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151, лл. 139—140.

⁴ И. Д. Новгородов, Археологические раскопки музея, «Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского, Якутск, 1955, вып. 1, стр. 154—155.

В. Ф. Иванов

КНИГИ ПО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ КАЛМЫКОВ

И. Г. Ковалев. Калмыцкий народный орнамент. Элиста, 1970, 158 стр., 28 фотографий, 6 цвет. табл.; Д. В. Сычев. Хальмг улсин эрдм (Калмыцкое народное искусство). Альбом. Элиста, 1970.

В 1970 г. литература по декоративно-прикладному искусству народов Советского Союза пополнилась двумя изданиями, посвященными калмыкам.

Как дореволюционная, так и советская литература по этой теме невелика, поэтому выход в свет новых, притом богато иллюстрированных работ, не может не привлечь к себе внимания.

Целью работы И. Г. Ковалева является описание декоративно-прикладного искусства калмыков, систематизация орнамента, прослеживание путей развития его форм и мотивов, а также раскрытие народных основ этого искусства.

В первом разделе книги кратко говорится об изучении декоративно-прикладного искусства и орнамента калмыков, даются сведения о выставках и каталогах, указываются музеи, где хранятся произведения калмыцкого искусства. К сожалению, автор не упоминает о ценной коллекции предметов культуры и искусства калмыков, собранной в 1906 г. для этнографического отдела Государственного Русского музея (ныне Государственный музей этнографий народов СССР) А. А. Миллером¹.

В следующем разделе книги дается общая характеристика калмыцкого орнамента, приводятся материалы, указывающие на тесную связь искусства с кочевым образом жизни народа. Автор отмечает, как своеобразие орнамента, так и сходство некоторых

¹ Эта коллекция состоит из 143 предметов. В том же музее имеется большая коллекция вышитых изделий калмыков (369 предметов) и коллекция орнаментированных головных уборов этого народа (290 предметов).

его мотивов с узорами других народов. В основе старинного орнамента калмыков лежат, по мнению И. Г. Ковалева, стилизованные изображения рогов, холмов, трав и цветов, небесных светил, огня, волн и т. п. (стр. 36), что в свое время было отмечено и И. А. Житецким². Некоторые знаки, вошедшие в орнамент, по мнению автора, имели магическое значение.

Для войлочных изделий, одеял, шуб, — пишет он, — более характерен геометрический орнамент (линия, полоса, меандр, ромб, квадрат, треугольник, зигзаг), для кожаных — зооморфный и растительный, мотивы солнца и креста. На головных уборах, сумочках, ритуальных сосудах и подсвечниках чаще встречается цветочный и лиственный орнамент.

По наблюдениям автора, на предметах середины XIX в. встречаются подчас иные мотивы: фигуры рыб, лошадей и других животных. В конце XIX — начале XX в. появляются скульптурные головки человека и фигуры животных, сделанные из дерева, кости, камня и металла.

Очень ценны сведения о материалах и технических приемах орнаментации (стр. 43—51). Калмычки пользовались сухожиливыми, шерстяными, шелковыми, серебряными и золотыми нитками, вышивали бисером, блестками, стеклярусом, галунами, шнурами, пуговицами, тесьмой, а также металлическими пластинками. Все это разнообразие фактуру вышивки обогащало цветовую гамму орнамента. Приложенная к тексту табл. II дает представление о 22 декоративных швах, применяемых в вышивке. Самыми древними, по словам автора, являются строчевые швы.

Приводятся также сведения о технических приемах художественной обработки металла: гравировке, чеканке, насечке, чернении, позолоте, инкрустации, ковке, скани и зерни (стр. 48), а также рецепты приготовления черни, говорится о золочении серебра.

Довольно подробно автор останавливается на цветовой характеристике калмыцкого орнамента и на символике цвета. Типичная цветовая гамма калмыков состоит из желтого, зеленого, красного, синего, белого (серебристого) и черного цветов. Широко используются градации цветов. Наиболее устойчивой является гамма из желтого, зеленого, красного и черного цветов.

Разбирая вопрос о символике цвета, автор указывает, что красный — это цвет радости, веселья, торжества и счастья, с ним связано представление о солнце; желтый и золотой символизировали постоянство, голубой (цвет неба) был символом верности и преданности, зеленый — покоя, счастливой жизни, сытости и плодovitости стад, белый — дня, света и жизни, с черным связаны представления о тьме, мраке, смерти и злых духах.

Откуда взяты все эти представления — неясно. Нельзя понять, заимствованы ли они из символики ламаизма или отражают представления широких слоев народа. Автору следовало бы разъяснить это читателю, так как народные и ламаистские представления разновременны и отражают различные идеологические системы. Вопрос о народной символике орнамента, особенно о его цветовой стороне, — очень важный и вместе с тем трудный и недостаточно разработанный. Делая какие-либо заключения, необходимо проявлять большую осторожность.

Если не всегда бывает ясна сюжетная сторона орнамента, особенно простейшего геометрического, то раскрытие его первоначального смысла, его семантики — задача еще более сложная. Желание автора проникнуть в эту область народного творчества вполне понятно и оправданно, но его интерпретация калмыцкого орнамента (как в целом, так и отдельных мотивов), к сожалению, лишена доказательств.

Поэтому выводы автора в отдельных случаях, может быть, и правильные, остаются всего лишь догадками. Неясно даже, идет ли речь о толковании орнамента самими калмыками или это предположения автора. Например, на стр. 70 И. Г. Ковалев пишет, что орнамент из волнообразных линий и треугольников символизировал движение людских масс, а фигура квадрата в сочетании с другими мотивами, означала «год, полугодие, месяц или день». Орнамент из таких квадратов будто бы «олицетворял время в его движении, человеческую жизнь или какую-то ее часть». Подобные мотивы, по мнению автора, означали пожелание здоровья, долголетия, счастья и всякого благополучия.

Интерпретация орнамента И. Г. Ковалевым вообще носит очень усложненный и отвлеченный характер, в особенности при попытках объяснения значений того или иного цвета ниток, применяемых вышивальщицами. Говоря на стр. 96 об орнаменте на боковой стороне цилиндрической подушки, расшитой нитками радужных цветов, он пишет: «...сразу же за солнечным кругом идет золотой цвет, за ним желтый, зеленый, красный и черный, символизирующие последовательно постоянство, рассвет, жизнь или радость, закат и ночь или мрак (табл. VIII)». Следует указать, что здесь вкралась ошибка: сказанное относится не к VIII, а к VII табл. Едва ли калмыцкие мастерицы придавали подбору ниток подобное значение. Кстати, бордюры радужной расцветки известны не только калмыкам. Они применяются монголами и хакасами, встречаются у бурят и в искусстве некоторых народов Восточной Азии. Калмыцкие радужные бордюры ближе всего к монгольским и, несомненно, принесены калмыками с их прежней родины. Но

² И. А. Ж и т е ц к и й, Астраханские калмыки, Астрахань, 1892.

нигде, насколько известно, семантика этого орнамента не толкуется таким образом, как это делает И. Г. Ковалев.

Автор явно увлекается солярной символикой, когда в узорах в виде дуг, зигзага, волны и даже в полых шарообразных калмыцких металлических пуговицах видит изображение солнца (стр. 96). Тот же смысл, по его мнению, имеют и точки между изломами зигзага (рис. 147, стр. 101). В то же время он вынужден признать, что «множество названий орнаментов и их смысловое значение до нас не дошло» (стр. 37).

И. Г. Ковалев утверждает, что черный цвет — цвет тьмы и мрака, вызывал суеверные страхи и представления о злых духах и смерти (стр. 61). Но этот цвет, по его словам, и «наиболее устойчив» в калмыцкой вышивке (стр. 54—55). Более того, он был ведущим цветом и составлял неотъемлемую принадлежность «именно калмыцкого и только калмыцкого орнамента» (стр. 137). Если это так, то невольно возникает вопрос: зачем же мастерицы, зная о значении этого цвета, вводили его в декор многих предметов обихода, в том числе подушек. Между прочим, черный цвет характерен не только для калмыков. В такой же мере он встречается в бурятском и хакасском искусстве (вышивка).

На стр. 80—86 говорится о растительном орнаменте, который получил широкое распространение на калмыцких изделиях конца XIX — начала XX в. И. А. Житецкий, изучавший культуру и искусство калмыков в 1880-х годах, обратил внимание на то, что в их вышивках нет «предметов растительного царства, и это составляет оригинальность калмыцкого шитья»³. Причинами появления в калмыцком орнаменте мотивов растительного характера следовало бы, с нашей точки зрения, уделить больше внимания. Если ими были, как думает автор, окружающая калмыков природа и тесно связанное с ней скотоводство, то непонятно, почему растительного орнамента не было в искусстве народа XVI—XVIII и даже первой половины XIX в. Появление этого орнамента вызвано было, видимо, какими-то другими причинами, скорее всего, усилившимися культурными связями калмыков с соседними народами и влиянием их искусства на калмыцкое. Автор признает, что некоторые мотивы орнамента «вероятно, были выбраны сравнительно недавно, под воздействием искусства сопредельных народов» (стр. 8), но не развивает эту мысль. В то же время он допускает возможность сильного (?) влияния на калмыцкое искусство европейской орнаментики и отчасти ламаизма (стр. 130). Что подразумевает автор под «европейским влиянием» — остается неясным.

Вопрос о типах орнамента И. Г. Ковалев почему-то рассматривает в двух местах работы: в разделах «Типологический состав орнамента» (стр. 65—102) и «Типовой состав орнамента» (стр. 116—119). В первом случае речь идет о четырех группах орнамента: геометрическом, растительном, животном и астральном (стр. 165), во втором — о шести его типах: четырех геометрических, растительном и зооморфном, но без астрального (стр. 115). Материалы этих разделов следовало бы объединить и унифицировать.

Интересен раздел «Композиция орнамента» (стр. 103—112). В нем подробно рассматриваются различные типы композиции, обусловленные формой и назначением предметов, дается характеристика эстетической стороны орнамента.

Далее автор рассматривает вопрос об «Исторической обусловленности развития калмыцкой орнаментики» (стр. 123—131), указывая, что прикладное искусство калмыков сложилось еще в Джунгарии и что расцвет его имел место в XIV в. Здесь же говорится о культурных связях калмыков с торгоутами, бурятами, алтайцами и хакасами.

Последний раздел книги посвящен вопросу о национальном своеобразии калмыцкого орнамента (стр. 135—140). По мнению автора, «на более ранних этапах истории, при господстве охотничье-скотоводческой основы хозяйства, в калмыцких узорах преобладали космическо-тотемические представления, на первый план выступали мотивы геометрическо-астрального характера, а в более поздние времена — и растительные мотивы» (стр. 135).

Формирование собственно калмыцкой культуры, пишет он, началось после отделения калмыков от монголов.

Классическим калмыцким национальным узором, по утверждению автора, является *зег* — вышивка из накладных крученных ниток радужных цветов (стр. 137). Однако следует отметить, что этот узор характерен также для монголов, бурят, хакасов и некоторых народов Восточной Азии.

Узоры на изделиях из войлока также имеют свои особые черты, как и декор предметов из металла. Национальное своеобразие орнамента на металлических изделиях автор видит в сочетании геометрических и растительных мотивов. На этом орнаменте, отличающемся и по мотивам и по технике исполнения от орнаментирования других изделий, следовало бы, по нашему мнению, остановиться более подробно, так как он свидетельствует о позднейсторических культурных связях калмыков, прежде всего, с народами Северного Кавказа. Эти связи отразились не только на декоративно-прикладном искусственно, и на других сторонах культуры. Непосредственная географическая близость с Северным Кавказом привела к взаимосвязи (калмыков. — С. И.) с горскими народами»⁴.

³ И. А. Житецкий. Указ. раб., стр. 81.

⁴ «Народы Европейской части СССР», т. II, М., 1964, стр. 743.

В целом же следует признать, что книга И. Г. Ковалева значительно обогащает наши представления об искусстве калмыков и является ценным вкладом в литературу об этом народе. Полезна она не только художникам, как об этом скромно замечает автор, но и искусствоведам, этнографам, историкам. С интересом познакомятся с работой и широкие круги читателей.

Книга снабжена удачно подобранными иллюстрациями и отпечатана на хорошей бумаге. Цветные таблицы знакомят с колоритом калмыцких вышивок.

* * *

Альбом «Калмыцкое народное искусство» составлен Д. В. Сычевым, в течение ряда лет собиравшим материал, характеризующий различные формы декоративно-прикладного искусства калмыков. Все таблицы альбома цветные и выполнены самим автором. Материал хорошо подобран и говорит о национальном своеобразии калмыцкого искусства. Однако хотелось бы отметить, что отдельные виды его представлены в альбоме неравномерно: одежде, головным уборам и другим вышитым предметам отведено 23 таблицы, изделиям из металла, дерева и кожи — 12, войлочным коврам — только две. Совсем не представлена роспись по дереву.

Открывается альбом таблицей, на которой изображена старинная войлочная кибитка с раскрашенной в синий и красный цвет деревянной дверцей. Далее следуют таблицы (2—7) с мужской и женской одеждой калмыков. Детали и художественная отделка одежды, с характерной для них орнаментацией, представлены на табл. 8—17. Отражены также женские головные уборы, пояса, сумки, кисеты и т. п. (табл. 18—34), орнамент которых выполнен цветными, золотыми и серебряными нитками, цветным блеском, блестками, — что говорит о яркости колорита, богатстве и разнообразии орнаментальных мотивов калмыцкого народного искусства.

Значительно скромнее выглядит простейший геометрический орнамент на белых войлочных коврах — ширдыках, исполненный суровой нитью (табл. 35, 36).

Двенадцать последних таблиц альбома (37—48) знакомят с украшениями из серебра и других металлов, с орнаментом на металлических накладках деревянных курительных трубок, ножен и посуды, кожаных поясов и кожаных флагов, декоративная отделка которых очень разнообразна как по материалу, так и по технике.

Таблицы сопровождаются подробной аннотацией (стр. 109—111), в которой, в частности, говорится о том, что в узорах на металлических пластинках и объемных накладках кожаного пояса чувствуется влияние декоративного искусства Дагестана и Кабардино-Балкарии. К сожалению, автор только в одном случае указывает на связи калмыцкого искусства с искусством других народов.

На страницах 107—108 даются «Краткие исторические сведения о калмыках», включающие и некоторые данные этнографического характера.

В альбоме нет вступительной статьи, о чем следует пожалеть, так как калмыцкое искусство мало известно не только широкому читателю, но и многим специалистам. Восполнить этот пробел может в какой-то степени небольшая содержательная статья Д. В. Сычева «Прикладное искусство Калмыкии», помещенная в № 1 журнала «Декоративное искусство СССР» за 1964 г.

Обе рассмотренные работы, дополняя друг друга, могут служить основой для дальнейших исследований в области декоративно-прикладного искусства калмыков.

С. В. Иванов

Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.). М., 1972, 215 стр.

«Золотое слово, во время сказанное» — эта народная поговорка очень точно выражает художественную специфику фольклорного произведения. Для правильного понимания устного поэтического произведения важно не только оно само, но и обстановка, в которой это произведение живет, обстоятельства его бытования. Так при изучении фольклора смыкаются проблемы литературоведческие с проблемами этнографическими.

Это очень хорошо поняли авторы рецензируемой работы¹, поставившие перед собой цель «осветить состояние фольклорной традиции, состав фольклорного репертуара и характер бытования традиционного фольклора в современном селе» (стр. 9).

В 1963—1969 гг. сотрудники Института этнографии АН СССР (фольклористы, этнографы, музыковеды, фотограф) неоднократно бывали на Владимирщине в различное время года. Здесь они наблюдали традиционные календарные праздники, неоднократно присутствовали на свадьбах, выступлениях художественной самодеятельности и праздниках фольклора. Был собран огромный материал: 560 текстов песен, описания обрядов и поверий, записи сказок, быличек, преданий, рассказов об исполнении народной драмы, сведения о детском фольклоре.

¹ С. И. Дмитриева, Н. В. Новиков, Г. А. Носова, Б. И. Рабинович, Э. В. Померанцева.

Убедительны мотивы, заставившие авторский коллектив выбрать для изучения именно Владимирскую землю. Это типичная, «средняя» с точки зрения фольклорной традиции область. В то же время стойкие традиции древней национальной культуры в области, высокое развитие местного народного искусства, история края неоднократно становившегося ареной, на которой развертывались исторические события общерусского масштаба,— все это вселяло уверенность, что в любом случае изучение даст интересный материал для раздумий и выводов.

Попутно отметим, что было бы очень полезно, если бы сборники, аналогичные рецензируемому, появились по Смоленской, Калининской, Орловской, Саратовской и другим областям России.

Приступая к работе, авторы трезво оценили трудности, с которыми им предстояло встретиться, и пришли к выводу, что глубоко изучить фольклор всей Владимирской области за небольшой отрезок времени невозможно, и решили проводить стационарные исследования лишь в нескольких населенных пунктах, в частности в с. Борис-Глеб. Работа в архивах и книгохранилищах помогла авторам сохранить историческую перспективу и избежать территориальной ограниченности.

Указывая на те или иные особенности современного состояния фольклорной традиции, авторы постоянно обращаются к прошлому, сопоставляя свои материалы и наблюдения с материалами и наблюдениями своих предшественников. Данные по поэтической культуре, полученные в с. Борис-Глеб, дополнялись сведениями, полученными во время экспедиции по всей территории области.

Сборник делится на две части. Первая состоит из статей участников экспедиций: «Собирание и изучение фольклора Владимирской области» (Н. В. Новиков и Э. В. Померанцева), «Современное состояние традиционного фольклора» (С. И. Дмитриева), «Пережитки обрядов и верований в традиционном фольклоре» (Г. А. Носова), «Музыкальные записи народных песен во Владимирской области» (Б. И. Рабинович). Во второй части книги сосредоточены фольклорные тексты и описания традиционных обрядов и праздников — всего 142 номера. К сожалению, здесь не представлены многие жанры, о которых идет речь в исследованиях, в частности нет образцов несказочной прозы, имеющей широкое распространение в фольклорном репертуаре Владимирской области. Если бы количество текстов было увеличено (а у авторов сборника несомненно остался «за бортом» огромный материал), книга от этого только выиграла бы. Но и за приведенные тексты, отобранные со вкусом и любовью, можно поблагодарить авторов. Многие из этих материалов еще не раз обратят на себя внимание исследователей, писателей, любителей фольклора.

В настоящее время фольклорная традиция переплетается с новыми факторами поэтической культуры. Самодельность, чтение художественной литературы, посещение концертов и спектаклей, слушание пластинок и радиопередач, распространение альбомов с песнями и стихами — все это, несомненно, влияет на традиционный фольклорный репертуар, на судьбы различных фольклорных жанров. В сборнике приводятся интересные данные о колхозном клубе в с. Борис-Глеб, его библиотеке, о читательских вкусах крестьян.

Несколько очень интересных страниц в статье Н. В. Новикова и Э. В. Померанцевой посвящено художественной самодельности Владимирской области. Авторы приводят любительные материалы о размахе художественной самодельности, о ее особенностях, объясняющихся тем, что «ее городская (фабрично-заводская) и сельская части находятся в тесном и постоянном контакте и взаимодействии» (стр. 30). Происходит интенсивный обмен программами, причем «гегемония» здесь остается за городом.

Интересны творческие портреты некоторых организаторов и участников самодельности. Авторы подробно останавливаются на месте фольклора в репертуаре художественной самодельности и с сожалением отмечают, что только несколько коллективов включают в свой репертуар фольклорный материал, в основном песни и частушки. Большой интерес представляет обзор трудов по фольклору, бытующему во Владимирской области, и публикаций фольклорных произведений, а также обзор архивных материалов.

Материал первой главы является как бы фундаментом для последующих статей, авторы которых неоднократно ссылаются на приведенные здесь факты, сравнивая свои наблюдения с наблюдениями своих предшественников. Так, С. И. Дмитриева указывает на распространение частушки в 20-е годы, ссылаясь на К. А. Полякова, и сопоставляет его данные со своими наблюдениями о бытовании частушки в настоящее время. Г. А. Носова сравнивает собранный ею материал с исследованиями Г. К. Завойко и К. А. Полякова.

Статья С. И. Дмитриевой посвящена современному состоянию фольклорной традиции, судьбе различных его жанров на Владимирской земле. Интересны наблюдения автора по свадебному обряду, сопоставление его с северной русской свадьбой.

С. И. Дмитриева, как и многие другие исследователи, пишет о том, что частушки постепенно утрачивают то значение, которое, «судя по материалам местных краеведов и по воспоминаниям пожилых колхозников, имели в 20-е—40-е годы нашего века» (стр. 54). Очень интересны наблюдения С. И. Дмитриевой над частушечным репертуаром среди колхозников различных возрастов. Рассматривая вопрос о распределении различных видов традиционного фольклора по возрастным группам, автор приходит

к выводам, близким к тем, которые сделаны З. Можейко² на основе изучения песенной культуры Белорусского Полесья — о возрастной циклизации традиционного фольклора, и в связи с этим о его гораздо большей жизнеспособности, чем думали несколько десятилетий назад.

Нам кажется, что при рассмотрении народного репертуара С. И. Дмитриевой следовало бы больше внимания уделить художественному качеству записанного материала, а не ограничиваться только констатацией бытования того или иного материала. Вызывает сожаление, что в статье совсем нет сведений о наиболее интересных народных певцах, с которыми членам экспедиции пришлось встречаться.

В статье Г. А. Носовой собран большой материал о тех жанрах традиционного фольклора, в которых еще сохранились пережитки древних обрядов и религиозных представлений. Культурная и историческая ценность этого материала огромна. Так, по описанию обряда проводов весны с инсценировкой погребальной процессии, пародирующей церковный похоронный обряд, мы знакомимся с древней народной смеховой культурой Руси, с явлением, известным разным народам — с тем, что М. М. Бахтин назвал амбивалентным карнавальным смехом: «он веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает»³. Г. А. Носова подчеркивает, что произведения обрядового фольклора относятся к «затухающим и умирающим» жанрам. Тем более надо торопиться со сбором подобного материала и всячески приветствовать эту работу.

Вместе с тем нельзя удержаться от некоторых упреков в адрес автора, называющего антирелигиозными антиклерикальные частушки, высмеивающие церковнослужителей. Ведь критика блудливого попа, попа-пьяницы, веселого попа еще не является отрицанием бога. Мы не видим никаких антирелигиозных моментов в частушке:

У попа была кадила,
Семь пудов угля спалила.
Поп кадилы часто машет,
Попадья впрыскаду пляшет.

Это смешно, это неуважительно по отношению к попу и попадье, но до безбожия, антирелигиозности здесь еще очень далеко. В таком серьезном исследовании, каким является весь этот коллективный труд и настоящая статья, в частности в вопросах воинствующего научного атеизма, не следует подменять научность воинственностью.

Статья Б. И. Рабиновича, посвященная изучению народной музыкальной культуры Владимирщины, замечательно контактирует со всем предыдущим материалом.

Необходимо отдельно отметить работу научного редактора и составителя Э. В. Померанцевой. Книга представляет собой не просто сборник статей, а коллективный научный труд, авторы которого с разных сторон и под различным углом зрения рассматривают художественную культуру современного села. Все статьи объединяет, с одной стороны, высокая культура научного труда, а с другой — глубокая заинтересованность современника, который не может оставаться равнодушным наблюдателем тех процессов, которые происходят в сегодняшней деревне.

² З. Можейко, Песенная культура Белорусского Полесья, Село Тонез, Минск, 1971.

³ М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле, М., 1965, стр. 15.

В. Г. Смолицкий

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Д. Ангелов. Образоване на българската народност. София, 1971, 415 стр.

Книга Д. Ангелова, посвященная проблеме образования болгарской народности, основана на обширном материале источников. Сюда относятся письменные памятники на греческом, латинском, старославянском, восточных языках (документы, хроники, жития, надписи и т. п.), археологические материалы, лингвистические и этнографические данные. Нет нужды повторять, как сложно использование памятников столь многообразных, — укажу хотя бы на то, что византийские авторы, важнейшие свидетели ранней истории Болгарии, употребляли этнонимы весьма нестрого, и, в частности, они прилагали к болгарам такие архаичные племенные названия, как скифы, мисийцы, пеоны и т. п. Самое собиране сведений о болгарях должно было составить немалый труд, ибо они рассеяны в многообразных памятниках; правда, Ангелов мог опереться на ряд трудов и прежде всего на подготовленную Болгарской Академией наук многотомную

серию «Извори за българската история», где собраны, переведены и откомментированы латинские, греческие, восточные источники, касавшиеся болгарской истории.

Помимо историкоэтнографической трудности перед исследователем проблемы стояли также трудности методологического характера. Вводная часть книги Ангелова как раз и рассматривает методологический аспект проблемы.

Народность, по формулировке Ангелова, есть особый вид этнической общности, возникающий «на определенной ступени развития человеческого общества», «при определенных общественно-экономических отношениях, в условиях данной формы социального организма» (стр. 16). Но какова эта «определенная ступень», «определенные отношения», «данная форма»? Ангелов сразу же оговаривается, что развитие этнических общностей имеет собственные закономерности и что невозможно установить точное соответствие между сменой общественно-экономических формаций и возникновением нового типа этнических общностей. Но эта мысль, мне кажется, подрывает цитированную выше формулировку относительно «определенной ступени», лишает ее конкретно-содержания, делает неопределенной.

Однако Ангелов говорит далее, что народности возникают и развиваются преимущественно в эпохи античности и средневековья (стр. 16 и сл., ср. стр. 19, где говорится об их возникновении, главным образом, в эпоху феодализма) и еще более точно: «Народность формируется в результате разложения общинно-родовых отношений» (стр. 37). Если это так, то можно говорить о том, что процесс становления народности совпадает в общих чертах с процессом образования классового общества.

Не пытаясь решить этот вопрос в рецензии, я хотел бы только внести в него некоторое уточнение. По всей видимости, мы должны различать формирование народности и формирование народностей. Первый феномен имеет социальное значение и связан с установлением этнической общности нового типа (от племени к народности), второй же — результат политических сдвигов, в ходе которых из наличных народностей образуются новая народность.

Методологическая сложность, связанная с проблемой становления народности, находит свое отражение и в трактовке развития языка. Племенной изолированности в первобытном обществе соответствуют, по мысли Ангелова, и диалектные различия в рамках общего языка (стр. 18), но на стр. 104 Ангелов признает наличие «общего славянского языка» задолго до формирования славянской народности — во всяком случае до формирования народности болгарской. Иными словами, по-видимому, процесс языкового развития не был однозначным, но включал в себя как интегрирование, так и дробление. Следовательно, общий язык мог сложиться еще до формирования народности.

После методологических замечаний Ангелов переходит к конкретной истории становления болгарской народности. Она создавалась из трех элементов: фракийского, славянского и протоболгарского. Характеристике этих этнических общностей и посвящены первые две главы книги. Ангелов детально описывает социально-экономическую и политическую структуру фракийского, южнославянского и протоболгарского обществ, их политическую судьбу вплоть до того момента, когда протоболгары вторглись в северные области Балканского полуострова и в 681 г. возникло Болгарское государство (стр. 47—211). Автор представляет исторические процессы в их сложности и многообразии. Так, он прослеживает различия в степени обезлюдения балканских областей к VI—VII вв.; по его наблюдениям, северо-западные области нынешней Болгарии и Фракия сохранили больше старого населения, нежели северо-восточные болгарские земли, области Ниша и Сердики и бассейна реки Струма (стр. 171—176). Ангелов отмечает, что вторжение протоболгар осуществлялось в нескольких направлениях и наряду с дружиной Аспаруха, осевшей в так называемом Углу (стр. 198), к югу от Дуная расселились также и паннонские протоболгары, возглавляемые Кувером (стр. 206 и сл.), — этого вождя Ангелов отличает от жившего лет на 50 раньше Куврата.

Мне кажется, однако, что при этом в тени остается важный теоретический вопрос о характере этнических общностей, из которых складывалась болгарская народность. В самом деле, вправе ли мы говорить (применительно к VI и VII вв.) о фракийских, протоболгарских, славянских племенах или же они сплотились уже в народности? Ангелов неоднократно подчеркивает племенную раздробленность южных славян (см. особенно стр. 158—162), но правомерно ли говорить о племенном устройстве фракийцев, создавших уже свои «царства», прошедших к тому же через горнило римского владычества с его унифицирующими тенденциями? Можно ли говорить о племенном устройстве протоболгар, изживших благодаря кочевому скотоводству довольно рано племенную изолированность и имевших за спиною период так называемой Великой Болгарии? Не предлагая здесь определенного решения проблемы, хочу только отметить, что она заслуживает рассмотрения.

Если процесс ассимиляции фракийцев славянами завершился сравнительно рано, к VII в. (и только в особых условиях сохранились элементы романо-фракийского этноса), то слияние протоболгар со славянами затянулось до конца IX в. Этому процессу Ангелов справедливо отводит в книге центральное место (стр. 215—347). Рассмотрение разделено на два этапа: до середины IX в. протекала своего рода подготовительная стадия этногенеза болгар; здесь, на мой взгляд, особенно интересно привлечение нового археологического материала, рисующего «двуэтнические», славяно-протоболгарские

поселения (стр. 231—235), в которых слияние двух этнических общностей делало первые шаги.

Во второй половине IX в. принятие христианства, победа славянского языка и внедрение славянской письменности завершают процесс унификации: протоболгары и славяне сливаются в единую народность, в особый этнический тип с отчетливым этническим самосознанием.

Наиболее оригинальной в этом разделе мне представляется часть, трактующая историю имени «Болгария» (и соответственно этноним «болгары»). С середины IX в. все подданные Болгарского государства (как славяне, так и протоболгары) именуются в греческих и латинских источниках «болгарами», тогда как этноним «славяне» сохраняется за населением областей, лежавших вне Болгарии (стр. 317—326). В славянской же литературе конца IX и начала X в. оба этнонима употребляются равноправно, что должно было, по мысли Ангелова (стр. 330), подчеркнуть славянский характер болгарской народности. Во второй половине X и в XI в. название «болгары» постепенно вытесняет этноним «славяне» (стр. 335).

Едва процесс болгарского этногенеза завершился, как болгарская народность оказалась перед серьезным испытанием: в 1018 г. Болгария попала под власть Византийской империи. Периоду «византийского ига» посвящена заключительная глава книги. Основная задача, стоявшая в эту пору перед болгарской народностью, заключалась в сохранении себя в условиях эллинизации или, точнее, «византинизации» Болгарии, и именно этой задаче посвящает основное внимание Ангелов. Он показывает, как в ряде болгарских агиографических и апокрифических сочинений XI—XII вв. нашло свое выражение самосознание народности и ее «историческая память», что в средневековых условиях вело к выработке идеи «избранного богом народа», а также к развитию тезиса о принадлежности болгар к славянскому миру (стр. 351—360). Термины «Болгария» и «болгары» продолжали широко применяться в XI—XII вв. как в славяноязычной литературе, так и у писателей греческих и латинских (стр. 370—378). Болгарская народность сохранила себя в трудных условиях «византийского ига», вопреки унифицирующему воздействию государственного аппарата империи и идеологии православной церкви.

Однако этногенетические процессы в Болгарии XI—XII вв., по-видимому, не могут быть сведены только к самосохранению, к негативной реакции на «византизацию». Ангелов показывает, что болгарское население распространяется в это время на юг от собственно болгарских фем — в албанские области по Адриатике, в Халкидику, Эпир, Фессалию (стр. 360—369). Можно было бы сказать больше: болгарский этнический элемент участвовал в XI—XII вв. в формировании византийской народности, во всяком случае в составе господствующего класса Византийской империи прослеживается ряд болгарских фамилий, начиная от Аарониев, которые были связаны браками со знатнейшими греческими родами.

Вместе с тем на территории самих болгарских фем болгарская народность соприкасалась с новыми этническими элементами. Одни из них, степняки (печенеги, торки, половцы), по-видимому, быстро растворялись в болгарской среде, другие, прежде всего, армяне, сохраняли свою этническую обособленность. Особенно сложен в этой связи вопрос о соотношении болгар и владов. Проблема состоит в том, что некоторые византийские авторы (например, Никита Хониат) прилагают этноним «влахы», по всей видимости, к болгарскому этносу. Чем могло быть вызвано такое смешение? Безразличием византийцев к этнической терминологии или же бытовой и языковой близостью болгар и владов в XII в.? Вопрос этот заслуживает внимания.

Книга Ангелова содержит обширный материал, тщательно отобранный и убедительно истолкованный. Отличные карты облегчают пользование книгой. Кое-где, впрочем, встречаются досадные опечатки и оговорки. Например, на стр. 83 назван император Галиен — речь идет на самом деле о Галерии. На стр. 318 «Клиторологий» Филофея датирован 889 г. — надо 899. На стр. 336 понтификат папы Иоанна XIII датирован 967—999 гг. — в действительности 965—972.

А. П. Каждан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Гуру Нанак (К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии). М., 1972, 198 стр.

В 1969 г. не только в Индии, но и во всех странах, где есть сколько-нибудь крупная община сикхов или панджабцев вообще, торжественно отмечалось пятистолетие со дня рождения выдающегося мыслителя, просветителя, поэта и основателя религиозной системы сикхизма — гуру Нанака (1469—1539) (гуру — религиозный наставник, учитель). Во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, юбилей Нанака был

отмечен научной общественностью. В самой Индии к этой дате было приурочено новое исследование о гуру Нанаке¹.

Академик Б. Г. Гафуров в предисловии к сборнику, посвященному памяти гуру Нанак, пишет: «Имя Нанак стоит в одном ряду с именами таких великих гуманистов — его современников, — как Эразм Роттердамский и Томас Мор» (стр. 4). И это не преувеличение. Трудно переоценить влияние гуру Нанак на все сферы общественно-политической жизни Индии как в его эпоху, так и в дальнейшем, вплоть до наших дней.

Сейчас в Индии, главным образом в штате Пенджаб, насчитывается около 8 млн сикхов. Несмотря на относительную малочисленность приверженцев сикхизма, они играют большую роль, не только в социально-экономической жизни Индии, но также и в этнообразующих процессах.

Советские индологи И. М. Рейснер, А. М. Дьяков, Н. М. Гольдберг, Н. И. Семенова и др. внесли значительный вклад в изучение сикхизма, но творческое наследие его основоположника гуру Нанак и последнего гуру Гобинд Сингха (1675—1708) в их работах не получили еще достаточного освещения. Рецензируемый сборник в какой-то мере восполняет этот пробел.

Сборник «Гуру Нанак» состоит из ряда статей, весьма различных по тематике, глубине научного анализа и по объему, но все они удачно, на наш взгляд, дополняют друг друга, характеризуют историческую обстановку, в которой жил гуру Нанак, и с разных сторон раскрывая его многогранную деятельность.

Сборник открывает статья К. З. Ашрафян (она же и один из двух ответственных редакторов сборника) «Гуру Нанак и его время». Эта статья, занимающая около четверти сборника (стр. 5—56), дает, хотя и краткую, но довольно обстоятельную характеристику той эпохи, которая предшествовала развитию массового реформаторского движения бхакти в Индии, и того времени, когда непосредственно жил и творил гуру Нанак.

Статья подразделяется на ряд небольших разделов: «Отсутствие политической стабильности», «Пенджаб под властью султанов Дели», «Экономическое развитие Индии», «Земледелие», «Развитие общественного разделения труда. Город», «Города Пенджаба», «Городское ремесло», «Торговля», «Социальное положение ремесленников и торговцев», «Феодалная эксплуатация городских ремесленников и торговцев», «Положение крестьян». Завершает ее самый большой раздел «Реформаторское учение Нанак. Отрицание касты».

Казалось бы, что некоторая дробность статьи должна затруднить изложение материала, вызвать естественные повторы, но этого не произошло. Все разделы показывают сложность общественно-политической и экономической обстановки, сложившейся в Индии, и подводят читателя к естественному выводу, что антифеодалное по своему характеру религиозно-реформаторское движение бхакти имело серьезные социально-экономические истоки. Деятельность и взгляды гуру Нанак, рассмотренные в последнем разделе, убедительно свидетельствуют, что сикхизм в тот период явился наиболее полным и завершающим учением движения бхакти в целом.

Всю статью К. З. Ашрафян пронизывает принцип широкого историзма. Автор убедительно показывает, что общественно-политическое развитие в Индии шло теми же путями, как и в Западной Европе. Однако это, конечно, не исключало наличия специфических особенностей в каждой стране. Правда, оговорка автора о том, что «в условиях индийского средневековья» (курсив мой. — В. К.), когда идеология различных общественных слоев не выходила за пределы религиозного мышления, идейно-политическая борьба принимала форму борьбы одних вероучений против других² (стр. 10), несколько противоречит ее общей концепции. Как известно, Ф. Энгельс писал, что высшим обобщением феодального строя была церковь; это обеспечивало «верховное господство богословия во всех областях умственной жизни». Он подчеркивал, что «при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные-социальные и политические доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»².

В целом хорошо аргументированная статья К. З. Ашрафян является серьезным исследованием, полезным как для востоковедов вообще, так и для этнографов. Однако отдельные утверждения автора вызывают недоумение. О каких белуджах, проживающих на северо-западе Пенджаба, идет речь? (стр. 10). И на той же странице: «В пенджабских деревнях, как и в гордах, проживало большое число негроидных потомков древнего доарийского населения области». Не ясно, что имеет в виду автор.

Значительный интерес представляют статьи И. Д. Серебрякова «О литературном наследии Нанак (Опыт характеристики)» (стр. 57—81) и И. С. Рабиновича «„Изначальная книга“ и „Книга десятого гуру“ — памятники индийского Возрождения» (стр. 82—121). В этих двух работах, тематически связанных между собой, продолжается исследование проблем, поднятых в последнем разделе статьи К. З. Ашрафян «Реформаторское учение Нанак. Отрицание касты».

¹ См.: Harbans Singh, *Guru Nanak and the Origins of the Sikh Faith*, Bombay, 1969.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360—361.

Статья И. Д. Серебрякова открывается кратким обзором истории изучения творчества Нанак. Как известно, произведения Нанак были собраны его учениками и последователями в «Изначальной книге», более известной у нас под названием «Ади Грантх». Эта книга стала каноном сикхизма, излагающим его основные доктрины.

Автор подчеркивает, что несмотря на основательное знакомство Нанак со всеми религиями и сектантскими учениями в Индии и включение в религиозную символику сикхизма непосредственно или трансформированно элементов других религий и религиозных учений, «Нанак выступает как создатель оригинальной религиозно-философской системы, запечатленной в его обширном литературном наследии» (стр. 71). Краткое, но очень содержательное изложение сути учения Нанак, несомненно, представляет интерес для этнографов, занимающихся религиоведческими вопросами.

Совершенно справедливо И. Д. Серебряков подчеркивает и другую сторону значения «Изначальной книги». «„Ади Грантх“ для панджабской литературы — это произведение, знаменующее важный этап, когда в ходе контактов и взаимовлияний различных фольклорных и литературных общностей, устных и письменных традиций, в сложной социальной борьбе складывается панджабский народ со своей особой, национально-осознаваемой духовной жизнью, воплотившейся прежде всего в явлениях литературы» (стр. 74).

Статья И. С. Рабиновича посвящена весьма актуальному вопросу об эпохе индийского Возрождения, к существованию которой некоторые исследователи относятся скептически. Автор, отмечая большой вклад советских ученых в изучение этого вопроса, считает, на наш взгляд, совершенно правильно, что «Возрождение в Индии (XV—XVII вв.) — эпоха больших общественных сдвигов» (стр. 83).

И. С. Рабинович дает тщательный структурный анализ «Изначальной книги», в которую, как известно, вошли не только произведения самого гуру Нанак, но и других идеологов движения бхакти — его предшественников (например, Кабира и др.), а также преемников Нанак. Разбирая религиозно-философские взгляды Нанак, автор уточняет отдельные положения учения гуру, изложенные И. Д. Серебряковым. Очень интересны приведенные И. С. Рабиновичем сведения о бхагатах, идеологах различных течений бхакти, и суфийских проповедниках, произведения которых органически вошли в «Ади Грантх».

Особое внимание автор уделяет деятельности последнего, десятого, гуру Гобинд Сингха (1675—1708). С именем Гобинд Сингха, поэта и воина, философа и государственного деятеля, связаны важные изменения в жизни сикхской общины. Он выступил решительным реформатором сикхизма. Демократизация общины, создание сикхской хальсы, (вооруженной общины), которая пришла на смену единоначалию гуру, придание ей боевого наступательного характера — все это способствовало разрыву массового крестьянского антифеодального движения, во главе которого встала хальса. Совершенно прав И. С. Рабинович, когда пишет, что «при Гобинд Сингхе произошла канонизация сикхского вероучения, которое становится, по существу, самостоятельной религией» (стр. 107).

Автор статьи, исследуя «Книгу десятого гуру», особенно подчеркивает ее боевой, пронизанный демократизмом характер. Статья, несомненно, будет с большим интересом прочитана исследователями религии вообще и сикхизма в особенности.

Статьи Н. Б. Гафуровой «Произведения Кабира в „Ади Грантх“ (перевод с браджа и примечания)» (стр. 122—164), Ю. А. Смирнова «Гуру Нанак и вопросы становления языка панджаби» (стр. 165—175) и С. И. Потабенко «Образ Нанак в индийском изобразительном искусстве (к вопросу о возникновении и развитии живописной школы у сикхов)» (стр. 176—186) в данной рецензии специально разбору не подвергаются. Они интересуют, в первую очередь, литературоведов, филологов и искусствоведов. Впрочем примечания Н. Б. Гафуровой (стр. 147—164) и особенно статья С. И. Потабенко представляют определенный интерес и для этнографов-индологов.

Сборник завершают три статьи индийских ученых: Гурбахи Сингха — «О некоторых вопросах жизни и деятельности гуру Нанак» (стр. 187—190), Маданджит Сингха «Гуру Нанак — великий реформатор» (стр. 191—195) и Суриндар Сингха Коли «Идеи гуру Нанак о личности и обществе» (стр. 196—198). Эти три статьи, несомненно, привлекают внимание специалистов, но, к сожалению, они очень короткие. Вообще же следует всячески приветствовать участие индийских исследователей в коллективных сборниках, выпускаемых в нашей стране. Это свидетельство крепнущих связей между учеными СССР и Индии.

В. И. Кочнев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Национальные проблемы Канады. М., 1972, 232 стр.

Среди развитых капиталистических стран Канада принадлежит к тем, где национальные проблемы играют исключительно важную роль в социально-политической, экономической и культурной жизни страны. Проблемы эти весьма сложные, ибо население Канады формировалось в результате массовой иммиграции людей в разное время и из разных стран Старого Света. Соседство с США, ведущими по отношению к Канаде империалистическую политику, еще более обостряло внутренние национальные проблемы государства.

Изучение национальных проблем Канады представляет интерес и потому, что при их анализе выявляется обострение противоречий империализма на национальном фронте даже в таких буржуазных государствах, которые считаются весьма надежными во внутривнутриполитическом отношении и достаточно «респектабельными» в смысле идеологии. Вместе с тем это в какой-то мере отражает идеологическую борьбу социалистической и капиталистической систем.

Укрепление и расширение в последнее время экономического и научно-технического сотрудничества СССР и Канады делает изучение нашего северного соседа особенно желательным.

Коллективная монография «Национальные проблемы Канады» представляет по существу первую большую работу по комплексу вопросов, связанных с формированием и современными этническими, социально-политическими и экономическими аспектами развития различных национальных групп населения Канады. В сравнительно большом числе работ, которые сейчас насчитывает советское канадоведение, эти вопросы отражены лишь попутно и недостаточно полно.

В рецензируемой монографии рассматриваются основные национальные проблемы Канады: франко-канадская проблема иммигрантов, проблема национальных меньшинств, а также проблема коренного населения. Особо надо отметить, что анализ этих проблем ведется комплексно, не с узко понимаемых этнографических позиций, а на широком историческом, социальном и экономическом фоне. При такой широте подхода к теме и при столь большом круге поставленных вопросов было бы правильнее назвать книгу «Формирование населения и национальные проблемы Канады».

В разделе «Формирование этнических групп Канады» (М. Я. Берзина) кратко, но достаточно емко изложен большой материал об основных этапах заселения Канады и исторических сдвигах в этническом составе населения страны (до конца 30-х годов XX в.; последующему, «новейшему», периоду отведен особый раздел).

Раздел «Аборигенное население Канады» (Ю. П. Аверкиев, Бен Суанкей, Л. А. Файнберг) посвящен историческому анализу политики английских, а затем «своих», канадских, правящих классов в отношении коренного населения страны — индейцев и эскимосов. Наряду с разоблачением колонизаторской сущности этой политики и показом пагубных ее практических последствий для аборигенов авторы выявляют сложные социально-экономические процессы внутри индейского общества. Большое внимание уделено анализу современной индейской политики канадского правительства, вынужденного под влиянием роста национального самосознания индейцев и усиления их борьбы за равноправие искать новые и более гибкие формы для решения проблемы аборигенов. При этом надо учитывать, что индейцы составляют примерно 1% всего населения страны (в 1967 г. их было более 220 тыс.).

Особое место в рассматриваемом разделе справедливо отведено эскимосам, пути развития которых и отношение к ним канадского правительства носят своеобразный характер. Показанная авторами невозможность решения проблем северных народов в условиях капиталистической Канады особенно ярко выступает на фоне расцвета национальных меньшинств Севера СССР.

Представляется весьма интересным, и, очевидно, правильным вывод авторов о дальнейшей судьбе канадских индейцев. Они считают реальным создание единой индейской этнической общности со специфической культурой. Эта культура будет англоязычной, процесс ее формирования явится переходным этапом на пути к ассимиляции индейцев в современном канадском обществе.

Раздел «Из истории франко-канадского национального вопроса» (О. С. Сороко-Цюпа) посвящен наиболее актуальной и очень болезненной для Канады проблеме, затрагивающей все стороны жизни страны. Основное внимание уделено анализу исторических предпосылок постепенного нарастания франко-канадского национального движения. Вместе с тем автор вскрывает социально-экономические и национально-культурные основы современного этапа франко-канадского кризиса, показывает сепаратистские крайности позиций националистов Квебека, излагает позицию Коммунистической партии Канады в этой трудной и сложной проблеме.

Материалы этого раздела, без сомнения, добротны, но, на мой взгляд, изложены несколько сухо, особенно в части, касающейся современного положения. Может быть,

автору следовало более четко и пространно изложить свои взгляды на франко-канадскую проблему. Это представляется тем более нужным, что в советской литературе глубоких исследований этого важнейшего аспекта канадской политической жизни нет.

Советского читателя, естественно, особенно заинтересует раздел «Славянские группы Канады» (А. Н. Шлепаков), в котором дается достаточно ясное представление об истории и современном положении русских, украинцев, поляков и других групп славян в Канаде. Упрекнуть автора можно, пожалуй, в том, что он почти ничего не рассказал о дружественных культурных связях канадских славян со славянскими народами, особенно с украинцами СССР и других социалистических стран. Эти связи довольно широки (с СССР, например, в виде обмена делегациями через «Ассоциацию Канада — СССР», «Общество СССР — Канада» и др.). Такой рассказ был бы особенно уместен потому, что в книге упоминается об антисоветских, клеветнических акциях реакционных кругов славянской иммиграции в Канаде.

Монографию заключает раздел «Иммиграция в Канаду после второй мировой войны (1945 — 1965 гг.)» (Л. Н. Фурсова). Раздел отличается обстоятельностью и широтой постановки темы. В нем анализируются причины и предпосылки послевоенной иммиграции, характеризуются иммиграционная политика канадского правительства, этнический и социальный состав послевоенных иммигрантов, современные этнические процессы и др. Автор убедительно показывает, что иммиграция, а также этнические и национальные процессы продолжают играть очень важную роль в развитии Канады. Вместе с тем указано на сложность и противоречивость этих процессов. Тенденция к ассимиляции пришлого населения господствующей англо-канадской нацией уживается с противоположной тенденцией к усилению обособленности национальных групп. Последнее, как справедливо считает автор, является реакцией национальных меньшинств на англосаксонский шовинизм, квебекский сепаратизм и дискриминацию иностранцев.

Рассматриваемая глава, заметно дополняя содержание других разделов, позволяет не только ответить на поставленные выше вопросы, но и понять общие экономические и политические проблемы Канады, ее взаимоотношения с США и Великобританией, определить возможные пути развития страны.

Научная и политическая значимость книги велика не только с точки зрения познания национальных проблем Канады, но и в более общем плане. На примере этой страны видно антагонистическое сосуществование развитых наций в капиталистическом мире. Канадский пример развенчивает апологетические буржуазные этнографические теории (например, известную американскую концепцию так называемого «плавильного котла»). На том же примере вскрывается колонизаторская политика и практика по отношению к коренным народностям; материалы рецензируемой книги позволяют сделать вывод о появлении на современном этапе новых, гибких форм этой политики. Анализ национальных проблем Канады подчеркивает то положение, что национально-освободительное движение рождается не только в колониальных и зависимых, но и в высокоразвитых капиталистических странах.

Показ неспособности капитализма решить национальные проблемы представляет особенно актуальным на фоне 50-летия образования СССР, свидетельствующего о величайшей победе ленинской национальной политики, победе идей пролетарского интернационализма.

В этой связи хочется сказать, что, может быть, авторы и редактор недооценили свою книгу, оформив ее как сборник статей. Рецензируемая работа по содержанию представляет собой целостную монографию и ее надо было оформить соответствующим образом. Имена авторов следовало бы вынести на титульный лист, главам предпослать обстоятельное введение, в котором говорилось бы об основных целях и задачах работы, а также определялась бы ее значимость. Строго монографическая форма книги, вероятно, способствовала бы и большей увязке содержания и структуры отдельных разделов и избавила бы от присущей некоторым из них фрагментарности.

Но это уже пожелания, а не оценка сделанного. Книга «Национальные проблемы Канады» — весомый вклад в советскую научную литературу по Канаде и хорошее начало в серии работ по национальным проблемам стран Северной и Латинской Америки, которая задумана в Институте этнографии АН СССР.

Г. А. Агранат

ДВЕ КНИГИ МАЙКЛА КО

Michael D. Coe. 1) *America's first civilization*. N. Y., 1968; 2) *The archeological sequence at San Lorenzo Tenochtitlan, Veracruz, Mexico*, Milwaukee, 1969.

Первая из рассматриваемых работ — обзор цивилизации ольмеков. Написанная красочным языком и богато иллюстрированная, эта книга предназначена для широкого читателя, и в то же время она имеет большую научную ценность, содержит ряд важ-

ных положений. Во второй работе — докладе в Обществе американской археологии — несколько дополняются взгляды автора на ольмекскую культуру (в рецензии ссылки без оговорок даны на первую работу).

Автор детально излагает историю земледелия в Мексике с самых ранних времен. Судя по анализу пыльцы, дикий предок кукурузы был распространен в долине Мехико уже 80 тыс. лет назад. Из этого, по-видимому, следует, что могло быть несколько независимых центров выведения культурной кукурузы, хотя определенные сорта имели локальное происхождение. Возникновение земледелия прослежено на материалах раскопок Р. Мак-Нейша в долине Техуакан. До отступления ледника (около 6500 г. до н. э.) здесь была степная растительность, а жившие в пещерах индейцы охотились сообща на зайцев и антилоп, в одиночку — на крыс и гоферов (мешотчатая крыса), а также собирали дикie растения (фаза Ахуэрадо). В следующую фазу (Эль-Риго, 6500—5000 лет до н. э.) антилопы и зайцы ушли вслед за отступавшим ледником, долина приобрела современный полупустынный облик, и индейцы перешли в основном на собирательство. Растительной пищи было много, но в определенный сезон (дожди шли только два месяца) и в некоторых местах долины. Уже в эту фазу индейцы начали сеять бутылочную тыкву, а затем перец и хлопчатник (из-за маслянистых семян). В дальнейшем к культурным растениям прибавляется кукуруза (фаза Кошкатлан, 5000—3500 лет до н. э.), новый сорт тыкв, бобы (фаза Абехас, 3500—2300 лет до н. э.). Переход к земледелию привел к развитию оседлости. Появляются селения с маленькими круглыми хижинами, а в области ремесла — обожженная керамика (фаза Пуррон, 2300—1500 лет до н. э.).

Таким образом, к земледелию первыми стали переходить племена, оказавшиеся в невыгодных для охоты местностях и лишенные возможности покинуть их (так как все племена охраняли свои охотничьи территории). Майкл Д. Ко подчеркивает роль невольной селекции при появлении новых сортов кукурузы и других культурных растений: при сборе собиратели уносили с собой семена, державшиеся крепче обычных. Такие семена могли дать начало новым сортам. Примерно 2000—1500 лет до н. э. возделывание кукурузы распространилось в долинах рек в качестве дополнения к собирательству. Однако и появление культурной кукурузы существенно не изменило племенного хозяйства: урожаи были очень низкими, а сеять можно было только на берегах рек. Поэтому часть года приходилось заниматься собирательством диких растений и покидать селения. Автор отмечает, что прибрежные жители были в более выгодных условиях для перехода к оседлости, имея пищевые ресурсы (рыба, моллюски, черепахи) поблизости от селений.

В период примерно от 1500 г. до н. э. до 200 г. н. э. племена большей части Мексики и Центральной Америки занимались оседлым земледелием, дополняемым охотой, рыбной ловлей и собирательством. Однако постепенная «твердая эволюция» их культур была нарушена (как не без удовольствия замечает автор) появлением цивилизации ольмекков. Возражения против эволюционистской абстрактной схемы развития, конечно, правильны. Неравномерность развития имела место во все эпохи. В силу сложившихся конкретных условий отдельные племена раньше других переходили к охоте на мелких животных и к земледелию. Очевидно, предки ольмекков попали в особые тяжелые условия, в которых собирательство и охота не давали достаточного минимума пищевых ресурсов. В результате резко возросла роль земледелия и кукуруза стала основным источником питания. Ольмеки довели земледелие до очень высокого уровня. Урожай стал давать не только необходимую пищу, но и большой излишек, что открывало возможности для ускорения социального развития.

Майкл Д. Ко полагает, что ближайшие предки ольмекков обитали в горах Тустла (на побережье Мексиканского залива), откуда в дальнейшем, по определению геологов, в ольмекские города доставляли вулканический базальт. Однако места предполагаемых поселений в этих горах скрыты под лавой и пеплом.

Автор лично руководил раскопками одного из древнейших ольмекских городов — Сан-Лоренсо — Теночтитлан. Помимо раскопок экспедиция провела этнографическое обследование современного сельского населения и аэрофотосъемку местности. По данным радиоуглеродного анализа, местность была заселена около 1300 г. до н. э. земледельцами, знавшими керамику. Около 1200 г. до н. э. здесь появились ольмеки, по-видимому, двигавшиеся вверх по течению р. Коацакоалкос. У них была уже высокая техника земледелия, ремесла и строительства. В Сан-Лоренсо — Теночтитлан строительство велось с большим размахом. Здания строились на громадных насыпях, чтобы избежать затопления в сезон дождей. Была сооружена серия искусственных водоемов шестиугольной формы и, по-видимому, связанных с ними «водопровод» из базальтовых деталей. Назначение их не установлено. Можно, однако, отметить, что майя при обрядах пользовались только «священной» дождевой водой, скопившейся в углублении скал или в дуплах деревьев. Шестиугольная форма водоемов может быть, конечно, чисто случайной, однако следует отметить, что число шесть у ольмекков было священным. Оно было связано с количеством месяцев в полугодях лунного календаря, долго сохранявшегося в виде реликта у майя. Например, в знаменитом «жертвоприношении № 4» (Ла-Вента) фигурирует шесть нефритовых топоров, а на стеле 3 (Ла-Вента) — шесть «летающих карликов» — вероятно, покровителей месяцев.

Город погиб около 900 г. до н. э. при весьма неясных обстоятельствах. У статуй были отбиты головы, другие каменные изваяния были разбиты на куски, на гигант-

ских каменных головах появились выбоины. По характеру повреждений Майкл Д. Ко полагает, что на изваяния сбрасывали с высоты другие каменные монументы, поднятые с помощью специальных треног из бревен. После этого все изваяния вместе с нефритовыми жертвенными топорами и прочим драгоценным инвентарем были зарыты. Появилось несколько гипотез, объясняющих гибель города.

Майкл Д. Ко вначале предположил, что памятники были разрушены восставшими местными жителями, которые таким образом мстили знати за угнетение, а зарыли их потому, что продолжали испытывать страх перед ними. Сходным образом Дж. Э. Томпсон объяснял повреждение памятников в погибших городах майя. В докладе «Обществу американской археологии» Майкл Д. Ко связал разрушение памятников с появлением пришельцев без высокой культуры (возможно, из Чиасапа), хижины которых на территории города относятся к следующей фазе Накасте (900 — 700 лет до н. э.). Хотя очень трудно сказать что-либо определенное, в данном случае следует уточнить саму постановку вопроса, тем более что разрушение памятников не раз встречается и в позднейшие эпохи.

Что подвластные городу общинники подвергались тяжелому угнетению, не вызывает сомнений. Они должны были не только содержать населявших город знать, жрецов, ремесленников и воинов, но и заниматься гигантскими строительными работами. Ремесленники должны были не только изготавливать изделия для продажи, но и, например, вытесывать базальтовые детали для «водопровода». Однако волнения из-за привлечения на строительные работы могли иметь место во время самих работ, а не по окончании их. Далее, в случае успеха вожди восставших просто захватили бы власть в городе (что не раз бывало на Древнем Востоке), но это, конечно, не привело бы к гибели самого города. Тезис о гибели культуры в результате внутреннего восстания («революции») восходит не столько к историческим прецедентам, сколько к философским трудам Герберта Спенсера.

Городские власти, очевидно, нуждались в рабах, а их главным источником был захват военнопленных. Поэтому военные набеги на соседние племена, вероятно, бывали часто. В принципе племена могли в конце концов объединиться и разрушить вражеский город, причем по ходу военных действий на их сторону могли переходить рабы и данники. Однако представляется очень сомнительным, чтобы военный отряд враждебных племен стал заниматься таким разрушением памятников, какое описано, да еще не разграбив драгоценностей. Презрение вполне можно было выразить и не столь трудоемким способом.

Город мог быть разрушен войсками другого города-государства, например той же Ла-Венты. Каждый крупный город, естественно, стремился к гегемонии, хотя бы для того, чтобы увеличить количество данников, не говоря уже о торговых интересах. Сан-Лоренсо, по карте самого автора (стр. 102) перегораживал торговый путь на юг, к тихоокеанскому берегу, откуда доставляли различные ценные товары, в том числе и нефрит (ценившийся так же, как золото в Старом Свете). Поэтому Сан-Лоренсо должен был либо сам стать гегемоном, либо быть разрушенным. В этом случае победители были заинтересованы именно в разрушении города как в торговых интересах, так и для того, чтобы оставить за собой данников.

Судя по некоторым деталям, изваяния подверглись чуть ли не суду. Если на них действительно сбрасывали с высоты другие каменные монументы, то это напоминает один из способов казни у майя, когда преступнику бросали на голову камень с высоты. Возможно, изваяния были по всей форме «казнены» и «погребены» вместе с инвентарем, на который был наложен понятный в этом случае запрет. Такое разрушение памятников должно было вестись под руководством жрецов специальным дисциплинированным военным отрядом. Военный отряд вполне мог заставить данников, теперь подвластных ему, выполнить трудоемкие работы по «погребению» памятников. Отметим, что например, в Ла-Венте есть победные памятники (алтарь 1: правитель с пленниками на веревке).

Статуя умершего могла рассматриваться как вместилище души, а разбивание статуи — как лишение ее пристанища или замена человеческого жертвоприношения (так толкует Альберто Рус отбитые головы статуй, найденные в саркофаге в Паленке).

Разрушение статуй и храмов могло рассматриваться не как святотатство, а как способ лишения противника милости божеств. У майя разрушение вражеских храмов прямо предписывалось во время военного похода. Согласно Мадридской рукописи (стр. 84 — 87), сам бог войны прежде всего поджигает храм.

Возможно, вся церемония с разбиванием и погребением изваяний знаменовала для ольмекской знати превращение города в зачатое место. Создается впечатление, что разрушением Сан-Лоренсо занимались сами ольмеки со свойственными им обстоятельностью и широким размахом работ.

Другой древний ольмекский город, Ла-Вента, первоначально находился на речном острове (впоследствии р. Тонала изменила русло) возможно, в оборонительных целях. Ольмеки появились здесь около 1100 г. до н. э. и построили крупный храмовый центр. Строительные работы, как и в Сан-Лоренсо, поражают широким размахом, тем более что камень и даже цветную глину приходилось привозить. Базальтовые глыбы весом до 60 т доставляли из гор Тустла к р. Коацакоалкос, а затем везли на плотах вдоль берега залива до устья р. Тонала и дальше к Ла-Венте. Из сооружений в Ла-Венте особый интерес представляет большая «пирамида» из глины, имитирую-

тая вулканический конус с характерными складками на склонах. Это обстоятельство, как указывает автор, также подтверждает предположение о приходе ольмексов с вулканических гор Тустла. «Пирамида», конечно, не просто имитировала одну из гор прежней родины, а имела важное культовое значение. На первых порах в ранних городах-государствах божества еще во многом сохраняли характер «духов-хозяев», а ритуал состоял главным образом из магических по смыслу обрядов, выполнявшихся, однако, в грандиозных масштабах. Громадные успехи во всех областях привели к уверенности в правильности господствовавших тогда жреческих учений о возможности воздействовать на силы природы через соответствующих богов, если только магический обряд будет правильно выполнен. А действенность обряда связывалась с солидностью масштабов. Например, если магический обряд следовало выполнить поближе к небу, а горы под рукой не было, то требовалось не какое-нибудь возвышение, а именно что-то вроде настоящей горы, как «пирамида» в Ла-Венте. Правители и жрецы молодого государства рассчитывали с помощью таких грандиозных приспособлений управлять стихиями и, естественно, не жалели никаких средств для этого. Широкое участие общинников в таких работах вряд ли было результатом только принуждения. Они, вероятно, вполне верили жрецам (которые использовали и научные знания, например, связанные с календарем) и также стремились возможно скорее достичь власти над силами природы. Многие находки в Ла-Венте, хотя и называются жертвоприношениями (offerings), фактически связаны с забытыми магическими обрядами, поражающими размахом и кажущейся бессмысленностью: например, масса блоков из привозного серпентина, засыпанных в глубокой яме, мозаичные маски «ягуара-оборотня», также засыпанные вскоре после окончания обряда слоем глины, на которой выложено крестообразно 20 нефритовых и серпентиновых топоров и гематитовые вогнутые зеркала.

В дальнейшем выяснилось, что реальной силы магические обряды не приобретают и при больших масштабах. Появились новые учения жрецов (связанные, конечно, и с политическими интересами) о великих богах с неисповедимой волей, которых нельзя вынудить, а можно только умолять. Магические обряды стали уступать место утилитаристскому культу с различными жертвоприношениями и молитвами.

Религиозно-политическая борьба, вероятно, сыграла важную роль в борьбе городов за гегемонию и, возможно, была одной из причин оставления древних ольмекских священных центров (Ла-Вента был покинут около 400 г. до н. э.).

По-видимому, автор склонен несколько преувеличивать влияние ольмексов (например, на Монте-Альбан). В ряде случаев это влияние могло идти через посредников, особенно учитывая далекие торговые связи ольмексов. В целом же книга дает ясное и красочное описание древнейшей цивилизации Мексики и истории ее изучения.

Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ АФРИКИ

A. Harwood. Witchcraft, sorcery, and social categories among the Safwa. Published for the International African institute by the Oxford university press. London, 1970, 160 p.

Общеизвестно, что у многих народов Африки, и, в частности, у народов, говорящих на языках семьи банту, к которым относятся и сафва, представления о заболевании и смерти по большей части связываются с действиями неких магических сил. Их носителями могут быть духи предков, люди, обладающие такой силой от рождения или получившие ее в результате обучения. Не ответив на вопросы, какую роль магические представления играли на разных этапах развития человеческого общества, как соотносились они с общественной структурой, невозможно показать в достаточно полном объеме жизнь доклассового и раннеклассового общества. Сейчас на земном шаре остается все меньше и меньше мест, где бы существовала и активно действовала система представлений о магическом и сверхъестественном. Ее приходится восстанавливать на основании фрагментарных сведений. Уже с этой точки зрения работа А. Харвуда, построенная на большом фактическом материале, несомненно интересна.

А. Харвуд прожил около полтора лет (1962—1964 гг.) среди сафва, заслужил симпатии местных жителей пониманием и уважением обычаев, знанием языка, вошел в тесный контакт с ними. Это и позволило ему наблюдать жизнь общества как бы изнутри.

Книга А. Харвуда не претендует на исчерпывающий показ всех сторон жизни народа сафва, или даже одного из племен сафва — мванабанту, в котором жил автор. Основная цель автора — выяснить, как сафва определяют причину (этиологию) заболевания. Однако, специфичность, широта толкования причины заболевания у местных жителей вынудили автора поставить вопрос о соотношении некоторых черт общественной структуры сафва с бытовыми у них магическими представлениями. Постановка проблемы заметно отличает работу А. Харвуда от уже имеющихся довольно многочисленных исследований африканской магии. Анализируемые им магические представления, равно как и целый ряд особенностей традиционного общественного устройства племени мванабанту, характерны не только для юго-западного района Танзании, где проживают сафва, но и для более обширных областей Африки в целом.

Книга начинается кратким экономико-географическим введением. Затем в сжатой форме показаны основные черты общественной структуры племени мванабанту. В этом разделе особое внимание обращается на принцип, лежащий в основе выделения социальных групп. На основании целого ряда примеров автор приходит к выводу, что в основе структуры рассматриваемой им общины лежит принцип родственной принадлежности. Анализируя социальные термины, он показывает, что одни из них отражают понятия сафва о принадлежности к объединенной родством группе (счет родства у сафва идет по мужской линии), а другие выражают понятия, исключающие такую принадлежность (сюда же относится и свойство).

В процессе исследования, при рассмотрении общественных отношений в племени мванабанту, А. Харвуд снова прослеживает действие принципа родственной принадлежности. Но если в структуре племени основой единства «группы» было родство по мужской линии, то в общественных отношениях основой единства группы могут выступать другие критерии, например, род занятий. Автор не дает подробного анализа групп, объединенных на такой основе, но тем не менее, высказывает предположение, что все общественные связи в племени можно рассматривать, исходя из принципа, лежащего в фундаменте его структуры. Сам этот принцип можно сформулировать как принцип баланса внутригрупповых и межгрупповых отношений в обществе. По-видимому, в каждом конкретном случае группу могут объединять различные элементы (напр., торговля). А. Харвуд, как представляется, стремился показать, что отдельная личность в племени мванабанту так или иначе была носителем коллективных отношений; любое состояние человека, его здоровье, благополучие и т. д. соотносятся у сафва с состоянием внутригрупповых или межгрупповых общественных связей, именно в нем ищут они и причину заболевания.

Болезни и смерть у сафва считаются лишь различной степенью одного явления — поражения жизненной силы (*инзъёнго*) человека. Используя европейские термины, правда весьма условно, инзъёнго можно назвать «душой». И болезнь и смерть воспринимаются ими как нарушение обычного состояния этой «души» и определяются единым словом *эмпонго*. Эмпонго, как кажется по содержанию, приближается к понятию, которое в русском языке обозначается словом «порча». Существенно, что эмпонго (порча) обязательно предполагает зависимость от неких внешних взаимодействий на личность человека его инзъёнго.

Приведя перечень наиболее употребляемых терминов, традиционно используемых у сафва для констатации причины эмпонго («порчи») и проанализировав конкретные случаи применения того или иного термина, автор делает вывод, что причину «порчи» сафва ставят в прямую зависимость от нарушения определяемого в каждом конкретном случае вида общественных связей. Таким образом, диагноз (установление причины эмпонго) определяет не с кем в конфликте находится или находился потерпевший, а скорее, какие общественные группы участвовали в этом конфликте. В тех случаях, когда сафва связывали эмпонго с нарушением различного рода внутригрупповых взаимоотношений, причину «порчи» они объясняли воздействием обладателя сверхъестественной внутренней силы *итонга* (примерно колдовство). Когда эмпонго связывалось с нарушениями межгрупповых отношений, то его объясняли намеренным применением различного рода «снадобий». «Снадобья» считаются у сафва «материальным» или доступным каждому воздействием, что в действительности совсем не обязательно означает действительно материального воздействия на организм человека в нашем понимании.

Итонга и «снадобья», таким образом, воздействуют не на тело, а на инзъёнго — жизненную силу, «душу» человека.

Исследовав как определялись причины эмпонго, автор приходит к следующим выводам: 1) Ряд причин, вызывающих эмпонго, может распространяться лишь на членов строго определенных групп общества. В терминах, обозначающих причину эмпонго, практически выражается принадлежность индивидуума к определенной группе, участие его в определенных общественных связях; 2) Своим отношением к «выявленной» причине порчи каждый член общества может либо включить себя, по выражению Харвуда, «в идущую борьбу сил», как фактический участник, либо поставить себя вне ее, — все это в зависимости от того, считает ли он эту причину истинной. Таким образом, система терминов, в которых определяется причина эмпонго является некой схемой, позволяющей членам общества корректировать свое поведение с учетом внутренних противоречий в обществе. При определении причины «порчи» большое значение имеет общественное положение человека. Если не делать вслед за автором акцента на функцию

нальном значении системы терминов, обозначающих причину эмпонго, то можно сказать, что она отражает и своеобразно трактует трения, противоречия, имеющиеся в обществе мванабанту.

Представления сафа об итонга и о «снадобьях» включают не только причину эмпонго, но и метод, при помощи которого возможно ее устранить. И итонга, и снадобья могут быть плохими и хорошими в зависимости от того, направлено ли их действие на нарушение общественных отношений, или же наоборот, на их укрепление.

Как отмечает сам автор, «стимулом и основным толчком», побудившим его написать рассматриваемую книгу, послужил вопрос, поставленный в работе Миддлтона и Винтера «Колдовство и знахарство в Восточной Африке» (Middleton John and E. H. Winter; Witchcraft and Sorcery in East Africa; London, Routledge & Kegan Paul; 1963): почему в африканских обществах существует и колдовство и знахарство, которые подчас очень трудно отделить одно от другого, в чем их функциональное различие? А. Харвуд, по нашему мнению, с достаточной убедительностью показал, что разграничить эти понятия возможно, лишь увязав их с конкретными ситуациями, где эти понятия и связанные с ними термины используются местными жителями. При этом необходимо учитывать противоречия, существующие между различными группировками в обществе, сколь бы монолитным оно ни казалось с первого взгляда.

Все разделы книги А. Харвуда «Колдовство, знахарство и социальные категории у народа сафа» четко связаны единой логической цепью, основные положения базируются на конкретном материале, солидно аргументированы. Дается краткий лингвистический анализ используемых терминов.

В библиографии учтены все основные работы, имеющие непосредственное отношение к затрагиваемым вопросам, а также использован ряд материалов из архивов правительственных учреждений города Мбея, Танзания.

Работа несомненно привлечет внимание тех, кто интересуется вопросами социологии и идеологии традиционного африканского общества.

Н. М. Гиренко

СОДЕРЖАНИЕ

К IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук	3
П. М. Кожин, Б. А. Фролов (Москва). Представление о пространстве в творчестве населения палеолитической Европы	10
Л. С. Толстова (Москва). Древние мотивы в фольклоре узбеков Южного Хорезма (по материалам полевых исследований)	23
В. И. Плоткин (Ленинград). Влияние торговли на этническую историю предколониальной Восточной Африки	32
В. А. Макаренко, К. Ю. Мешков (Москва). Основные проблемы исследования древнефилиппинского письма	42
В. П. Алексеев (Москва). О положении папуасов в расовой систематике	51
И. И. Георгиева, Д. Москова, Л. Радева (София). Опыт изучения системы кровного родства у болгар	60

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов (Москва), Г. В. Шелепов (Пермь). «Национальный характер» и проблемы его исследования	69
Л. П. Лашук (Москва). Кочевничество и общие закономерности истории	83
И. И. Гохман (Ленинград). Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы	96

Из истории науки

Н. В. Ким (Улан-Удэ). Судьба одной рукописи	107
---	-----

Сообщения

М. Н. Губогло (Москва). Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (о социолого-лингвистических исследованиях в Сибири)	113
А. В. Сафьянова (Москва). Изменение положения женщины за годы Советской власти (по материалам Алтайского края)	122
В. М. Кулемзин (Томск). Материалы по шаманскому костюму хантов	130
Д. Лувсандордж (Улан-Батор). Русская фамилия тибетского происхождения	135

Поиски, факты, гипотезы

Э. В. Померанцева (Москва). Художник и колдун	137
Ю. М. Золотов (Москва). Страничка из истории дохристианских верований восточных славян	146

Научная жизнь

Р. В. Каменецкая, Т. К. Шафрановская (Ленинград). Пятая и шестая ежегодные научные сессии в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР	149
В. А. Попов (Ленинград). IX Всесоюзная студенческая этнографическая конференция, посвященная 50-летию образования СССР	154
Т. Б. Долгих (Москва). Конференция по итогам и проблемам изучения народного творчества в автономных республиках (областях) РСФСР	156
Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева	158
В. Е. Гусев (Ленинград). Конгресс фольклористов Югославии	159

Критика и библиография

Общая этнография

Я. В. Чеснов (Москва). Этническая история народов Азии	162
Ю. И. Семенов (Москва). М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности)	165

Народы СССР

Н. А. Томилов (Томск). <i>Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера</i>	169
В. Ф. Иванов (Якутск). И. В. Константинов. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений)	171
С. В. Иванов (Ленинград). Книжки по декоративно-прикладному искусству калмыков	173
В. Г. Смолицкий (Москва). <i>Традиционный фольклор Владимирской деревни</i>	176

Народы зарубежной Европы

А. П. Каждан (Москва). Д. Ангелов. <i>Образуване на българската народност</i>	178
---	-----

Народы зарубежной Азии

В. И. Кочнев (Москва). <i>Гуру Нанак (к 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии)</i>	180
--	-----

Народы Америки

Г. А. Агранат (Москва). <i>Национальные проблемы Канады</i>	183
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). <i>Две книги Майкла Ко</i>	184

Народы Африки

Н. М. Гиренко (Ленинград). А. Harwood. <i>Witchcraft, sorcery and social categories among the Sawa</i>	187
--	-----

- На первой странице обложки: На празднике Дня оленевода в пос. Томпо (Томпонский район Якутской АССР). 1970 г. Фото из архива Сектора Севера Института этнографии АН СССР

SOMMAIRE

Vers le IX-e Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques	3
P. M. Kojine, B. A. Frolov (Moscou). <i>Idée de l'espace dans l'oeuvre artistique des populations de l'Europe paléolithique</i>	10
L. S. Tolstova (Moscou). <i>Les motifs anciens dans le folklore des Uzbek du Khwarizm du Sud (d'après les matériaux des recherches sur le terrain)</i>	23
V. I. Plotkine (Leningrad). <i>Influence du commerce sur l'histoire ethnique de l'Afrique Orientale pré-coloniale</i>	32
V. A. Makarénko, K. Yu. Mieshkev (Moscou). <i>Problèmes principaux de l'étude de l'ancienne écriture philippine</i>	42
V. P. Aléxéiev (Moscou). <i>De la position des Papou dans la systématique raciale</i>	51
I. Guéorgieva, D. Moscov, L. Radieva (Sofia). <i>Essai de l'étude du système de la consanguinité chez les Bulgares</i>	60

Discussions et deliberations

V. I. Kozlov (Moscou), G. Y. Chéliepov (Perm) <i>Le caractère dit «national» et les problèmes de son étude</i>	69
L. P. Lachouk (Moscou). <i>Le nomadisme et les régularités générales de l'histoire</i>	83
I. I. Gokhman (Leningrad). <i>Le rôle du composant andronien à la formation de la race sibérienne du Sud</i>	96

De l'histoire de la science

N. V. Kime (Oulan-Oudé). <i>Les destinées d'un manuscrit</i>	107
--	-----

Communications

M. N. Gouboglo (Moscou). <i>Quelques problèmes de méthode surgissant au cours d'une analyse du développement fonctionnel des langues (sur les études sociologo-linguistiques en Sibérie)</i>	113
--	-----

A. V. Safyanova (Moscou). Modification de la position sociale de la femme à l'époque Soviétique (d'après les données du territoire d'Altai)	122
V. M. Koulemzine (Tomsk). Matériaux sur le costume de chaman khante	130
D. Louvsandordj (Oulan Bator). Un nom de famille russe d'origine tibétaine	135

Recherches, faits, hypothèses

E. V. Pomierantseva (Moscou). L'artiste et le devin	137
Yu. M. Zolotov (Moscou). Une page de l'histoire des croyances religieuses pré-chrétiennes des Slaves de l'Est	146

Vie scientifique

R. V. Kamienetskaya, T. K. Chafranovskaya (Léninegrad). Cinquième et sixième sessions scientifiques annuelles à la filiale de Léninegrad, Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S.	149
V. A. Popov (Léninegrad). Neuvième Conférence ethnographique nationale des étudiants consacrée au 50e anniversaire de la formation de l'U. R. S. S.	154
T. B. Dolguikh (Moscou). Conférence sur les résultats et les problèmes de l'étude de l'art populaire dans les Républiques et régions autonomes de la R. S. F. S. de Russie	156
N. I. Gaghén-Torn (Léninegrad). Pour le 100e anniversaire de V. K. Arseniev	158
V. Ye. Goussev (Léninegrad). Congrès des folklorisants yougoslaves	159

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

Ya. V. Tchésnov (Moscou). <i>Histoire ethnique des peuples de l'Asie</i>	162
Yu. I. Siemionov (Moscou). M. V. Kriukov. Le système de parenté des Chinois (évolution et régularités)	165

Peuples de l'U.R.S.S.

N. A. Tomilov (Tomsk). <i>Réalisation de la politique nationale léniniste chez les populations de l'Extrême-Nord</i>	169
V. F. Ivanov (Yakoutsks). I. V. Konstantinov. Culture matérielle des Yakoutes du XVIII siècle (d'après les matériaux des sépulcres)	171
S. V. Ivanov (Léninegrad). Publications sur l'art décoratif des Kalmouks	173
V. G. Smolitski (Moscou). <i>Folklore rural traditionnel de la région de Vladimir</i>	176

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

A. P. Kajdan (Moscou). Д. Ангелов. Образуване на българската народност (Formation de la population bulgare)	178
---	-----

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

V. I. Kotchniev (Moscou). <i>Courou Nanak (pour le 500e anniversaire du poète et humaniste Indien)</i>	180
--	-----

Peuples de l'Amérique

G. A. Agranat (Moscou). <i>Problèmes nationaux du Canada</i>	183
Yu. V. Knorozov (Léninegrad). Deux livres de Michael Coe	184

Peuples de l'Afrique

N. M. Guirienko (Léninegrad). A. Harwood. Witchcraft, sorcery and social categories among the Sawa	187
--	-----

Sur la couverture: A la fête du Jour des élèves de rennes dans le bourg de Tompo (district de Tompo, R. S. S. A., de Yakoutie). Cliché Département du Nord, Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S.

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 12/1-1973 г.	Т-01280	Подписано к печати 23/III-1973 г.	Тираж 2530 экз.
Зак. 5345.	Формат бумаги 70×108/16.	Печ. л. 16,8.	Бум. л. 6
			Уч.-изд. л. 19,4